

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК  
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ  
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

INSTITUTE FOR SCIENTIFIC INFORMATION  
IN SOCIAL SCIENCES

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ  
INSTITUTE OF ECONOMY

РОССИЯ RUSSIA AND  
THE CONTEMPORARY  
И СОВРЕМЕННЫЙ WORLD  
МИР 3(100)

---

В НОМЕРЕ

---

***In This Issue:***

---

***Солдаты в Февральской революции 1917 г.***  
*Soldiers in the February Revolution of 1917*

---

***Россия и Германия: Проблемы  
и перспективы взаимодействия***  
*Russia and Germany: Problems and Perspectives of Cooperation*

---

***Социалистический реализм в советском кино***  
*Socialist Realism in Soviet Cinematography*

---

***Модернизация Тайваня: Опыт для постсоветских  
государств***  
*The Modernization of Taiwan: An Experience for Post-Soviet Countries*

---

**Издается с 1993 г.  
Выходит 4 раза в год**

**МОСКВА  
2018**

УДК 009  
ББК 60(2Рос); 66.4(2Рос); 65.5; 60.5; 63.3(2)  
Р 75  
DOI: 10.31249/rsm/2018.03.00

**ИНИОН РАН  
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ РАН**

Редакционная коллегия:

*В.С. Мирзеханов* – доктор исторических наук, профессор, главный редактор, *В.Н. Бабенко* – доктор исторических наук, профессор, *Л.Н. Верченков* – кандидат философских наук, *И.И. Глебова* – доктор политических наук, *В. Деннингхаус* – доктор исторических наук, профессор Гамбургского университета, *Д.В. Ефременко* – доктор политических наук, *Е.Б. Калоева* – кандидат исторических наук, *О.И. Киянская* – доктор исторических наук, профессор, зам. главного редактора, *Ф. Конт* – доцент Университета Париж 1, Пантеон-Сорбонна, *А.Д. Некипелов* – доктор экономических наук, академик РАН, *Р.М. Нуреев* – доктор экономических наук, профессор, *Т.Г. Пархалина* – кандидат исторических наук, *Ю.С. Пивоваров* – доктор политических наук, академик РАН, *Л.В. Скворцов* – доктор философских наук, профессор, академик МАИ, *Б.А. Хейфец* – доктор экономических наук, *Л.Н. Шанишева* – кандидат философских наук

Ответственный секретарь *А.А. Халатов*  
Ведущий редактор *М.В. Виноградова*  
Художник обложки *Г.И. Козубов*

**Россия и современный мир** = Russia and the contemporary world: Научный журнал / РАН. ИНИОН, Институт экономики; Редкол.: В.С. Мирзеханов (гл. ред.) и др. – М., 2018. – ISSN 1726–5223. – № 3 (100). – 264 с.

ISSN 1726–5223

ББК 60(2Рос); 66.4(2Рос); 65.5; 60.5; 63.3(2)  
УДК 009  
© ИНИОН РАН, 2018

---

**СОДЕРЖАНИЕ**  
**CONTENTS**

**РОССИЯ ВЧЕРА,  
СЕГОДНЯ, ЗАВТРА**

*И. И. Глеб ова*  
*Россия – 1917:*  
*Славная*  
*революция запасных*      **6**

*В. В. Дамье*  
*Русский генерал*  
*и китайские радикалы*      **30**

*М. В. Крото ва*  
*Осмысление революции*  
*1917 г. в среде русской*  
*эмиграции в Китае*      **52**

**РОССИЯ И МИР.  
В XXI ВЕКЕ**

*Ф. О. Трунов*  
*Проблемы и перспективы*  
*взаимодействия ФРГ и РФ*  
*в урегулировании вооруженных*  
*конфликтов на постсоветском*  
*пространстве*      **66**

*Е. А. Крылова*  
*Россия в программах*  
*парламентских партий*  
*ФРГ в 2017 г.*      **86**

*С. А. Бокерия, И. Пеич*  
*Россия и Сербия:*  
*Пути взаимодействия*      **92**

*Л. Б. Вардомский*  
*Состояние и перспективы*  
*взаимных экономических*  
*отношений Беларуси, России*

**RUSSIA YESTERDAY,  
TODAY, TOMORROW**

*I. I. Glebo va*  
*Russia – 1917: The Glorious*  
*Revolution of the Troops*  
*in Reserve*

*V. V. Damier*  
*The Russian General*  
*and Chinese Radicals*

*M. V. Krotova*  
*Understanding the Revolution*  
*of 1917 Among Russian*  
*Emigration in China*

**RUSSIA AND THE WORLD  
IN THE 21<sup>ST</sup> CENTURY**

*F. O. Trunov*  
*The Problems and Perspectives*  
*of Interaction Between Germany*  
*and Russia for the Armed*  
*Conflicts Settlement*  
*in the Post-Soviet Space*

*E. A. Krylova*  
*Russia in the Programs*  
*of the Parliamentary Parties*  
*of Germany in 2017*

*S. A. Bokeriya, I. Pejic*  
*Russia and Serbia:*  
*Ways of Interaction*

*L. B. Vardomsky*  
*The Status and Prospects*  
*of Mutual Economic Relations*  
*Between Belarus, Russia and*

*и Украины в контексте  
их идентичности*

**103**

*Ukraine in the Context  
of Their Identity*

*Г. А. Монусова  
Интеграция иммигрантов  
в России: Уравнение  
со множеством неизвестных*

**118**

*G. A. Monusova  
Integration of Immigrants  
in Russia: An Equation with  
Many Unknowns*

*Б. А. Серекон  
Китайский проект  
«Один пояс – один путь»:  
Проблемы и перспективы  
реализации*

**138**

*B. A. Serekov  
Chinese One Belt, One Way  
Strategy: Problems  
and Perspectives  
of Implementation*

**ФЕНОМЕНОЛОГИЯ  
СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА**

**PHENOMENOLOGY  
OF THE SOVIET SOCIETY**

*П. Чони  
Социал-демократическая  
критика Октябрьской  
революции: М. Горький  
и «Новая жизнь»*

**151**

*P. Cioni  
The Social-Democratic  
Criticism of the October  
Revolution: M. Gorky  
and «Novaya Zhizn»*

*Г. Н. Воронцова  
«Нами убит известный  
атаман Григорьев»:  
К истории гибели одного из  
руководителей повстанческо-  
го движения на Украине в годы  
Гражданской войны*

**164**

*G. N. Vorontsova  
«We Killed the Famous  
Ataman Grigoriev»:  
On the History of Death  
of One of the Leaders of the  
Insurgent Movement in Ukraine  
During the Civil War*

*А. А. Гончаренко  
Фильм братьев Васильевых  
«Чапаев» как произведение  
социалистического реализма:  
По материалам обсуждения  
29 ноября 1934 г.*

**174**

*A. A. Goncharenko  
The Film by the Vasilievs Brothers  
«Chapayev» as the Socialist  
Realism Work: According to the  
Materials of the Discussion  
on November 29, 1934*

**РАЗМЫШЛЕНИЯ,  
СООБЩЕНИЯ,  
КОММЕНТАРИИ**

**REFLECTIONS,  
COMMUNICATIONS,  
COMMENTS**

*М. Р. Деметрадзе  
Модернизация Тайваня  
в правление президента*

*M. R. Demetradze  
Modernization of the Taiwan  
During the Reign of President*

|                                                                                                                            |            |                                                                                                                                    |
|----------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|------------|------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|
| Чан Кайши: Опыт для пост-советских государств                                                                              | <b>181</b> | <i>Chiang Kai-Shek: Lesson for the Post-Soviet States</i>                                                                          |
| Д. А. Добрынин<br>«Международная амнистия»<br>и чехословацкое правозащитное движение 1977–1989 гг.                         | <b>196</b> | <i>D. A. Dobrynin<br/>«Amnesty International»<br/>and the Czechoslovak Human Rights Movement 1977–1989</i>                         |
| И. О. Зайцев<br>Российская информационная кампания в период вооруженного противостояния на востоке Украины в 2014–2015 гг. | <b>213</b> | <i>I. O. Zaytsev<br/>The Russian Information Campaign During the Armed Confrontation in the South-East of Ukraine in 2014–2015</i> |
| Р. М. Мамараяев<br>Политические предпочтения дагестанского электората накануне выборов депутатов в 2016 г.                 | <b>223</b> | <i>R. M. Mamaraev<br/>The Political Preferences of the Dagestani Electorate on the Eve of Elections of Deputies of 2016</i>        |
| А. С. Хворостяная<br>Олимпийские игры: Стратегическое влияние на агентов индустрии моды                                    | <b>230</b> | <i>A. S. Khvorostyanaya<br/>Olympic Games: The Strategic Impact on Agents in the Fashion Industry</i>                              |
| <b><u>ОБЗОРЫ. РЕФЕРАТЫ</u></b>                                                                                             |            | <b><u>REVIEWS. SUMMARIES</u></b>                                                                                                   |
| И. К. Богомолов<br>Жизнь в революции. Городские коммуны и советский социализм, 1917–1932. (Реферат)                        | <b>238</b> | <i>I. K. Bogomolov<br/>Living in the Revolution. Urban Communes &amp; Soviet Socialism, 1917–1932. (Review)</i>                    |
| Ю. В. Чайников<br>За Путина и за шариат. Дагестанские мусульмане о России и исламском государстве. (Реферат)               | <b>247</b> | <i>Yu. V. Tchainikov<br/>For Putin and for Sharia. Dagestan Moslems about Russia and the Islamic State. (Summary)</i>              |

## **РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА**

DOI: 10.31249/rsm/2018.03.01

**И.И. Глебова**

### **РОССИЯ – 1917: СЛАВНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ ЗАПАСНЫХ**

***Аннотация.** В статье речь идет об участии солдат Петроградского гарнизона в событиях Февральской революции 1917 г. Автор анализирует роль армии в жизни императорской России, изменения, принесенные в сознание солдат Первой мировой войной, особенности социального положения и мировосприятия тех из них, которые находились в тылу и в военных действиях не участвовали. Делается вывод о том, что именно положение «запасных» предопределило активную роль солдат в Февральской революции. Кроме того, автор описывает процесс превращения отдельных антиправительственных выступлений солдат в массовый уличный террор.*

***Ключевые слова:** Февральская революция, Петроградский гарнизон, Первая мировая война, крестьянство, В.Б. Шкловский, З.Н. Гиппиус, Б.В. Станкевич.*

Глебова Ирина Игоревна – доктор политических наук,  
руководитель Центра русистических исследований ИНИОН РАН, Москва.  
E-mail: glebova.i.i@yandex.ru

### **I.I. Glebova. Russia – 1917: The Glorious Revolution of the Troops in Reserve**

***Abstract.** The article addresses the fate of the soldiers of the Petrograd garrison in the events of the February revolution of 1917. Analyzing the role of the army in the life of the Imperial Russia, the changes brought about in the minds of the soldiers of the First world war as well as the specific social situation and the attitudes of those soldiers who did not take part in military operations, the author concludes that the position «in reserve» predetermined the active role of soldiers in the February revolution. Also described is the process of turning some anti-government soldiers to the mass street terror.*

***Keywords:** February revolution, Petrograd garrison, the First World War, peasantry, V.B. Shklovsky, Z.N. Hippus, B.V. Stankevich.*

Glebova Irina Igorevna – Doctor of Political Sciences,  
Head of the Center of Russian studies of the Institute  
of Scientific Information on Social Sciences  
of the Russian Academy of Sciences (INION RAN), Moscow.  
E-mail: glebova.i.i@yandex.ru

### Об исследовательской оптике

Русская революция – одно из главных событий нашей истории, определивших ее ток, ее движение. В один ряд с ней можно поставить, пожалуй, только принятие христианства и Петровские реформы; все остальное во многом производно. И хотя в год столетия революции общество не проявило к ней устойчивого, определенного и массового интереса, подсознательное ощущение: в 1917-м произошло что-то действительно важное – было. Правда, связано оно в основном с Октябрем, но это естественно: нынешняя эпоха – инобытие советского, продолжение этой сущности в новых исторических условиях.

Февраль во всех отношениях недооценен. Там – начала русской революции, причем не только хронологические; тогда во многом определились ее движущие силы, содержание и последствия. Поэтому обращение к февральско-мартовским событиям 1917 г. в Петрограде имеет не обычное только значение (еще раз повспоминать, поразбирать – что же случилось), но и более «высокое»: восстановить своего рода историческую справедливость – отдать истории долговое (долг). С этой позиции мне и хотелось бы поговорить о солдатской революции, одном из слагаемых Февраля.

Об этом «эпизоде», вроде бы, все известно, все решено. Историки считают, что солдатский бунт в Петрограде едва ли не был запрограммирован<sup>1</sup>. При этом ответственность за него полностью возлагается на власть: в солдатском вопросе она показала себя столь же неэффективно и неосмотрительно, как и во всех февральских событиях. Просмотрела опасность – была не адекватна ситуации (не «в рост» сложнейшим задачам времени). То есть Февраль и здесь превращается в рассказ о режиме, его просчетах, неумениях, неудачах. Солдаты же в этой истории проходят, скорее, фоном; за ними видится одна, зато справедливая, мотивация: чаша народного терпения переполнилась<sup>2</sup>.

Это, однако, странно: восстание гарнизона, вспыхнувшее 27 февраля, в корне меняло ситуацию в столице. Те, кому полагалось охранять порядок, контролировать улицу, перешли на ее сторону. Солдатских волнений в Первую мировую не удалось избежать ни одной из воевавших армий. Однако

---

1. По разным данным, зимой 1916–1917 гг. в столице было сосредоточено от 150 до 170 тыс. солдат запасных батальонов, а в окрестностях (до Луги и Новгорода включительно) – около 150 тыс. (почти в 2,5 раза больше, чем в мирное время) [см.: 6, с. 294; 19, с. 9; 5, с. 96; 18, с. 328]. Сама избыточность этой массы делала ее неуправляемой и опасной. Кроме того, ее состояние было таково, что она мало годилась для охраны порядка.

2. Пожалуй, лучше всего сказал об этом Лев Троцкий на II Всероссийском съезде Советов: «Восстание народных масс не нуждается в оправдании» [цит. по: 22, с. 290].

в Петрограде они имели характер взрывной, всеобщий и потому фатальный для режима. Ничего похожего (по качеству и последствиям) больше не случилось – ни до, ни после.

Само событие требует от исследователя смены фокуса: сосредоточиться не на власти с ее слабостями, а на восстании – выяснять, не кто проиграл и почему, а *кто* победил и *что* стало результатом победы. Только при такой корректировке оптики можно ответить на главный вопрос Февраля: отчего в результате той славной революции произошла не смена режимов (устаревший и неудачливый, уступил место современному и эффективному), но порядок как таковой проиграл хаосу.

### **Русская армия и мировая война**

Как и в случае с восстанием гражданских масс 23–26 февраля 1917 г., солдатский бунт в столице был достаточно случайным (правда, такого рода внезапности, срывы говорят о явных неполадках в системе)<sup>3</sup>. Но за этой «случайностью» стояли свои обусловленности – не только непосредственные, вызванные войной, но и долгие (исторические), связанные с устройством российской социальности, с ролью в ней армии. Иначе говоря, здесь спрессовалась (выразилась) история. Во многом поэтому эффект оказался столь мощным.

Россия к 1917 г. не была едина не только в этноконфессиональном, но и в социальном отношении: представляла собой «многосоставное» общество – конгломерат разных типов общностей (социальностей). Если характеризовать их максимально общо (т.е. в значительной степени упрощая), можно выделить по крайней мере три: 1) те группы, которые могут быть описаны категорией «сословное общество» (дворянство, бюрократия, купечество, ремесленники, торговцы и проч.)<sup>4</sup>; 2) нарождавшееся в больших городах массовое общество, где все и вся перемешивалось, нивелировалось, где размывались, теряя свою определенность, социальные образования «сословного»

---

3. Начало любой большой истории обычно складывается из массы незначительных событий, вступающих в странные связи, из которых оказывается невозможно выбраться (и в которых трудно разобраться). Это в полной мере относится к Февралю: во многом случайные и поначалу не опасные (не угрожавшие тотально «основам») происшествия, цепляясь одно за другое, создали в Петрограде трагически неразрешимую ситуацию.

4. «Сословие» – в данном случае, конечно, условная категория. Она прежде всего указывает на то, что речь идет не об обществе, а о социальных агломератах, которые не являлись «классами» в классическом политико-экономическом смысле.



типа<sup>5</sup>; 3) parroхиальные общности – это вся многомиллионная русская деревня (для ее жителей и в начале XX в. быть «курскими» означало то, что они не «пскопские», а быть «русскими» – то, что они не «немцы» и не «басурманы») вместе с теми элементами городской жизни, что не переработал (не успел, не успевал перерабатывать) город. Все это многообразие с трудом поддавалось стабилизации / дисциплинированию / управлению, равно как и мобилизации.

Основным институтом, где представители разных общностей встречались, приводились хоть к какому-то общему знаменателю, отчасти солидаризировались, была армия. Для России и в начале XX в. милитарность оставалась интегральной идентичностью, объединявшей поверх национальных, религиозных, культурных, социальных различий, а военная служба – универсальным унификатором и «социализатором»<sup>6</sup>. Особое значение в этом смысле имела «проработка» армией новобранцев-крестьян – просто потому, что деревня была ее основным донором. Но армия не только вовлекала миллионы этих людей в социальную жизнь; там происходила их «вербовка» из parroхиальной (по существу, не-социальной, вне-социальной) культуры в подданническую: подчинения, приказа, строя, иерархии, службы и служения. Иначе говоря, армия создавала возможность формирования массового общества в России как подданнического. В этом смысле являлась опорой царского режима / порядка.

Можно сказать, что армия несла в массы идею государства – если понимать его в определенном смысле. «...Государство есть “организм”, который во имя культуры подчиняет народную жизнь началу дисциплины... дисциплина, в свою очередь, есть основное условие государственной мощи» [21, с. 80]<sup>7</sup>, – писал П.Б. Струве. При этом государство как дисциплинирующую институцию противопоставлял анархическим, хаотическим началам, жившим в народе (так надо понимать его слова: «Дух государственной дисциплины был чужд русской революции») [там же]<sup>8</sup>. Армия и была проводником

5. Под массовым обществом понимается «новый, присущий XX в. тип общественной организации, в котором широкие массы... впервые оказываются вовлеченными в политический процесс в качестве его неактивных субъектов, а не пассивных наблюдателей» [16, с. 606]. В конечном счете это – одно из воплощений городского общества, его метафора. Революция 1917 г. радикально изменила вектор его развития; благодаря ей Россия в XX в. получила принципиально иное массовое общество, чем она могла бы иметь (чем то, что «вычитывалось» из дореволюционной истории).

6. Это в значительной степени следствие исторического своеобразия нашей социальности, в основе которой заложен милитаристский принцип [см.: 11, с. 261–306].

7. 21, с. 80. Заметим: речь у Струве идет о современном государстве: оно не смешивается с носителями власти, одинаково чуждо и революции, и реакции.

8. Собственно, анархические (инстинктивные, разрушительные, разлагающие) начала, возмущающиеся против укрощения государственной дисциплиной и культурой,

дисциплинирующего духа в массовую культуру; давала образец «регулярности», образ «правильного порядка». Этим определялось значение всего, что в ней (с ней) происходило.

В Первую мировую армия в России стала, как и в других воюющих странах, подлинно народной. Это означало, что она систематически, из года в год вбирала в себя российский parroхиализм – почти тотально, без выбраковок и выборок, характерных для мирных времен<sup>9</sup>. Соответствующие типы личности (образы жизни, реакций на внешний мир) война привела в главные тогда места русской жизни – на фронт, в города; сделала их фактом истории. Результат оказался не в пользу армии: она сильно потеряла в способности подчинять, распространять «государственный дух». В ситуации, когда требовалось воевать и некогда было социализировать, армия стала проигрывать массе – не могла «переформатировать» ее под себя (дисциплинировать, мобилизовать). Чем дальше, тем больше ее облик определялся тем, что это – *армия крестьян*: многомиллионных, в основном неграмотных масс, взятых из деревни, с определенной психоментальностью, культурой. Крестьянская армия и жила, и воевала, и размышляла о жизни и войне особым образом.

Принято считать, что главное негативное воздействие Первой мировой на русскую армию, было, как и везде, связано с непониманием задач войны (зачем воюем?)<sup>10</sup>. Это так – но лишь отчасти. Подобная реакция предполагает

---

имеются в любом народе. Что и показал XX век с его массовыми тоталитарными движениями (особенно «впечатляющ», конечно, немецкий опыт – протест народа, столь склонного к дисциплинированию, против европейски-культурного в себе, против государства как цивилизующего начала). Однако на отечественной почве этот конфликт «духов» (государства и революции) выражен ярче всего.

9. В годы войны в России было мобилизовано 19 млн человек, т.е. 11,4% населения (эта цифра сопоставима с Германией – 13,2 млн мобилизованных, а также с совокупными Великобританией и Францией – 11,8 млн) [16, с. 702]. По существу, это целая страна, во многом потерянная для дела мира, созидания, устройства; наш аналог «потерянного поколения». Такая мобилизация есть грандиозный социальный переворот и страшный вызов «государственной мощи» (в том смысле, в котором об этом говорил П.Б. Струве). Создать из такой массы армию очень сложно, если вообще возможно; она плохо обучается, управляется; ее содержание – непосильный груз для страны. Отсюда такое напряжение между фронтом и тылом, ставшее одним из признаков той войны в России.

10. Здесь надо сказать, что проблема формулирования общих военных целей «сама по себе была достаточно сложна и вызывала серьезные противоречия как на межправительственном уровне внутри коалиций, так и в узком кругу руководящих политиков и военных в каждой стране» [16, с. 383]. Решали ее все по-своему, но возможности пропагандистского воздействия везде были ограничены. Ни одна «национальная идея» войны не смогла послужить оправданием гигантских жертв. Вопрос: почему мы воюем? – нигде не имел «достаточного» ответа (не мог иметь).

рефлексию – сознательное отношение к происходящему. А оно было характерно для очень узкой армейской прослойки – прежде всего для офицерства, а также для части солдат, взятых из города, имевших опыт социальной жизни и хоть как-то образованных. Здесь русская армия не отличалась от европейских; в ней жили сознание бессмысленности и ужаса войны, оскорбленность военными неудачами, неподготовленностью, неадекватностью властей и проч. Оттого поднималось и крепло неприятие старых (довоенных – вовлекших в войну) порядков – их лиц, правил, условностей. Из этой среды, сложись все иначе, могло рекрутироваться наше «потерянное поколение».

Что же касается основной массы армии (армии как массы), то для нее абстрактные вопросы о целях и смыслах не представляли особого интереса (такого рода рефлексия для крестьянского типа сознания не характерна). Фронт для крестьян-солдат был еще одной повинностью государству; отбывая ее, они руководствовались традиционными соображениями, миропредставлениями, конкретикой ситуации. Однако они менее всего психологически и культурно были приспособлены к войне того типа, которой явилась Первая мировая. Механизированная война, сопровождавшаяся массовыми анонимными убийствами, превышала их способности к адаптации (возможности быть солдатом – оставаться им во всех случаях)<sup>11</sup>. Солдат-крестьянин дал в Первой мировой такие массовые реакции, которые иначе как разлагающими не назовешь. Главная из них – «убегание»: сдача в плен и особенно дезертирство, принявшее в русской армии какие-то невероятные масштабы. Обычно это списывают на антивоенный протест, но представляется, что мы имеем дело с особым типом существования в войне (ее проживания / преодоления).

«Убегание» предполагало отказ от той идентичности, что требовала война – причем отказ весьма своеобразный. В русской армии бегство с фронта во многих случаях не было окончательным: покинув окопы «для дома», дезертиры частенько возвращались в моменты наступлений. Иначе говоря, это странный случай «условного дезертирства» – временного отказа быть солдатом. Особую склонность к массовой сдаче в плен и массовому же дезертирству русская армия в Первую мировую (как, кстати, и потом, в Гражданскую) проявляла при отступлениях. Она показала себя армией действия, наступательного порыва (действующей – в прямом смысле слова); на нее крайне негативно

---

11. Немецкий публицист М. Бонн писал в 1928 г., что современная война – это не наивно-безотчетное упоение битвой, как во времена легендарных героев, но машина, предприятие по массовому уничтожению людей [см.: 25]. Современные исследователи отмечают, что анонимная технологичность Первой мировой была особенно тяжела для людей традиционного типа [см., напр.: 2, с. 357, 367]. А из таких и состояла в массе своей русская армия.

влияло поведение, не соответствующее *традиционным* представлениям о войне. Эта армия не «умела» отступать – быстро выходила из подчинения, хаотизировалась. Однако в условиях наступления те же самые части становились легко управляемыми, проявляли стойкость в бою [см., напр.: 9, с. 343].

Наконец тяжелейшим испытанием для армии этого типа оказался способ ведения войны, а именно: ее позиционный характер. Первая мировая потребовала долгого окопного сидения; в ситуации же «кто кого пересидит» преимущество было не на русской стороне. Крестьян-солдат мобилизовывала война как работа (ратный труд) – и разлагал окоп. Причем определяющими в этом отношении были не бытовые сложности (хотя русский окоп обеих мировых войн, в отличие, скажем, от немецкого, – не место для жизни; условия существования в нем или очень сложны, или непереносимы); крестьянская жизнь приучила этого солдата быть неприхотливым. По традиционным понятиям, окопное сидение не «считалось» войной – скорее, «сезоном» праздного безделья, сродни зимнему мужицкому «малоделью». Потому окоп, как и отступление, дезорганизовал, «разрегулировал» русскую армию.

В конечном счете эта армия была не хуже и не лучше других; в ней соединялись как военные потенциалы (возможности, преимущества), так и слабости, которые в определенных условиях могли превратиться в риски / угрозы (в том числе общественной безопасности). Главным отрицательным ее качеством была, пожалуй, именно склонность к «разрегулированию» – неспособность в полной мере быть «регулярным войском». Это в значительной степени есть реакция на ослабление дисциплинарно-социализирующих потенциалов («регулярности») армии. В ответ в массах поднимался и укреплялся дух анархической реакции, видевший «исконного врага» в «духе государственной дисциплины». Это было самым опасным из тех влияний, которые могла оказать на Россию мировая война. Что и продемонстрировал случай (cais) петроградских запасных.

### **Петроградские запасные и царская казарма**

Столичный солдатский бунт обычно объясняют протестом против фронта: нежеланием запасных умирать на войне, которая так и не стала Отечественной<sup>12</sup>. По каким-то последним счетам это верно; все петроградское народное

---

*12. 1914-й год не принес единства стране – не дал убеждения: «если Родина в опасности – значит, всем идти на фронт». Несоответствие фронта и тыла имело революционизирующее значение. Особенно остро реагировали на это солдаты, уже побывавшие в действующей армии. – Не случайно они-то первыми и ринулись в революцию. А вот в 1941–1945 гг. советские фронт и тыл удивительно совпадали – по нищете, лишениям, ужасу и страданиям, степени опасности и жертв, которые потребовала война. СССР стал единой зоной сопротивления (фронтом).*

движение было антивоенным – вышло из войны, нацелилось покончить с войной, требовало разрешить социальные проблемы ею вызванные. В то же время февральские события – это *тыловая революция*; вспыхнула в тылу – по тылам и распространялась (из Петрограда перекинулась в Москву, затем в крупные губернские города); на фронте поначалу отозвалась только эхом. И у солдатского протеста были *тыловые* обусловленности.

Военный катастрофизм особым образом прошел через петроградских запасных, вызвав иной, чем у окопников, психологический кризис и слом. Они, конечно, не хотели на фронт, хотя ощущение близости собственной гибели, психологически разрушавшее фронтовиков, им еще не было знакомо. Страх фронта был, так сказать, отвлеченным, не конкретным, что чрезвычайно важно для крестьянской психологии, ментальности (повторю, люди этого типа не реагируют на абстракции). Их недовольства, раздражения, ненависти суть реакции не на будущее, пусть и страшное, но на настоящее, казавшееся невыносимым. Если на фронтовиков главное негативное воздействие оказывал окоп, то на запасных – казарма. В Петрограде ее давление ощущалось особенно остро.

В чем состояло социальное назначение петроградской казармы? – Она должна была превратить запасных в солдат: обеспечить переход этой массы (главным образом, крестьянской) от идентичности мирного времени – к военной, армейской, военной. Тем самым дисциплинировать и мобилизовать, подчинить одному интересу: государственному, объединить вокруг задач войны. Этого не удалось – причем в самом худшем смысле: потеряв одну идентичность, казарменники не обрели другой. Они оказались между мирной жизнью и войной, вне привычных условий существования, традиционных связей, правил и ограничений – *без идентичности*. Этим во многом объясняются и их настрей, и их поведение.

«Питерский солдат тех дней – это недовольный крестьянин или недовольный обыватель, – пишет В.Б. Шкловский, один из “жителей” предреволюционных петроградских казарм. – Эти люди, даже не переодетые в серые шинели, а просто наспех завернутые в них, были сведены в толпы, банды и шайки, называемые запасными батальонами» [24, с. 27]. Здесь, конечно, есть некоторый перебор; все же до Февраля 1917 г. казарменники представляли собой скорее «толпы», чем «банды» и «шайки»; бандитизм – это их будущее. Верно другое: шинель была внешностью, а не сущностью этих людей. Они – не гвардейцы; для них дух гвардии – нечто несуществующее, вне их миропредставлений<sup>13</sup>. Более того, они и не солдаты – не успели, а главное:

13. Пожалуй, главную реакцию на этот «дух» рядовые (солдатская масса) дали после переворота. «В гвардейском корпусе и на Балтийском флоте было сильнее всего недоверие к офицерскому составу», – свидетельствует С.П. Мельгунов [13, с. 331].

*не захотели* ими стать. Тот петроградский запасной, о котором говорит Шкловский, – потенциальный протестант (смутьян, бунтовщик – как Пугачев). В основе его протеста – реакция на казарму, точнее, на утеснение казармой.

Конечно, такая реакция объяснима. Казарма – наиболее последовательная, крайняя метафора порядка<sup>14</sup>. Она навязывала своим временным жителям строй жизни, им совершенно непривычный и чуждый. В казарме призывники впервые оказались встроены в систему военной иерархии. Ее сущность – дисциплина; казарма требовала подчинения – вгоняла человека в жесткую форму (форматировала под солдата), «впрягала» в службу<sup>15</sup>. Но, утесняя и воспитывая, казарма не привлекала к реальному, конкретному делу – тому, к которому призвали: к войне. Призывники не воспринимали казарму как место подготовки к фронту (НВП); да она, по большей части, и не давала этого навыка – воевать учились на передовой. Казарма представлялась им, скорее, остановкой по пути на фронт, чем началом фронтовой жизни. В этом смысле они полагали за казармой еще меньше прав на себя, чем за окопом.

---

*Гвардию революционный солдат считал гнездом контрреволюции, офицеров – воплощением «старорежимного духа».*

14. Здесь требование подчинения чуждой воле ничем не стеснено; этим она выводила из себя даже своих постоянных жителей (профессиональных военных) – причем во все времена. Вот что, к примеру, о «синдроме» петербургской гвардейской казармы XIX в. пишет Ю.М. Лотман: «...чем строже организован быт (например, столичный гвардейский быт во времена Константина Павловича), тем привлекательнее самые крайние формы бытового бунта. В эпоху Александра I, когда гвардия пользовалась относительной свободой поведения, в гвардейской казарме не только пили шампанское, но и читали Адама Смита и Бенжамена Констан. При Николае I и Константине Павловиче зажатая в строгие оковы дисциплины гвардейская казарма одновременно сделалась рассадником пороков и извращений. Солдатская скованность компенсировалась диким разгулом» [12, с. 278]. И это – гвардейцы из высшего общества! Иначе говоря, деструкция – в общем-то типичная реакция на казарму. Правда, гвардейцы из света реагировали разгулом на строгость, даже ожесточенность казармы. Гвардейцы же из простонародья были ожесточены против казармы, в основном не практиковавшей насилия. Это кажется характерной реакцией: она раскрывает характер гвардейца-крестьянина, гвардейца-мещанина.

15. То, настолько это раздражало казарменников, как восстанавливало против начальства, стало понятно уже после революции. «Стремление поддержать дисциплину и является основным мотивом в обвинениях “высшего офицерства” в контрреволюционности», – отмечал С.П. Мельгунов [13, с. 329]. Все, что ограничивало солдат, ставило их в зависимость от чуждой воли – а это и была дисциплина, – воспринималась в штыки. Революция запасных и была против дисциплины – против государства как дисциплинирующей инстанции и его уполномоченных, ближайшими из которых являлись для них офицеры.

Призывник разошелся с казармой по главному вопросу: он не видел за ней правды. Казарма слишком много запрещала – и запрещала, с точки зрения казарменников, бесосновательно. Сидение в ней казалось им бессмысленным («пустым») и несправедливым. Потому казарма так тяжело, озлобляюще на них действовала<sup>16</sup>. Вот что вспоминал о солдатских настроениях предреволюционных дней В.Б. Шкловский. Хотя он и находился на привилегированном солдатском положении (как инструктор Запасного броневого автомобильного дивизиона), у него осталось ощущение «страшного гнета»: «Может быть, это ребячество, но я уверен, что сидение без отпуска в казармах, где забранные и оторванные от дела люди гноились без всякого дела на нарах, казарменная тоска, темное томление и злоба солдат на то, что за ними охотились на улицах, – все это больше революционизировало петербургский гарнизон, чем постоянные военные неудачи и упорные, всеобщие толки об “измене”» [24, с. 25]. Людям хотелось разрядки; казарма, «не умея» регулировать этот «перегрев», не позволяла выпустить скопившуюся негативную энергию.

Петроградские запасные реагировали на утеснения в основном двумя способами: «уклонением» (от «дисциплинарного гона» казармы)<sup>17</sup> и «убеганием»<sup>18</sup>. А бежать было куда. Им выпал единственный в своем роде шанс: побывать в столице. На людей, к городу не привычных, Петроград производил двойное впечатление; он давил сложностью, непонятностью (как нечто чуждое), раздражал своим тыловым видом (а им-то – на фронт)<sup>19</sup> – и в то же

16. Анализируя причины отчужденности и враждебности после революции солдат и офицеров, среди которых было немало социалистов и либералов, современные исследователи предположили: крестьяне и рабочие рассматривали службу как возвращение крепостничества [см.: 27, с. 36–56]. Надо сказать, так воспринимались любые попытки государственного вторжения во внутреннюю жизнь народа (призывы, налоги, реформы и проч.). Видимо, и казарма представлялась казарменникам именно формой закрепощения, причем тыловой – а значит, уже совершенно несправедливой.

17. Речь идет о безразличии к службе, плохом несении службы. Это – сродни «волынке», широко применявшейся рабочими на заводах, когда они и от работы не отказывались, но и работать не работали. Подобные формы протеста (против помещика, местного начальства, любой власти – царской, февральской, советской) широко практиковали и крестьяне.

18. То есть протест против казармы был подобен реакции солдат на действующую армию – дезертирству (его массовость, кроме прочего, свидетельствовала о слабости наказания за это военное преступление).

19. Многие фиксировали, что этот город действовал на призывников развращающе: «глазам солдат открывалась разгульная картина тыла с его бесчисленными соблазнами, бурлившей ночной жизнью, повальным развратом общественных организаций, наглой, бьющей в глаза роскошью, созданной на крови» ([10, с. 714]; см. также: [26, с. 138–139]). Город не был таким (точнее, он был очень разным), но казар-

время манил. Его хотелось изучать – попробовать этой незнакомой жизни. Но между ними и городом стояла казарма с ее запретами. Петроградская улица обещала им невиданные приключения; казарма от них изолировала. Поэтому и шли они в город в основном как нарушители – порядка, правил (асоциальный элемент).

В приведенной цитате из «Сентиментального путешествия» цепляет пассаж об «охоте» на солдат. Кажется, одно только это может объяснить и оправдать их «революцию». Однако, как поясняет сам автор, «охота» имела причину: уходя из казарм (в самоволку. – В. Б. вспоминает о «воровских пробежках» по улицам после 8 часов вечера), солдаты переполняли вагоны трамваев и отказывались платить за проезд. Начальство высылало военные патрули, которые ловили «вольнопутешествующих» («загоняли во дворы, набивали комендантство»), а «солдатская масса... отвечала... глухим озлобленным саботажем» [24, с. 25]. А тут еще, готовясь противодействовать январско-февральским протестам, запасных и вовсе заперли в казармах – запретили увольнения [7, с. 460]. Лишение «прогулок» (возможности «побегать») воспринималось как самое страшное наказание. Результатом и стала «война», еще до революции превратившая, как писал Шкловский, город в «военный лагерь».

Все это поражает своей неадекватностью: что за повод для войны – трамвай? Откуда столько претензий у людей, пришедших в основном из деревни, убогой и скудной всем, в том числе и событиями? Солдатский «саботаж» кажется какой-то игрой – напоминает подростковый протест против воли родителей: те вгоняют в какие-то рамки, утесняют запретами, а вчерашние дети, вдруг ощутившие свою самость, рвутся «за флажки», отвергают и опровергают<sup>20</sup>. Однако, с точки зрения казарменников, эта «партизанщина» была оправданна – причем по высшим счетам.

Тыловое существование крестьянин, оторванный и от обычной работы, и от ратного труда, полагал праздным. В крестьянском же мировосприятии труд и праздность четко разграничены. Праздности должны сопутствовать хотя бы элементарные радости и развлечения (какие-то атрибуты праздника).

---

*менники, видимо, именно так (с негативной точки зрения) его воспринимали. В основном потому, что Петроград относился к ним как к чему-то внешнему, для городской жизни малосущественному; не принимая, игнорировал.*

*20. Тут вспоминается «Республика Шкид»: ее «жители», не желая подчиняться режиму (в знак протеста), а также из интереса к улице постоянно практиковали «убегание». Перевод на «осадное положение» (запрет выходить в город) вызвал бунт; учащиеся превратились в орду. Началась расправа над учителями (под лозунгом «бей халдеев!»); наиболее предприимчивые и практичные устроили разгром на кухне (поживились, чем могли). Это просто сценарий петроградской «революции» запасных.*



Да и в конце концов право погулять давало запасным ожидание фронта: в традиционной культуре переход от мирной жизни к войне – своего рода ритуал; он требовал определенной процедуры, нарушение которой могло быть опротестовано<sup>21</sup>. Вот и устраивали себе петроградские солдатики самовольные праздники (а катание в трамвае для людей, которым этот вид транспорта внове, – немалое приключение<sup>22</sup>); наказание же воспринимали как еще одно нарушение «прав».

Петроградские запасные находились в конфликте с городом, с казармой, с существующим порядком. Те требовали от них того, чем они не желали быть: смирными казарменными сидельцами, ожидающими фронта. Запасные же хотели, чтобы начальство не утесняло, сняло запрет на Петроград, признало за ними право на праздность / праздник (хотя бы на временный загул). Да и вообще, желали быть «вольноопределяющимися» – но на свой лад: жить по своей воле (захочу – погуляю, захочу – вернусь в казарму). Этот тип – альтернатива тому образу солдата, на котором строилась казарма (как армейский, государственный институт). И «грезил» он о такой казарме, которая служила бы перевалочным пунктом для его «кочевий»: месте, где можно подкормиться, отоспаться. То есть его идеал альтернативен этой институции.

Вот характерное замечание из рассказа Шкловского о предреволюционном казарменном житье-бытье его бронедивизиона: «Нашего начальника капитана Соколихина все любили за то, что он *не тянул команду* (выделено мною. – И. Г.) и исправно хлопотал о ботинках для нее» [24, с. 35]. Этот солдатский «образец» командира: не давит дисциплиной, заботится (попечительствует о «своих») – просто пара к идеалу вольноопределяющегося. Чем больше начальство радело о казарменном порядке, формула которого – «приказ / подчинение», тем менее оно было популярно.

Показательно: петроградские казарменники были особенно возбуждены против полиции (хотя что им, вчерашним крестьянам и мещанам, эта полиция?; где они, особенно деревенские, успели ее узнать – да еще с плохой стороны?). «А на полицию сердились давно, главным образом, за то, что она была освобождена от службы на фронте, – пишет Шкловский. – Помню, недели за две до революции мы, идя командой (приблизительно человек в двести),

21. Еще в 1914 г. в некоторых провинциальных городах имели место бунты призывников. Их называют антивоенными, однако чаще всего они были вызваны закрытием винных магазинов и кабаков [16, с. 362; 4, с. 287]. Запрет продажи спиртного призывники воспринимали как покушение на вековой обычай – и бунтовали.

22. Петроградская «трамвайная война» была вовсе не уникальна. Еще в 1914 г. в Екатеринославе, к примеру, запасные, возмущенные запретом бесплатного проезда в трамвае, «взяли штурмом вагоны, повыкидали городских и навели панику на полицию» [см.: 4, с. 287]. Их намерение понятно: если гулять (после дома, перед фронтом), то не пешком, а на трамвае – массово и даром.

улюлюкали на отряд городских и кричали «Фараоны, фараоны!»» [см.: 24, с. 28].

Эта популярная в войну идея: фараонов – на фронт! – реализовалась после Февраля, однако ненавидели полицию не за «дислокацию» (за то, что она – в тылу), а за принадлежность к порядку. В этой ненависти ярче всего проявились возбуждение против любого начальства, стоявшего над казарменником, настрой на расправу с «утеснителями».

### **Революция как воображаемый проект**

Влияние и Петрограда, и петроградской казармы оказалось для запасных в основном негативным по своим последствиям. Эта жизнь выбирала в них те качества, которые делали их малоприспособленными для охраны порядка – более того, опасными для него<sup>23</sup>. Долг, Родина, «за что воюем» – были за пределами их интересов, желаний, умонастроений даже больше, чем у фронтовиков. Они еще подчинялись, но нехотя; всячески сопротивлялись «осолдачиванию», т.е. дисциплинирующему воздействию казармы. Если у призывников и была какая-то идентичность (точнее, склонность к какой-то идентификации), то пассивно-бунтовская: смесь недовольства (всем) / раздражения (на все) с полнейшим безразличием к службе.

Нежелание быть солдатом, стремление «разрегулировать» казарму, это ближайшее воплощение «регулярности» (армии, государства), – главное в петроградском запасном образца февраля 1917 г. Его вела смутная потребность выйти из подчинения, «тряхнуть» весь этот порядок (казарменную дисциплину, городские благополучие и устроенность) – встряхнуться самому. В.Б. Шкловскому канун восстания запомнился «мечтательными разговорами инструкторов-шоферов, что хорошо было бы угнать броневик, пострелять в полицию... Очевидно, у людей еще не было уверенности в том, что можно опрокинуть старый строй, хотели только пошуметь» [24, с. 27–28]. Вот он, общий интерес петроградской казармы: шумнуть, пострелять. За этим – не просто желание заявить о себе (показать себя, бросить вызов), но и нечто большее.

---

23. Такие гвардейские казармы – вызов и угроза Петербургу, помещенная в самое его сердце. И это вовсе не метафора. В начале XX в. Петербург оставался единственной европейской столицей, где в центре еще имелись казармы [см. об этом: 3, с. 49; 23, с. 312]. Во время восстания эта топография приобрела политическое значение.

В феврале 1917 г. речь вовсе не шла о демократизации казармы<sup>24</sup>, но об анархической, «регрессирующей» реакции на нее, имевшей едва ли не всеобщий характер. Массам людей, собранным в петроградских казармах, надоел порядок. Дело не в том, плох он был или хорош; они в принципе были против него: он их ограничивал, сдерживал, раздражал – хотелось беспорядка. Нелучайно все они толковали о будущей революции: при отсутствии «партийной агитации», вспоминал Шкловский, «все же революция была как-то решена – знали, что она будет, думали, что разразится после войны» [24, с. 26]. В кануны «происшествия» толки о революции шли по всему Петрограду, но за солдатскими разговорами стояли, пожалуй, самые упорные, интенсивные и кровавые намерения: переменить – начальство, порядки, жизнь.

Ничего общего с высотой порыва: «перемен!.. мы ждем перемен!», «за нашу и вашу свободу!» – здесь не было. Симптоматично, что разрядка виделась запасным той или иной формой бандитизма – угонами, захватами, самоуправством, обязательными жертвами. В мечтах они противопоставляли себя порядку, терроризировали тех, кто его символизировал, охранял. Иначе говоря, еще до «происшествия» петроградские солдатики жаждали самоутверждения «по-пугачевски» (петроградский запасной – человек плохих намерений, «расхотевший» быть «хорошим»: подданным, солдатом). Способы были определены, жертвы намечены. Все это – смутно, почти бессознательно, без особых надежд на осуществление. Казарменники сами не верили, что могут сорвать в бунт.

Подчеркнем: за революционным настроением петроградских запасных стояло не просто противоречие между казарменником и казармой, призывником и войной. Это – энергия традиционного хаоса («тлеющая тоска» по хаосу), которая искала выхода. Так действовали хаотические начала русской истории, столетиями укрощавшиеся силами государства; так начиналась борьба между порядком и силами распада, которые хотели возобладать<sup>25</sup>. Через

24. Хотя и говорят, что в армии (как и в сумасшедшем доме) демократии не бывает, процесс демократизации в XX в. проник и сюда. После Второй мировой войны демократизировались все армии современного мира – чтобы совпасть с обществом, соответствовать ему. Процессу демократизации подверглась и казарма; для нее были «придуманы» разные разрядки.

25. Пожалуй, именно тяга к анархическому самоосуществлению (кочевой инстинкт к воле – без форм, границ, обязательств, вне сковывающей воли государства) и отличает русский народ от других европейских народов. Эта тяга историческая – обусловлена природой, географией (об этом сказано, что Россия – страна, которая постоянно колонизируется; что русский народ – жидкий элемент русской истории и т.п.). Кочевой инстинкт, приглушенный столетиями оседлой жизни / крепостного права, «восстал» в эпоху Освобождения. Демографический взрыв и перенаселение в деревне, капитализм и массовая индустрия придали этой исконной народной тяге

запасных тяга к беспорядку / вольнице / безначалию проявлялась сильнее всего; они ведь находились внутри порядка, укрощались им. Пока порядок держался, эта адская смесь оставалась втуне, прорываясь лишь отдельными безобразиями. Однако массовость этого вызова и тогда ставила порядок под вопрос; это – против его природы, опасно для любых форм жизнеустройства. В восстании все мутные образы, инстинктивные реакции (внутренняя муть / смута) вышли наружу – рванули.

Порядок же (петроградская казарма) не располагал силами для «исправления» запасных, для жесткого дисциплинарного давления. И дело тут было даже не в количестве офицеров на одного солдата (хотя и это важно: для подчинения казармы их было слишком мало)<sup>26</sup>, а в их качестве: они тоже чувствовали себя запасными, тыловыми. И хотя слова «долг» и «приказ» не были для них пустыми, они тоже смотрели на казарму с демобилизационной точки зрения: как на отпуск, отдых от передовой. В то время, которое требовало «ужатий» / «ужесточения» («напряжения» порядка), казарма качнулась к ослаблению. Как и вся русская дореволюционная армия, она вовсе не была тюрьмой<sup>27</sup>: не поглощала человека тотально (хотя тотальная война требовала именно такого: полностью милитаризованного – солдата, значит, казарме следовало моделировать именно такой тип личности), не отбирала у него последней свободы, не вменяла ему – без разбора и скидок – военно-полицейский режим (притом что входила в число наиболее «режимных объектов»).

Казарма не могла запугать, да и не ставила себе такой задачи. Зачем «зажимать» людей в тылу – ведь впереди передовая, ужас, смерть. (Таким был весь «никolaевский режим»; способность терроризировать, подчинять репрессией не была его сильной стороной.) В петроградской казарме зимой 1917 г. сошлись нежелание подчиняться и нежелание подчинять («тянуть команду», «напрягать» свою власть). В ней самой было мало «регулярности».

---

*новые живительные силы; в Мировую войну и революцию эти процессы приняли характер тектонического сдвига. Собственно, революция и явилась формой расковывания этих сил.*

*26. На одного офицера в петроградских казармах приходилось приблизительно по 200 солдат [6, с. 294].*

*27. Тот же Шкловский свидетельствует, что условия существования в ней были относительно свободными. Часовые и дежурные плохо охраняли казармы – пропускали своих товарищей на улицу. Когда в городе начала ощущаться «недостача хлеба» («Продовольствие города все ухудшалось, по тогдашним меркам оно стало плохо», – фиксирует Шкловский (выделено мною. – И. Г.) и появились хвосты, солдаты взялись продавать хлеб. В казармах исчезли корки и куски, составлявшие – вместе с «кислым запахом неволи» – их «местные знаки» [24, с. 27].*

Этот «настрой», это состояние и выражались через офицеров<sup>28</sup>. Такая казарма еще могла держать в повиновении, но сделать из запасных опору порядка была уже неспособна<sup>29</sup>. Доказательством тому служит сам факт мятежа: из жестоко подавляющей, репрессирующей за малейшие ослушания казармы революционеры не выходят.

Вся история петроградских запасных (*февралистов из «низов», смутных и бессознательных*) – о том, как удивительно рождаются революции, из каких совершенно неожиданных социоисторических, психоментальных, культурных «посылок» они вырастают, отчего в них бросаются люди. И в то же время – о том, что революции <всегда> *возможны, но вовсе не обязательны*. Парадокс: не выйди на улицы рабочие (именно тогда, в конце февраля – в канун наступления, обещавшего быть последним, победным), не подними они в городе такую бурю, запасные имели все шансы стать фронтовиками, а не бунтовщиками. Однако ситуация петроградского восстания предоставила им новые возможности для самовыражения: позволила им, наконец, стать «плохими» (не «солдатиками», а «солдатней»), предъявить себя в таком качестве – казарме, городу, истории.

Восстание сделало то, на что оказалась неспособна казарма: мобилизовало запасных. Здесь они и обрели идентичность: по факту – «пугачевцев», в «официозе» Февраля – солдат (гвардии) революции.

### **Восстание:**

#### **От солдатиков – к солдатне**

Кажется, солдатский протест объяснен и оправдан в одной небольшой зарисовке З.Н. Гиппиус. Жаркий июль 1916 г. – в один из вечеров они с Д.С. Мережковским стояли на балконе. «Долго-долго. Справа, из-за угла огибая решетку Таврического сада, выходили стройные серые четырехугольники солдат, стройно и мерно, двигались, в равном расстоянии друг от друга, – по прямой, как стрела, Сергиевской – в пылающее закатным огнем небо.

28. Не случайно в момент восстания они в основном просто уйдут из команд. Это «неучастие офицерского состава в движении 27-го» вызовет «обострения между командным составом и солдатской массой» [13, с. 43]. Разрядит напряжение Приказ № 1, ограничив офицеров в правах, сделав из них «лишенцев».

29. Надо сказать, более всего запасных держали в казарме не административно-репрессивные меры, а привычка (привычность порядка) и жизненные необходимости: это единственное место в Петрограде, где им были обеспечены приют и питание. Что же касается офицеров, то для них все порывы нижних чинов были внове; видимо, само появление у них «желаний» офицерам казалось странным, неестественным, – они не знали, как с этим работать.

Они шли гулко и пели. Все одну и ту же, одну и ту же песню. Дальние, влево, уже почти не видные были, тонули в злости, а справа все лились, лились новые, выплывали стройными колоннами из-за сада.

*Прощайте, родные,  
Прощайте, друзья,  
Прощай, дорогая  
Невеста моя...*

Так и не было конца этому прощанию, не было конца этому серому потоку. Сколько их! До сих пор идут. До сих пор поют» [8, с. 423–424].

Солдатики. Все наше сочувствие – на их стороне. Но, поразительным образом, с 27 февраля 1917 г. им уже не хочется сочувствовать...

Путь в восстание солдатики нашли скоро и самостоятельно (без внешних влияний). С начала 1917 г. в казарму проникали слухи о том, что «рабочие собираются выступить». Но триггером бунта стал сам факт выступления; встретившись с открытым, упорным, массовым протестом, многие казарменники «узнали», что он вообще возможен. И хотя у «полукрестьянской, полумещанской солдатской массы» было мало связей с рабочими, «все обстоятельства складывались так, что создавали возможность некоторой детонации» [24, с. 26, 27]. Военный мятеж: против казармы, офицеров, сухого закона, войны – инстинктивно был направлен против существующего порядка; в этом его сцепка с рабочим восстанием.

Поначалу все не было фатально – зная мятежа подняли лишь некоторые части петроградского гарнизона. Они, однако, дали другим альтернативу: быть с ними («стоять за народ») или не рисковать – оставаться в казарме. И те, вслед за «первопроходцами», стали самоопределяться. Причем в обоих случаях аргументация была одна: «мы ничего, мы как другие». Иначе говоря, восстание запасных очень похоже на то, как бунтовала деревня: всей общиной (здесь выбор при тех или иных колебаниях – всегда в пользу большинства), зачинщики – самые зажиточные (лучшие крестьяне); даже громя, восставшие ощущали себя правыми. Более того, именно «погром» оправдывал их действия.

В течение дня 27 февраля восстание – через «снятия» (других полков) и «братания» (с рабочими) – распространялось по гарнизону. К вечеру из 160 тыс. солдат половина бунтовала, а другая сохраняла «нейтралитет» [14, с. 312]. Движение приняло перманентный характер, не прекращаясь даже ночью. Вот когда петроградские запасные действительно стали угрозой общественной безопасности, а способность порядка защищаться приобрела

решающее значение. Проблема, однако, состояла в том, что защищаться следовало от тех, кто и должен был защищать<sup>30</sup>. В городе, конечно, возникла ситуация противостояния: солдат бунтующих – и подчинявшихся командирам. Появились очаги внутренней войны – сопротивления мятежу, борьбы мятежников с «оставшимися верными». Однако единым пространством войны Петроград не стал.

Эффект же восстания запасных был такой же, как у рабочего движения 23–26 февраля: ощущение беспорядков, да и сам беспорядок в столице достигли критических значений. Высокие мотивы: не стрелять в народ, поддерживать рабочих – у массы, покинувшей казарму, изначально не были главными (только сопутствующими) и быстро ушли на периферию. Рванув на волю, казарменники «отформатировали» петроградское «восстание масс» в окончательно погромном духе. То есть способствовали укреплению именно этого его качества: погром / неподчинение / анархия / дезертирство [13, с. 24]. Солдаты действовали в соответствии со слепой бунтовской логикой: бессмысленно и беспощадно. Тогда и начался массовый уличный террор против полицейских и офицеров, экспроприации и пьяные безумства.

Вот только несколько свидетельств о славной революции запасных 27 февраля – 3 марта 1917 г. в Петрограде: «Испуганные обыватели бегут по всем улицам... Солдаты попеременно с народом строят баррикаду... Бой идет во всем городе... Ни один фонарь не горит... Задерживает какая-то свалка между солдатами... Солдаты в бешенстве кричат, воют, дерутся на площади» [15, с. 341, 343–344]. По Петрограду бродили «отдельные солдаты и шайки», «стреляя прохожих, обезоруживая офицеров» [17, с. 58]. Творилось «что-то нелепое, неудержимое»: «...много пьяных солдат, отбившихся от своих частей... Солдаты то арестуют офицеров, то освобождают, очевидно, сами не знают, что нужно делать, и чего они хотят. На улице отношение к офицерам прямо враждебное» [8, с. 463, 469]. 27 февраля, когда восстание вспыхнуло в окрестностях Петрограда, «царскосельский гарнизон грабил трактирные заведения»; встречая маршевые роты, подошедшие из Новгородской губернии, с корзинами яств и напитков, спаивал эти части [17, с. 48, 65]. Русский бунт – короткий миг свободы, чудесный погромный праздник, соединивший «народную расправу» и всеобщий запой.

В те несколько дней сбылись мечты казарменников: они и пошумели, и погуляли. Дореволюционное хулиганство в разных формах сменил настоящий бандитизм; запасные превратились в «банды» и «шайки» – в банд-

30. Военные называют это состоянием стратегической внезапности: одна из противодействующих сторон вдруг оказывается в заведомо проигрышном положении.

формирования (в повстанцев, «зеленых»)<sup>31</sup>. Еще несколько дней такой «кровавой схватки с царизмом», и обыватель затосковал бы о городском. Такому массовому всплеску инстинктов, агрессии, негативных эмоций нельзя противостоять; справиться с ним не мог бы ни один порядок. Потом, когда победившую революцию стали романтизировать и героизировать, об *этом* не вспоминали, забыли. А ведь понятно было, что так просто все не пройдет. Подобного рода «происшествия» приводят к разрушению каких-то важных соответствий, гармонизаций, разрешений и запретов, благодаря которым и возможна жизнь. А тогда это грянуло в особо крупных, варварских размерах.

Однако при всей силе солдатского анархического взрыва его перспективы были самыми неопределенными; иначе говоря, он не был обречен на успех. А солдаты не имели – да и не могли иметь – «политических расчетов», т.е. не стремились стать опорой каких-то политических сил. Они никого не знали, никому не доверяли; во всех внешних силах видели угрозу. Б.В. Станкевич, офицер, социалист, рассказывал, как утром 27-го он «пытался толпу солдат, ворвавшуюся в школу прапорщиков на Кирочной и вооружившуюся там винтовками, убедить идти к Государственной Думе и как его слова были встречены недоверием: “Не заманивают ли в западню”» [13, с. 41]. В солдатском движении было мало сознательного; его единственный смысл – в самом движении (солдаты металась по городу – как пешком, так и на захваченных автомобилях, грузовиках и проч.), в неповиновении, в нарушении порядка.

В конечном счете у восстания петроградских вооруженных масс – короткий маршрут: не в географическом отношении, а в смысле перспектив. Это маршрут одного дня: «шумнуть». По наблюдениям В.Б. Шкловского, «большинство... <запасных> воспользовалось революцией как *неожиданным отпуском*» [24, с. 36]. Если бы дело ограничилось только этим, и их судьбы, и судьба страны сложились бы по-другому. Они не могли не быть болезненными, наверное, трагическими (впереди были бы война, смерти, послевоенное безвременье), но это не привело бы к окончательному решению всех тогдашних вопросов: ликвидации всего старого – во имя всего нового. Однако маленький петроградский взрыв оказался только запалом для русской революции, т.е. для восстания масс в общероссийском масштабе. Они превратили армию «в бич для населения и в угрозу самим основам государства» [20, с. 58].

---

31. Петроградская революция покончила с регулярной армией (поначалу в столице) и дала «зачин» повстанческой. Эти два типа армий и действовали в Гражданскую войну.



**P.S.: От истории – к постистории**

Великая война вызвала почти во всех воевавших странах два прямо противоположных движения. Одно выразило себя в литературе «потерянного поколения». Антивоенное, гуманистическое, оно потом выведет Запад (в широком смысле) из того тупика (политического, социально-экономического, культурно-ментального), в который он попал, втянувшись в Первую мировую (позволив себе этот срыв). Другое было варварским, плебейским, антикультурным, хотя его вожди (Муссолини, Гитлер, Салазар, Франко) и апеллировали к классическим канонам, национальным традициям.

«Десятки миллионов людей, вырванных из мирной жизни и брошенных в кромешный ад взаимного уничтожения, испытывали невероятную эмоциональную (негативную) нагрузку, разрушавшую сложившиеся прежде стереотипы поведения и нравственные ценности, – отмечают исследователи. – Общим вектором перемен становилась радикализация сознания масс, крушение представлений о дозволенном и недозволенном, усиление ментальной готовности к поиску врага и применению силы в мирной, послевоенной жизни. Этот тренд в массовом сознании создавал благоприятную почву для развития тоталитарной тенденции – ключевого политического феномена 1920–1930-х годов, – ибо способствовал бурному распространению, особенно в первые послевоенные годы, леворадикальных и правозэкстремистских течений в европейских странах» [16, с. 598].

Этим движениям, принявшим массовый характер, была абсолютно чужда культура больших европейских городов, свобода и ответственность (свобода как ответственность). Они не знали (не хотели знать) Фрейда, Пруста, Джойса; редуцировали новую, современную жизнь к биологии и псевдосакральным текстам. В этих движениях разнуздались темная, антигуманная природа человека, раздраженная и возбужденная мировой бойней. Они и привели к дегуманизации, падению культуры. А их двигателем выступали фронтовики – люди войны, не находившие себя в мирной жизни, оскорбленные ею, жаждавшие реванша (внутреннего, социального, и внешнего, национального).

Русская революция стала первым и крайним выражением этого важнейшего социокультурного сдвига. Она лишь фактически вышла из войны; содержательно – из того социального переворота, в который вовлеклась царская Россия в 60-е годы XIX в.: явилась ответом на интенсивную индустриализацию, урбанизацию, «столыпинское» обновление деревни – в протест против них. Не случайно место ее рождения – массовое производство и массовая армия (т.е. современные социальные формы). Символично также, что в ее авангарде шли запасные, дезертиры – люди, вырванные из нормальной социальной жизни, не обремененные ни фронтовыми, ни тыловыми обязательствами, правилами, условностями.

Как Петербург в начале XX в. стал лабораторией современности (см. об этом работы К. Шлегеля), так петроградская казарма зимой 1916–1917 гг. в силу разных обстоятельств превратилась в лабораторию народной революции. В ней возобладал особый тип массовой личности: склонный к простейшим социальным решениям, понимавший только язык насилия, подозрительный и враждебный ко всему непонятному, культурно чуждому (чуждым), озлобленный против существующих порядков, инстинктивно не принимавший морали, устоев, ценностей городской, буржуазной, европеизированной (современной) цивилизации. Примитивно понимая справедливость и равенство, этот массовый человек сделал из них фетиш; его главная тема – социальный реванш<sup>32</sup>.

Желая получить все и сразу, этот стихийный революционер (по призванию и случаю) легко заражался демагогическими лозунгами, обещаниями, мифами – всем тем леворадикальным тоталитаризмом, который воплощал в себе большевизм. Именно здесь – истоки большевизации послефевральской России, превращения большевизма в социальное явление, в историческую судьбу народа. Большевистским ответом революционному солдату-бунтарю 1917–1921 гг. явилась в 30-е личность военно-спортивного типа (определение Н.А. Бердяева): отличный солдат, хороший подданный. Одним из мест его воспитания стала советская (военно-спортивная) казарма, исключавшая анархические порывы и бунтовские эксцессы. Иначе говоря, использовав для своей революции энергию стихийного почвенного «тоталитаризма», большевики «пересоздали» его – дали организацию, снабдили формой (в данном случае это не только метафора), подчинили, сделали управляемым.

Что же касается петроградского восстания масс, военизированных и гражданских, то оно по своей природе было не столько социальным, сколько биологическим (инстинктивным, «психическим»). Поэтому не имело никаких ограничителей – религиозных, государственных, правовых (не принимало их во внимание). Это продолжение пугачевщины – в пушкинском смысле, т.е. явление антикультурное. И важно оно даже не само по себе (как история – наше прошлое), а своими последствиями.

---

32. Н.Н. Алексеев писал, что в 1917 г. победила демократия прямая, первобытная, кочевая, политически аморфная, полуанархическая, в которой воплотились идеалы русской вольницы, казацкого «вольного товарищества» [1, с. 101, 107]. Для нее характерны «произвол массы и несправедливость личности», поэтому она легко соединялась с диктатурой. Иначе говоря, в русской революции возобладали идеи демократии, диктатуры (демократуры) и социальной справедливости или, говоря языком Якова Гальмона, «тоталитарная демократия». Тоталитарный режим стал оформлением тотальной воли, тоталитарных чувствований масс.

Одним из главных открытий XX в. стала идея расщепления ядерного ядра, подтвержденная затем практически, опытно. Русская революция, начало которой положил бунт запасных, есть социальный аналог этого процесса. Говорят, Чернобыль отравил огромные территории на столетия вперед. Столь же мощными оказались эффекты нашей революции. Подобно природе, впитавшей в себя чернобыльскую радиацию, от нее пострадала и природа человека (кстати, не только русского). Она показала безграничные возможности (безграничность возможностей) убийства, лжи, предательства; далеко продвинула его по пути дегуманизации, дехристианизации<sup>33</sup>.

Возможности дезактивации оказались крайне ограничены. Что и демонстрирует наше время. Поразительно: после оттепели и десятилетий послесталинского экономического, морального, культурного восстановления, нормализации жизни человека и общества (т.е. преодоления революционной радиации), перестройки, открытого общества 90-х главная тема социальной повестки – ретоталитаризация<sup>34</sup>. Опять торжествующие милитаризм, идеология «врага» (чужих, лишних) и «осажденной крепости», государственный произвол и репрессии, подавление личности со всеми ее правами – социальными, политическими, гуманитарными. Восстановились язык, мировоззрение, практика по-советски тоталитарного общества. Как и столетие назад во главе этого движения – простой постсоветский человек; «верхи» лишь «пакуют» и используют (в своих интересах) его анархические, диктаторские, реваншистские запросы. То, что этот путь – выбор большинства, и идут им (более или менее последовательно) практически все постсоветские режимы, как-то мало утешает.

## Библиография

1. Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М.: Аграф, 1998. 635 с.
2. Асташов А.Б. Русский фронт в 1914 – начале 1917 г.: Военный опыт и современность. М.: Новый хронограф, 2014. 736 с.
3. Берар Е. Империя и город: Николай II, «Мир искусства» и городская дума в Санкт-Петербурге, 1894–1914. М.: НЛЮ, 2016. 344 с.
4. Булдаков В.П. 1917-й год: Страсти революции // Труды по русистике. М.: ИНИОН, 2016. Вып. 6. С. 277–319.

33. Показательно: энтузиазм, творческая энергия, раскрепощенные революцией, свойственные ей идеализм и утопизм к середине 30-х годов оказались лишними и опасными для того режима, который она породила. Они использовались и защищались – защищались и использовались. Пока не пришла война.

34. Это то, что сейчас почему-то называют «консервативным поворотом». Ничего от классического (как и неоклассического) консерватизма в этом «повороте» нет; разве только что-то от «внешности».

5. Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция: Восстание в Петрограде. М.: Наука, 1967. 408 с.
6. Гайда Ф.А. Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 – весна 1917 г.). М.: РОССПЭН, 2003. 432 с.
7. Ганелин Р.Ш. После Распутина // Ганелин Р.Ш. В России двадцатого века. Статьи разных лет. М.: Новый хронограф, 2014. С. 442–463.
8. Гиппиус З. Дневники: в 2 кн. М.: НПК «Интелвак», 1999. Кн. 1: Синяя книга (1914–1917). 736 с.
9. Донгаров А.И. Пакт Молотова–Риббентропа: Запланированный экспромт // Труды по русистике. М., 2016. Вып. 6. С. 320–352.
10. Керсновский А.А. История русской армии. М.: Воениздат, 1999. 784 с.
11. Клямкин И.М. Демилитаризация как историческая и культурная проблема // Куда ведет кризис культуры? Опыт междисциплинарного диалога. М.: Новое изд-во, 2011. С. 261–306.
12. Лотман Ю. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX в.). СПб.: Азбука, 2016. 608 с.
13. Мельгунов. Мартовские дни 1917 г. М.: Вече, 2016. 576 с.
14. Пайпс Р. Русская революция. М.: РОССПЭН, 1994. Ч. 1. 399 с.
15. Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М.: Политиздат. 1991. 494 с. (Репринт. воспроизв. изд. 1923 г.).
16. Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2014. 816 с.
17. Последние дни императорской власти / По неиз. док. сост. А. Блок. Минск: Вышэйш. шк., 1991. 110 с.
18. Россия 1917 г. в эго-документах: Воспоминания. М.: РОССПЭН, 2015. 510 с.
19. Соболев Л.Г. Петроградский гарнизон в борьбе за победу Октября. Л.: Наука, 1985. 312 с.
20. Струве П.Б. В чем революция и контрреволюция // Русская мысль. Пг., 1917. № 11. С. 57–61.
21. Струве П.Б. *Patriotica*: Политика, культура, религия, социализм: Сб. ст. за пять лет (1905–1910). СПб.: Д.Е. Жуковский, 1911. 619 с.
22. Троцкий Л.Д. История русской революции: Октябрьская революция. М.: Вече, 2017. 432 с.
23. Февральская революция 1917 г.: Сб. док. и мат. М.: РГГУ, 1996. 353 с.
24. Шкловский В.Б. Сентиментальное путешествие. М.: Изд-во «Новости», 1990. 368 с.
25. Landaner C., Honegger H. Internationaler Faschismus: Beiträge über Wesen und Stand der faschistischen Bewegung und über den Ursprung ihrer leitenden Ideen und Triebkräfte. Karlsruhe: G. Braun, 1928. S. 131–132.
26. Steinberg M. The Russian revolution, 1905–1921. Oxford: Oxford univ. press, 2017. 400 p.
27. Wade R. The Russian revolution, 1917. Cambridge, 2000. 337 p.

### References

- Alekseev N.N. *Russkij narod i gosudarstvo*. Moscow: Agraf, 1998. 635 p.
- Astashov A.B. *Russkij front v 1914 – nachale 1917 g.: Voennyj opyt i sovremennost'*. Moscow: Novyj hronograf, 2014. 736 p.
- Berar E. *Imperiya i gorod: Nikolaj II, «Mir iskusstva» i gorodskaja дума v Sankt-Peterburge, 1894–1914*. Moscow: NLO, 2016. 344 p.

- Buldakov V.P. 1917-j god: Strasti revoljucii // Trudy po rossievedeniju. Moscow: INION, 2016. Vol. 6. P. 277–319.
- Burdzhalov Je.N. Vtoraja russkaja revoljucija: Vosstanie v Petrograde. Moscow: Nauka, 1967. 408 p.
- Dongarov A.I. Pakt Molotova–Ribbentropa: Zaplanirovannyj jekspromt // Trudy po rossievedeniju. Moscow: INION, 2016. Vol. 6. P. 320–352.
- Fevral'skaja revoljucija 1917 g.: Sb. dok. i mat. Moscow: RGGU, 1996. 353 p.
- Gajda F.A. Liberal'naja oppozicija na putjah k vlasti (1914 – vesna 1917 g.). Moscow: ROSSPEN, 2003. 432 p.
- Ganelin R.Sh. Posle Rasputina // Ganelin R.Sh. V Rossii dvadcatogo veka. Stat'i raznyh let. Moscow: Novyj hronograf, 2014. P. 442–463.
- Gippius Z. Dnevnik: v 2 kn. Moscow: NPK «Intelvak», 1999. Kn. 1: Sinjaja kniga (1914–1917). 736 p.
- Kersnovskij A.A. Istorija ruskoj armii. Moscow: Voenizdat, 1999. 784 p.
- Kljamkin I.M. Demilitarizacija kak istoricheskaja i kul'turnaja problema // Kuda vedet krizis kul'tury? Opyt mezhdisciplinarnogo dialoga. Moscow: Novoe izd-vo, 2011. P. 261–306.
- Landaner C., Honegger H. Internationaler Faschismus: Beiträge über Wesen und Stand der faschistischen Bewegung und über den Ursprung ihrer leitenden Ideen und Triebkräfte. Karlsruhe: G. Braun, 1928. S. 131–132.
- Lotman Ju. Besedy o ruskoj kul'ture: Byt i tradicii russkogo dvorjanstva (XVIII – nachalo XIX v.). Saint-Petersburg: Azbuka, 2016. 608 p.
- Mel'gunov. Martovskie dni 1917 g. Moscow: Veche, 2016. 576 p.
- Pajps R. Russkaja revoljucija. Moscow: ROSSPEN, 1994. Ch. 1. 399 p.
- Paleolog M. Carskaja Rossija nakanune revoljucii. Moscow: Politizdat. 1991. 494 p. (Reprint. vosproizv. izd. 1923 g.).
- Pervaja mirovaja vojna i sud'by evropejskoj civilizacii. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 2014. 816 p.
- Poslednie dni imperatorskoj vlasti / Po neiz. dok. sost. A. Blok. Minsk: Vyshhejsk. shk., 1991. 110 p.
- Rossija 1917 g. v jeho-dokumentah: Vospominanija. Moscow: ROSSPEN, 2015. 510 p.
- Shklovskij V.B. Sentimental'noe puteshestvie. Moscow: Izd-vo «Novosti», 1990. 368 p.
- Sobolev L.G. Petrogradskij garnizon v bor'be za pobedu Oktjabrja. Leningrad: Nauka, 1985. 312 p.
- Steinberg M. The Russian revolution, 1905–1921. Oxford: Oxford univ. press, 2017. 400 p.
- Struve P.B. Patriotica: Politika, kul'tura, religija, socializm: Sb. st. za pjat' let (1905–1910). Saint-Petersburg: D.E. Zhukovskij, 1911. 619 p.
- Struve P.B. V chem revoljucija i kontrevoljucija // Russkaja mysl'. Petrograd, 1917. N 11. P. 57–61.
- Trockij L.D. Istorija ruskoj revoljucii: Oktjabr'skaja revoljucija. Moscow: Veche, 2017. 432 p.
- Wade R. The Russian revolution, 1917. Cambridge, 2000. 337 p.

**В.В. Дамье**

### **РУССКИЙ ГЕНЕРАЛ И КИТАЙСКИЕ РАДИКАЛЫ**

***Аннотация.** В статье речь идет о деятельности генерала А.С. Потапова – одной из самых загадочных и авантюрных фигур в истории Великой российской революции. Историки до сих пор спорят о том, кем был этот человек и какую роль он сыграл в Февральской революции, гражданской войне на Дальнем Востоке и первых попытках установления советско-китайских отношений. В то же время рассказ о его приключениях и контактах в Китае позволяет пролить свет на малоизвестные перипетии идейно-организационной эволюции китайских левых движений в 1910–1920-х годах и на особенности восприятия российской революции в Китае.*

***Ключевые слова:** Китай, Россия, А.С. Потапов, Сунь Ятсен, Чэнь Цзюньмин, Лян Бинсянь, анархисты, социалисты, большевики, русская эмиграция, Англо-бурская война, Русско-японская война, Первая мировая война, Великая российская революция, Февральская революция, Гражданская война, Дальний Восток.*

Дамье Вадим Валерьевич – доктор исторических наук,  
ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН,  
Москва. E-mail: vaddam@mail.ru

### **V.V. Damier. The Russian General and Chinese Radicals**

***Abstract.** The article deals with the activities of General A.S. Potapov, one of the most mysterious and adventurous figures in the history of the Great Russian Revolution. Historians are still discussing who this man was and what role he played in the February Revolution, the Civil war in the Far East and the first attempts to establish Soviet-Chinese relations. At the same time, the story of his adventures and contacts in China allows to shed light on the little-known ups and downs of the ideological and organizational evolution of the Chinese leftist movements in the 1910–1920s and on the peculiarities of the perception of the Russian revolution in China.*

***Keywords:** China, Russia, A.S. Potapov, Sun Yat-sen, Chen Jungming, Liang Bingxian, Anarchists, Socialists, Bolsheviks, Russian Emigration, Anglo-Boer War, Russo-Japanese War, First World War, Great Russian Revolution, February Revolution, Civil War, Far East.*

**Damier Vadim Valerievich – Doctor of History,  
Leading Researcher on Institute of General History  
of Russian Academy of Sciences, Moscow. E-mail: vaddam@mail.ru**

25 ноября 1920 г. в Москву вернулся из эмиграции на Дальнем Востоке бывший генерал-майор Алексей Степанович Потапов. Он представил подробный отчет в Наркомат иностранных дел о своей деятельности и встречах в Китае и передал советским властям различные документы на китайском и корейском языках, в числе которых были письма к Ленину и лидерам Советского правительства от южнокитайских военных лидеров – генералов Чэнь Цзюньмина и Ли Лецзюня – и от Союза рабочих Китая, обращение генерала Чэня к китайским рабочим в России, мандаты, выданные Потапову китайскими организациями, удостоверения китайским делегатам, направленным в советскую Россию, и даже тексты революционных первомайских воззваний, которые помогал сочинять в Китае русский генерал... Сотрудники НКВД перевели доставленные материалы и передали копии переводов в Президиум Коминтерна [15].

Генерал Потапов был не просто одним из немалого числа высокопоставленных офицеров бывшей Русской императорской армии, которые в конечном счете перешли на сторону новой большевистской власти. За его спиной к этому времени осталась авантюрная и извилистая карьера, которая в любом случае делала 48-летнего «возвращенца» достаточно заметной фигурой даже в те бурные, полные потрясений и приключений годы войн и революций. Родившийся в 1872 г. в дворянской семье под Петербургом, он обучался в Императорской Военно-медицинской академии, на курсах Киевского пехотного юнкерского училища и в Николаевской академии Генерального штаба. В 1897 г. Потапов был произведен в поручики, в 1899 г. – в штабс-капитаны; его прикомандировали к войскам Петербургского военного округа, но в том же году направили в Южную Африку в качестве неофициального военного агента (формально он был на это время переведен в запас). Во время Англо-бурской войны его взяли в плен англичане, но затем освободили как подданного нейтрального государства. После возвращения в Россию в 1900 г. он был зачислен в лейб-гвардии Волынский полк, а затем направлен в Приамурский военный округ с присвоением чина капитана. По некоторым сведениям, ему пришлось принимать участие в подавлении восстания ихэтуаней в Китае. В 1902–1903 гг. Потапов командовал ротой в Приамурье, а в 1903 г. получил назначение русским военным агентом в Корею со званием подполковника. В 1904–1905 гг. молодой офицер активно участвовал в Русско-японской войне в Маньчжурии, закончив ее штаб-офицером 2-й Кубанской бригады, с которой и эвакуировался в Россию. В последующие годы Потапов служил в кавалерии на Кавказе, был начальником штаба 2-й пехотной дивизии

в Белоруссии, 8-й кавалерийской дивизии в Бессарабии и 47-й пехотной дивизии в Поволжье. В 1908 г. ему присвоили звание полковника, но в 1912 г. уволили в запас по болезни в чине генерал-майора [33].

С началом Первой мировой войны генерал-майор Алексей Потапов был возвращен в строй и отправлен на германский фронт. В «верхах» его недолюбливали. Прибалтийский генерал-губернатор Павел Григорьевич Курлов ехидно замечал, что Потапова отставили по причине «умственного помешательства», и называл «бестактной» и неуместной его речь перед латышами, в которой тот призвал латышский народ сражаться против Германии [19, глава XXI]. Адмирал Василий Альтфатер сетовал, что у генерал-майора «абсолютно отсутствовали способности к организации». В марте 1915 г. наспех сформированный 10-тысячный отряд под командованием Потапова (на правах начальника дивизии) неожиданным ударом с налета захватил немецкий город Мемель в Восточной Пруссии (ныне – литовская Клайпеда). Немецкий гарнизон отступил, но затем к порту были подтянуты германские части; русские войска откатились назад и отступали до Либавы. Операция обернулась авантюрой [17]. В последующем Потапов командовал отдельной Сибирской казачьей бригадой, участвовавшей в Свенцянской операции, затем – Сибирской казачьей дивизией и, наконец, – одной из бригад 64-й пехотной дивизии [1, с. 305–306].

В революционные февральские дни 1917 г. мы обнаруживаем Алексея Потапова в Петрограде. Перешедший на сторону революции генерал-майор становится ближайшим сотрудником председателя Военной комиссии Временного комитета Государственной думы А.И. Гучкова. 1 марта он назначается заместителем председателя комиссии, а 4 марта – ее председателем, занимая этот пост до начала апреля 1917 г. [24, с. 253]<sup>1</sup>. В этой должности ему пришлось поддерживать нелегкие отношения с исполкомом петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, который выпустил знаменитый «Приказ № 1» об избрании военных комитетов в частях, разоружении офицеров и исполнении военных приказов только в тех случаях, когда они не противоречат постановлениям Совета. Приказ встретил резкие возражения со стороны Временного комитета Госдумы. Для разрешения возникшего кризиса

---

*1. В исторических исследованиях до сих пор нередко можно обнаружить путаницу: некоторые авторы называют главой Военной комиссии не генерал-майора А.С. Потапова, а генерал-лейтенанта Николая Михайловича Потапова, начальника эвакуационного отдела Главного управления Генерального штаба, а с апреля 1917 г. – генерал-квартирмейстера, позднее перешедшего на сторону большевиков и ставшего после Октября начальником Генштаба [см., напр.: 5, с. 322; 35, с. 557; 22, с. 48; 36, с. 453; 40, с. 110; 10, с. 343 и др.]. Эта ошибка или неопределенность повторялась и рядом зарубежных исследователей [см.: 56, с. 231–232, 397; 48, с. 429; 49, с. 81; и др.].*



была организована встреча между сторонами. Делегация Совета прибыла на квартиру военного министра Гучкова. Как вспоминал Потапов, «заседание было очень бурным. Требование делегации Гучков признал для себя невозможным и несколько раз выходил, заявляя о сложении с себя звания министра. С его уходом я принимал председательствование, вырабатывались соглашения, снова приглашался Гучков, и заседание закончилось воззванием, которое было подписано от Совдепа Скобелевым, от комитета Гос[ударственной] Думы мною и от правительства Гучковым. Воззвание аннулировало приказы № 1 и № 2, но военный министр дал обещание проведения в армии более реальных, чем он предполагал, реформ по введению новых правил взаимоотношений командного состава и солдат» [цит. по: 12, с. 87; ср.: 21, с. 495–496].

Сам Потапов, по воспоминаниям генерала А.С. Лукомского, именовал себя «первым революционным генералом» [цит. по: 2, с. 40]. Но в реальности его посреднические действия вызывали только недовольство. Так, начальник Генерального штаба генерал П.И. Аверьянов отзывался о нем как об «одиозном» авантюристе: это «был просто больной, ненормальный и почти “невменяемый” человек, с которым военный министр А.И. Гучков не знал впоследствии, как и разделиться, как его сплавить не только из Петрограда, но даже вообще из России» [цит. по: 8, с. 229]. В конце концов после ликвидации Военной комиссии, в апреле 1917 г. Потапов остался генералом для поручений при военном министре, а летом того же года был назначен в резерв чинов при штабе Петроградского военного округа [9, с. 483].

Крах старой армии и революционные бури побудили генерал-майора Потапова на время отойти от активной деятельности и раздобыть командировку на Дальний Восток. Но уже в феврале 1918 г. генерал-лейтенант Алексей Павлович Будберг (будущий военный министр в правительстве адмирала А.В. Колчака) застаёт его в Харбине за политическими интригами и именуёт «полусумасшедшим авантюристом» [3, с. 284]. Встретившись в мае с Будбергом, Потапов долго разглагольствовал «о своих богатствах и о своей великой революционной роли». Он критиковал А.Ф. Керенского за то, что тот не назначил его военным министром Временного правительства, и ругал харбинские эмигрантские круги. Наконец, он поведал, что существует план формирования Дальневосточного правительства, но Будберг отказался участвовать во власти, которая «попырует обосноваться на эсеровщине» [3 а, с. 206–207]. В июне 1918 г. Потапов, обитавший в харбинской гостинице вместе с Л.Н. Скипетровым, посланником лидера забайкальского «белого» движения атамана Г.М. Семёнова, предлагал Будбергу занять должность командующего войсками Амурской области при амурском казачьем атамане И.М. Гамове, но вновь получил отказ [3 а, с. 218]. В сентябре генерал-майор прибыл во Владивосток, где в тот момент решался вопрос об организации «белой» власти на Востоке России [3 а, с. 253]. После переворота Колчака Потапов перешёл

в оппозицию к власти верховного правителя. Перебравшись в Японию, он в 1919 г. предпринимал там усилия с тем, чтобы Колчак «полетел кувырком, и чтобы все попытки к признанию омской власти закончились неудачей» [4, с. 271]. Дело кончилось тем, что японские власти выслали его из страны.

17 декабря 1919 г. генерал обосновался в Шанхае, где пробыл до 22 апреля следующего года [46, с. 90]. В этом крупнейшем городе Китая, который в те годы служил не только международным центром, но также средоточием политической активности и всевозможных интриг, Потапов развернул поистине лихорадочную деятельность. Разругавшись с русскими «белыми» и японскими властями, он объявил себя приверженцем советской власти и сторонником большевиков. Более того, он стал уверять, что выполняет для советской России важную внешнеполитическую миссию.

«Генерал Потапов выдает себя за большевика и за жертву, принесенную на алтарь русской революции», – информировал генерального консула США в Шанхае Э. Каннингэма американский журналист Дж. Сокольский, близкий к Сунь Ятсену. Информатор утверждал, что Потапов выступал на стороне Л. Корнилова и «действовал против революционных войск» во время корниловского мятежа в 1917 г., бежал на Дальний Восток, а затем, «будучи вовлеченным в большевистскую пропаганду в Японии, он имел там неприятности, однако не думаю, чтобы он предпринял что-либо существенное», добавлял журналист. Сокольский считал генерала авантюристом и самозванцем: «Он – неврастеник, страдает манией преследования и чрезмерным самомнением о важности собственной персоны. Он даже высказывается в том смысле, что может осуществлять контакты с Москвой даже в тех случаях, когда это не в состоянии сделать Владивостокское Земство<sup>2</sup>; он то и дело раздает рекомендательные письма к Ленину, которые затем под тем или иным предлогом забирает обратно. Он посетил д-ра Сунь Ятсена, с которым обсуждал планы сотрудничества Гоминьдана с большевиками. Однако он признает, что не имеет на то полномочий. Я предложил помочь ему при условии, если он предъявит мне свой мандат, но такового у него не оказалось. Он сам сказал мне об этом. Его говорливость стала причиной того, что широко распространились слухи о большевистской пропаганде в Шанхае». Но, подытоживал Сокольский, «Потапова не следует воспринимать всерьез, да никто и не принимает, если не считать газетчиков, столь падких на рассказы о большевиках» [16, с. 155].

---

2. Речь идет о правительстве Приморской областной земской управы, которое было образовано во Владивостоке после свержения режима адмирала Колчака в январе 1920 г. и просуществовало до декабря того же года. Поддерживалось большевиками, социалистами-революционерами, меньшевиками, народными социалистами и профсоюзами [38].

Действительно, генерал встречался с Сунь Ятсеном и был скорее разочарован итогами их разговоров. Как он писал в докладной записке наркому по иностранным делам Г.В. Чичерину после своего возвращения в Россию, китайский политик в ходе бесед «неоднократно высказывал недоверие к возможности нашего успеха проведения коммунизма в России». Он не передал Потапову никаких документов, за исключением собственной фотографии. Однако они договорились поддерживать связь по английским и китайским шифрам [цит. по: 7, с. 55; см. также: 39, с. 170]. Потапов отмечал, что, несмотря на негативное отношение к коммунизму, группа Сунь Ятсена выступает за сближение с советской Россией [30, л. 31; 31, л. 34].

Лидер Гоминьдана Сунь Ятсен со своими советниками жил в тот момент в Шанхае в своеобразной «полуэмиграции». В Китае с 1917 г. шла гражданская война между северными и южными военными группами (так называемыми «милитаристами»). Сунь Ятсен был избран руководителем Юга, но южные генералы принудили его отказаться от реальной власти. 20 мая 1918 г. Сунь Ятсен стал лишь одним из семи членов Административного совета правительства, которое было образовано в Гуанчжоу (Кантоне) [53, с. 417]. Вскоре, однако, он покинул этот орган из-за разногласий с гуансийскими генералами во главе с Лу Юнтином и уехал в Шанхай. В 1920 г. к нему присоединились и двое других членов совета, и между группой в Шанхае и Южным правительством в Кантоне наступил разрыв. «Шанхайцы» во главе с Сунь Ятсеном пытались вести сепаратные переговоры с Северным правительством в Пекине, но эти попытки закончились безрезультатно. Они взяли курс на свержение группы Лу Юнтина в Кантоне [54, с. 426].

Интересы Сунь Ятсена в этой обстановке оставались вполне определенными. Ни тогда, ни позднее он не намеревался ни внедрять в Китае ту модель, которая осуществлялась в советской России, ни способствовать утверждению какой-либо иной формы коммунизма. Как вспоминал позднее эмиссар Коминтерна С.А. Далин, который встречался с китайским лидером в 1922 г., тот заявил ему: «Я дам вам самый дикий, горный уезд, не развращенный современной цивилизацией. Жители его принадлежат к народности мяо. Они более способны воспринять коммунизм, чем жители наших городов, где современная цивилизация сделала их противниками коммунизма. Вот в этом уезде организуйте Советскую власть, и, если ваш опыт будет удачным, я применю эту систему для всего Китая» [11, с. 125]. Не исключено, что нечто подобное он завил и Потапову. Такое явно ехидное отношение к коммунизму не мешало Сунь Ятсену – весьма прагматическому политику, нередко шедшему на почти беспринципные альянсы – стремиться получить помощь от советской России. В том же 1920 г. он обсуждал возможности сотрудничества с полковником М.П. Поповым, который приехал в Китай с мандатом, выданным «красными» властями Амурской области. По свиде-

тельству Сокольского, Сунь Ятсена интересовала возможность получить поддержку его военным планам. Однако «Попов пришел к выводу, что планы д-ра Суня неосуществимы. Он сказал, что большевики устали от войны и хотят мира. Он охарактеризовал д-ра Суня как старомодного милитариста, который не видит иного пути спасения своей родины, кроме военного» [16, с. 156]. Тем более не приходилось ожидать такой помощи от Потапова!

Но если вожди Гоминьдана Сунь Ятсен или Тан Шао и не воспринимали генерала Потапова всерьез, то этого нельзя сказать о корейских и китайских радикалах, которые в это время группировались в Шанхае.

Тесные отношения сложились у Потапова с корейскими активистами в Шанхае. После антияпонского восстания 1919 г. в Корее в этом городе разместилось эмигрантское «Временное правительство Республики Корея», в котором пост премьер-министра до 1921 г. занимал приехавший из Владивостока лидер корейских социалистов Ли Донхви. В 1921 г. он объявил о преобразовании своей партии в коммунистическую. Его группа с 1919 г. поддерживала связи с большевиками и Коминтерном через российский Дальний Восток. Сокольский сообщал, что Потапов находился в близких дружеских отношениях с корейцем «мистером Лю» [16, с. 155]. Возможно, что именно через корейских друзей генерал свел знакомство и с китайскими социалистами, в первую очередь из организации «Датун дан».

В справке, составленной к документам генерала Потапова, переданным в Коминтерн, «Датун дан» («Партия великой гармонии», или «Партия великого единения»)<sup>3</sup> именуется единственной «строго революционной, с коммунистическим уклоном, но национальной в то же время и антияпонской» [15, л. 4]<sup>4</sup>. Об этой организации до сих пор известно очень мало, и именно отчеты генерала служат одним из основных источников информации о ней. По данным, которые приводил Потапов, «Датун дан» была создана после 1916 г. на Юге Китая и позднее реорганизовалась. В нее вошли такие объединения и группы, как ассоциации, созданные китайскими студентами, обучавшимися в США и Японии, «Новоазиатское общество», научные, культурные, религиозные и философские общества и союзы, остатки индийских революционных организаций, разгромленных британскими властями<sup>5</sup>, корейские

---

3. «Датун» – «великая гармония», древний китайский термин, обозначающий идеальное справедливое общественное устройство. В начале 1920-х годов он переводился иногда как «социализм», «коммунизм», «великое единение», «интернациональный социализм», «мировое сообщество» и даже «Интернационал».

4. Позднее советский эмиссар В.Д. Виленский-Сибиряков характеризовал «Датун дан» как партию социалистическую, но постепенно проникающую коммунистическими идеями [6, с. 3590].

5. Шанхай и другие портовые города Китая с начала Первой мировой войны служили базой для операций индийского революционного движения «Гадар», которое

революционные группы, а также «коммунистические» группы (Потапов воспроизводил их названия как «Куан-И» и «Ли-Рен-Ие»). «Датун дан» действовала как тайный союз и работала в Китае, Японии, Нидерландской Индии, Индокитае, Сиаме и Австралии. Через своих видных активистов партия оказывала влияние на союзы студентов, профессоров, учащихся, вернувшихся из-за границы, мелких торговцев и на рабочие союзы. Она создала также тайную военную организацию для борьбы с Пекинским правительством, Японией и другими иностранными державами. Военная организация пыталась наладить связи с партизанскими и повстанческими группами на Севере Китая (хунхузами) и вела агитацию в войсках [30, л. 26–29]. Кроме того, Потапов упоминал о том, что к «Датун дан» был близок и генерал Чэнь Цзюньмин, речь о котором пойдет ниже [32, л. 23].

Студент-социалист Хуан Цземинь (Хуан Цзюэ), ставший после возвращения в Китай из Японии в 1918 г. одним из фактических лидеров партии, пытался привлечь в нее социалистов всех направлений, включая анархистов, а иногда и сам именовал себя анархистом [49, с. 268–269]. Программа «Датун дан» провозглашала «человеческое равенство и мировую гармонию» и предусматривала борьбу с любыми милитаристами и военными правительствами, созыв национальной конференции для решения всех государственных вопросов или с целью поднять простой народ на революцию. Во внешнеполитической области партия выступала за отмену всех неравноправных договоров Китая с другими государствами и борьбу с империалистическим господством в Корее, Индии, Вьетнаме, на Тайване и т.д. [49, с. 265–266]. Организация пользовалась влиянием в окружении Сунь Ятсена, Национальном союзе студентов и в рабочих кругах. Почти все ее члены состояли в рабочих или студенческих союзах. Так, сам Хуан Цземинь стал одним из лидеров рабочих организаций, которые создавались в Шанхае при поддержке Гоминьдана: Всекитайской промышленной федерации (февраль 1919 г.), Всекитайского общества гармонии и прогресса труда (август 1919 г.) и Национального альянса рабочих и крестьян (октябрь 1919 г.). Он был избран также председателем Союза рабочих Китая, сформированного в 1920 г. Промышленной федерацией, союзом электриков и тремя другими рабочими организациями. Генеральным секретарем Союза рабочих в марте 1920 г., по приглашению Хуан Цземина, ненадолго стал будущий коммунист Чжан Готао [49, с. 256–257, 271–272]. Все эти организации, вместе со студенческими союзами,

---

*стремилось организовать восстание в Индии и освободить ее от колониального господства Великобритании. Сотрудничая с германскими представителями, индийские революционеры переправляли в Индию активистов и оружие. Многие деятели движения остались в Китае после войны, сотрудничая с Гоминьданом и китайскими коммунистами [см.: 51].*

которые находились под влиянием «Датун дан», шли в первых рядах анти-японских протестов и забастовок в Шанхае весной-летом 1919 г. и в январе–апреле 1920 г., всеобщих стачек студентов и т.д. В 1920 г. Хуан Цземинь готовил создание Коммунистической партии в Китае, с опорой на структуры «Датун дан» и в тесном сотрудничестве с корейскими коммунистами в Шанхае [49, с. 272, 277]<sup>6</sup>.

«Агентура общества очень широкая и охватывает не только всю Азию и Японию, но и Ост-Индию и Полинезию, – докладывал позднее в Москве Потапов. – Недостаток собираемых пожертвованиями средств задерживает развитие и более интенсивную деятельность. В члены общества принимаются лица, известные прочностью своих политических убеждений. При вступлении проходят через ритуал. Существуют лозунги для определений своих от чужих и отзывы. За нарушение устава Общества – жестокая кара. Организация Общества очень прочная, и захват части руководителей или членов не может отразиться на работе всей организации...» [30, л. 29].

Генерал Потапов завязал тесные отношения с лидерами «Датун дан» и был даже принят в состав ее ЦК. Хуан Цземинь вручил ему официальный мандат партии, посвящение и обращение от имени Союза рабочих Китая к правительству советской России. Последний документ содержал ответ на обращение к китайскому народу и правительствам Южного и Северного Китая, принятое Совнаркомом РСФСР 25 июля 1919 г. [текст обращения см.: 27]. Потапов передал текст этого обращения «Датун дан», и оно было впервые предано огласке в Китае в печатном органе этой организации [30, л. 27]. Поблагодарив за обращение, которое «вызвало чрезвычайную радость китайского народа, очень тронуло и вызвало сочувствие всего рабочего мира», лидеры Союза рабочих заявляли: «Китайский народ в настоящее время еще находится в угнетении своих и иностранных капиталистов, но надеется на Вашу чистосердечную помощь, которую Вы окажете ему в силу своего искреннего сочувствия, чтобы сбросить ярмо внутренних и внешних капиталистов под Вашим справедливым руководством, а это вся наша надежда» [25, л. 7].

---

6. Однако ведущий активист организации Яо Цзобинь, приехавший в 1921 г. в Москву вместе с корейскими делегатами и выступавший от имени «Коммунистической партии Востока», не добился признания от Коминтерна. Его представительство было оспорено членами Китайского союза социалистической молодежи, которые учились в Москве. Яо был арестован и отправлен в ссылку в Сибирь. Представители «официальной» Коммунистической партии Китая обвинили Яо Цзобиня в том, что он не член компартии, а обманщик и «подлый предатель китайского студенчества во время второй всекитайской забастовки студенчества» [см.: 18, л. 9].

Вернувшись позднее в Россию, генерал Потапов рекомендовал советским властям сделать ставку на «Датун дан». Однако советские эмиссары в Китае его мнения не разделяли. «Весной с[его] г[ода] прибывшие из Владивостока в Китай социалисты<sup>7</sup> пытались убедить меня в нецелесообразности пропаганды идей Советской России для китайского народа<sup>8</sup> и тем более протестовали против моей поддержки общества Да-Тонг-Данг, к которому стали присоединяться китайские социалисты», – жаловался позднее генерал в Москве. По его словам, эмиссары начали против него агитацию, «ссылаясь на якобы имеющиеся у них полномочия от Ленина», и это «повредило работе» [30, л. 31].

Стоит отметить, что, несмотря на свои симпатии к «Датун дан», Потапов контактировал в Шанхае и с другими политическими лидерами. Среди тех, с кем он поддерживал связи или встречался, были деятели Гоминьдана Чэнь Цзяньай, Дай Цзитао, деятели рабочего движения Цао Ябо (один из секретарей Сунь Ятсена) и Яо Цзобинь [46, с. 90] и даже правые деятели генералы Ван Итан (представитель клуба «Аньфу») и Гао Шипин (бывший начальник штаба военного губернатора маньчжурской провинции Гириин) [16, с. 155].

В конце апреля 1920 г., покинув Шанхай, Потапов отправился дальше на юг. Он решил посетить район, который в тот момент считался своего рода центром китайской революции – юг прибрежной провинции Фуцзянь.

Часть Фуцзяни с центром в городе Чжанчжоу была в 1918 г. занята силами Гуандунской армии под командованием генерала Чэнь Цзюньмина,

7. В апреле 1920 г. Иностранный отдел при Владивостокском отделении Дальневосточного бюро РКП (б) направил на работу в Китай троих коммунистов: уполномоченного Г.Н. Войтинского («Григорьева») и его помощников – выпускника Восточного института Титова и корейского эмигранта Валентина Кима («Серебрякова»). «Этим было положено начало нашей планомерной организационной работе в странах Дальнего Востока», – указывалось в докладе Секции восточных народов при Сиббюро ЦК РКП (б) Исполкому Коминтерна [13, л. 39]. При помощи марксиста Чэнь Дусю Войтинский организовал в Шанхае коммунистический кружок, в котором до лета 1920 г. сначала участвовали также анархисты, социалисты и другие радикалы. В 1921 г. шанхайский кружок стал ядром Коммунистической партии Китая (КПК).

8. Задачи большевистской деятельности в Китае и других странах региона были определены на заседании Восточного бюро при Сибирской миссии по иностранным делам 18 мая 1920 г. планировалось установить связи с «революционно-демократическими» и «интернационально-социалистическими» течениями и партиями или способствовать их формированию; организовать и объединить на местах коммунистические или по крайней мере «резко революционно-оппозиционные» ячейки; содействовать «туземным революционным организациям в деле приобретения оружия и других предметов, необходимых для работы организаций»; оборудовать типографии и т.д. [34, л. 1–2]. Таким образом, российские большевики собирались вначале оформить широкие социалистические объединения, а затем выделить в них пробольшевистское крыло.

выбившими оттуда войска северных генералов. Чэнь Цзюньмин открыто заявлял о своих социалистических убеждениях. Член партии Сунь Ятсена, он в последние годы Цинской монархии тесно сотрудничал с группой заговорщиков во главе с «душой китайского анархизма» Шифу (Ли Сыфу), которая планировала покушения на лидеров императорского режима. После Синьхайской революции и свержения монархии в 1911–1912 гг. он занимал пост военного губернатора провинции Гуандун, но был смещен в 1913 г. В 1917 г. он признал Южное правительство и возглавил Гуандунскую армию [биографию генерала Чэнь Цзюньмина см.: 42].

Старинный город Чжанчжоу, в котором размещалась штаб-квартира генерала Чэня, находился в плодородной, цветущей сельскохозяйственной местности, напоминающей «огромный сад». Расположенный на берегу небольшой приливной реки, город в конце XIX в. простирался в пределах старых стен всего на 7 км, но охватывал обширные и густонаселенные пригороды, поглотив соседние городки. «Сам город, – описывали Чжанчжоу географы Э. и О. Реклю, – чистый, хорошо ухоженный; настоящее удовольствие передвигаться по его улицам, некоторые из которых почти заслуживают имя бульваров: 20 метров шириной, хорошее мощение из гранита...» [52, с. 400].

Созданная Чэнь Цзюньмином военно-гражданская администрация осуществила в «Районе защиты конституции Южной Фуцзяни» (Миньнань хуфа цю) ряд прогрессивных реформ. Были проведены работы по благоустройству Чжанчжоу, и город приобрел современный облик: снесены старые городские стены, построены новые улицы и дороги, разбиты два общественных парка. Начато строительство дорог, соединявших город с провинцией. Были приняты меры по улучшению санитарно-гигиенического положения, налажена медицинская служба и организована эффективная борьба с эпидемией оспы [42, с. 86–87]. В парке установили каменный обелиск с надписью «Свобода, равенство, братство, взаимопомощь».

Приехав в Чжанчжоу, Потапов встретился с генералом Чэнем и обсуждал с ним вопросы революции и сотрудничества с советской Россией. Вот как он сам описывал свои впечатления от бесед с китайским революционным лидером: «Ген[ерал] Чен-Кван-Мин, главнокомандующий всеми вооруженными силами, действующими против Пекинского правительства, независимый, с падением Кантона генерал-губернатор Фукиенской провинции (Фуцзяни. – В. Д.), уроженец Квантунской области (Гуандуна. – В. Д.), революционный деятель, известный публицист и издатель, высоко уважаемый не только на его родине, но и во всем Южном Китае и широко популярный по всей территории республики, лучший из современных военачальников, ведет крайне скромный образ жизни и проводит коммунистические идеи в семье и среди своих приверженцев, сам обрабатывает землю, всюду устраивает библиотеки и создал много школ, в которых ввел новую систему обучения. Его войска



являются лучшими в Китае. Чанджоу [Чжанчжоу] является самым благоустроенным городом в Китае (из закрытых для иностранцев), куда даже всюду проникающие японцы ген[ералом] Чен-Кван-Мин смело ограничиваются в их правах торговли. Кроме миссионеров и приглашенных им на службу иностранцев, иноземных обитателей не значится. В беседах со мной Чен-Кван-Мин неоднократно высказывал свое мнение, что китайский народ в целях возрождения должен пройти через ряд страданий, что только кровавая революция, которая бы смела все изжившие предрассудки, могла бы создать новый Китай на наших началах. Не возражает против советской организации, и отношение его к Русской революции вполне определяется представленным мною его письмом к В.И. Ленину “как Учитель” (так в тексте. – В. Д.) и посланием его к китайскому населению в России» [32, л. 22–23].

Письмо Чэнь Цзюньмина к Ленину, которое китайский генерал вручил Потапову, представляет собой действительно любопытный документ. Оно демонстрирует как расплывчатость взглядов китайских радикалов, сочетавших различные анархистские и социалистические элементы, так и их смутные представления о том, что же в действительности происходило в Советской России. Генерал Чэнь выражал свои «радость и счастье» в связи с «успехами революции» в России и благодарил за обращение Совнаркома 1919 г. Он заявлял: «Все смуты и бедствия современного человечества исходят из принципов государственности и капитализма. Только разрушив государственные границы, мы прекратим мировые войны, и только разрушив капитализм, мы можем думать о равенстве человечества». Китай, ставший благодаря «высокому принципу человечности» «центром цивилизации на Дальнем Востоке», подвергся «грабежу насильников-грабителей извне, а внутри угнетается деспотизмом» – поэтому он не смог «организовать осуществление принципов человечности в мире». Зато создавшаяся «на принципах большевизма новая Россия открывает новую эру мировой истории», утверждал Чэнь Цзюньмин. Упомянув о беседах с Потаповым, который рассказал «о положении новой России и распространении путей самоопределения», генерал Чэнь выражал надежду на то, что Россия окажет «помощь нашему грядущему новому революционному движению в его различных видах». Китайский народ «достигнет самоопределения», сбросит иго деспотизма и «ярмо капитализма» и создаст «новый Китай». Чэнь Цзюньмин предлагал в будущем союз с Советской Россией: «Новый Китай и новая Россия пойдут рука об руку, как добрые любящие друзья». Он обещал также сотрудничество в осуществлении мировой революции: «...Я уверен в том, что большевизм несет благовестие человечеству, – писал генерал Чэнь. – Я хочу приложить все силы к распространению этих принципов. Наша миссия в том, чтобы перестроить не только Китай, но и всю Восточную Азию» [29]. Помимо

письма к Ленину, Чэнь Цзюньмин вручил Потапову обращение к китайским рабочим, проживающим в России.

Послание, адресованное китайским генералом лидерам Советской России и дошедшее до них много месяцев спустя, когда политическая ситуация в Китае уже изменилась<sup>9</sup>, было не просто свидетельством церемониальной вежливости. Чэнь Цзюньмин неоднократно искал сближения с Советской Россией. Так, он направлял своих представителей в Тяньцзинь для установления контактов с работавшими там русскими – сторонниками Советской России; связи с ними поддерживались и через радикально настроенных студентов, приезжавших в Чжанчжоу из Северного Китая [14, л. 37–38].

Если верить утверждениям Потапова, то его сотрудничество с Чэнь Цзюньмином в период пребывания в Чжанчжоу было весьма тесным. Он даже помогал китайскому революционному лидеру в составлении прокламаций и воззваний.

Помимо генерала Чэня, Потапов встречался с китайскими анархистскими активистами, которых Чэнь пригласил в Южную Фуцзянь для постановки работы в сфере образования, агитации и издательского дела. Чэнь Цзюньмин не был анархистом: он глубоко уважал анархизм, но заявлял, что не откажется от власти, чтобы ее не захватили недостойные люди и реакционеры [42, с. 90–91]. В 1919 г., по приглашению генерала Чэня, в Чжанчжоу прибыли Лян Бинсянь, Лю Шисинь, Ю Кэшуй, Сюй Чжэньфэн и другие анархисты во главе группы учителей, литераторов, печатников и механиков; в 1920 г. к ним присоединились и другие [42, с. 89]. Лян Бинсянь уговорил Чэнь Цзюньмина учредить специальное Бюро по вопросам образования при штаб-квартире Гуандунской армии и был назначен его главой. Новое учреждение, как вспоминал позднее Лян, немедленно созвало специальную конференцию с участием учителей, администраторов и директоров средних и старших школ. Администрация Южной Фуцзяни открывала новые начальные и средние школы, поддерживала работу педагогического колледжа и других учебных заведений и старалась расширить доступность полного среднего и высшего образования для широкого круга студентов [42, с. 88–89]. Анархисты-студенты из Пекина, приехавшие в Фуцзянь в марте 1920 г. специально для того, чтобы изучить реформы в провинции, в статье, опубликованной в еже-

---

9. Осенью 1920 г., по договоренности с Сунь Ятсеном, армия Чэнь Цзюньмина покинула Фуцзянь и вторглась в провинцию Гуандун, где свергла власть гуансийских генералов. Генерал Чэнь занял пост губернатора провинции и военного министра, но в 1922 г. вступил в конфликт с Сунь Ятсеном, поскольку выступал за федерализацию Китая и против военного похода на Север. Разгромленный при помощи южных генералов, он в 1925 г. бежал в Гонконг. Основанная им в 1927 г. Китайская партия стремления к справедливости с 1949 г. участвует в государственных органах КНР.

недельнике Пекинского университета, с восторгом называли генерала Чэня «человеком, преданным революции», а мероприятия в сфере образования – хорошими, как в «эпоху коммунизма» [45, с. 82].

Анархисты не только возглавили культурно-просветительскую работу в Южной Фуцзяни, но имели также возможность открыто пропагандировать свои идеи, пользуясь фактической поддержкой со стороны генерала Чэня (если речь не шла об антимилитаристской агитации). В апреле 1920 г. американский консул в Амое сообщал, что в Чжанчжоу широко распространяется анархистская пропаганда. Генерал даже лично вручил анархистскую брошюру одному из иностранных посетителей [44, с. 150].

Анархисты, по существу, возглавляли агитационно-пропагандистскую и просветительскую работу в провинции. По оценке советского эмиссара Виленского, в фуцзяньском городе были «собраны лучшие силы страны, революционно настроенные. Пекинский союз учащихся, Пекинский университет и северные союзы учащихся командируют туда время от времени своих представителей на помощь генералу Ченю в его работе. Спустя некоторое время эти представители возвращаются на Север вполне подготовленными агитаторами. По отзывам побывавших в Чжанчжоу, там прекрасно поставлен так называемый Образовательный отдел, организация, занимающаяся главным образом устной и печатной пропагандой социалистических учений <...> Издание газет в Чжанчжоу также имеет главной целью пропаганду социалистических учений. В программе училища в Чжанчжоу введено преподавание социализма. Чжанчжоу является для революционной молодежи Китая и китайских социалистов местом паломничества» [6, с. 3591].

Анархистам было доверено также издание официального органа – газеты «Миньсин» («Звезда Фуцзяни»). Она начала выходить 1 декабря 1919 г. в Чжанчжоу, 2 раза в неделю, а с 1 января 1920 г. – также и ежедневно. Официально ею руководили лично Чэнь Цзюньмин, написавший манифест с изложением ее целей и задач, который был опубликован в первом номере за 1920 г. Согласно этому программному документу, газета призвана была распространять идеалы свободы, отвергая классовые различия в пользу равенства и конкуренцию – в пользу взаимопомощи [42, с. 86]. Фактически издание возглавлял Лян Бинсянь. Газета распространялась также в Пекине и Шанхае. Редакция размещалась в благоустроенном городском саду, рядом с «Образовательным отделом». «Сотрудники редакции составляют брошюры и прокламации революционного характера, которые раздаются бесплатно всем жителям Чжанчжоу и рассылаются в глубь страны» [6, с. 3591]. Анархисты организовывали в Чжанчжоу митинги и встречи, провели общенациональный конгресс Союза объединенного студенческого движения [47, с. 179; 50, с. 424], выступали на демонстрациях и праздновании 1 мая, распространяли

сотни тысяч копий листовок и воззваний... [14, л. 38; 6, с. 3591–3593; 37, с. 122].

Китайские анархисты проявляли естественный интерес к российской революции, но также не очень хорошо представляли себе, что происходит у северных соседей. Первые отклики на революционные события в России, которые появились в марте 1918 г. на страницах издававшегося в Шанхае анархистского журнала «Лаодун», трактовали идеологию Октября 1917 г. как анархо-коммунистическую [47, с. 165; 44, с. 177–178; 37, с. 142–143]. Вскоре стало понятно, что большевики – отнюдь не анархисты, но руководствуются идеями марксизма. Тем не менее китайские анархисты, которые в конце 1910-х – начале 1920-х годов пользовались прочным влиянием в рабочих союзах Гуанчжоу и Хунани, среди студенчества Пекина и т.д., полагали, что российская революция в любом случае открывает дорогу к будущему установлению свободного анархистского общества. В статье, опубликованной Лян Бинсянем в чжанчжоуской «Миньсин», отмечалось, что большевизм отличается от анархизма и синдикализма Индустриальных рабочих мира. Тем не менее, автор подчеркивал, что эти течения ставят в центр человека труда и стремятся, чтобы все люди стали трудящимися, хотя методы у них и разные [50, с. 421]. В 1919–1920 гг. анархисты и марксисты в Китае нередко входили в одни и те же организации («Общества по изучению социализма», «Социалистические лиги» и др.) [49, с. 239–241; 44, с. 201; 46, с. 163; 37, с. 144–145; 43, с. 375; 41, с. 91; 55, с. 20], а пекинские анархисты имели тесные связи с поддерживавшими большевиков русскими преподавателями университетов Пекина и Тяньцзиня.

Генерал Потапов несколько раз встречался и беседовал с китайскими анархистами и социалистами в редакции фуцзяньской газеты «Миньсин». Он заявил им: «Если вы понимаете социализм и признаете необходимость социальной революции, то каким бы путем вы ни шли и какое бы действие ни предпринимали, вы – наши друзья, друзья русских большевиков. Поэтому мы должны работать вместе и помогать друг другу. Советское правительство хочет дружить со всеми революционерами в мире, особенно в азиатских странах» [49, с. 164]. Однако, как вспоминал Лян Бинсянь, их дискуссии продемонстрировали коренные различия во взглядах. Сотрудники редакции объяснили гостю, что свобода для них важна, как сама жизнь, и потому они отстаивают право на свободу слова и выражения мнения: «...Мы восхищаемся свершениями русской революции, но не согласны с нарушением человеческих прав после того, как она добилась успеха». В «Миньсин» была опубликована статья с критикой советской конституции, и она отражала позицию большинства китайских «либертарных социалистов». Когда Потапов возразил, что ограничения свободы необходимы для подавления контрреволюции, китайские собеседники ответили ему, что не боятся возрождения контррево-

люции при республике. «Что же касается будущего, мы верим в совершение социальной революции для достижения социальной справедливости. Когда социальная справедливость будет достигнута, народ поддержит ее от всего сердца, и никакой злодей не сможет разрушить ее... Но если бы мы применили силы разрушения для подавления свободы, то сами стали бы контрреволюционерами» [цит. по: 42, с. 93]...

Из Фуцзяни Потапов направился дальше на Юг. Он намеревался отплыть в Европу и вернуться в Россию. По дороге в Гонконге генералу удалось встретиться с начальником Генерального штаба правительства Южного Китая – генералом Ли Лецзюнем, одним из лидеров юньнаньской военной группировки. После беседы китайский деятель передал Потапову письмо, адресованное советскому правительству. Оно было выдержано в куда более сдержанном и осторожном тоне, нежели послание Чэнь Цзюньмина. Тем не менее и в нем высказывалось стремление «завязать связь и войти в сношения с русским народом и его представителями и установить прочные сношения». Выразив интерес к «эволюции русского народа», которая ведет «неуклонно к поддержке правительства народного, к управлению самим народом», генерал Ли заверял советских лидеров: «Китай вдохновляется вашей программой». Ни о каком упразднении государства, границ или капитализма в его обращении, разумеется, не было и речи. Ли Лецзюнь осторожно информировал, что китайские руководители «были бы польщены, получив изложение взглядов вашего правительства. Мы поспешим их изучить и затем подвергнуть вниманию наших братьев» [26]. С отъездом из Гонконга в Европу китайские приключения русского генерала закончились.

В начале ноября 1920 г. Потапов, наконец, добрался до Риги. Явившись в редакцию местной русской газеты «Сегодня», он предложил журналистам взять у него интервью. На газетчиков он произвел впечатление «не то психически больного человека, не то ловкого авантюриста». Судя по их беседе, генерал откровенно занимался саморекламой, рассказывал небылицы и одновременно, по-видимому, проводил своего рода политический зондаж настроений эмиграции. По его словам, после приезда в Европу, он был арестован в Лондоне в связи с тем, что «гуляя в парке с Каменевым»<sup>10</sup>, при встрече познакомил с ним Ллойд-Джорджа, который был настолько очарован Каменевым, что пожелал вступить в деловые связи с Советской Россией». Характерно, что Потапов заявил эмигрантской газете, будто не знал, что Каменев является большевиком, а иначе бы «ни за что не познакомил его

10. Член Политбюро РКП (б) Л.Б. Каменев в июле–сентябре 1920 г. возглавлял советскую миссию в Великобритании, которая вела переговоры о заключении торгового договора. Он и другой руководитель миссии Л.Б. Красин были приглашены к британскому премьер-министру Д. Ллойд-Джорджу 4 августа 1920 г.

с Ллойд-Джорджем». По его словам, он помнил Каменева как члена Петроградского Совета в 1917 г., когда он сам был якобы «командующим Петроградским округом». Позднее, рассказал генерал, его арестовали в Данциге «французские сыщики» – «в отместку за то, что он сражался против Колчака и способствовал его низложению».

В качестве доказательств своей антиколчаковской борьбы Потапов продемонстрировал журналистам сибирские и шанхайские газеты («Шанхайский вестник»), в которых были опубликованы его воззвания – «приказы». В одном из них, где перечислялись все его заслуги и награды, генерал объявлял себя преемником Керенского и «приказывал» населению «свергать узурпатора и диктатора Колчака».

Показав мандаты на китайском языке, Потапов заявил, что он является «единственным законным представителем 1 миллиона китайских рабочих», но «этим правом бессовестно овладел Ленин». В любой момент, пригрозил генерал, он может дать радиограмму в Пекин и двинуть на Москву миллионную армию, которая «сметет московских узурпаторов». Такие речи весьма сильно контрастировали с его заявлениями в Китае и позднее в России о приверженности Советской власти!

В Латвии Потапов, по его словам, собирался организовать «великорусское движение», на что якобы получил согласие и латвийских властей, и советского дипломата А.А. Иоффе, и представителей русской социалистической эмиграции Н.Д. Авксентьева и О.С. Минора. Он контактировал с русскими общественными деятелями в Риге и представителями белорусской военно-дипломатической миссии, занимался разоблачением «врангелиады» и провозглашал свое намерение уехать в Туркестан, где у него якобы были имения, а семью переправить в Латвию. В конце концов, наделав шума в Риге, генерал в том же ноябре 1920 г. отправился в Петроград вместе с женой советского торгового представителя в Латвии Я. Ганецкого [23].

Приехав в Советскую Россию, генерал, как уже говорилось, передал все документы в НКВД и выразил полную лояльность советской власти. Об отношении к нему свидетельствует такой любопытный эпизод. В Петрограде Потапов обнаружил, что в его старой квартире проживают уже новые жильцы, и представители НКВД вмешались, чтобы добиться возвращения его жилья и части личного имущества. При этом в письме наркомата подчеркивалось, что «деятельность Потапова признана Советской властью крайне полезной» [20, с. 16]<sup>11</sup>. Вскоре бывший генерал был переведен на службу в Москву. Здесь его следы вскоре теряются. По некоторым сведениям, он был

---

<sup>11</sup> Характерно, что М.Б. Лебина, как и многие другие авторы, принимает на веру утверждение, будто Потапов был отправлен на Дальний Восток в декабре 1917 г. большевистским НКВДом.

арестован в 1924 г. [28, с. 270]. Выяснение его дальнейшей судьбы – дело новых исследователей.

## Библиография

1. Англо-бурская война 1899–1902 годов глазами российских подданных. М.: Издатель И.Б. Белый, 2012. Т. 6. 404 с.
2. Баландин Р.К. Мифы революции 1917 года. М.: Вече, 2007. 368 с.
3. Будберг А. Дневник барона Алексея Будберга // Архив русской революции. Берлин: Слово, 1923. Т. XII. С. 197–290.
- 3 а. Будберг А. Дневник барона Алексея Будберга // Архив русской революции. Берлин: Слово, 1924. Т. XIII. С. 197–312.
4. Будберг А. Дневник белогвардейца. Минск; М.: Харвест; АСТ, 2001. 336 с.
5. Буржуазия и помещики в 1917 году. Частные совещания членов Государственной думы. Л.: Партийное издательство, 1932. 328 с.
6. Виленский (Сибиряков) В. Накануне образования коммунистической партии в Китае // Коммунистический Интернационал. 1920. № 16. С. 3585–3595.
7. ВКП (б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Документы. М.: АО «Буклет», 1994. Т. 1. 1920–1925. 768 с.
8. Ганин А.В. Генштабисты и Февральская революция // Февральская революция: Проблемы истории и историографии. СПб.: ЛЭТИ, 2017. С. 208–264.
9. Ганин А.В. Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг. Справочные материалы. М.: Русский путь, 2000. 895 с.
10. Гаспарян А.С. Операция «Трест». СПб.: Прогресс книга, 2017. 347 с.
11. Далин С.А. Китайские мемуары. 1921–1927. М.: Наука, 1982. 382 с.
12. Деникин А.И. Крушение власти и армии. Февраль–сентябрь 1917 г. М.; Берлин: Директмедиа, 2016. 577 с.
13. Доклад Исполкому Коминтерна об организации и деятельности Секции восточных народов при Сиббюро ЦК РКП // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 154. Д. 27. Л. 39–44.
14. Доклад о работе в Китае // РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 1. Д. 3. Л. 36–43.
15. Документы из Южного Китая // РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 1. Д. 6. Л. 1–4.
16. Донесение об отношениях между местными китайцами, корейцами и большевиками. 22 марта 1920 г. // Крюков М.В. Улица Мольера, 29. Секретная миссия полковника Попова (документальная повесть). М.: Памятники исторической мысли, 2000. С. 155–156.
17. Захаров А. Как Кёнигсберг спас Мемель. Из безумной авантюры сделали героическую эпопею // Новые колеса: Еженедельная общественно-политическая газета. Калининград, 2014. 10 июля. № 402. URL: [http://www.rudnikov.com/article.php?ELEMENT\\_ID=22803](http://www.rudnikov.com/article.php?ELEMENT_ID=22803) (Дата обращения: 20.03.2018.)
18. Заявление Дальневосточному секретариату Коминтерна от делегата Китайской компартии на III конгрессе Коминтерна т. Сю-сун. 27 сентября 1921 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 154. Д. 81. Л. 9.
19. Курлов П.Г. Гибель императорской России. Воспоминания. М.: Захаров, 2002. 301 с.
20. Лебина М.Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920–1930-е годы. СПб.: Журнал «Нева»; Издательско-торговый дом «Летний сад», 1999. 320 с.
21. Мельгунов С.П. Мартовские дни 1917 года. М.: Айрис-пресс, 2008. 688 с.
22. Миллер В.И. Солдатские комитеты русской армии в 1917 году. М.: Наука, 1974. 318 с.
23. Н.Б. Карьера ген. Потапова // Сегодня. Рига, 1920. 27 нояб. № 261. С. 2.

24. Николаев А.Б. Государственная дума в Февральской революции. Очерки истории. Рязань: Издатель П.А. Трибунский, 2002. 302 с.
25. Обращение [Союза рабочих Китая] к Российскому рабоче-крестьянскому правительству // РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 1. Д. 6. Л. 7–8.
26. Обращение начальника Генерального штаба правительства Южного Китая Ли Ле-цзюня к советскому народу // Советско-китайские отношения 1917–1957. Сборник документов. М.: Издательство восточной литературы, 1959. С. 49–50.
27. Обращение Совета Народных Комиссаров РСФСР к китайскому народу и правительствам Южного и Северного Китая // Советско-китайские отношения 1917–1957. Сборник документов. М.: Издательство восточной литературы, 1959. С. 42–45.
28. Петров В. (Адамович В.В.). Керенский – душа приказа № 1. Черные страницы из истории Русской революции // А.Ф. Керенский: Pro et contra: Личность и деятельность А.Ф. Керенского в оценке современников: антология. СПб.: Издательство Русской Христианской гуманитарной академии, 2016. С. 265–270.
29. Письмо генерала Чэнь Цзюнь-миня к В.И. Ленину // Советско-китайские отношения 1917–1957. Сборник документов. М.: Издательство восточной литературы, 1959. С. 50–52.
30. Потапов А.С. Краткий обзор современных политических партий, обществ и союзов в Китае и отношения их и населения разных частей Китая к РСФСР // РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 1. Д. 6. Л. 24–33.
31. Потапов А.С. О докторе Сун-Ет-Сене, бывшем первом президенте Китайской Республики // РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 1. Д. 6. Л. 34.
32. Потапов А.С. Современное положение в Китае // РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 1. Д. 6. Л. 19–23.
33. Потапов Алексей Степанович // Русская армия в Великой войне: Картотека проекта [Электронный ресурс]. URL: <http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=2929> (Дата обращения: 20.03.2018.)
34. Протокол № 1-й заседания Восточного бюро при Сибирской миссии по иностранным делам 18 мая 1920 года // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 154. Д. 37. Л. 1–2.
35. Революционное движение в русской армии 27 февраля – 24 октября 1917 года. М.: Наука, 1968. 621 с.
36. Соколов Н.А. Предварительное следствие 1919–1922 гг. Сборник материалов. М.: Студия ТРИТЭ; Российский архив, 1998. 463 с.
37. Стабурова Е.Ю. Анархизм в Китае 1900–1921. М.: Наука, 1983. 188 с.
38. Тригуб Г.Я. Деятельность Приморской областной земской управы в качестве временного правительства (январь–декабрь 1920 г.) // Ойкумена. 2006. Вып. 1. С. 44–54.
39. Усов В.Н. Советская разведка в Китае. 20-е годы XX века. М.: Олма-Пресс, 2002. 384 с.
40. Шишкин В.И. «Один из возмутительнейших эпизодов нашей революции» // Исторический архив. 2007. № 4. С. 70–110.
41. Chinese Society under Communism: A Reader. London; New York: John Wiley & Sons, 1967. 496 p.
42. Chen L.H.D. Chen Jiongming and the Federalist Movement: Regional Leadership and Nation Building in Early Republican China. Ann Arbor: Center of Chinese Studies; University of Michigan, 1999. 357 p.
43. Chow Tse-tung. The May Fourth Movement: Intellectual Revolution in Modern China. Cambridge: Harvard University Press, 1960. 486 p.
44. Dirlik A. Anarchism in the Chinese Revolution. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 1991. 326 p.



45. Goikhman I. Chen Jiongming: Becoming a Warlord in Republican China // *State, Society and Governance in Republican China*. Berlin; Münster; Wien; Zürich: LIT Verlag, 2014. P. 77–101.
46. Ishikawa Y. *The Formation of the Chinese Communist Party*. New York: Columbia University Press, 2013. 503 p.
47. Krebs E.S. Shifu, Soul of Chinese Anarchism. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 1998. 291 p.
48. Lehovitch D.V. *White against Red*. New York: Norton, 1973. 556 p.
49. Liu Jianyi. *The Origins of the Chinese Communist Party and the Role Played by Soviet Russia and the Comintern*. A Thesis Submitted for the Degree Ph.D. York: University of York, 2000. 418 p.
50. Müller G. *China, Kropotkin und Anarchismus*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2001. 784 S.
51. Ramnath M. *Haj to Utopia: How the Ghadar Movement Charted Global Radicalism and Attempted to Overthrow the British Empire*. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 2011. 332 p.
52. Reclus É., Reclus O. *L'Empire du Milieu. Le climat, le sol, les races, la richesse de la Chine*. Paris: Librairie Hachette et Co, 1902. 669 p.
53. The Consul General at Canton (Bergholz) to the Secretary of State. 8.04.1920 // *The Department of State. Papers Related to the Foreign Relations of the United States*. 1920. Vol. 1. Washington: United States Government Printing Office, 1935. P. 416–418.
54. The Consul General at Canton (Bergholz) to the Secretary of State. 17.06.1920 // *The Department of State. Papers Related to the Foreign Relations of the United States*. 1920. In three volumes. Vol. 1. Washington, 1935. P. 426–427.
55. Wilbur C.M., How J.L. *Missionaries of Revolution: Soviet Advisers and Nationalist China, 1920–1927*. Cambridge; London: Harvard University Press, 1989. 904 p.
56. Wildman A.K. *The End of the Russian Imperial Army*. Princeton: Princeton University Press, 1980. Vol. 1. 434 p.

## References

- Anglo-burskaja vojna 1899–1902 godov glazami rossijskich poddannyh. Moscow: Izdatel' I.B. Belyj, 2012. Vol. 6. 404 p.
- Balandin R.K. *Mify revoljucii 1917 goda*. Moscow: Veche, 2007. 368 p.
- Budberg A. *Dnevnik barona Alekseja Budberga // Arhiv ruskoj revoljucii*. Berlin: Slovo, 1923. Vol. XII. P. 197–290.
- Budberg A. *Dnevnik barona Alekseja Budberga // Arhiv ruskoj revoljucii*. Berlin: Slovo, 1924. Vol. XIII. P. 197–312.
- Budberg A. *Dnevnik belogvardejca*. Minsk; Moscow: Harvest; AST, 2001. 336 p.
- Burzhuazija i pomeshhiki v 1917 godu. *Chastnye soveshhanija chlenov Gosudarstvennoj dумы*. Leningrad: Partijnoe izdatel'stvo, 1932. 328 p.
- Chen L.H.D. *Chen Jiongming and the Federalist Movement: Regional Leadership and Nation Building in Early Republican China*. Ann Arbor: Center of Chinese Studies; University of Michigan, 1999. 357 p.
- Chinese Society under Communism: A Reader*. London; New York: John Wiley & Sons, 1967. 496 p.
- Chow Tse-tung. *The May Fourth Movement: Intellectual Revolution in Modern China*. Cambridge: Harvard University Press, 1960. 486 p.
- Dalin S.A. *Kitajskie memuary. 1921–1927*. Moscow: Nauka, 1982. 382 p.

## РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

---

- Denikin A.I. Krushenie vlasti i armii. Fevral'-sentjabr' 1917 g. Moscow; Berlin: Direkt-media, 2016. 577 p.
- Dirlik A. Anarchism in the Chinese Revolution. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 1991. 326 p.
- Doklad Ispolkomu Kominterna ob organizacii i dejatel'nosti Sekcii vostochnyh narodov pri Sibbjuro CK RKP // RGASPI. F. 495. Op. 154. D. 27. L. 39–44.
- Doklad o rabote v Kitae // RGASPI. F. 514. Op. 1. D. 3. L. 36–43.
- Dokumenty iz Juzhnogo Kitaja // RGASPI. F. 514. Op. 1. D. 6. L. 1–4.
- Donesenie ob otnoshenijah mezhdru mestnymi kitajcami, korejcami i bol'shevikami. 22 marta 1920 g. // Krjukov M.V. Ulica Mol'era, 29. Sekret'naja missija polkovnika Popova (dokumental'naja povest'). Moscow: Pamjatniki istoricheskoy mysli, 2000. P. 155–156.
- Ganin A.V. Genshtabisty i Fevral'skaja revoljucija // Fevral'skaja revoljucija: problemy istorii i istoriografii. Saint-Petersburg: LJeTI, 2017. P. 208–264.
- Ganin A.V. Korpus oficerov General'nogo shtaba v gody Grazhdanskoj vojny 1917–1922 gg. Spravochnye materialy. Moscow: Russkij put', 2000. 895 p.
- Gasparjan A.S. Operacija «Trest». Saint-Petersburg: Progress kniga, 2017. 347 p.
- Goikhman I. Chen Jiongmig: Becoming a Warlord in Republican China // State, Society and Governance in Republican China. Berlin; Münster; Wien; Zürich: LIT Verlag, 2014. P. 77–101.
- Ishikawa Y. The Formation of the Chinese Communist Party. New York: Columbia University Press, 2013. 503 p.
- Krebs E.S. Shifu, Soul of Chinese Anarchism. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 1998. 291 p.
- Kurlov P.G. Gibel' imperatorskoj Rossii. Vospominanija. Moscow: Zaharov, 2002. 301 p.
- Lebina M.B. Povsednev'naja zhizn' sovetskogo goroda: Normy i anomalii. 1920–1930 gody. Saint-Petersburg: Zhurnal «Neva»; Izdatel'sko-torgovyj dom «Letnij sad», 1999. 320 p.
- Lehovich D.V. White against Red. New York: Norton, 1973. 556 p.
- Liu Jianyi. The Origins of the Chinese Communist Party and the Role Played by Soviet Russia and the Comintern. A Thesis Submitted for the Degree Ph.D. York: University of York, 2000. 418 p.
- Mel'gunov S.P. Martovskie dni 1917 goda. Moscow: Ajris-press, 2008. 688 p.
- Miller V.I. Soldatskie komitety russkoj armii v 1917 godu. Moscow: Nauka, 1974. 318 p.
- Müller G. China, Kropotkin und Anarchismus. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2001. 784 S.
- N.B. Kar'era gen. Potapova // Segodnja. Riga, 1920. Nov. 27. N 261. P. 2.
- Nikolaev A.B. Gosudarstvennaja duma v Fevral'skoj revoljucii. Ocherki istorii. Rjazan': Izdatel' P.A. Tribunskij, 2002. 302 p.
- Obrashhenie [Sojuza rabochih Kitaja] k Rossijskomu raboche-krest'janskomu pravitel'stvu // RGASPI. F. 514. Op. 1. D. 6. L. 7–8.
- Obrashhenie nachal'nika General'nogo shtaba pravitel'stva Juzhnogo Kitaja Li Le-czjunja k sovetskomu narodu // Sovetsko-kitajskie otnoshenija 1917–1957. Sbornik dokumentov. M.: Izdatel'stvo vostochnoj literatury, 1959. P. 49–50.
- Obrashhenie Soveta Narodnyh Komissarov RSFSR k kitajskomu narodu i pravitel'stvam Juzhnogo i Severnogo Kitaja // Sovetsko-kitajskie otnoshenija 1917–1957. Sbornik dokumentov. Moscow: Izdatel'stvo vostochnoj literatury, 1959. P. 42–45.
- Petrov V. (Adamovich V.V.). Kerenskij – dusha prikaza № 1. Chernye stranicy iz istorii Russkoj Revoljucii // A.F. Kerenskij: Pro et contra: Lichnost' i dejatel'nost' A.F. Kerenskogo v ocenke sovremennikov: antologija. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo Russkoj Hristianskoj gumanitarnoj akademii, 2016. P. 265–270.
- Pis'mo generala Chjen' Czjun-minja k V.I. Leninu // Sovetsko-kitajskie otnoshenija 1917–1957. Sbornik dokumentov. Moscow: Izdatel'stvo vostochnoj literatury, 1959. P. 50–52.

- Potapov A.S. Kratkij obzor sovremennyh politicheskikh partij, obshhestv i sojuzov v Kitae i otnoshenija ih i naselenija raznyh chastej Kitaja k RSFSR // RGASPI. F. 514. Op. 1. D. 6. L. 24–33.
- Potapov A.S. O doktore Sun-Et-Sene, byvshem pervom prezidente Kitajskoj Respubliki // RGASPI. F. 514. Op. 1. D. 6. L. 34.
- Potapov A.S. Sovremennoe polozhenie v Kitae // RGASPI. F. 514. Op. 1. D. 6. L. 19–23.
- Potapov Aleksej Stepanovich // Russkaja armija v Velikoj vojne: kartoteka proekta [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=2929> (Data obrashhenija: 20.03.2018.)
- Protokol № 1-j zasedanija Vostochnogo bjuro pri Sibirskoj missii po inostrannym delam 18 maja 1920 goda // RGASPI. F. 495. Op. 154. D. 37. L. 1–2.
- Ramnath M. Haj to Utopia: How the Ghadar Movement Charted Global Radicalism and Attempted to Overthrow the British Empire. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 2011. 332 p.
- Reclus É., Reclus O. L'Empire du Milieu. Le climat, le sol, les races, la richesse de la Chine. Paris: Librairie Hachette et Co, 1902. 669 p.
- Revoljucionnoe dvizhenie v russkoj armii 27 fevralja – 24 oktjabrja 1917 goda. Moscow: Nauka, 1968. 621 p.
- Shishkin V.I. «Odin iz vozmutitel'nejshih jepizodov nashej revoljucii» // Istoricheskij arhiv. 2007. N 4. P. 70–110.
- Sokolov N.A. Predvaritel'noe sledstvie 1919–1922 gg. Sbornik materialov. Moscow: Studija TRITJe; Rossijskij Arhiv, 1998. 463 p.
- Staburova E.Ju. Anarhizm v Kitae 1900–1921. Moscow: Nauka, 1983. 188 p.
- The Consul General at Canton (Bergholz) to the Secretary of State. 8.04.1920 // The Department of State. Papers Related to the Foreign Relations of the United States. 1920. Vol. 1. Washington: United States Government Printing Office, 1935. P. 416–418.
- The Consul General at Canton (Bergholz) to the Secretary of State. 17.06.1920 // The Department of State. Papers Related to the Foreign Relations of the United States. 1920. In three volumes. Vol. 1. Washington, 1935. P. 426–427.
- Trigub G.Ja. Dejatel'nost' Primorskoj oblastnoj zemskoj upravy v kachestve vremennogo pravitel'stva (janvar'–dekabr' 1920 g.) // Ojkumena. 2006. Vyp. 1. P. 44–54.
- Usov V.N. Sovetskaja razvedka v Kitae. 20-e gody HH veka. Moscow: Olma-Press, 2002. 384 p.
- Vilenskij (Sibirjakov) V. Nakanune obrazovanija kommunisticheskoy partii v Kitae // Kommunisticheskij Internacional. 1920. N 16. P. 3585–3595.
- VKP (b), Komintern i nacional'no-revoljucionnoe dvizhenie v Kitae. Dokumenty. M.: AO «Buklet», 1994. Vol. 1. 1920–1925. 768 p.
- Wilbur C.M., How J.L. Missionaries of Revolution: Soviet Advisers and Nationalist China, 1920–1927. Cambridge; London: Harvard University Press, 1989. 904 p.
- Wildman A.K. The End of the Russian Imperial Army. Princeton: Princeton University Press, 1980. Vol. 1. 434 p.
- Zaharov A. Kak Kjonigsberg spas Memel'. Iz bezumnoj avantjury sdělali geroicheskuju jepopeju // Novye koljosa: Ezhenedel'naja obshhestvenno-politicheskaja gazeta. Kaliningrad, 2014. Jul. 10. N 402. URL: [http://www.rudnikov.com/article.php?ELEMENT\\_ID=22803](http://www.rudnikov.com/article.php?ELEMENT_ID=22803) (Data obrashhenija: 20.03.2018.)
- Zajavlenie Dal'nevostochnomu sekretariatu Kominterna ot delegata kitajskoj kompartii na III kongresse Kominterna t. Sju-sun. 27 sentjabrja 1921 g. // RGASPI. F. 495. Op. 154. D. 81. L. 9.

**М.В. Кротова**

**ОСМЫСЛЕНИЕ РЕВОЛЮЦИИ 1917 г.  
В СРЕДЕ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ В КИТАЕ**

***Аннотация.** В статье речь идет об эволюции оценок причин и последствий революции 1917 г. русскими эмигрантами в Китае. На основании как опубликованных, так и впервые вводимых в научный оборот документов автор утверждает, что взгляд проигравших в революционных событиях также необходим для понимания истории России, создания многомерной картины русской смуты. Сделан вывод о том, что отношение эмигрантов к революции с течением времени менялось от резко негативного к взвешенно-историческому.*

***Ключевые слова:** революция, русская эмиграция, Китай, Маньчжурия, Вс.Н. Иванов, И.С. Ильин, Г.К. Гинс, В.А. Морозов, С.Г. Скиталец.*

**Кротова Мария Владимировна – доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного экономического университета (СПбГЭУ), Санкт-Петербург.  
E-mail: mary\_krot@mail.ru**

**M.V. Krotova. Understanding the Revolution of 1917 Among Russian Emigration in China**

***Abstract.** The article deals with the evolution of the assessment of the causes and consequences of the 1917 revolution by Russian immigrants in China. Drwing on both published and new documents the author argues that the views of the losers in the revolution events is also necessary for understanding the history of Russia, the formation of the multidimensional picture of the Russian turmoil. The article concludes that the attitude of Russian emigrants to the revolution over time changed from a sharply negative to balanced historical.*

***Keywords:** revolution, Russian emigration, China, Manchuria, Harbin, Vs.N. Ivanov, I.A. Il'in, G.K. Guins, V.A. Morozov, S.G. Skitalets.*

**Krotova Mariya Vladimirovna – Doctor of History, Professor, St. Petersburg State University of Economics.  
E-mail: mary\_krot@mail.ru**

Тема русской революции продолжает волновать общество, вызывая острые дискуссии о ее причинах и последствиях для России. Обращение к эмигрантскому наследию представляется важным: взгляд проигравших также необходим для осмысления истории России – тем более что в СССР революционные события оценивались под определенным идеологическим углом. В среде русской эмиграции был представлен весь спектр оценок революции и ее последствий. Одна часть эмиграции, пугаясь стремительно разрушающегося мира, предпочитая устоявшийся порядок, не принимала революцию как таковую. Другие стремились понять революцию, найти в ней не только отрицающее, но и созидающее начало. Для одних революция была пугающей и жестокой, другим она обещала возможности новой жизни.

Эмиграция в Китае, в частности в Маньчжурии, была значительной по масштабам. Сюда устремились остатки белых армий А.В. Колчака и Г.М. Семенова из Сибири. «Культурных сил» здесь было немного, и, по словам полковника И.С. Ильина, в Китай попал «второй сорт» старой российской интеллигенции, и то «в очень незначительном количестве» [14, с. 798]. В Китае существовало несколько десятков политических эмигрантских организаций, но ни одна из них не имела серьезного влияния. Глава русской дальневосточной эмиграции генерал Д.Л. Хорват считал, что образование организаций различных политических оттенков «давало богатую почву для споров, несогласий и интриг, и порождало вредную для общего дела борьбу за влияние и приоритеты» [24, л. 5]. Тем не менее в Харбине, Шанхае, Пекине, Тяньцзине – главных центрах русской эмиграции – было много русских эмигрантских газет и издательств, в архивных собраниях сохранились различные эго-документы, переписка, дневники, воспоминания эмигрантов, отразившие реакцию на события 1917 г. в России.

Практически все эмигранты межвоенного периода были так или иначе причастны к революции. В 1920-е годы главным лейтмотивом непосредственных свидетелей событий и участников Гражданской войны был мотив краха, разрушения, конца истории: «Россия пропала», «заволокло густым туманом русскую землю», «поруганы национальные святыни, нарушен родной быт» [23, с. 1]. П.А. Ольбрих (Северный), участник Гражданской войны, в одном из своих ранних рассказов делал акцент на опьянении народа беззаконностью во время революции: «Люди, обезумевшие от радости, с одурманенными головами от испарений крови, разрушали все великое, достигнутое поколениями. Убивали прежних сильных – теперь жалких и беспомощных. А кровь лилась, алая, теплая, русская, господская, ненавистная кровь лилась» [21, с. 16]. Об общем состоянии русских людей без различия сословий и происхождения писал в своем дневнике в 1920 г. полковник И.С. Ильин: «Преступления, насилие, воровство, потеря чести и совести и с той, и с другой стороны до смешного одинаковы» [12, л. 156]. Писатель С.Г. Скиталец

(1869–1941) считал, что в русской революции преобладала «“смердяковщина”, садизм, жестокость и хамство» [22, с. 73].

После первых эмоциональных откликов, проникнутых тоской и безнадежностью, в эмигрантской среде появились попытки понять, что произошло в России. Конечно, удобнее всего было объявить виноватыми исключительно большевиков: «Социалистическая орда разгромила Государство Российское. Они убивали людей, насиловали женщин, заставляли людей есть друг друга, уничтожали памятники искусства, заставляли кланяться своим лже-богам, обманывали, лгали на каждом шагу, грабили, воровали. И все это чудовищно назвали “светлым грядущим раем”» [11, с. 97].

Но были и другие мнения, более взвешенные, демонстрировавшие трезвую оценку и анализ произошедшего. И.С. Ильин считал, что вырождение элиты – одна из основных причин революции. В своем дневнике он оставил запись от 21 июня 1918 г.: «Кажется мне, что мы, русские, и Россия переживем отчаянную катастрофу и мы, дворяне, и правящий класс жестоко поплатимся за свою мягкотелость, за свою идиотскую бесхребетность. <...> Дворянство выродилось. Это не в упрек, все вырождается, все кончается, но упрек в том, что преемственности не создали и за дворянством никого не оказалось, а среднего класса, этого фундамента всякого народного существования, вернее государственного, в России вообще не было или был очень незначительный, ибо не успел еще народиться. Вот в критическую минуту и полетело все к черту» [15, с. 273]. События в России он считал закономерной расплатой: «Все мы русские, все мы виновны и все мы носим дурные черты в себе русского характера» [15, с. 285]. Наблюдая события Гражданской войны, когда с людей быстро слетел налет «цивилизованности» и обнажилась страшная человеческая природа, он записал в дневник 10 апреля 1919 г. в Семипалатинске: «Ни пафоса революции, ни гимна, ни подъема высокого и упоенного – ничего мы не создали, и ничего не “выперло” из нас, зато показали подлинное лицо и всю настоящую затаенность: грабеж беззастенчивый, упоенный, сладострастный, похабщину, матерщину вместо гимна и изуверство по Достоевскому, который угадал это давно своим сверхгениальным чутьем: загаженные алтари, изнасилованные женщины, растленные дети, испохабленный очаг» [15, с. 369].

Юрист, участник Гражданской войны В.А. Морозов (1891–1979) в своих воспоминаниях, созданных через 50 лет после революции, писал о неготовности интеллигенции к событиям 1917 г., непонимании ею процессов, происходивших в стране: «Революцию интеллигенция встретила во всеоружии политического невежества и наивности. <...> Мы просто считали, что нас обманули, предали, надругались над всем светлым и чистым. Ничего, буквально ничего мы не понимали в происходящем и совершенно не представляли себе, что будет дальше и что надо делать» [18, л. 45]. Оказавшись

в эмиграции, многие думали, что это временное явление, что нужно ее просто переждать – буквально, “как в стогу сена переждать застигшую ... пургу или ливень”» [18, л. 46]. Об этом же писал И.С. Ильин: «Революция пугала и удивляла. Лишь бы отсидеться! Лишь бы “не пришли сюда”. Пускай “там” делают, что хотят, “не трогали бы нас”. Авось защитят японцы или китайцы» [14, с. 800]. В записи от 13 апреля 1921 г. он подчеркнул влияние революционных событий на людей: «Какое все-таки падение нравов. <...> Война, страшное напряжение в продолжении нескольких лет, а у нас в России и революция разложили общество. Утеряна законность, стерлись нравственные грани, стало все возможным и позволительным. Ведь большевизм сделал свое дело, он несомненно отразился и на нас. Мы все ведь тоже стали до известной степени “большевиками”» [12, л. 94].

Схожие мысли высказывал юрист, профессор права Г.К. Гинс, который часто публиковал заметки о революции и ее причинах в харбинской прессе. Так, в статье «Русская интеллигенция и наука права» (1925) он отмечал отсутствие правосознания у русской интеллигенции. Гинс настаивал на том, что защита от революций и потрясений – следование нормам «и частного, и публичного права» [4, с. 58]. Талантливый писатель и журналист Вс.Н. Иванов в статье «Памяти адмирала Колчака» (1928) писал о расколе общества как последствии революции, о «неугасимом пламени злобы, факелом вспыхнувшем в душе русского народа»: «Русский русскому стал врагом; русский русскому стал волком, – а если одна стая волков истребит другую стаю, то ведь останутся не ангелы – откуда ангелам взяться? – а останутся те же волки <...> Для преодоления революции нужна была совесть, а совести-то и не было. Ни в красном, ни в белом стане» [11, с. 193].

\* \* \*

Эмигранты в Китае, пытаясь понять суть большевизма и революции, связывали их, как правило, с национальными особенностями. И.С. Ильин, только прибыв в Харбин в 1920 г., поставил вопрос, который стал стержневым не только для него: «В чем дело с русскими людьми?» [12, л. 35]. Ильин считал, что революция высветила основные черты характера русского народа, показала его истинное лицо. В своем дневнике, в записи от 28 февраля 1921 г. он заметил: «Вне всякого сомнения, что власть опирается на какие-то основы, находит оправдание в своем существовании, отвечает каким-то сторонам народной психики. Большевизм русское дело, и его гениально, как пророк, видел и предсказал Достоевский» [12, л. 83].

На страницах дневника Ильин постоянно возвращался к этой теме. После обычного разговора о причинах поражения Белого движения и типичных эмигрантских доводов («нас предали и англичане, и французы, и подло

поступил Вильсон», «не будь союзников, не было бы большевиков») он раздраженно записал в дневнике (запись от 15 марта 1930 г.): «У русских есть черта – все виноваты, кроме них самих. Черта дурная и вредная» [13, л. 132]. В другой записи, от 15 июля 1930 г., он подчеркнул особенности русской ментальности: «У нас нет преемственности и до чрезвычайности слабо развито чувство долга в отношении близких, родины и даже себя самого. В нас нет дисциплины, духа, выдержки – мы делаем то, что “моя левая нога хочет, а там наплевать, хоть трава не расти!”» [13, л. 135].

Известный писатель С.Г. Скиталец в статье «Перевал» (1926) также пытался нащупать главные отличительные черты русского характера, проявившиеся в революции: «Созерцательное, безвольное отношение к жизни, лень и равнодушие к собственной судьбе вплоть до критического момента, когда по необходимости и против желания вдруг обнаруживается как бы дремавшая до сих пор неожиданная сила» [22, с. 71]. Революция, по его мнению, стала «звездным часом» бессмертных гоголевских типов – Хлестаковых, Чичиковых, Ноздревых: «Едва только запахло революцией – все они “с легкостью в мыслях необычайной” перекрасились в угодный начальству цвет, кинулись к власти и энергично начали “действовать”». Вследствие того, что самыми активными людьми оказались именно такие герои, революция, по мнению Скитальца, явилась не в «благородном и возвышенном виде», но с первых же дней приняла «пошлейший и отвратительный характер всеобщих корыстных злоупотреблений властью, растрат и хищений народного достояния» [22, с. 75].

Интеллигенция, по мнению Скитальца, никак не могла принять такую революцию: «Она не могла работать под руководством своих органических и заклятых врагов, спроворивших встать во главе революции, с Ноздревым, который без воровства шагу не сделает, с мошенником Чичиковым и авантюристом Хлестаковым, ведь с ними прежде она всегда боролась, как с “социальным злом” и “общественной язвой”». Поэтому эмигрантской интеллигенции была близка позиция героя Чацкого: «Пойду искать по свету, где оскорбленному есть чувству уголок!» [22, с. 77].

Русский народ Скиталец сравнил с Тюлиным, персонажем рассказа В.Г. Короленко «Река идет», – мужиком, перевозчиком через реку, вечно страдающим «похмельной скорбью»: «Он беспечно лежал ... на берегу разыгравшейся революции и равнодушно созерцал подымающуюся где-то там “у них” кутерьму. Ему казалось, что это – не его дело <...> Но приехали комиссары, и поехали на нем, заставили везти их на его тяжелом, неповоротливом судне. Он думал было ... отделаться от них, но не тут-то было» [22, с. 78]. Однако Скиталец верил, что русский народ, как «зачарованный странник», которому на роду написано «вечно погибать и который все-таки погибнуть не может», победит «не хлопотливой и шумной активностью, но единст-



венно гигантским своим терпением и несокрушимым стоицизмом в страдании – свойствами всякой большой и исторической силы» [22, с. 78].

Вс.Н. Иванов в статье «Зачарованные петухи» (1928) высказал предположение, что русский народ всегда существовал сам по себе, и после революции продолжал жить своей особой жизнью, особняком от советской власти: «Мелодия Интернационала играет на всех дудках, а в глубине России растет ироническое, смешливое отношение к коммунизму: “Новые баре тешатся! Пушай их!”» [11, с. 240]. Он считал, что русский народ все тот же, что и всегда, что «много мудрости держит в себе народная душа»: «Уживался отлично с татарами, заимствуя у них самое нужное; жил под поляками», значит перенял и «чарования и мудрования социалистические» [11, с. 243].

Вс.Н. Иванов пытался понять феномен фигуры В.И. Ленина, посвятив ему несколько статей и небольшую брошюру, вышедшую в 1928 г. в Харбине. В ней он признавал, что Ленин русскому народу «не чужой, он национален», это «большая и сильная личность», которая «взлетела на гребне войны, разрухи, недовольства, бесталанности правителей, вызывающей, провокационной нестеснительности высшего слоя, который провоцировал своей отчужденностью поход народа против буржуев» [10, с. 84]. Здесь же он указал на духовную составляющую революции: «Правдой руководится русский мир, в октябрьские дни он был соблазнен тоже правдой» [10, с. 92]. Однако Вс.Н. Иванов сомневался в том, что Ленин «окончательно досконально вызнал свойства русского народа», и считал, что в «широком и вольном русском море» остались еще «неуловленные жемчуга» [10, с. 84].

\* \* \*

Революция и Гражданская война привели к резкому «поправлению» эмиграции. Многим, даже либеральным деятелям, казалось, что единственным спасением России может быть монархическая идея, реставрация старого строя. Необходимо заметить, что монархизм в условиях усиления советского влияния в Китае играл роль оппозиции коммунистической идеи, был важен для воспитания молодежи в русских традициях, сохранения «старой» России. С точки зрения этого «правого» крыла русской колонии в Китае, революция в России была торжеством материализма, следовательно, главными задачами эмиграции считались сохранение духовной составляющей, в частности православной веры как основы русской культуры.

В этой среде раздавались призывы к персональной борьбе с коммунизмом как «мировым злом»: «Идет борьба. Мы, солдаты, будем биться за великое прошлое, за традиции, за историю, за славу и самое имя Россия» [23, с. 40]. Революция для большей части эмиграции была основой для построения собственной идентичности, оправдания своего существования. Не слу-

чайно день 7 ноября также отмечался в эмиграции как день непримиримости, сплочения рядов. Генерал Д.Л. Хорват 6 ноября 1932 г., в преддверии 15-летия революции, обратился с посланием из Пекина: «7 ноября большевики будут праздновать призрачное и непрочное торжество своей власти над Русским народом. Для нас этот день – день траура, когда мы будем возносить молитвы о мученически погибших Государе Императоре и Его августейшей семье, о героях и мучениках национального движения и о всех Русских людях, погибших за 15 лет кровавой изуверской коммунистической власти. Но вместе с тем, раз не сломлена наша вера, этот день будет для нас днем торжества Русского духа, днем неумираемости (sic! – М. К.) идеи белой борьбы, и не должно поэтому быть в наших сердцах ни уныния за наше будущее, ни сомнений в правоте нашего дела. Мы по-прежнему будем смело и бодро смотреть на будущее и непоколебимо верить в предстоящее освобождение России от ига III Интернационала и в ее грядущее национальное возрождение» [25, л. 1].

Не случайно, что в русской колонии в Китае возникла потребность в идеологическом оформлении представлений консервативной части эмиграции, в личности, которая бы выразила чаяния эмигрантов, сплотила бы их и дала надежду на «светлое будущее». На роль главного идеолога «правых» претендовал В.Ф. Иванов – адвокат, общественный деятель, организатор монархического объединения в Харбине. Иванов был неустанным критиком либерализма и сторонником сильной власти. В своих многочисленных работах он делал акцент на самобытности России, особенностях русской государственности. Он считал, что роковую роль в революции сыграла интеллигенция, которая сделала все, «чтобы очернить наше прошлое и ошельмовать русский государственный идеал». «Очерки русской культуры» П.Н. Милюкова он назвал произведением «антиправославным и антирусским». Дореволюционные русские университеты, по его мнению, были «рассадниками лжи и клеветы на наше прошлое», где либеральные профессора «настраивали общество против царского деспотизма» [8, с. 13–14]. В своей книге «От Петра I до наших дней» (1934) он еще раз подчеркнул роковую роль «средостения» – так называемой прослойки, отделявшей царя от народа и захватившей управление русской жизнью. По его мнению, элита России, а также интеллигенция, приняв прямо или косвенно масонские взгляды, предали забвению «основной идеал русского народа – православие», это и привело Россию к революции и гибели [9, с. 202].

Необходимо заметить, что В.Ф. Иванов был выразителем монархических, антикоммунистических взглядов с определенными антисемитским и антима-сонским уклонами, находивших широкий отклик в эмигрантской среде, связывавшей советскую власть и «еврейское засилье» в России. Антисемитизм стал основой русских фашистских организаций в Китае, возникших в середине

1920-х годов. Их идеалом была «Святая Русь» – государство, основанное на православной вере и социальной справедливости. Девизом русских фашистов стали слова: «Бог. Нация. Труд» [20, с. 97]. Фашизм считался перспективным орудием борьбы с большевизмом, его лидеры утверждали, что необходимо учиться у противника и бить большевиков их же оружием. Но в действительности фашистские организации в Китае в 1930-х годах попали под полную финансовую зависимость от японцев, использовали беспринципные методы работы и вскоре оттолкнули от себя большинство эмигрантов. Так, на траурном праздновании Дня непримиримости в Харбине 7 ноября 1934 г. профессор Г.К. Гинс в своей речи подчеркнул: «Ужас русской трагедии заключается в том, что большевизм меняет лик русского народа, калечит его душу, вытравливает прежнюю мораль. Влияние большевизма проникает в эмигрантскую среду, которая усваивает некоторые его методы, и самый ужасный из них – “цель оправдывает средства” – проникает в сознание эмиграции. Бойтесь этого и помните, что злом никогда не достигается добро» [7, с. 5].

\* \* \*

Эмигранты в Маньчжурии имели хорошую возможность узнать о жизни в пореволюционной России. Здесь находилась большая советская колония: партийные, комсомольские, пионерские организации, проходили собрания, диспуты, показы советских фильмов. В Харбин поступали практически все советские издания, благодаря чему эмигранты были хорошо осведомлены о событиях в СССР. Г.К. Гинс, профессор Юридического факультета в Харбине, где учились как советские граждане, так и эмигранты, внимательно следил за происходившими изменениями в советской России. В его архиве сохранились заметки к лекции о «новых» советских людях. В частности, его интересовало, насколько революция повлияла на русских людей, каким стал «новый человек», кого «выковала советская кузница» [2, кадр 46].

Он был разочарован результатами советского эксперимента, считал его несостоятельным и утопичным. В намеченном плане лекции «Старые и новые люди», которая состоялась 15 ноября 1933 г. в помещении Харбинского коммерческого собрания, он выделил следующие пункты: «Изменение общественной жизни в СССР. Пролетаризация. Распухание городов. Омоложение. Мужской облик женщины. Обезличение людей. Штапованные люди: партийцы, комсомольцы, герои труда. Власть массы и техники. Узость и односторонность образования и развития. Новая интеллигенция. Литература, наука, театр. Пробуждение человека в СССР. Лозунг – больше жизнерадостности. Потребность в духовном возрождении. Заключение: Роковое сходство “штапованных людей” капитализма и коммунизма. Огрубление этической и политической культуры нашего времени» [2, кадр 59].

Более всего Гинса раздражали «уравниловка», «власть коллектива» в советской России. Революция, считал харбинский профессор, «активно уничтожала людей и вбивала в головы мысль, что личность ничего не стоит»: «Революция, Масса, Пролетариат, Человечество – вот ценности. Нужно думать о классе, а не о человеке», «коллективное побеждает личное» [2, кадр 38]. Другим важным следствием русской революции Гинс считал атеизм, замену религии идеологией: «Вместо религии: Пятилетка, Ленин, Сталинизм. Социализм – Аллах и Сталин его пророк». Подводя итог, Гинс задавался вопросом – решила ли революция вопрос о создании нового человека: «Если новые по времени люди принесли узость, человеконенавистничество, нетерпимость, произвол, – они будут старше старых по культуре. Новыми будут те, кто принесет новую социальную этику, слово, которое осветило бы путь и озарило бы души» [2, кадр 39]. Однако он признавал, что «живущие под властью Советов приобрели практицизм, сознательность, дисциплинированность. Им нужно только ощутить свободу духа, скованного железными тисками казенной мысли и партийной воли». Гинс считал, что эмиграция и люди, жившие в СССР, неизбежно будут сближаться, «сказано будет слово синтеза гармонического слияния духовной свободы и сознательного служения нации», «чем больше мы будем знать себя и других, чем больше мы будем понимать историческую значимость нашей эпохи» [2, кадр 46].

Переехав в 1941 г. в США, Гинс продолжал размышлять о последствиях революции, о нравственной деградации русского общества. В статье «Рождение нового мира» (1942) он подчеркнул: «Не может быть возрождения на основе одного только политического и экономического переустройства мира. Как политика, так и экономика должны быть подчинены столь беспощадно попираемым на наших глазах началам человеколюбия и честности. Не потому отвратен коммунизм, что он ввел новую систему хозяйства. <...> Что вызывает общее возмущение в этой системе – насилие над людьми, отсутствие уважения к человеческой личности, то, что создает массовые принудительные выселения и расселения, террор, лишенцев, концентрационные лагеря – то, что делает всех граждан Советского Союза, не исключая и должностных лиц, столь забитыми, напуганными подчиненными постоянной слежке» [3, с. 3]. Однако Гинс верил в очистительную силу страданий, которые принесла революция и война русскому народу, в перерождение и естественный поворот истории: «Тернистый путь, который проходит сейчас мученически Россия, ведет ее к нравственному просветлению. Литература и поэзия дней войны звучат новыми мотивами любви к человеку, уважением к его духовному подвигу. Народ, не ответственный за ужасы революции, пережил их и перестрадал, он пережил еще большие ужасы войны, и в мире будущем он будет искать отдыха от жестокости» [там же].

\* \* \*

Межвоенный период был «золотым» временем для русской эмиграции в общественно-политическом и культурном плане: надежды на скорое возвращение, активные политические споры, жаркие дискуссии о будущем России, ренессанс православной веры. Каждый новый год в русских газетах в Китае печатались пожелания возвращения на родину, воскресения Великой России. 1 января 1934 г. в харбинской газете «Наш путь» М.Ю. Михайловская писала: «Вместо сатанизма, отчаяния и пошлости восторжествует глубокая вера в Бога, надежда на светлое будущее, нравственность и сознание, что только в честном труде и самообразовании залог нашего процветания». Семилетняя девочка Ларочка Зланская оставила свое пожелание: «На будущий год не будет уже большевиков, и мы все поедem в Россию. Мама мне сошьет форму и фартучек, и я буду учиться в русской гимназии на всех пятерках, а за это мне будут дарить мои мама, папа, дяди и тети подарки – и игрушки, и книги со сказками, которые я уже буду сама читать маме» [19, с. 3]. Харбинский календарь на 1940 г. давал обнадеживающие предсказания: «Война принесет падение большевизма в России. Россия будет иметь националистическое правительство» [1, с. 62].

Однако оккупация Маньчжурии Японией, а затем и Вторая мировая война заставили эмигрантов пересмотреть свои взгляды на основе патриотизма и антияпонских настроений. С течением времени большинство эмигрантов пережили идейную эволюцию, восприняв политику Сталина как возвращение России к национальным основам государственности. Этот путь прошло большинство русской эмиграции, приняв (восстановив) в середине 1940-х годов советское гражданство и пересмотрев свои взгляды на революцию и ее значение. Бывший член фашистской партии, принявший советское гражданство после Второй мировой войны в Шанхае, Н.П. Меди пытался в своих работах соединить социализм и христианскую идею. В статье «Освобожденная церковь» (1948) он писал: «Октябрьская революция... поставила и успешно разрешает задачу построения свободного и справедливого общества. Но ее правда, будучи правдой “кесарева” плана жизни, правдой социалистической и политической, не только фактически не противоречит другому, Божьему плану жизни, но, наоборот, содействует превращению человека из игрушки стихийных сил природы в свободную человеческую личность» [16, с. 33].

Бывшие противники «красных» И.С. Ильин, Вс.Н. Иванов, В.А. Морозов также стали советскими гражданами. В записке для Генерального консульства СССР в Харбине (1945) Ильин пытался объяснить позицию офицерства и интеллигенции, выступивших в 1917 г. в защиту «гибнущей России»: «Чтобы окончательно понять чувства, движимые этими людьми, чтобы уловить их психологию, надо на минуту представить себе, что бы произошло в СССР,

если бы там, в дни величайшего национального напряжения вспыхнула революция, правительство было бы свергнуто и с немцами заключен бесславный мир. Что бы сказали советские маршалы, офицеры, советские патриоты? Они, вероятно, тоже ушли в борьбу против тех, кто ради “каких-то идей” рискнул на тягчайшее потрясение?! Большинство белых вождей были мужественные и честные люди, проникнутые глубоким патриотизмом. Не их вина, что белое движение выродилось. Оно и не могло не выродиться – такой закон жизни. Побеждала революция, потому что за ней шел великий народ, но не всякому дано было то сразу увидеть. Да, наконец, в душах этих людей жило еще недоверие, у многих страх, ведь прошлое было так близко, казалось, что борьба еще не кончена» [14, с. 811]. В этой записке Ильин выразил надежды на духовное обновление России, а также на оправдание эмиграции: «Все горести, перенесенные ими [эмигрантами], и все потрясения, пережитые родиной, были ненеправильными. Все принесенные жертвы, оказывается, были не только нужны, но и необходимы. Революция, гражданская война, крушение старого мира привели страну не к гибели, а к возрождению. Выходило, значит, что революция была необходима и что без революции немыслимо было возрождение России» [14, с. 835].

\* \* \*

Однако послевоенные события способствовали поляризации мнений российских эмигрантов в Китае. Время показало, что непримиримых антибольшевиков среди эмигрантов оставалось достаточно много. Для них смыслом жизни было сопротивление «коммунистическому злу» и устранению советской власти в России. Профессор М.П. Головачев, проживавший в Харбине, затем в Шанхае, после войны смог переехать в США. Он и там продолжал писать, издавал собственными силами в Сан-Франциско журнал объединения российских антикоммунистов «Наш голос» – фактически рукописный, напечатанный на машинке. В статье «К 7 ноября» (1952) Головачев писал о смысле продолжения борьбы с большевиками: «Пока живы люди, в которых еще тлеет искра активной борьбы с коммунизмом на российских просторах, эта искра может разгореться в жаркое пламя, в котором он погибнет. <...> Ненависть к коммунистам тех, кто с оружием в руках боролся против красных в гражданскую войну в России и пронес эту ненависть за границей до настоящего дня, рано ли поздно должна слиться с ненавистью, которая скрывается повсеместно в СССР. Когда эти две волны встретятся, то в момент своего слияния они окажутся тем мощным народным валом, который смоет с лица нашей Родины советскую власть интернационального коммунизма» [5].

Незадолго до смерти Головачев выступил в газете «Россия» с большой статьей «Роль российской эмиграции в современных условиях» (1956).

В статье он призывал эмиграцию к «познанию самой себя», если она «не хочет быть пустоцветом двадцатого века». Он считал, что сущность эмиграции заключена в идейной непрерывности: «Миссия национальной российской эмиграции – быть за пределами СССР отражением подлинной России». В условиях холодной войны эмиграция должна была содействовать «усилению свободного мира против коммунизма», доказывая преимущества этого мира своим «экономическим и правовым благополучием», развивая «все отрасли общественной, культурной и политической деятельности, которые не противоречат законам приютивших ее стран», быть «местоблюстителем России как историческая величина, пока существует СССР» [6, с. 2].

В.А. Морозов, вернувшись из Китая в СССР в 1954 г., в своих воспоминаниях постоянно возвращался к мысли, что история эмиграции «не должна и не может быть выброшена из истории русского народа вообще, и истории революции 1917 года в частности, потому что история эта, жизнь эмиграции, представляет собой явление чрезвычайно своеобразное, неповторимое, психологически и логически ни на что не похожее. Если кто хочет знать все о русском народе, он должен знать и то, каков был русский человек в эмиграции» [17, л. 41 об.–42]. Он утверждал, что эмигранты «не чувствовали себя преступниками перед Родиной и русским народом, и свое эмигрантское “белое” дело делали со спокойной совестью и чистой душой»: «Нельзя зачеркивать или пачкать те страницы истории нашего народа, которые рассказывают о причинах возникновения белой идеи, ее защите и защитниках, о людях, ушедших в эмиграцию, работавших и сохранивших верность своим понятиям о патриотизме, чести и достоинстве. Если эти страницы будут написаны честной и беспристрастной рукой, то они не бросят тени на русское имя, не запачкают его, а наоборот – покажут русскую душу с новой стороны, достойной удивления и одобрения» [17, л. 27 об.].

Революция 1917 г. и дальнейшие кардинальные изменения жизни в России заставили эмиграцию взглянуть на произошедшие события с другой, проигравшей стороны. Этот глубоко личный взгляд не был свободен от предвзятости. К тому же отношение к революции не могло быть однозначным, оценки и представления о революции менялись с течением времени, изменения политической ситуации, внутренней эволюции русской колонии в Китае. Однако размышления эмиграции о событиях 1917 г., о сущности русского характера, о будущем страны пронизаны чувством исторической надежды, веры в Россию и русский народ. Суждения эмигрантов о революции, анализ ее причин и последствий является сегодня ценным источником для создания объемного и многогранного облика русской смуты.

### Библиография

1. Всеобщий календарь на 1940 год. Харбин: изд. А.Ф. Любавина, 1939. 116 с.
2. Гинс Г.К. Заметки к лекции «Люди в Советской России» // ГАРФ. Ф. 10143. Оп. 16. Кат. 6. Кадр 30–39.
3. Гинс Г.К. Рождение нового мира // Русская жизнь. Сан-Франциско, 1942. 24 декабря.
4. Гинс Г.К. Русская интеллигенция и наука права // Вопросы школьной жизни. Харбин, 1925. № 3. С. 48–61.
5. Головачев М.П. К 7 ноября // Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture (BAR). Golovachev Collection. Box N 1.
6. Головачев М.П. Роль российской эмиграции в современных условиях // Россия. Нью-Йорк, 1956. 14 марта.
7. День непримиримости // Гун-бао (Харбин). 1934. 8 ноября.
8. Иванов В.Ф. В поисках государственного идеала. Харбин: тип. газеты «Русское слово», 1932. 47 с.
9. Иванов В.Ф. От Петра I до наших дней. Русская интеллигенция и масонство. Харбин: В.А. Морозов, 1934. 611 с.
10. Иванов Вс.Н. Ленин. Харбин: Гун-бао, 1928. 99 с.
11. Иванов Вс.Н. Огни в тумане. Думы о русском опыте. Харбин: тип. «Заря», 1932. 367 с.
12. Ильин И.С. Дневник. 1920–1926 гг. // ГАРФ. Ф. Р-6599. Оп. 1. Д. 8. 264 л.
13. Ильин И.С. Дневник. 1929–1937 гг. // ГАРФ. Ф. Р-6599. Оп. 1. Д. 10. 250 л.
14. Ильин И.С. История российской эмиграции в Маньчжурии // Русская военная эмиграция 20–40-х годов XX века. Документы и материалы. М.: РГГУ, 2015. Т. 7: Восточная ветвь. 1920–1928 гг. С. 797–842.
15. Ильин И.С. Скитания русского офицера: Дневник Иосифа Ильина. 1914–1920. М.: Книжница, Русский путь, 2016. 480 с.
16. Меди Н.П. Освобожденная церковь // Китайский благовестник. Пекин; Шанхай, 1948. Янв.–апр. С. 29–33.
17. Морозов В.А. Воспоминания. 1964 г. // РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 5. Д. 20. 128 л.
18. Морозов В.А. Воспоминания. 1965 г. // РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 5. Д. 11. 98 л.
19. Новогодние поздравления // Наш путь (Харбин). 1934. 1 января.
20. Родзаевский К.В. Отчет о моей 20-летней деятельности // Кентавр. 1993. № 4. С. 93–114.
21. Северный П. Последняя буря на Волге // Студенческая жизнь. Харбин, 1923. № 1. С. 15–17.
22. Скиталец С.Г. Перевал (психология русских характеров) // Вопросы школьной жизни. Харбин, 1926. № 4–5. С. 69–78.
23. Студенческая жизнь. Харбин, 1923. Февр. № 1.
24. Хорват Д.Л. Дальневосточная эмиграция (рукопись) // Государственный музей-заповедник (ГМЗ) «Петергоф». Фонд «Архив Музея семьи Бенуа». ПДМБ 4715-ар. 10 л.
25. Хорват Д.Л. Обращение к русской дальневосточной эмиграции 6 ноября 1932 г. // ГМЗ «Петергоф». Фонд «Архив Музея семьи Бенуа». ПДМБ 4705-ар. 2 л.

### References

- Den' neprimirivosti // Gun-bao (Harbin). 1934. Nov. 8.  
Gins G.K. Rozhdenie novogo mira // Russkaja zhizn'. San-Francisko, 1942. Dec. 24.  
Gins G.K. Russkaja intelligencija i nauka prava // Voprosy shkol'noj zhizni. Harbin, 1925. N 3. P. 48–61.



- Gins G.K. Zametki k lekcii «Ljudi v Sovetskoj Rossii» // GARF. F. 10143. Op. 16. Kat. 6. Kadr 30–39.
- Golovachev M.P. K 7 nojabrja // Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture (BAR). Golovachev Collection. Box N 1.
- Golovachev M.P. Rol' rossijskoj jemigracii v sovremennyh uslovijah // Rossija. New York, 1956. March 14.
- Horvat D.L. Dal'nevostochnaja jemigracija (rukopis') // Gosudarstvennyj muzej-zapovednik (GMZ) «Petergof». Fond «Arhiv Muzeja sem'i Be-nua». PDMB 4715-ar. 10 l.
- Horvat D.L. Obrashhenie k russkoj dal'nevostochnoj jemigracii 6 nojabrja 1932 g. // GMZ «Petergof». Fond «Arhiv Muzeja sem'i Benua». PDMB 4705-ar. 2 l.
- Il'in I.S. Dnevnik. 1920–1926 gg. // GARF. F. R-6599. Op. 1. D. 8. 264 l.
- Il'in I.S. Dnevnik. 1929–1937 gg. // GARF. F. R-6599. Op. 1. D. 10. 250 l.
- Il'in I.S. Istorija rossijskoj jemigracii v Man'chzhurii // Russkaja voennaja jemigracija 20–40-h godov HH veka. Dokumenty i materialy. Moscow: RGGU, 2015. Vol. 7: Vostochnaja vetv'. 1920–1928 gg. P. 797–842.
- Il'in I.S. Skitanija russkogo oficera: Dnevnik Iosifa Il'ina. 1914–1920. Moscow: Knizhnica, Russkij put', 2016. 480 p.
- Ivanov V.F. Ot Petra I do nashih dnei. Russkaja intelligencija i ma-sonstvo. Harbin: V.A. Morozov, 1934. 611 p.
- Ivanov V.F. V poiskah gosudarstvennogo ideala. Harbin: tip. gazety «Russkoe slovo», 1932. 47 p.
- Ivanov Vs.N. Lenin. Harbin: Gun-bao, 1928. 99 p.
- Ivanov Vs.N. Ogni v tumane. Dmy o russkom opyte. Harbin: tip. «Zarja», 1932. 367 p.
- Medi N.P. Osvobodennaja cerkov' // Kitajskij blagovestnik. Pekin; Shanhaj, 1948. Jan.–Apr. P. 29–33.
- Morozov V.A. Vospominanija. 1964 g. // RGALI. F. 1337. Op. 5. D. 20. 128 l.
- Morozov V.A. Vospominanija. 1965 g. // RGALI. F. 1337. Op. 5. D. 11. 98 l.
- Novogodnie pozdravlenija // Nash put' (Harbin). 1934. Jan. 1.
- Rodzaevskij K.V. Otchet o moej 20-letnej dejatel'nosti // Kentavr. 1993. N 4. P. 93–114.
- Severnyj P. Poslednjaja burja na Volge // Studencheskaja zhizn'. Harbin, 1923. N 1. P. 15–17.
- Skitalec S.G. Pereval (psihologija russkih harakterov) // Voprosy shkol'noj zhizni. Harbin, 1926. N 4–5. P. 69–78.
- Studencheskaja zhizn'. Harbin, 1923. Feb. N 1.
- Vseobshnij kalendar' na 1940 god. Harbin: izd. A.F. Ljubavina, 1939. 116 p.

**Ф.О. Трунов**

### **ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ФРГ И РФ В УРЕГУЛИРОВАНИИ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ**

***Аннотация.** В статье прослежено взаимодействие России и Германии в урегулировании вооруженных конфликтов на востоке Украины, в Приднестровье, Абхазии и Южной Осетии. Даже будучи «замороженными» или «тлеющими», они несут в себе угрозу безопасности одновременно для РФ и Евро-Атлантического сообщества. В этой связи рассматриваются предпосылки и возможности для налаживания взаимодействия обеих держав в урегулировании на фоне имеющихся глубоких расхождений как на данном направлении, так и в отношениях в целом.*

***Ключевые слова:** Германия, Россия, вооруженные конфликты, постсоветское пространство.*

Трунов Филипп Олегович – кандидат политических наук,  
старший научный сотрудник Отдела Европы и Америки ИНИОН РАН,  
Москва. E-mail: 1 trunov@mail.ru

**F.O. Trunov. The Problems and Perspectives of Interaction Between Germany and Russia for the Armed Conflicts Settlement in the Post-Soviet Space**

***Abstract.** The article determines the process of interaction between Russia and Germany for the armed conflicts settlement in Eastern Ukraine, Transnistrian, Abkhazian and Southern Ossetia. Even being frozen or smoldering, the conflicts produce a large scale of threats both for Russian Federation and the Euro-Atlantic community. In this regard the article considers the prerequisites and possibilities for the building of bilateral cooperation against the backdrop of the deep differences both at this direction and in a relationship in general.*

***Keywords:** Germany, Russia, armed conflicts, post-Soviet space.*

Trunov Philipp Olegovich – Candidate of Political Science,  
senior researcher, Department of Europe and America,  
INION RAS, Moscow. E-mail: 1 trunov@mail.ru

Процесс формирования и развития постсоветского пространства сопровождали две волны вооруженных конфликтов. Первая из них возникла еще в ходе распада СССР и продолжалась до середины 1990-х годов, включая в себя вспышки организованного насилия в Таджикистане, Нагорном Карабахе, Южной Осетии, Абхазии и Приднестровье. Россия, сочетая использование дипломатических и военных инструментов, сыграла ключевую роль в обеспечении и поддержании мира во всех указанных случаях: гражданская война в Таджикистане (1992–1997) формально закончилась полным урегулированием, а остальные конфликты перешли в разряд «замороженных». При этом гарантией невозобновления боевых действий в Приднестровье, Южной Осетии и Абхазии являлось сохранение российского миротворческого присутствия. РФ, особенно с начала 2000-х годов, прилагала активные усилия для полного урегулирования конфликтов. Основными шагами на этом направлении следует признать выдвижение меморандума Козака (2003) по приднестровской проблеме и заключение Сочинских договоренностей (2003) с целью сближения Грузии с ее оппонентами. В основе инициатив РФ лежала идея федерализации бывших республик СССР, на территории которых происходили боевые действия, как средства устранения противоречий между Центром и периферийными субрегионами, склонными к отделению в случае сохранения унитарной формы государственного устройства.

В конце 2000-х – середине 2010-х годов произошла вторая серия вспышек организованного насилия на постсоветском пространстве. Она характеризовалась «размораживанием» прекращенных (в 2008 г. в Южной Осетии и подготовкой к этому в Абхазии по инициативе Грузии), возникновением новых (на востоке Украины, с 2014 г.) и ростом напряженности в зонах остальных «замороженных» (Приднестровье, Нагорный Карабах) конфликтов.

С середины 2000-х годов стало наблюдаться активное стремление США, а также ЕС и ведущих стран – участниц объединения – в первую очередь ФРГ – встроиться в процесс урегулирования вооруженных конфликтов в регионе. С одной стороны, позиция западных стран и институтов была близка к российской в вопросе о необходимости федерализации государств, на территории которых происходили вооруженные конфликты. С другой стороны, западные государства тесно увязывали данные меры со сближением стран, вступавших на путь постконфликтного развития, с ЕС. После вхождения (и фактической интеграции) стран Восточной Европы и Балтии в состав Европейского союза он стал территориально соприкасаться с границами постсоветского пространства. С конца 2000-х годов главным механизмом стратегического проникновения в регион стала запущенная ЕС программа «Восточное партнерство», а основным инструментом ее реализации – заключение соглашений об ассоциации.

РФ критически относится к этим мерам, стремясь построить на постсоветском пространстве евразийские интеграционные структуры. Показательно, что на современном этапе официальные российские власти в своей риторике используют оба эпитета («постсоветское» и «евразийское»), чаще употребляя второй. Тем самым демонстрируется тесная связь стран региона с Россией не только в прошлом (в периоды существования Советского Союза, Российской империи, Московского царства), но и в настоящем, а главное – в будущем. Утверждение РФ в качестве центра региональной подсистемы постсоветского пространства является неотъемлемой частью превращения страны в полноправный полюс влияния на глобальном уровне. Примечательно, что страны СНГ обозначены в качестве первоочередного регионального приоритета в действующей (2016) концепции внешней политики России [8].

На этом фоне возникновение и развитие вооруженного конфликта на востоке Украины стало де-юре и де-факто одним из ключевых факторов ухудшения стратегических отношений России и Запада. Безусловно, взаимная потеря доверия сторон весьма усложняет координацию их усилий. Однако необходимость налаживания скорейшего взаимодействия очевидна: во-первых, урегулирование имеющихся (и предотвращение возникновения новых) конфликтов прямо зависит от общего улучшения отношений. Во-вторых, по мере своего развития очаги организованного насилия (перемещение «черных» вооружений и взрывчатых веществ; усиление радикальных сил и организованной преступности; неконтролируемая миграция) будут негативно влиять как на Евро-Атлантическое сообщество, так и на Россию. Наконец, в-третьих, как показывает практика, чем более «запущенным» является конфликт (особенно если он «тлеющий»), тем проблематичнее его урегулирование.

Среди западных стран интерес представляет, в частности, изучение опыта ФРГ, в годы «холодной войны» сыгравшей одну из ключевых ролей в процессе «разрядки». На современном этапе ухудшения отношений Германия, в целом активно участвуя в действиях Запада по оказанию давления на РФ, в то же время начиная с 2015 г. в несколько меньшей степени, чем партнеры по ЕС и НАТО, стремится заморозить контакты с Россией. Именно ФРГ стала инициатором создания «Нормандского формата» (с 2014 г.) и, в отличие от действующей администрации США, весьма сдержанно относится к идеям очередного расширения санкций против России [18, с. 2–4]. Безусловно, градус отношений в отношениях двух держав во второй половине 2010-х годов продолжает оставаться довольно низким, однако именно ФРГ в перспективе может стать инициатором движения Запада к нормализации отношений с РФ.

Западные исследователи обычно обвиняют Россию в том, что она заинтересована лишь в «замораживании» конфликтов на постсоветском пространстве и не стремится к их полному урегулированию, желая тем самым сохра-

нить рычаги влияния на страны, где происходили вспышки организованного насилия [18, с. 2–5; 19, с. 2–6, 19–25]. Напротив, российские эксперты отмечают объективные трудности на пути к полному устранению противоречий, а также негативные последствия вмешательства Запада в ход урегулирования [9]. Однако в целом необходимо указать на недостаточное число научных публикаций, посвященных взаимодействию сторон в области урегулирования конфликтов.

**Точки соприкосновения между РФ и ФРГ  
в вопросе о «замораживании» вооруженного конфликта  
на востоке Украины**

Развитие вооруженного конфликта на востоке Украины<sup>1</sup> характеризовалось чередованием «горячих» (апрель – начало сентября 2014 г., январь – середина февраля 2015 г.) и «тлеющих» фаз. Водоразделом стало заключение 12 февраля 2015 г. договоренностей «Минск-2» с участием Украины, РФ, ФРГ и Франции. Комплекс мер по выполнению Минских соглашений включал в себя три основных блока:

- миротворческий, состоящий из обязательств сторон конфликта по созданию зоны разделения и отводу тяжелых вооружений, выводу всех видов иностранных вооруженных формирований; отдельно обговаривалось возвращение властям Украины контроля над границей после выполнения собственно политических договоренностей;

- общеполитический, в основе которого лежала формула сохранения территорий Донецкой и Луганской народных республик в составе Украины в обмен на предоставление им особого статуса (с оформлением этого в Конституции страны) и проведение местных выборов, что должно было легитимизировать вновь избранные власти;

- социально-экономический, фиксировавший необходимость хозяйственного восстановления и воссоздания нормальных условий жизни [7].

---

*1. По мнению российской стороны, «точкой невозврата» в развитии украинских событий стал антиконституционный переворот 22 февраля 2014 г., когда в нарушение договоренностей от 21 февраля 2014 г. о примирении официальных властей Украины во главе с президентом В.Ф. Януковичем и оппозицией последняя захватила власть. Гарантами соглашения 21 февраля 2014 г. выступили Германия (лично глава МИД Ф.-В. Штайнмайер), Франция и Польша. Российская сторона критиковала их за фактическое игнорирование силового характера переворота 22 февраля 2014 г., а также пассивность в деле оказания влияния на новые власти в Киеве при использовании ими военных инструментов для давления на регионы страны, не готовые принять антиконституционный переворот. Соответственно, эти события рассматривались в качестве отправной точки для развития вооруженного конфликта на востоке Украины и процесса возвращения Крыма в состав России [4].*

Сроки, отведенные в документе для выполнения этих договоренностей, были достаточно жесткими: на установление режима тишины отводилось всего 48 часов, а отвод тяжелых вооружений должен был завершиться в течение двух недель. Выполнение общеполитического блока планировалось обеспечить к концу 2015 г. При выработке соглашения от 12 февраля 2015 г., с точки зрения автора, был учтен опыт планов «Медведева – Саркози» (2008) и ближневосточного квартета по урегулированию арабо-израильского конфликта (2005).

Однако как и во втором случае строго установленные сроки были сорваны. Так, по состоянию на март 2018 г., согласно подсчетам автора, режим тишины нарушался 18 раз, или в среднем один раз в полтора месяца (!). Таким образом, наблюдалось очевидное «пробуксовывание» договоренностей «Минск-2». Но ни Германия (и Франция), ни Россия не стремились к свертыванию взаимодействия. Чем это было обусловлено?

«Минск-2» (в отличие от «Минска-1» в сентябре 2014 г.) стал документом с обоюдными гарантиями континентальных держав ЕС и РФ. Каждая из них, думается, является не только формальным, но и фактическим бенефициаром от выполнения договоренностей 12 февраля 2015 г. Для России значимым политическим успехом стало бы предоставление широкой автономии (в виде особого статуса) восточным регионам Украины, в социокультурном и экономическом плане тяготеющих к РФ. Это позволяло минимизировать их участие в реализации соглашения об ассоциации Украины с ЕС (подписанного 27 июня 2014 г.), а также препятствовало попыткам украинского истеблишмента добиться вхождения государства в состав НАТО. Постепенно очаг нестабильности у границ РФ превращался в дружественную территорию, способствуя серьезному снижению угроз для Юга России.

Для руководства Германии (и Франции) реализация «Минска-2» принесла бы серьезные репутационные выгоды, показывая эффективность действий национального истеблишмента и лично канцлера А. Меркель в сфере кризисного урегулирования. Это особенно важно в условиях стремительной трансформации архитектуры евро-атлантической региональной подсистемы и усиления позиций ФРГ как одного из полюсов притяжения в ней. Предоставление особого статуса юго-востоку Украины могло бы снизить напряженность в отношениях с РФ, связанную с заключением соглашения об ассоциации Украины и ЕС. Не менее важна, по мнению автора, и возможность улучшения отношений с Россией, и высвобождения ресурсов ФРГ (особенно политико-дипломатических и военных) для применения на других приоритетных направлениях – в первую очередь в рамках борьбы с международным терроризмом.

Между тем официальному Киеву выполнение договоренностей «Минска-2» невыгодно, поскольку будет означать фактическое поражение «умиротвори-

телей» и праворадикальных, в том числе неонацистских, сил, чьи позиции весьма сильны. Это могло бы привести к оттеснению от власти нынешней администрации во главе с П. Порошенко, чего последний, используя набор различных инструментов, стремится не допустить.

В целом процесс взаимодействия РФ и ФРГ по урегулированию вооруженного конфликта на востоке Украины можно условно разделить на два больших этапа. *Первый* охватывает период с февраля 2015 по август 2017 г. Главная его характеристика – стремление сторон к выполнению договоренностей «Минск-2» посредством обращения *лишь к имеющимся* механизмам и инструментам, сложившаяся схема использования которых была двухступенчатой. На *верхнем уровне* располагался «Нормандский формат», работа которого дополнялась функционированием двух переговорных «треугольников»: один из них германо-французский тандем образовывал с РФ, другой – с Украиной. Ключевыми функциями «Нормандской четверки» являлись наблюдение за выполнением договоренностей и придание ему ускорения.

При этом, как указывала российская сторона, главная проблема на пути урегулирования заключалась в налаживании прямого диалога между официальным Киевом и властями Донецкой и Луганской народных республик (ДНР и ЛНР) [3]. В этом вопросе украинские власти обладали возможностью для определенного маневра вследствие непризнания властей ДНР и ЛНР (избранных на начальной стадии вооруженного конфликта в мае 2014 г.). Поэтому ФРГ и Франция готовы были вести с ними переговоры лишь опосредованно, т.е. через РФ. Проблема осложнялась нежеланием обеих сторон конфликта договариваться о проведении местных выборов в Донецкой и Луганской областях. Официальный Киев опасался победы действующих властей на территории ДНР и ЛНР, стремясь осуществить латентные и явные меры (в частности, развертывание полицейской миссии под предлогом обеспечения безопасности [3]) для прихода к власти лояльного руководства. На это, в свою очередь, не могли согласиться представители самопровозглашенных республик.

*Нижний уровень* схемы использования инструментов и механизмов урегулирования составляли:

- контактная группа (Украина – ДНР – ЛНР – ОБСЕ) (в Минске), ответственная за выполнение всего комплекса договоренностей «Минск-2»;
- совместный центр координации и контроля за соблюдением режима прекращения огня, в состав которого помимо военных Украины и самопровозглашенных республик вошли офицеры Вооруженных сил России;
- специальная мониторинговая миссия (СММ) ОБСЕ.

Последняя, по сути, являлась главным механизмом для работы «в поле» с целью обеспечения режима прекращения огня и демилитаризации зоны вооруженного конфликта в целом. Хотя миссии оказывалась различная

техническая помощь, в частности со стороны ФРГ<sup>2</sup>, ее возможностей – как в количественном плане (лишь 10 передовых патрульных пунктов и подвижные инспекционные группы [20] (до 10 единовременно)), так и в качественном (отсутствие миротворческих подразделений) – было недостаточно для выполнения поставленных задач. Наблюдатели ОБСЕ могли лишь фиксировать, причем в неполном объеме, постоянные возвраты на боевые позиции тяжелой техники и факты возобновления боевых действий, но отнюдь не предотвращать их.

С весны 2016 г., спустя год с момента подписания договоренностей «Минск-2», встречи в «Нормандском формате» на высшем уровне созывались все реже; преимущественно они проводились на уровне глав МИД и их заместителей. Прежде всего это обуславливалось «пробуксовыванием» реализации соглашений, а из-за этого невозможным стало подключение глав государств и правительств стран – участниц формата. Однако РФ и германо-французский тандем стремились к объективности оценок: так, российская сторона признавала, что в ряде случаев ответственность за возобновление боевых действий лежит не только на украинских военных, но и на воинских формированиях ДНР и ЛНР. Кроме того, обе стороны старались использовать свое влияние: Россия – на самопровозглашенные республики [3], Германия (и Франция) – на официальный Киев [18, с. 2–5]. Важную роль играли отказ ФРГ от направления своих военных инструкторов на Украину, а также готовность к экономическому восстановлению Донбасса по секторальному принципу ответственности – так, Германия участвовала в восстановлении банковской системы и водо- и энергосетей [3; 15]. Интенсификация встреч сторон наблюдалась в первой половине 2016 г., в период председательства ФРГ в ОБСЕ, однако и это не привело к «прорыву». Тем не менее именно площадка Организации, равноудаленная и от России, и от Запада, рассматривалась обеими державами как подходящая для дальнейшего развития взаимодействия.

Несмотря на тактические успехи, к осени 2017 г. отчетливо проявилась сложность реализации договоренностей «Минска-2» без создания полноценного миротворческого присутствия в зоне конфликта. С сентября 2017 г. начинается *второй этап* российско-германского взаимодействия по урегулированию. К этому времени для ФРГ серьезно изменился внешне- и внутривнутриполитический фон. Положительный результат референдума о выходе Великобритании из ЕС 25 мая 2016 г., ставший отправной точкой Брекзита, и победа Д. Трампа на президентских выборах в США 9 ноября 2016 г. стали «стратегическим шоком» для официального Берлина. Он поставил германский

---

2. Так, Германией по личному распоряжению министра иностранных дел ФРГ Ф.-В. Штайнмайера для миссии было выделено два армейских беспилотных летательных аппарата. – Прим. авт.



истеблишмент перед необходимостью скорейшего переосмысления состояния дел в евро-атлантической региональной подсистеме и определения путей ее трансформации с учетом интересов ФРГ. Решение этих весьма непростых задач вдвойне усложнялось внутривнутриполитическим кризисом после выборов в Бундестаг 24 сентября 2017 г. Попытка А. Меркель создать коалицию в составе блока ХДС / ХСС, «Зелёных» и СвДП завершилась в ноябре 2017 г. провалом, а правительство «большой коалиции» было создано лишь в середине марта 2018 г. Все это серьезно сокращало возможности ФРГ участвовать в урегулировании вооруженного конфликта на востоке Украины, в том числе оказывать влияние на официальный Киев.

С весны 2017 г. проявилась еще одна тенденция – более активное вмешательство США в разрешение конфликта. Если при администрации Б. Обамы Соединенные Штаты, не войдя в Нормандский формат, оказывали сравнительно ограниченное влияние на ход урегулирования [18, с. 2–3], то администрация Д. Трампа попыталась принять на себя ключевую роль в этом процессе. США действовали фактически в обход «Нормандской четверки», отдавая предпочтение двусторонним контактам (с Украиной и в меньшей степени с РФ) и стремясь оттеснить ФРГ от реального принятия решений.

В начале сентября 2017 г. Президент России В.В. Путин выступил с инициативой разместить под эгидой ООН миротворческий контингент в полосе работы СММ ОБСЕ для ее охраны, а также для полноценного осуществления комплекса мер по обеспечению и поддержанию мира. Уже 11 сентября 2017 г. это предложение в ходе телефонных переговоров с главой РФ было поддержано канцлером А. Меркель. Кроме того, стороны согласились с необходимостью развертывания миротворческой миссии не только на линии разделения сторон, но и во всех районах, где действовала СММ ОБСЕ [13]. Реализация этого предложения выступала, по сути, единственной возможностью «заморозить» вооруженный конфликт, двигаясь по пути, определенному «Минском-2».

На фоне правительственного кризиса в ФРГ в обсуждение инициативы активно включился специальный представитель президента США по Украине К. Волкер. Так, в ноябре 2017 г. появилась информация о стремлении Соединенных Штатов развернуть на востоке Украины 20-тысячный миротворческий контингент, при этом США призвали официальный Киев не выступать с альтернативной инициативой [14]. Обсуждение инициативы РФ сопровождалось выдвижением дальнейших предложений и контрпредложений, в первую очередь со стороны Украины и США. Основные «проблемные узлы», помимо численности собственно миротворческой миссии, сводились к дополнению ее полицейскими силами и определению круга стран, которые могли предоставить воинские контингенты и возглавить международные силы. Вариант возложения ключевой нагрузки на условно нейтральные госу-

дарства во главе со Швецией, учитывая ее тесное сближение с НАТО, особенно с середины 2010-х годов, не мог быть принят ДНР и ЛНР. Это вновь привело к патовой ситуации.

Важным фактором торможения переговорного процесса, с точки зрения автора, стало уменьшение удельного веса в нем ФРГ. Это существенно расширило возможность для маневра официального Киева с целью затягивания и невыполнения положений «Минска-2». Так, 20 февраля 2018 г. П. Порошенко подписал указ о реинтеграции Донбасса, что было воспринято российской стороной как достижение «точки невозврата» в деле отхода Украины от выполнения договоренностей 12 февраля 2015 г. [2]. Согласно указу, антитеррористическая операция на востоке Украины трансформировалась в войсковую (с передачей командования ВСУ), а президент страны и вновь созданный им объединенный оперативный штаб получали право применять вооруженные силы в любом регионе страны (в том числе за пределами Донецкой и Луганской областей) без предварительного введения военного положения [там же]. С одной стороны, это расширяло возможности Украины по внезапному «размораживанию» конфликта. В ответ Россия временно отозвала своих военных из Совместного центра координации и контроля за соблюдением режима прекращения огня. Это было обоснованно воспринято официальным Берлином как «сигнал» к резкому ужесточению позиции РФ в случае попыток ремилитаризации конфликта [15]. С другой стороны, официальный Киев стремился подчинить себе все «частные армии» (особенно ориентированные на конкретных олигархов формирования), что должно было снизить вероятность неожиданных провокаций с целью эскалации напряженности.

Подготовка к подписанию П. Порошенко указа о реинтеграции Донбасса происходила на фоне 54-й Мюнхенской конференции по безопасности. 19 февраля 2018 г. и.о. министра иностранных дел ФРГ З. Габриель в своей речи подчеркнул приверженность Германии выполнению Минских договоренностей. Возможное обеспечение реального прекращения огня в зоне вооруженного конфликта рассматривалось германской стороной как отправная точка для начала отмены санкций со стороны ЕС в отношении России [24]. Однако вопреки ожиданиям России и объективной необходимости, встречи «Нормандского формата» (на министерском уровне) на полях Мюнхенской конференции организовано не было [10]. Это свидетельствовало о том, что Германия не была готова снять озабоченность РФ относительно закона о реинтеграции Донбасса. Его принятие соответствовало в большей степени линии США (особенно в условиях ужесточения курса администрации Д. Трампа в отношении РФ), но не Германии – показательно отсутствие активной поддержки документа со стороны официального Берлина. Так, в день принятия указа, 20 февраля 2018 г., состоялся телефонный разговор

А. Меркель и П. Порошенко, в ходе которого канцлер заявила о своей приверженности работе в «Нормандском формате» и децентрализации власти на Донбассе как политическому решению проблемы [15]. Вероятнее всего, П. Порошенко предоставил гарантии ФРГ и Франции, что он не пойдет на возобновление боевых действий, а напротив, реальным подчинением ВСУ всех полусамостоятельных формирований постарается более последовательно выполнять договоренности о прекращении огня.

Однако не исключена попытка официального Киева и его западных партнеров, особенно США, использовать закон о реинтеграции Донбасса для ускорения обсуждения вопроса о развертывании миротворческого контингента с учетом контрпредложений и корректировок. В этом случае весьма вероятен обратный эффект, который породит новую волну ухудшения отношений РФ со странами и институтами Евро-Атлантического сообщества.

Очевидно, что Германия не заинтересована в этом. Свидетельство тому – частота встреч на высшем уровне и неизменность позиции ФРГ, согласно которой Украина не готова к вступлению в НАТО в обозримой перспективе. Теперь от правительства уместно ожидать конструктивных предложений, содействующих реализации инициативы РФ. Необходимо отметить, что обстановку на востоке Украины ФРГ во все большей степени связывает с урегулированием других «замороженных» конфликтов на постсоветском пространстве, особенно в Приднестровье.

#### **Взаимодействие двух держав по урегулированию конфликта в Приднестровье**

Со времени вхождения Крыма в состав России и возникновения вооруженного конфликта на востоке Украины взаимодействие обеих держав по решению приднестровской проблемы было сведено к минимуму. Ключевым событием стала «заморозка» работы формата «5+2» по инициативе США, ФРГ и ее партнеров по ЕС. В целом этот шаг укладывался в логику радикального сокращения в 2014–2015 гг. числа переговорных площадок с РФ, особенно в сфере международной безопасности. Применительно к Приднестровью германские власти стремились продемонстрировать недопустимость распространения на него цепной реакции присоединения к России после вхождения Крыма в РФ (17 марта 2014 г.) и проведения референдума в ДНР и ЛНР в пользу аналогичного решения (11 мая 2014 г.). Об этом, в частности, заявила канцлер А. Меркель в ходе совместной пресс-конференции с премьер-министром Молдовы Ю. Лянке [22].

Параллельно официальный Берлин интенсифицировал усилия по сближению Молдовы с Евро-Атлантическим сообществом. 27 июня 2014 г. страна (одновременно с Грузией и Украиной) подписала соглашение об ассоциации

с ЕС. Показательно, что документ (как и в случае с Украиной) не содержал в названии также термина «стабилизация» в дополнение к «ассоциации», как это имело место с государствами Западных Балкан, на территории которых также имелись «замороженные» конфликты (в частности, Босния и Герцеговина). Тем самым, с точки зрения автора, ФРГ и ее партнеры по ЕС стремились де-юре исключить возможность отделения в Молдове и Украине и продемонстрировать их признание как состоявшихся государств.

Роль Румынии как одного из ближайших партнеров ФРГ в решении приднестровской проблемы возросла после избрания румынским президентом К. Йоханниса (21 декабря 2014 г.) – этнического немца, последовательно проводящего курс на укрепление связей страны с партнерами по ЕС и НАТО, особенно с Германией. Показательно, что один из первых государственных визитов К. Йоханнис совершил в Федеративную Республику Германию, где заявил о полной поддержке «Восточного партнерства» и необходимости сохранения единой Молдовы как ориентированной на ЕС и НАТО. А. Меркель подчеркивала общность интересов сторон в отношении Западных Балкан и заинтересованности в более активном подключении Румынии к урегулированию вооруженного конфликта на востоке Украины [23].

Углубление политического сотрудничества двух стран (преимущественно под эгидой ЕС) дало импульс развитию с 2016 г. военной кооперации на базе НАТО. В соответствии с решениями Варшавского саммита Альянса (8–9 июля 2016 г.) на территории Румынии был развернут штаб дивизии «Юго-Восток», часть персонала которого была выделена бундесвером. Начиная с 2016–2017 гг. германские военные стали впервые активно участвовать в военно-тренировочной деятельности блока в Юго-Восточной Европе. Параллельно Германия как страна – участница НАТО продолжила на ротационной основе выделять надводные боевые корабли в состав 2-й постоянной морской (ПМГ) и 2-й постоянной контрминной групп (ПКМГ) Альянса, до шести месяцев в календарном году оперирующих в акватории Черного моря.

Значительное наращивание присутствия всех видов вооруженных сил блока вблизи границ (в том числе морских) Молдовы и Украины являлось, по нашему мнению, инструментом усиления влияния Евро-Атлантического сообщества на ход урегулирования вооруженных конфликтов в этих странах. Факт заметного участия в этом процессе ФРГ свидетельствовал о стремлении обеспечить (под эгидой НАТО и ЕС) стратегическое проникновение в регион. Надо полагать, будет усиливаться наземное (в составе дивизии «Юго-Восток» и сил передового развертывания НАТО в целом) и военно-воздушное проникновение (в рамках миссии блока по охране воздушного пространства Румынии и Болгарии), а также усиление военно-морского присутствия ФРГ в Юго-Восточной Европе. В случае благоприятного для Запада сценария урегулирования вооруженных конфликтов на территории Молдовы

и Украины возможно развертывание тренировочных миссий ЕС с активным участием бундесвера.

Предпринимаемые западными странами меры серьезно повлияли на военно-политические позиции Украины и Молдовы: первая уже осуществила дрейф от внеблокового статуса (2010) к вступлению в НАТО как долгосрочной цели, вторая с высокой долей вероятности также будет готова пересматривать свой нейтральный статус. Это не только вызывает растущую обеспокоенность РФ, в действующей Военной доктрине которой приближение инфраструктуры и войск НАТО к границам России рассматривается как угроза национальной безопасности [1], но может стать непреодолимым препятствием для сближения сторон вооруженных конфликтов в Молдове и Украине.

В этой связи показательно стремление официального Кишинева с начала 2010-х годов параллельно добиться трансформации миротворческой (военной) миссии в Приднестровье в полицейскую и вывода оперативной группы российских войск (ОГРВ) (охраняющей склады с боеприпасами в районе Колбасна) [6]. Реализация этих мер означает свертывание российского присутствия в Приднестровье и замену его на миссию ЕС по образцу развернутой на границах Абхазии и Южной Осетии с 2009 г. РФ обращает внимание на очень высокую вероятность «размораживания» вооруженного конфликта в Приднестровье в случае замены военной миссии на гражданскую. Вывод российских войск из субрегиона позволит официальному Кишиневу использовать весь спектр средств давления на Приднестровье вплоть до силовых. В такой ситуации, как показывает опыт использования мониторинговой миссии ОБСЕ на востоке Украины, гражданские специалисты оказываются неспособны исключить вспышки организованного насилия. Миротворческое присутствие РФ базируется на действующей правовой основе – соглашении о принципах мирного урегулирования конфликта от 21 июля 1992 г. и протокола о количественном составе и размещении миротворческих сил от 28 июля 1992 г., заключенных Россией с Молдовой в присутствии главы Приднестровья [там же]. При этом численность контингента РФ с начала 2000-х годов существенно ниже (около 40%) от «потолка» войск, установленных вторым из документов (шесть батальонов, в том числе один в резерве, вертолетная эскадрилья и группа обеспечения связи) [там же]. Вкупе с отсутствием новых вспышек боевых действий с 1992 г. это доказывает эффективность использования российского воинского контингента и одновременно нежелание РФ его наращивать. Одновременно Россия готова полностью вывести ОГРВ после ликвидации складов в районе Колбасна, содержащих 20 тыс. т (!) боеприпасов. Без содействия Молдовы и Украины их вывоз с целью утилизации на территории РФ невозможен [там же]. В случае снятия охраны военное имущество (особенно взрывчатка) может, как показало расхищение вооружений армии Ливии после свержения М. Каддафи, активно использоваться различ-

ными радикальными группами – в том числе для «размораживания» конфликта в Приднестровье и эскалации ситуации на востоке Украины.

Показательно, что германские власти официально не педалировали вопрос о выводе миротворцев РФ, равно как и ОГРВ. Это, по мнению автора, косвенно свидетельствует о признании ФРГ необходимости присутствия России в Приднестровье на современном этапе урегулирования, что стало одной из предпосылок для восстановления взаимодействия двух держав.

2–3 июня 2016 г. в Берлине была проведена первая с начала украинских событий встреча формата «5+2». Формально проведение встречи было инициировано ОБСЕ, в действительности Германией, в 2016 г. ставшей председателем организации. Стороны заявили о приверженности сохранению Приднестровья в составе Молдовы при условии ее федерализации, начав выработку комплекса новых «малых шагов» для сближения участников «замороженного» конфликта. Параллельно была организована встреча сторон по схеме «1+1», при этом германская сторона попыталась вести «челночную дипломатию» [25].

Чем была обусловлена готовность ФРГ к восстановлению взаимодействия с РФ по Приднестровью? Во-первых, германские власти стремились использовать свое председательство в ОБСЕ (2016) для активизации процесса урегулирования вооруженных конфликтов на постсоветском пространстве в целом. В случае успеха это вернуло бы Германии особую роль (как это было в период «холодной войны») в налаживании диалога Запада и РФ на стратегическом уровне. Во-вторых, вступление в силу с 1 июля 2016 г. соглашения об ассоциации Молдовы с ЕС означало завершение первого этапа плана ФРГ по урегулированию вооруженного конфликта. Следующим должно было стать реальное вхождение Приднестровья в состав Молдовы как государства, ориентированного в своей внешней политике на Евро-Атлантическое сообщество. В этой ситуации затягивание урегулирования усиливало обособленность Приднестровья, что отнюдь не отвечало интересам Германии. К тому же, вопреки опасениям официального Берлина, реальных шагов по вхождению в состав России со стороны властей в Тирасполе осуществлено не было.

Стремясь развить успех от перезапуска процесса регулирования, МИД ФРГ инициировал в июле 2016 г. на территории Баварии новую встречу участников формата «5+2» для детализации мер по примирению сторон. Однако, как и следовало ожидать, Германии не удалось добиться стремительного прогресса – для Приднестровья факт ассоциации Молдовы с ЕС стал главным препятствием на пути урегулирования. И. Додон, избранный президентом Молдовы в декабре 2016 г., приостановил процесс сближения страны с НАТО. Примечательно, что на фоне интенсивных контактов на высшем уровне с Россией встречи И. Додона с канцлером и главой МИД ФРГ не проводились.

В 2017–2018 гг. германская сторона оказалась перед необходимостью поиска выхода из сложившейся патовой ситуации; при этом готовности к серьезной корректировке ее позиции по урегулированию конфликта в Приднестровье не просматривается. В этой ситуации германо-российское взаимодействие на данном направлении сведено к поддержке «малых шагов» по сближению сторон конфликта, а РФ критикует ОБСЕ за медлительность в их осуществлении [11]. Позитивным сигналом является заметное снижение остроты критики России Германией по сравнению с периодом 2014–2015 гг. Это же наблюдается и в случае с Абхазией и Южной Осетией.

**Взаимодействие по конфликтам в Абхазии  
и Южной Осетии: На пути к поиску выхода  
из патовой ситуации**

Если непосредственно в период «августовской войны» 2008 г. ФРГ активно взаимодействовала с РФ с целью деэскалации напряженности (в первую очередь, при разработке плана «Медведева – Саркози»), то по мере «замораживания» конфликта наблюдалась дивергенция позиций сторон. Последовательно поддерживая сохранение Грузии в границах 1991 г., ФРГ, как и ее западные партнеры, выступила против признания РФ независимости Абхазии и Южной Осетии (2008) как результата «разморозки» конфликта Грузией. Расхождения сторон привели к свертыванию мониторинговой миссии ОБСЕ в зоне грузино-абхазского конфликта (с 1994 г. с участием ФРГ и РФ) и ее замене наблюдателями ЕС, размещенными с грузинской стороны границ с Абхазией и Южной Осетией. С одной стороны, замена механизма под эгидой равноудаленной (от России и Запада) площадки на инструмент Европейского союза не могла не вызывать критики РФ. С другой стороны, вкупе с российским военным присутствием в двух вновь возникших государствах Закавказья развертывание наблюдателей ЕС позволило успешно «заморозить» конфликт. Разветвленная сеть основных (в районах Зугдиди вблизи границы с Абхазией, Гори и Мцхети вблизи Южной Осетии) и передовых пунктов миссии EUMM (МНЕС) позволяла ей фиксировать любые попытки даже небольших скоплений войск и техники вблизи границы [17]. В период 2009–2017 гг. не было ни одной вспышки организованного насилия (подобной событиям 2004 г. в Южной Осетии) и в целом отсутствовали признаки подготовки к «разморозке» конфликта [12]. Признание этого со стороны ЕС подтверждается сокращением числа сотрудников EUMM (МНЕС) к 2018 г. вдвое (с 400 до 200 человек) по сравнению с 2009 г. [17]. Стабилизации способствуют также регулярно организуемые при участии РФ, США, ОБСЕ и ЕС (в последнем случае – как дипломатами самого объединения, так и ФРГ)

регулярные встречи политических и военных представителей конфликтующих сторон [12].

В отличие от Приднестровья, в Абхазии и Южной Осетии взаимодействие РФ и ФРГ по урегулированию не прекратилось. Как ни парадоксально на первый взгляд, это было обусловлено большими расхождениями в позициях: в отличие от ФРГ, Россия признала выход Абхазии и Южной Осетии, а потому «замораживание» отношений могло дать исключительно негативный эффект. В случае же с Приднестровьем позиция ФРГ стала средством давления на РФ с целью не допустить попыток выхода из состава молдавского государства. Весьма показательна здесь Германией предпринимаемых Грузией «малых шагов» гуманитарного, экономического и политического характера в зоне конфликта, особенно с середины 2010-х годов [21].

Однако в целом во второй половине 2010-х годов глубокие различия в позициях двух держав остались неизменными – германская сторона заявляет о себе как последовательном стороннике «территориальной целостности и суверенитета Грузии на протяжении 25 лет» [там же], Россия же считает невозможным сохранение Абхазии и Южной Осетии в составе Грузии после ее агрессии 2008 г.

Фон для этого создает динамичное сближение Грузии с институтами Евро-Атлантического сообщества – как ЕС, так и НАТО, причем скорость этого сближения существенно выше, чем у Молдовы и Украины. После подписания Грузией соглашения об ассоциации с ЕС (2014) ежегодными стали двусторонние встречи с ФРГ на высшем уровне, традиционно проводимые в Берлине. Германия выступает значимым инвестором в грузинскую экономику: более 150 предприятий ФРГ работали в Грузии, особенно в строительной сфере [там же].

Параллельно развивалось военное сотрудничество по линии НАТО. Так, с 2017 г. на базе Кртцанисского учебного центра по инициативе премьер-министра Г. Квирикашвили стала осуществляться совместная военнотренировочная деятельность стран блока и Грузии, а ее подразделения подключились к программам подготовки сил быстрого реагирования Альянса. Однако блок отказался от создания под своей эгидой базы в Поти (как средства поддержки грузинских ВМС, ослабленных после войны 2008 г.), не исключив возможности ее создания одной из стран-участниц в национальном качестве [5]. С точки зрения автора, вероятность того, что Германия примет на себя эту роль, невелика. Как и в случае с Украиной, основной объем военного сотрудничества со стороны НАТО осуществляется англо-саксонскими державами (США, Великобритания, Канада), в то время как участие ФРГ более ограничено. В первую очередь оно сводится к предоставлению боевых единиц ВМФ в состав 2-й ПМГ и 2-й ПКМГ, совершающих регулярные дружественные визиты в Грузию. Это в целом отвечает линии Германии на



стратегическую сдержанность, в основе которой лежит взвешенность в использовании военных инструментов на постсоветском пространстве, чтобы уменьшить риск эскалации напряженности в отношениях с РФ.

При этом сближение Грузии с НАТО может быть использовано Западом в качестве средства влияния на РФ для получения уступок в урегулировании. Однако с высокой долей вероятности ответом станет наращивание военного присутствия России, в том числе на территории Абхазии и Южной Осетии.

Есть ли у германской стороны понимание патового характера ситуации? Думается, что да. Свидетельство этого – запуск с 2015 г. формата закрытых встреч Германии и Франции для ревизии сложившейся ситуации и поиска «прорывных» решений. Так, вторая встреча была организована в Тбилиси 16–17 декабря 2016 г. в завершение председательства ФРГ в ОБСЕ. Примечателен состав ее участников: от Франции и Германии были представлены послы в трех закавказских республиках, сотрудники диппредставительств в России и Турции, работники центрального аппарата МИД обеих держав (руководители Департамента Восточной Европы). И хотя ход и результаты этих встреч в Закавказье закрыты, они свидетельствуют о поиске Германией (и Францией) инициатив по урегулированию. Успех его наиболее вероятен в случае серьезного прогресса на других направлениях урегулирования – в первую очередь на востоке Украины.

\* \* \*

По мере частичной нормализации отношений двух держав после украинских событий 2014–2015 гг. первый всплеск активности во взаимодействии на постсоветском пространстве пришелся на 2016 г., что было связано с председательством ФРГ в ОБСЕ. В конце 2016–2017 гг. наблюдался определенный спад, вызванный резким изменением внутри- и внешнеполитической ситуации в Германии. Если применительно к Приднестровью, Абхазии и Южной Осетии это состояние еще продолжается, то в отношении конфликта на востоке Украины возможна новая активизация взаимодействия, которая в случае ее успеха повлияет и на остальные рассмотренные направления.

Международный опыт (в частности, примеры конфликтов на юге Судана и в провинции Дарфур) свидетельствует: длительность периода «заморозки» (и тем более «тления») внутригосударственного вооруженного конфликта прямо пропорциональна вероятности отделения одной из сторон боевых действий. Думается, что понимание этого будет способствовать активному участию ФРГ в реализации как уже выдвинутых предложений (в первую очередь по развертыванию миротворцев для «наращивания» миссии ОБСЕ на Донбассе), так и в выдвижении новых, носящих компромиссный характер.

### Библиография

1. Военная доктрина Российской Федерации // Российская газета. 2014. 30 декабря. URL: [www.rg.ru/2014/12/30/doktrina-dok.html](http://www.rg.ru/2014/12/30/doktrina-dok.html) (Дата обращения: 1.03.2018.)
2. Выступление заместителя Постоянного представителя России при ОБСЕ Д.А. Балакина на заседании Постоянного совета ОБСЕ о ситуации на Украине и необходимости выполнения Минских договоренностей, Вена, 1 марта 2018 г. // МИД РФ: Официальный сайт. URL: [http://www.mid.ru/web/guest/maps/ua/-/asset\\_publisher/ktn0ZLTvbbS3/content/id/3104384](http://www.mid.ru/web/guest/maps/ua/-/asset_publisher/ktn0ZLTvbbS3/content/id/3104384) (Дата обращения: 1.03.2018.)
3. Выступление и ответы на вопросы министра иностранных дел России С.В. Лаврова в ходе выхода к прессе по итогам переговоров министров иностранных дел в «Нормандском формате», Берлин, 11 мая 2016 г. // МИД РФ: Официальный сайт. URL: [http://www.mid.ru/foreign\\_policy/news/-/asset\\_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2752061](http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2752061) (Дата обращения: 1.03.2018.)
4. Выступление и ответы на вопросы министра иностранных дел С.В. Лаврова в ходе открытия российско-германской Летней школы «Пути развития энергетического сектора. Современные вызовы», Екатеринбург, 15 августа 2016 г. // МИД РФ: Официальный сайт. URL: [http://www.mid.ru/web/guest/meropriyatiya\\_s\\_uchastiem\\_ministra/-/asset\\_publisher/xK1BhB2bUjd3/content/id/2392315](http://www.mid.ru/web/guest/meropriyatiya_s_uchastiem_ministra/-/asset_publisher/xK1BhB2bUjd3/content/id/2392315) (Дата обращения: 1.03.2018.)
5. Дорогое удовольствие: НАТО не станет размещать военную базу в Грузии // РИА-Новости. 2017. 2 марта. URL: <https://www.ria.ru/world/20170302/1489103033.html> (Дата обращения: 1.03.2018.)
6. Интервью статс-секретаря – заместителя министра иностранных дел России Г.Б. Карасина газете «Коммерсантъ», опубликованное 2 октября 2017 г. // МИД РФ: Официальный сайт. URL: [http://www.mid.ru/web/guest/foreign\\_policy/international\\_safety/conflicts/-/asset\\_publisher/xIEMTQ3OvzcA/content/id/2884171](http://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/international_safety/conflicts/-/asset_publisher/xIEMTQ3OvzcA/content/id/2884171) (Дата обращения: 1.03.2018.)
7. Комплекс мер по выполнению Минских соглашений, 12 февраля 2015 г. // Официальные сетевые ресурсы Президента России. URL: <http://kremlin.ru/supplement/4804> (Дата обращения: 1.03.2018.)
8. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена 30 ноября 2016 г.) // Совет безопасности РФ: Официальный сайт. URL: <http://www.scrf.gov.ru/security/international/document25/> (Дата обращения: 1.03.2018.)
9. Малышев Д.В. Государства Южного Кавказа: Евро-атлантическая и евразийская альтернативы в сфере безопасности // Проблемы европейской безопасности. М., 2016. Вып. 1. С. 86–123.
10. О встрече министра иностранных дел России С.В. Лаврова с исполняющим обязанности вице-канцлера, федерального министра иностранных дел ФРГ З. Габриэлем 17 февраля 2018 г. // МИД РФ: Официальный сайт. URL: [http://www.mid.ru/web/guest/meropriyatiya\\_s\\_uchastiem\\_ministra/-/asset\\_publisher/xK1BhB2bUjd3/content/id/3078720](http://www.mid.ru/web/guest/meropriyatiya_s_uchastiem_ministra/-/asset_publisher/xK1BhB2bUjd3/content/id/3078720) (Дата обращения: 1.03.2018.)
11. О заседании «Постоянного совещания по политическим вопросам в рамках переговорного процесса по приднестровскому урегулированию», 28.11.2017 // МИД РФ: Официальный сайт. URL: [http://www.mid.ru/web/guest/foreign\\_policy/international\\_safety/conflicts/-/asset\\_publisher/xIEMTQ3OvzcA/content/id/2969470](http://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/international_safety/conflicts/-/asset_publisher/xIEMTQ3OvzcA/content/id/2969470) (Дата обращения: 1.03.2018.)
12. О консультациях по безопасности и стабильности в Закавказье, 13.12.2017 // МИД РФ: Официальный сайт. URL: [http://www.mid.ru/ru/foreign\\_policy/international\\_safety/conflicts/-/asset\\_publisher/xIEMTQ3OvzcA/content/id/2988745](http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/conflicts/-/asset_publisher/xIEMTQ3OvzcA/content/id/2988745) (Дата обращения: 1.03.2018.)

13. Телефонный разговор с федеральным канцлером Ангелой Меркель, 11.09.2017 // Официальные сетевые ресурсы Президента России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/55593> (Дата обращения: 1.03.2018.)
14. США захотели разместить на Донбассе 20 тыс. миротворцев // Lenta Ru. 2017. 10 ноября. URL: <https://lenta.ru/news/2017/11/10/donbass/> (Дата обращения: 1.03.2018.)
15. Bundeskanzlerin Merkel telefoniert mit dem ukrainischen Staatspräsidenten Petro Poroschenko, 20 Feb. // Die Bundesregierung: Official Website. URL: <https://www.bundesregierung.de/Content/DE/Pressemitteilungen/BPA/2018/02/2018-02-20-telefonat-merkel-poroschenko.html> (Дата обращения: 1.03.2018.)
16. Deutsch-französische Versöhnung in den Südkaukasus tragen: Zweite Regionalkonferenz der Botschafterinnen und Botschafter aus Deutschland und Frankreich in Tiflis // Auswärtiges Amt: Official Website. URL: [www.auswaertiges-amt.de/nn\\_582140/sid\\_322FE765566059B79A2A28BCFAED4FE7/DE/Aussenpolitik/Laender/Aktuelle\\_Artikel/Georgien/161219\\_dt\\_frz\\_Boko\\_Kaukasus.html?nnm=582158](http://www.auswaertiges-amt.de/nn_582140/sid_322FE765566059B79A2A28BCFAED4FE7/DE/Aussenpolitik/Laender/Aktuelle_Artikel/Georgien/161219_dt_frz_Boko_Kaukasus.html?nnm=582158) (Дата обращения: 1.03.2018.)
17. Factsheet and Figures // EUMM Georgien: Official Website. URL: [eumm.eu/en/about\\_eumm/facts\\_and\\_figures](http://eumm.eu/en/about_eumm/facts_and_figures) (Дата обращения: 1.03.2018.)
18. Lough J. Germany's Russia challenge: Fellowship monograph. Napoli: NATO Defense College, 2018. 47 p.
19. Menon R., Rumer Eu. Conflict in Ukraine. The Unwinding of the Post-Cold War Order. Boston: A Boston Review Book; London: The MIT Press, 2015. 169 p.
20. OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine // OSCE: Official Website. URL: [www.osce.org/special-monitoring-mission-to-ukraine](http://www.osce.org/special-monitoring-mission-to-ukraine) (Дата обращения: 1.03.2018.)
21. Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel und dem georgischen Ministerpräsidenten Kvirikashvili, 2016. Juni 15 // Die Bundesregierung: Official Website. URL: <https://www.bundesregierung.de/Content/DE/Mitschrift/Pressekonferenzen/2016/06/2016-06-15-pk-merkel-kvirikashvili.html> (Дата обращения: 1.03.2018.)
22. Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel und dem Ministerpräsidenten der Republik Moldau, Leanca, Berlin, 2014. Juli 10 // Die Bundesregierung: Official Website. URL: <https://www.bundesregierung.de/Content/DE/Mitschrift/Pressekonferenzen/2014/07/2014-07-10-pk-merkel.html> (Дата обращения: 1.03.2018.)
23. Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel und dem rumänischen Präsidenten, Johannis, Berlin, 2015. Febr. 26 // Die Bundesregierung: Official Website. URL: <https://www.bundesregierung.de/Content/DE/Mitschrift/Pressekonferenzen/2015/02/2015-02-26-merkel-johannis.html> (Дата обращения: 1.03.2018.)
24. Rede des Bundesministers des Auswärtigen, Sigmar Gabriel, bei der Münchner Sicherheitskonferenz am 17 Februar 2018 in München // Die Bundesregierung: Official Website. URL: <https://www.bundesregierung.de/Content/DE/Bulletin/2018/02/19-3-bmaa-sicherheitskonferenz.html> (Дата обращения: 1.03.2018.)
25. Transnistrienkonflikt: Erstes offizielles Treffen im Verhandlungsformat nach zweijähriger Pause // Auswärtiges Amt: Official Website. URL: [www.auswaertiges-amt.de/de/aussenpolitik/laender/moldau-node/160606-transnistrien-gespraech/281082](http://www.auswaertiges-amt.de/de/aussenpolitik/laender/moldau-node/160606-transnistrien-gespraech/281082) (Дата обращения: 1.03.2018.)

## References

- Voennaja doktrina Rossijskoj Federacii // Rossijskaja gazeta. 2014. Dec. 30. URL: [www.rg.ru/2014/12/30/doktrina-dok.html](http://www.rg.ru/2014/12/30/doktrina-dok.html) (Дата обращения: 1.03.2018.)
- Vystuplenie zamestitelja Postojannogo predstavitelja Rossii pri OBSE D.A. Balakina na zasedanii Postojannogo soveta OBSE o situacii na Ukraine i neobходимosti vypolnenija Minskikh dogovorennostej, Vena, 1 marta 2018 g. // MID RF: Official Website. URL: <http://www.mid.ru/>

web/guest/maps/ua/-/asset\_publisher/ktn0ZLTvbbS3/content/id/3104384 (Data obrashhenija: 1.03.2018.)

Vystuplenie i otvety na voprosy ministra inostrannyh del Rossii S.V. Lavrova v hode vyhoda k presse po itogam peregovorov ministrov inostrannyh del v «Normandskom formate», Berlin, 11 maja 2016 g. // MID RF: Official Website. URL: [http://www.mid.ru/foreign\\_policy/news/-/asset\\_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2752061](http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2752061) (Data obrashhenija: 1.03.2018.)

Vystuplenie i otvety na voprosy ministra inostrannyh del S.V. Lavrova v hode otkrytija rossijsko-germanskoj Letnej shkoly «Puti razvitiya jenergeticheskogo sektora. Sovremennye vyzovy», Ekaterinburg, 15 avgusta 2016 g. // MID RF: Official Website. URL: [http://www.mid.ru/web/guest/meropriyatiya\\_s\\_uchastiem\\_ministra/-/asset\\_publisher/xK1BhB2bUjd3/content/id/2392315](http://www.mid.ru/web/guest/meropriyatiya_s_uchastiem_ministra/-/asset_publisher/xK1BhB2bUjd3/content/id/2392315) (Data obrashhenija: 1.03.2018.)

Dorogoe udovol'stvie: NATO ne stanet razmeshhat' voennuju bazu v Gruzii // RIA-Novosti. 2017. March 2. URL: <https://www.ria.ru/world/20170302/1489103033.html> (Data obrashhenija: 1.03.2018.)

Interv'ju stats-sekretarja – zamestitelja ministra inostrannyh del Rossii G.B. Karasina gazete «Kommersant», opublikovannoe 2 oktjabrja 2017 g. // MID RF: Official Website. URL: [http://www.mid.ru/web/guest/foreign\\_policy/international\\_safety/conflicts/-/asset\\_publisher/xIEMTQ3OvzcA/content/id/2884171](http://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/international_safety/conflicts/-/asset_publisher/xIEMTQ3OvzcA/content/id/2884171) (Data obrashhenija: 1.03.2018.)

Kompleks mer po vypolneniju Minskih soglashenij, 12 fevralja 2015 g. // Oficial'nye setevye resursy Prezidenta Rossii. URL: <http://kremlin.ru/supplement/4804> (Data obrashhenija: 1.03.2018.)

Koncepcija vneshnej politiki Rossijskoj Federacii (utverzhdjena 30 nojabrja 2016 g.) // Sovet Bezopasnosti RF: Official Website. URL: <http://www.scrf.gov.ru/security/international/document25/> (Data obrashhenija: 1.03.2018.)

Malyshev D.V. Gosudarstva Juzhnogo Kavkaza: Evro-atlanticheskaja i evrazijskaja al'ternativy v sfere bezopasnosti // Problemy evropejskoj bezopasnosti. M., 2016. Vyp. 1. P. 86–123.

O vstreche ministra inostrannyh del Rossii S.V. Lavrova s ispolnjajushhim objazannosti vice-kanclera, Federal'nogo ministra inostrannyh del FRG Z. Gabrijelem 17 fevralja 2018 g. // MID RF: Official Website. URL: [http://www.mid.ru/web/guest/meropriyatiya\\_s\\_uchastiem\\_ministra/-/asset\\_publisher/xK1BhB2bUjd3/content/id/3078720](http://www.mid.ru/web/guest/meropriyatiya_s_uchastiem_ministra/-/asset_publisher/xK1BhB2bUjd3/content/id/3078720) (Data obrashhenija: 1.03.2018.)

O zasedanii «Postojannogo soveshhanija po politicheskim voprosam v ramkah peregovornogo processa po pridnestrovskomu uregulirovaniju», 28.11.2017 // MID RF: Official Website. URL: [http://www.mid.ru/web/guest/foreign\\_policy/international\\_safety/conflicts/-/asset\\_publisher/xIEMTQ3OvzcA/content/id/2969470](http://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/international_safety/conflicts/-/asset_publisher/xIEMTQ3OvzcA/content/id/2969470) (Data obrashhenija: 1.03.2018.)

O konsul'tacijah po bezopasnosti i stabil'nosti v Zakavkaz'e, 13.12.2017 // MID RF: Official Website. URL: [http://www.mid.ru/ru/foreign\\_policy/international\\_safety/conflicts/-/asset\\_publisher/xIEMTQ3OvzcA/content/id/2988745](http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/conflicts/-/asset_publisher/xIEMTQ3OvzcA/content/id/2988745) (Data obrashhenija 1.03.2018.)

Telefonnyj razgovor s federal'nym kanclerom Angeloj Merkel', 11.09.2017 // Oficial'nye setevye resursy Prezidenta Rossii. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/55593> (Data obrashhenija: 1.03.2018.)

SShA zahoteli razmestit' na Donbasse 20 tysjach mirotvorcev // Lenta Ru. 2017. Nov. 10. Official Website. URL: <https://lenta.ru/news/2017/11/10/donbass/> (Data obrashhenija: 1.03.2018.)

Bundeskanzlerin Merkel telefoniert mit dem ukrainischen Staatspräsidenten Petro Poroschenko, 2018. 20 Feb. // Die Bundesregierung: Official Website. URL: <https://www.bundesregierung.de/Content/DE/Pressemitteilungen/BPA/2018/02/2018-02-20-telefonat-merkel-poroschenko.html> (Data obrashhenija: 1.03.2018.)

Deutsch-französische Versöhnung in den Südkaukasus tragen: Zweite Regionalkonferenz der Botschafterinnen und Botschafter aus Deutschland und Frankreich in Tiflis // Auswärtiges Amt: Official Website. URL: [www.auswaertiges-amt.de/nn\\_582140/sid\\_322FE765566059B79A2A28BCF](http://www.auswaertiges-amt.de/nn_582140/sid_322FE765566059B79A2A28BCF)

AED4FE7/DE/Aussenpolitik/Laender/Aktuelle\_Artikel/Georgien/161219\_dt\_frz\_Boko\_Kaukasus.html?nnm=582158 (Data obrashhenija: 1.03.2018.)

Factsheet and Figures // EUMM Georgien: Official Website. URL: [eumm.eu/en/about\\_eumm/facts\\_and\\_figures](http://eumm.eu/en/about_eumm/facts_and_figures) (Data obrashhenija: 1.03.2018.)

Lough J. Germany's Russia challenge: Fellowship monograph. Napoli: NATO Defense College, 2018. 47 p.

Menon R., Rumer Eu. Conflict in Ukraine. The Unwinding of the Post-Cold War Order. Boston: A Boston Review Book; London: The MIT Press, 2015. 169 p.

OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine // OSCE: Official Website. URL: [www.osce.org/special-monitoring-mission-to-ukraine](http://www.osce.org/special-monitoring-mission-to-ukraine) (Data obrashhenija: 1.03.2018.)

Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel und dem georgischen Ministerpräsidenten Kvirikashvili, 2016. Juni 15 // Die Bundesregierung: Official Website. URL: <https://www.bundesregierung.de/Content/DE/Mitschrift/Pressekonferenzen/2016/06/2016-06-15-pk-merkel-kvirikashvili.html> (Data obrashhenija: 1.03.2018.)

Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel und dem Ministerpräsidenten der Republik Moldau, Leanca, Berlin, 2014. Juli 10 // Die Bundesregierung: Official Website. URL: <https://www.bundesregierung.de/Content/DE/Mitschrift/Pressekonferenzen/2014/07/2014-07-10-pk-merkel.html> (Data obrashhenija: 1.03.2018.)

Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel und dem rumänischen Präsidenten, Johannis, Berlin, 2015. Febr. 26 // Die Bundesregierung: Official Website. URL: <https://www.bundesregierung.de/Content/DE/Mitschrift/Pressekonferenzen/2015/02/2015-02-26-merkel-johannis.html> (Data obrashhenija: 1.03.2018.)

Rede des Bundesministers des Auswärtigen, Sigmar Gabriel, bei der Münchner Sicherheitskonferenz am 17 Februar 2018 in München // Die Bundesregierung: Official Website. URL: <https://www.bundesregierung.de/Content/DE/Bulletin/2018/02/19-3-bmaa-sicherheitskonferenz.html> (Data obrashhenija: 1.03.2018.)

Transnistrienkonflikt: Erstes offizielles Treffen im Verhandlungsformat nach zweijähriger Pause // Auswärtiges Amt: Official Website. URL: [www.auswaertiges-amt.de/de/aussenpolitik/laender/moldau-node/160606-transnistrien-gespraech/281082](http://www.auswaertiges-amt.de/de/aussenpolitik/laender/moldau-node/160606-transnistrien-gespraech/281082) (Data obrashhenija: 1.03.2018.)

**Е.А. Крылова**

**РОССИЯ В ПРОГРАММАХ ПАРЛАМЕНТСКИХ ПАРТИЙ  
ФРГ в 2017 г.**

***Аннотация.** В статье речь идет о том, какими видят взаимоотношения с Россией германские партии, прошедшие в Парламент ФРГ по итогам выборов 24 сентября 2017 г. На основе анализа программ этих партий делается вывод, что несмотря на все сложности, Россия по-прежнему остается одним из важнейших внешнеполитических партнеров Германии.*

***Ключевые слова:** Российско-германские отношения, Парламент ФРГ, выборы в Германии, Бундестаг.*

**Крылова Екатерина Александровна** – аспирантка  
факультета политологии Санкт-Петербургского государственного  
университета, главный специалист Управления внешних связей  
Санкт-Петербургского научного центра РАН, Санкт-Петербург.  
E-mail: [ekaterinaa.krylova@gmail.com](mailto:ekaterinaa.krylova@gmail.com)

**E.A. Krylova. Russia in the Programs of the Parliamentary Parties  
of Germany in 2017**

***Abstract.** The article describes the views of the German parliamentary parties after elections in September 24, 2017 on the relationship with Russia. Analysing the programs of these parties, the author concludes that despite all difficulties and problems, Russia is still one of the most important foreign policy partners for Germany.*

***Keywords:** Russian-German relations, German Parliament, elections in Germany, Bundestag.*

**Krylova Ekaterina Alexandrovna** – Postgraduate student  
of the Faculty of Political Science St. Petersburg State University,  
Headspecialist of the Foreign Relations Department  
of the Saint-Petersburg Scientific Centre RAS.  
E-mail: [ekaterinaa.krylova@gmail.com](mailto:ekaterinaa.krylova@gmail.com)

Федеративная Республика Германия, продолжая оставаться локомотивом европейской экономики, выступает неформальным лидером в политической жизни Европы. Этот факт вызывает повышенный интерес к любым изменениям, происходящим в стране. Последние выборы в Бундестаг показали, что политическая карта Германии претерпела существенные изменения.

Выборы в Бундестаг в 2017 г. стали уникальными. С 24 сентября в парламенте работают семь партий [1]. Пятипроцентный барьер преодолели как Христианско-демократический союз Германии (ХДС) с Христианско-социальным союзом (ХСС), получившие 246 мест в Парламенте, так и Социал-демократическая партия Германии (СДПГ, 153 места), партия «Альтернатива для Германии» (АДГ, 92 места), «Свободная демократическая партия Германии» (СвДП, 80 мест), партия «Левые» (69 мест), «Зеленые» (67 мест). Количество депутатов возросло пропорционально увеличившейся явке избирателей [4]. Впервые в истории партии не смогли на протяжении почти пяти месяцев сформировать коалицию и новое правительство.

Разные партии по-разному представляют себе варианты взаимодействия с Россией.

Партия ХДС традиционно поддерживается крупным бизнесом Германии. Этот бизнес заинтересован в экономическом сотрудничестве с Россией. Соответственно, и партия не против российско-германского сотрудничества (в программе ХДС Россия упомянута трижды), но тем не менее в приоритетах у ХДС остается работа с США и НАТО.

ХДС заинтересована в разрешении конфликта между РФ, Украиной и ЕС в целях реализации проекта объединенной Европы. ХДС поддерживает предложение создать союз безопасности в Европе, несмотря на убежденность в принадлежности ФРГ блоку НАТО [8]. ХДС призывает Россию осуществлять Минские соглашения. Россия также упомянута в контексте возвращения немцев на историческую родину. Идеологически ХДС не поддерживает политику Москвы по проблеме прав человека, работы некоммерческих организаций. Однако экономическое крыло ХДС лоббирует инвестиционную политику в РФ, поддержку бизнеса на территории РФ. С 2013 г. ХДС стала резче критиковать действия РФ на постсоветском пространстве. Катализатором стал вопрос Украины и Крыма, расхождения во взглядах на геополитическое сотрудничество ЕС и РФ на просторах СНГ и Балканах [там же].

Социал-демократы, движущиеся в фарватере политики бывшего канцлера Шрёдера, имеют много общего с ХДС во взглядах на Россию, поскольку тоже представляют интересы крупных немецких фирм и предприятий. Однако политика СДПГ в отношении России остается более либеральной, и ей на страницах предвыборной программы было уделено внимание 6 раз. Подтверждением важности для этой партии российской темы стали выступления партийных лидеров относительно упрощения визового сотрудничества, внут-

ренного развития России. Однако украинский кризис сблизил СДПГ и ХДС в области санкционной политики. Условием снятия санкций, как говорится в программе СДПГ, является претворение в жизнь Минских соглашений.

В предвыборной программе СДПГ 2017 г. речь идет о совместной с Россией ответственности за свободу и мир, борьбу с терроризмом, о необходимости диалога между правительствами и народом, а также о том, что открывшая Россия обеспечит свободу и стабильность на континенте. Россия, по мнению СДПГ, является неотъемлемой частью Европы, а свобода и безопасность в Европе возможна только с Россией, а не без нее. Российская Федерация упоминается и тогда, когда речь идет о многостороннем сотрудничестве по линии ОБСЕ, ООН, Совета Европы. Однако отношения с Россией названы одним из вызовов для трансатлантического партнерства [9].

«Альтернатива для Германии» выступает за учет интересов России на восточном направлении ЕС, совместное разрешение проблем, включая украинский вопрос и отмену санкций [7]. Партия позиционирует себя как выразительница настроений российских немцев, консервативных слоев немецкого общества, интеллигенции Германии. Среди ее предвыборных ходов – перевод партийной программы на русский язык, в самой программе отношения с Россией описываются дважды. Разрядка отношений с Россией, по мнению АДГ, – это предпосылка для установления долгосрочного сотрудничества в Европе [там же]. Кроме того, предполагается включить Россию в совместную структуру безопасности.

У Свободной демократической партии Германии прагматическая повестка; в этой программе Россия была упомянута 10 раз. В основном партия представляет мелкий и средний бизнес, поэтому у либералов заинтересованность в работе с РФ минимальна. России отведен отдельный параграф под заголовком «Четкие действия в отношении России», в котором делается акцент на необходимость диалога с Россией как с соседом на европейском континенте, на урегулирование ситуации вокруг Украины. Демократы призывают обратить особое внимание на соблюдение прав человека в России. В параграфе «Отношения с НАТО» СвДП, подчеркивая роль блока как гаранта безопасности, также упоминает о важности диалога с Россией [3].

Германские «Левые» настроены на деэскалацию в отношениях и с Россией, и на всем восточном направлении политики ФРГ. На страницах программы Россия была упомянута 11 раз [6]. «Левые» – это одна из партий, выражающих антимилитаристские взгляды; партия выступает за усиление роли ООН в урегулировании мировых конфликтов, за развитие интеграционных процессов в ЕС. Ее члены говорят об отмене санкций в отношении Москвы, окончании политики изоляции Российской Федерации и расширении сотрудничества ЕС с Россией. На страницах предвыборной программы упоминается о присутствии России в Сирии, об укреплении позиций ОБСЕ в Европе, прекраще-



нии присоединения новых членов к договору НАТО и о строительстве безопасности Европы совместно с Россией, а не против нее. В программе также говорится о том, что базирующиеся вдоль границ России системы противоракетной обороны (ПРО) ЕС и НАТО создают угрозу миру в Европе [6].

«Зеленые» и «Союз 90» позиционируют себя как бескомпромиссные критики политики России по вопросам нарушения прав человека, политики Российской Федерации на Балканах, на постсоветском пространстве и в Сирии. Россия в предвыборной программе «Зеленых» была упомянута трижды [2]. Говоря о политике расширения ЕС и сотрудничестве с соседями на востоке, партия предлагает либерализовать визовый режим, в том числе и для России, в целях интенсификации обмена в области образования, спорта, культуры. «Либерализация европейско-германской визовой политики является важнейшим ключом к реформам и социальным изменениям за пределами Европейского союза», – указывается в программе. В ней также идет речь о необходимости предотвращения конфликта «Запад – Восток» и реформировании структуры НАТО.

Таким образом, в программах всех парламентских партий уделено немало места взаимоотношениям с Россией. Как показали федеральные выборы, карта электоральных предпочтений в Германии сильно изменилась в сторону правого консерватизма. Большая часть избирателей, ушедших от центристских партий к АДГ и «Левым», готова пересматривать внутреннюю и внешнюю политику. Но несмотря на это, существенных количественных и качественных изменений в российско-германских отношениях не ожидается.

Продолжавшиеся с конца ноября 2017 г. переговоры о создании коалиционного правительства между ХДС / ХСС и социал-демократами подошли к завершению 7 февраля 2018 г. Результатом стало подписание коалиционного договора под названием «Новое начало для Европы. Новая динамика для Германии. Новая солидарность для нашей страны» [5]. Россия как крупнейший европейский сосед была упомянута в основополагающем документе 10 раз. В документе говорится о ее возрастающей роли в мире, о необходимости возобновления работы совета Россия – НАТО, а также совместной работы ФРГ и России в области безопасности и свободы. России отводится важная роль в процессе урегулирования важных международных проблем, обеспечения гарантий суверенитета стран, основанного на принципах работы ОБСЕ. О России упоминается в связи с сотрудничеством между гражданским обществом и бизнесом, крымским кризисом, ситуацией на восточной Украине и соблюдением Минских договоренностей.

Цель политики в отношении России, как следует из Договора, – это возвращение к отношениям, основанным на взаимном доверии и балансе интересов, которые снова позволят наладить тесное партнерство между странами.

Германия стремится увеличить сотрудничество с гражданским обществом, в том числе укрепляя работу «Петербургского диалога».

Таким образом, при всех геополитических разногласиях Россия остается важным направлением внешней политики ФРГ. Несмотря на кризис в отношениях ЕС с Российской Федерацией, торговые и экономические двусторонние отношения продолжают развиваться.

### Библиография

1. Bundestagswahl 2017: Ergebnis, Sitzverteilung, Koalitionen, Kosten. 25.09.2017 // Wahlen in Deutschland [Электронный ресурс]. URL: <https://bundestagswahl-2017.com/ergebnis/> (Дата обращения: 25.09.2017.)
2. Bundestagswahlprogramm 2013 von Bündnis 90 / DIE GRÜNEN. Zeit für den grünen Wandel. 25.09.2017 // DIE GRÜNEN: Official Website [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gruene.de/partei/gruenes-wahlprogramm-2013.html> (Дата обращения: 25.09.2017.)
3. Das Programm der Freien Demokraten zur Bundestagswahl 2017: «Schauen wir nicht länger zu» 2017 // Free Demokraten (FDP): Official Website [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fdp.de/sites/default/files/uploads/2017/08/07/20170807-wahlprogramm-wp-2017-v16.pdf> (Дата обращения: 25.09.2017.)
4. Endgültige Ergebnisse. Bundestagswahl 2017 // Der Bundeswahlleiter: Official Website [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bundeswahlleiter.de/bundestagswahlen/2017/ergebnisse.html> (Дата обращения: 07.10.2017.)
5. Koalitionsvertrag zwischen CDU, CSU und SPD. Ein neuer Aufbruch für Europa. Eine neue Dynamik für Deutschland. Ein neuer Zusammenhalt für unser Land 2018 // Sozialdemokratische Partei Deutschlands (SPD): Official Website [Электронный ресурс]. URL: [https://www.spd.de/fileadmin/Dokumente/Koalitionsvertrag/Koalitionsvertrag\\_2018.pdf](https://www.spd.de/fileadmin/Dokumente/Koalitionsvertrag/Koalitionsvertrag_2018.pdf) (Дата обращения: 17.02.2018.)
6. Langfassung des Wahlprogramms zur Bundestagswahl 2017. Sozial gerecht. Frieden. Für alle. Die Zukunft, für die wir kämpfen! 2017 // DIE LINKE: Official Website [Электронный ресурс]. URL: [https://www.die-linke.de/fileadmin/download/wahlen2017/wahlprogramm2017/die\\_linke\\_wahlprogramm\\_2017.pdf](https://www.die-linke.de/fileadmin/download/wahlen2017/wahlprogramm2017/die_linke_wahlprogramm_2017.pdf) (Дата обращения: 25.09.2017.)
7. Programm für Deutschland. Wahlprogramm der Alternative für Deutschland für die Wahl zum Deutschen Bundestag am 24 September 2017 // Alternative für Deutschland (AfD): Official Website [Электронный ресурс]. URL: [https://www.afd.de/wp-content/uploads/sites/111/2017/06/2017-06-01\\_AfD-Bundestagswahlprogramm\\_Onlinefassung.pdf](https://www.afd.de/wp-content/uploads/sites/111/2017/06/2017-06-01_AfD-Bundestagswahlprogramm_Onlinefassung.pdf) (Дата обращения: 25.09.2017.)
8. Regierungsprogramm CDU / CSU 2017–2021. Für ein Deutschland in dem wir gut und gerne leben 2017 // Christlich-Demokratische Union Deutschlands (CDU): Official Website [Электронный ресурс]. URL: [https://www.cdu.de/system/tmf/media/dokumente/170703\\_regierungsprogramm2017.pdf](https://www.cdu.de/system/tmf/media/dokumente/170703_regierungsprogramm2017.pdf) (Дата обращения: 25.09.2017.)
9. Unser Regierungsprogramm für Deutschland. Zeit für mehr Gerechtigkeit 2017 // Sozialdemokratische Partei Deutschlands (SPD): Official Website [Электронный ресурс]. URL: [https://www.spd.de/fileadmin/Dokumente/Bundesparteitag\\_2017/Es\\_ist\\_Zeit\\_fuer\\_mehr\\_Gerechtigkeit-Unser\\_Regierungsprogramm.pdf](https://www.spd.de/fileadmin/Dokumente/Bundesparteitag_2017/Es_ist_Zeit_fuer_mehr_Gerechtigkeit-Unser_Regierungsprogramm.pdf) (Дата обращения: 24.09.2017.)

## References

Bundestagswahl 2017: Ergebnis, Sitzverteilung, Koalitionen, Kosten. 25.09.2017 // Wahlen in Deutschland [Электронный ресурс]. URL: <https://bundestagswahl-2017.com/ergebnis/> (Data obrashhenija: 25.09.2017.)

Bundestagswahlprogramm 2013 von Bündnis 90 / DIE GRÜNEN. Zeit für den grünen Wandel. 25.09.2017 // DIE GRÜNEN: Official Website [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gruene.de/partei/gruenes-wahlprogramm-2013.html> (Data obrashhenija: 25.09.2017.)

Das Programm der Freien Demokraten zur Bundestagswahl 2017: «Schauen wir nicht länger zu» 2017 // Free Demokraten (FDP): Official Website [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fdp.de/sites/default/files/uploads/2017/08/07/20170807-wahlprogramm-wp-2017-v16.pdf> (Data obrashhenija: 25.09.2017.)

Endgültige Ergebnisse. Bundestagswahl 2017 // Der Bundeswahlleiter: Official Website [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bundeswahlleiter.de/bundestagswahlen/2017/ergebnisse.html> (Data obrashhenija: 07.10.2017.)

Koalitionsvertrag zwischen CDU, CSU und SPD. Ein neuer Aufbruch für Europa. Eine neue Dynamik für Deutschland. Ein neuer Zusammenhalt für unser Land 2018 // Sozialdemokratische Partei Deutschlands (SPD): Official Website [Электронный ресурс]. URL: [https://www.spd.de/fileadmin/Dokumente/Koalitionsvertrag/Koalitionsvertrag\\_2018.pdf](https://www.spd.de/fileadmin/Dokumente/Koalitionsvertrag/Koalitionsvertrag_2018.pdf) (Data obrashhenija: 17.02.2018.)

Langfassung des Wahlprogramms zur Bundestagswahl 2017. Sozial gerecht. Frieden. Für alle. Die Zukunft, für die wir kämpfen! 2017 // DIE LINKE: Official Website [Электронный ресурс]. URL: [https://www.die-linke.de/fileadmin/download/wahlen2017/wahlprogramm2017/die\\_linke\\_wahlprogramm\\_2017.pdf](https://www.die-linke.de/fileadmin/download/wahlen2017/wahlprogramm2017/die_linke_wahlprogramm_2017.pdf) (Data obrashhenija: 25.09.2017.)

Programm für Deutschland. Wahlprogramm der Alternative für Deutschland für die Wahl zum Deutschen Bundestag am 24 September 2017 // Alternative für Deutschland (AfD): Official Website [Электронный ресурс]. URL: [https://www.afd.de/wp-content/uploads/sites/111/2017/06/2017-06-01\\_AfD-Bundestagswahlprogramm\\_Onlinefassung.pdf](https://www.afd.de/wp-content/uploads/sites/111/2017/06/2017-06-01_AfD-Bundestagswahlprogramm_Onlinefassung.pdf) (Data obrashhenija: 25.09.2017.)

Regierungsprogramm CDU / CSU 2017–2021. Für ein Deutschland in dem wir gut und gerne leben 2017 // Christlich Demokratische Union Deutschlands (CDU): Official Website [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cdu.de/system/tdf/media/dokumente/170703regierungsprogramm2017.pdf> (Data obrashhenija: 25.09.2017.)

Unser Regierungsprogramm für Deutschland. Zeit für mehr Gerechtigkeit 2017 // Sozialdemokratische Partei Deutschlands (SPD): Official Website [Электронный ресурс]. URL: [https://www.spd.de/fileadmin/Dokumente/Bundesparteitag\\_2017/Es\\_ist\\_Zeit\\_fuer\\_mehr\\_Gerechtigkeit-Unser\\_Regierungsprogramm.pdf](https://www.spd.de/fileadmin/Dokumente/Bundesparteitag_2017/Es_ist_Zeit_fuer_mehr_Gerechtigkeit-Unser_Regierungsprogramm.pdf) (Data obrashhenija: 24.09.2017.)

**С.А. Бокерия, И. Пеич**

**РОССИЯ И СЕРБИЯ: ПУТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ**

***Аннотация.** В статье рассматривается роль Сербии в системе внешнеполитических приоритетов РФ. Выявлено, что российско-сербские отношения активизировались со второй половины первого десятилетия XXI в. и в настоящее время их можно охарактеризовать как отношения качественные и содержательные, с высоким потенциалом дальнейшего развития.*

***Ключевые слова:** Сербия, Россия, Балканы, международные отношения, внешняя политика, Косово, НАТО.*

Бокерия Светлана Александровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов, Москва.  
E-mail: bokeriya.svetlana@mail.ru

Пеич Индиана – аспирант кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов, Москва. E-mail: indiana.pejic@mail.ru

**S.A. Bokeriya, I. Pejic. Russia and Serbia: Ways of Interaction**

***Abstract.** The article focuses on the place of Serbia in the current Russia's foreign policy. The authors show that the Russian-Serbian relations intensified in the second half of the first decade of the twenty-first century, and now they can be described as very positive and friendly, with the prospect of successful cooperation.*

***Keywords:** Serbia, Russia, Balkans, international relations, foreign policy, Kosovo, NATO.*

Bokeriya Svetlana Aleksandrovna – PhD in Law, Associate Professor, Peoples' Friendship University of Russia.  
E-mail: bokeriya.svetlana@mail.ru

Pejic Indiana – postgraduate student, Peoples' Friendship University of Russia. E-mail: indiana.pejic@mail.ru

На Балканах Россия воспринимается как великая держава, защитница и опора Сербии. Отношения между Сербией и Россией никогда не были сугубо политическими или экономическими, история сотрудничества двух государств складывалась под влиянием различных обстоятельств, но даже периоды охлаждения отношений никогда не были связаны с враждой между странами. По мнению сербского ученого С. Джукича, такую связь и отношения Сербия не имеет ни с какой-либо другой страной или народом [22, с. 31].

В предлагаемом исследовании рассматривается внешнеполитический курс современной России и Сербии в системе внешнеполитических приоритетов РФ.

На основе анализа документов авторы исследовали количество упоминаний Сербии и региона Балканы в четырех Концепциях внешней политики РФ, определили главную повестку дня двусторонних встреч на высшем уровне и основные направления сотрудничества между двумя государствами.

Для уточнения структуры взаимодействия между странами применены методы контент-, ивент- и количественного анализов. Авторы прибегают к контент-анализу с целью выявить содержание и объективные тенденции сербско-российских отношений. Ивент-анализ позволил систематизировать встречи на высшем уровне по следующим параметрам: дата, место, участники, особенности встреч. С помощью количественного метода произведен подсчет двусторонних визитов и встреч на высшем уровне. Сравнительный метод дал авторам возможность сопоставить точки зрения различных экспертов. В статье представлены позиции экспертов по вопросам как развития отношений Россия – Сербия, так и регионального сотрудничества.

### **Место Сербии в концепциях внешней политики РФ**

Россия всегда отстаивала свой приоритет на Балканском полуострове, чтобы не потерять своих союзников в Европе, один из которых Сербия. Балканы – единственный регион, где внешняя политика России опирается на этнорелигиозный фактор, и «Сербия традиционно рассматривается в качестве центральной страны западных Балкан» [18, с. 495]. По словам российского политолога Е. Пономаревой, именно наличие стратегических партнеров в регионах мира, в частности на Балканах, будет определять в перспективе позицию России в мировой политике и экономике [19].

После распада Советского Союза концептуальные документы в РФ появились не сразу, поэтому определенные политические сегменты формировались спонтанно, иногда с неожиданными поворотами. Россия, по мнению новых политиков, которые называли себя демократами, стремилась стать частью Европы и отказалась от «неевропейской» политики прошлого [5]. Однако даже в 90-е годы прошлого века, когда присутствие России на Балканах

было очень ограничено, активно велись внутренние дебаты о более тесном вовлечении России в спектр интересов Сербии.

Внешняя политика для России в течение последнего десятилетия стала сильным импульсом стабилизации и восстановления внутреннего суверенитета. В отличие от десятилетия правления Б. Ельцина, Россия больше не объект влияния западных стран, а актор международных отношений, который возвращается на мировую арену в качестве активного регионального игрока. РФ интенсифицирует перспективы сотрудничества с другими странами, а также пытается противостоять западной экспансии. Поворотным моментом можно назвать известную мюнхенскую речь Президента РФ В. Путина в 2007 г., когда Россия объявила о решительных действиях на международной арене [4]. Как часть этого стратегического возвращения Россия вновь проявила интерес к Балканам, региону, где традиционно, и особенно в Сербии, имела устойчивые позиции.

В Концепции внешней политики РФ 2000 г., первом стратегическом документе внешней политики, созданном при В. Путине, бывшая Союзная Республика Югославия и Балканы упоминаются только в одном пункте, в контексте отношений с Европейским союзом и отдельными странами Европы, также подчеркивается приверженность России территориальной целостности Союзной Республики Югославии, распад которой может привести к общепалканскому конфликту [16]. Недопущение распада Союзной Республики Югославии становится одним из приоритетов этой Концепции, а проблема Косова выступает как наиболее важная на Балканах.

В официальной Концепции российской внешней политики, которая была опубликована в 2008 г., нет упоминаний Сербии, нет никаких конкретных ссылок на проблему Косова, и сам термин Балканы в связке с Сербией отсутствует. Этот регион упоминается лишь в контексте стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы [15].

Концепция внешней политики РФ 2013 г. определяет важность стратегического значения Балканского региона для России, в том числе как крупнейшего транспортного и инфраструктурного узла, через который осуществляется доставка нефти и газа в страны Европы [13]. Как и в 2008 г., в 2013 г. отмечается, что одной из целей внешней политики РФ является разработка всестороннего, прагматичного и равноправного сотрудничества со странами Юго-Восточной Европы, в том числе и с Сербией. Проблема Косова не отражается в данной Концепции, хотя документ и указывает на важность соблюдения международного права и подчеркивает авторитет ООН в международных отношениях.

Политика России по отношению к проблеме Косова в период правления В. Путина выстроена на основе приоритета территориальной целостности Сербии.

В Концепции внешней политики 2016 г. отсутствует упоминание как Сербии, так и Балкан, несмотря на то что одной из своих задач эта Концепция определяет развитие культурных и гуманитарных связей славянских народов на межгосударственном уровне [14]. Эта Концепция также говорит о том, что РФ с уважением относится к тем европейским странам, которые придерживаются нейтралитета и не вступают в военные альянсы и готова к конструктивному многоплановому сотрудничеству с этими государствами.

Таким образом, в четырех последних концепциях внешней политики РФ ни разу не упоминается слово «Сербия», и ни одна из перечисленных концепций не называет Западные Балканы приоритетным регионом для России. Однако Западные Балканы занимают особое место во внешней политике РФ, а отношения России и Сербии характеризуют активное двустороннее взаимодействие по широкой повестке. Причин этого несколько: во-первых, Балканы являются территорией продолжающегося соперничества между Россией и другими глобальными и региональными субъектами (США и ЕС), стратегический интерес России связан с сохранением территориального единства Сербии. Во-вторых, Балканы – ключевой регион с точки зрения контроля над маршрутами поставок энергоресурсов, ведущими в Европу, и с позиции укрепления доминирующего положения России в европейском энергетическом секторе.

#### **Двусторонние встречи на высшем уровне (2012–2017)**

Россия и Сербия регулярно проводят двусторонние встречи на высшем уровне. Примечательно, что «частота и интенсивность официальных встреч на высшем уровне, как правило, являются хорошим показателем уровня отношений двух стран» [17, с. 92]. На основе анализа данных сайтов президентов Сербии и России и МИД Сербии и России авторами были подсчитаны двусторонние встречи на высшем уровне с 2012 по 2017 г. Всего за шесть лет состоялось 19 встреч представителей российского руководства с руководством Республики Сербии.

Если с 2012 по 2016 г. такие встречи проходили 2–3 раза в год, то в 2017 г. состоялось уже шесть встреч. Иными словами, в последнее время российско-сербское взаимодействие активизировалось.

Главные составляющие сотрудничества – торгово-экономические отношения. Активно ведется политический диалог между двумя странами, о чем свидетельствует значительное число визитов и встреч на высшем уровне. Россия поддерживает позицию Сербии по вопросу Косова и настаивает на политическом урегулировании конфликта.

Важным этапом в истории отношений между Россией и Сербией стало подписание в 2013 г. Декларации о стратегическом партнерстве, которая заложила основу для дальнейшего развития двустороннего сотрудничества, в том числе в военно-технической сфере.

После событий 2013–2014 гг. – начала кризиса на Украине и введения западными странами санкций против России – Сербия не отказалась от взаимодействия с Москвой, сохранив с ней дружественные отношения. Сербия неоднократно заявляла о том, что не будет вводить санкции против РФ. Более того, сотрудничество развивается, наблюдается положительная динамика политических контактов. В перспективе рассматривается возможность создания зоны свободной торговли между Сербией и ЕАЭС.

По словам В. Путина, «Россия, как и в прежние времена, всегда будет воспринимать Сербию как самого близкого союзника, самого близкого родственника», и Президент РФ «со своей стороны будет делать все, чтобы отношения между двумя странами развивались поступательно и отвечали интересам обоих народов» [2].

После подписания Декларации о стратегическом партнерстве между Россией и Сербией в Сочи в 2013 г. президентами В. Путиным и Т. Николичем сотрудничество переходит на новый уровень развития. В тексте Декларации утверждается, что отправной точкой двусторонних российско-сербских отношений являются глубокое взаимное чувство дружбы, многовековые традиции и близость между двумя народами. Руководствуясь принципами международного права, в соответствии с Уставом ООН, Сербия и Россия подчеркивают значительный потенциал для развития взаимовыгодного стратегического партнерства. Эти отношения охватывают все сферы сотрудничества, в том числе политику, торговлю, экономику, культуру, науку и технику [7].

По словам посла России в Сербии А.В. Чепурина, «сегодня тезис “никогда против России” очень популярен среди сербской общественности» [12]. «Россия, так же как и Сербия, придает большое значение укреплению исторической дружбы этих двух стран, опирающейся на очень богатые традиции» [3] и «всегда будет дружна с сербами» [10].

### **Роль Сербии во внешней политике РФ: Мнение аналитиков**

По мнению российского ученого П. Канделя, «гипотеза о приоритете Балкан для Российской Федерации не может быть подтверждена ни объемом, ни потенциалом их экономического сотрудничества с другими странами в регионе, хотя для балканских народов отношения с Россией имеют особое значение. Балканы приобретают новое значение для России в контексте



конфликта по поводу транзитных маршрутов нефти и газа из Каспийского бассейна. Но объективно говоря, даже и в этом контексте Балканы занимают более подчиненное положение в стратегии России по сравнению с другими партнерами и конкурентами: западными странами, странами постсоветского пространства, Турцией и Ираном» [24].

Темы, которые П. Кандель обобщил в 1999 г., являются актуальными до сих пор. Он утверждал, например, что у России не было никакого особого интереса к тому, как будут выглядеть новые границы балканских государств, и что для России этот регион имеет более важное значение в обеспечении стабильности экспорта энергоносителей [там же]. Сотрудничество в сфере энергетики на сегодняшний день на самом деле стало основой российской политики на Балканах.

По мнению Е. Пономаревой, Россия в реализации своих интересов может в полной мере опираться на исторически проверенную дружественную страну и традиционного союзника – Сербию, а также и на весь сербский народ, который, по ее словам, «русофильский» [21].

Будучи самой большой в основном православной и славянской европейской страной, которая до сих пор не является членом Европейского союза, Сербия может стать хорошей площадкой для распространения механизмов мягкой силы России и ее влияния, так как именно «применение мягкой силы становится очень важным элементом внешней политики государства, и ее использование формирует положительный образ страны и укрепляет международные позиции государства» [1].

Здесь надо принять во внимание и тот факт, что Сербия, как и многие другие славянские страны, оказывается на «линии огня» в случае возможного обострения отношений между Российской Федерацией и НАТО. Бывший премьер-министр России Е. Примаков [25] рассматривал вопрос о Косове в контексте проблемы глобального конфликта между Россией и НАТО, а Е. Гуськова считает, что Москва, отстаивая свои интересы на Балканах, защитила права сербов и других южных славян [6].

А. Дугин в своих геополитических прогнозах [8], посвященных Сербии, заявил, что Сербия, к сожалению, до сих пор не находится в списке приоритетов внешней политики России. Ж. Труде [26] утверждает, что Сербия принадлежит к особой группе стран в сфере международной дипломатии из-за близких отношений с Россией. И хотя президент Д. Медведев в 2008 г. заявил, что Россия заинтересована в Сербии [23], очевидно, что Россия возвращается на Балканы очень медленно, делая упор на вопросы энергетического взаимодействия.

Российский ученый Е. Пономарева отмечает, что у России не так много союзников и стратегических партнеров в Европе, поэтому небольшой, но очень важный союзник имеет большое значение для России [20, с. 99]. Она

также выражает уверенность в том, что никто не может разделить сербов и русских, потому что они на самом деле, по ее словам, братья-близнецы. Сербский ученый Б. Желько считает, что российская стратегия содержит «подразумеваемые положения», не указывая напрямую на Сербию. Этот термин означает, что русские являются союзниками Сербии на деле и этого достаточно [9].

Конечно, не следует упускать из виду тот факт, что отношения между Сербией и Россией на протяжении всей истории были в основном очень хорошие [11; 23, с. 183–208]. Россия занимала особое место в культуре и политике Сербии. На основании анализа взаимоотношений России и Сербии в период с 2012 по 2017 г., а также мнений аналитиков можно говорить о том, что правящие политические элиты Сербии должны реалистично воспринимать положение, роль и значение России, ее интересы и приоритеты.

\* \* \*

Отношения между Россией и Сербией базируются на принципах дружбы, равенства и взаимной выгоды и развиваются динамично и конструктивно, охватывая все направления сотрудничества: от экономики и энергетики до сферы науки и культуры. Дальнейшему их углублению способствуют содержательный политический диалог, встречи на высоком и высшем уровне.

По словам Е. Пономаревой, Балканы и Сербия были и до сих пор остаются зоной политических и экономических интересов России, хотя это и не отражено во внешнеполитических документах РФ [20]. Присутствие на Балканах дает России возможность выйти в Средиземное море. В этом контексте растет значение региона в мире, и Россия не откажется от своих политических интересов в Сербии. Приоритеты РФ заключаются в первую очередь в предотвращении расширения НАТО и возможности заключения нового договора о безопасности в Европе, что выгодно и Сербии.

Несмотря на то что Сербия не упоминается в концептуальных документах России, это не означает, что РФ пренебрегает или недооценивает взаимоотношения с Сербией. Россия ищет оптимальные способы своего присутствия в сербском регионе, выстраивая внешнеполитический курс на Западных Балканах и в Сербии с использованием широкого круга дипломатических, экономических и культурных механизмов. Необходимо дальнейшее углубление содержательного и конструктивного политического диалога с Балканскими странами, что даст возможность России усилить свои позиции в регионе.

## Библиография

1. Бокерия С.А., Диева А.А. Опыт информационной пропаганды в СССР как инструмент мягкой силы // Вестник РУДН. 2015. Сер. История России. №. 5. С. 81–89.
2. Владимир Путин: Россия всегда будет воспринимать Сербию как самого близкого союзника // Православие.ru [Электронный ресурс]. 2014. 17 октября. URL: <http://www.pravoslavie.ru/74387.html> (Дата обращения: 3.03.2018.)
3. Вступительное слово министра иностранных дел России С.В. Лаврова в ходе переговоров с Президентом Республики Сербии Т. Николичем, Белград, 15 мая 2015 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации: Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: [http://www.mid.ru/press\\_service/minister\\_speeches/-/asset\\_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/1283192](http://www.mid.ru/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/1283192) (Дата обращения: 10.03.2018.)
4. Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности 10 февраля 2007 года, Мюнхен // Президент России: Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://special.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034> (Дата обращения: 5.03.2018.)
5. Выступление министра иностранных дел России С.В. Лаврова на XV Ассамблее Совета по внешней и оборонной политике 17 марта 2007 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации: Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: [http://www.mid.ru/press\\_service/minister\\_speeches/-/asset\\_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/379332](http://www.mid.ru/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/379332) (Дата обращения: 10.02.2018.)
6. Гускова Ј. Савремена спољна политика Русије на Балкану. Стагнације и успони (2011) // Svarog. 2011. № 2. С. 7–17. URL: <http://svarog.nubl.org/wp-content/uploads/2014/12/Jelena-Guskova-SAVREMENA-SPOLJNA-POLITIKA-RUSIJE-NA-BALKANU-Stagnacije-i-usponi.pdf> (Дата обращения: 5.03.2018.)
7. Декларация о стратегическом партнерстве между Россией и Сербией. 24 мая 2013 г. // Kremlin.ru: Официальные сетевые ресурсы Президента России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/1461> (Дата обращения: 15.03.2018.)
8. Дугин А. Основы геополитике. Зрењанин: Екопрес, 2004. Т. 1. 400 с.
9. Желько Б. Украјинска криза и њене геополитичке последице на Балкан // Политика. 2014. № 8. С. 119–120. URL: <http://doisrpska.nub.rs/index.php/PLTA/article/view/3348/3200> (Дата обращения: 3.03.2018.)
10. Интервью посла России в Сербии А.В. Конузина «Россия подтвердит свою позицию по Косово», опубликованное в газете «Политика» 16 сентября 2009 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации: Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: [http://www.mid.ru/publikacii/-/asset\\_publisher/nTzOQTrrCFd0/content/id/280934](http://www.mid.ru/publikacii/-/asset_publisher/nTzOQTrrCFd0/content/id/280934) (Дата обращения: 10.02.2018.)
11. Јовановић М. Балкан није најважнији Русији // Политика. 2012. 28 мая. URL: <http://www.politika.rs/search/searchEngineLanding/a/Balkan-nije-najvazniji-Rusiji> (Дата обращения: 5.03.2018.)
12. Комментарии Посла России в Сербии А.В. Чепурина агентству ИТАР-ТАСС, 30 июня 2014 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации: Официальный сайт [Электронный ресурс]. 2014. 30 июня // URL: [http://www.mid.ru/ru/maps/rs/-/asset\\_publisher/GLz7aPgDnSfP/content/id/53580](http://www.mid.ru/ru/maps/rs/-/asset_publisher/GLz7aPgDnSfP/content/id/53580) (Дата обращения: 3.03.2018.)
13. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 12 февраля 2013 г.) // Министерство иностранных дел Российской Федерации: Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: [http://www.mid.ru/foreign\\_policy/official\\_documents/-/asset\\_publisher/CptlCk6BZ29/content/id/122186](http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptlCk6BZ29/content/id/122186) (Дата обращения: 10.02.2018.)

14. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 г.) // Министерство иностранных дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: [http://www.mid.ru/foreign\\_policy/news/-/asset\\_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248](http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248) (Дата обращения: 10.02.2018.)
15. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 15 июля 2008 г.) // Президент России: Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/785> (Дата обращения: 10.02.2018.)
16. Концепция внешней политики Российской Федерации // Независимая газета. 2000. 11 июля. URL: [http://www.ng.ru/world/2000-07-11/1\\_concept.html](http://www.ng.ru/world/2000-07-11/1_concept.html) (Дата обращения: 10.02.2018.)
17. Лобанов М. Отношения России и Сербии: Новое содержание старых форм // Современная Европа. 2014. № 2. С. 91–105.
18. Пеич И. Западные Балканы в контексте теории региональных комплексов безопасности // Вестник РУДН. 2016. Серия: Международные отношения. № 3. С. 494–504.
19. Пономарева Е. Балканы как зона (дез) интеграции // Интелрос: Журнальный клуб. [Электронный ресурс]. 2013. № 5. URL: <http://www.intelros.ru/readroom/razvitie-i-ekonomika/r5-2013/19956-balkany-kak-zona-dezintegracii.html> (Дата обращения: 5.03.2018.)
20. Пономарјева Ј. Русија и Република Српска: везе народа и времена // Политеиа. 2014. № 8. С. 99–101. URL: <http://doisrpska.nub.rs/index.php/PLTA/article/view/3343/3195>
21. Пономарева Ј. Руска борба за Србију // СРБИН. ИНФО. 2013. 19 марта. URL: <http://srbin.info/2013/03/jelena-ponomarejova-ruska-borba-za-srbiju> (Дата обращения: 24.03.2018.)
22. Djukic S. Odnosi Srbije sa Rusijom – osvrt na postjugoslo venski (postsovjetski) period // Izaz o vi spoljne politike Srbije: Zbornik radova. Beograd: Fondacija Fridrih Ebert, 2015. С. 31–37. URL: <http://library.fes.de/pdf-files/bueros/belgrad/12483.pdf> (Дата обращения: 7.03.2018.)
23. Janković S. Osnove za oslanjanje na Rusiju u spoljnoj politici Srbije // Savremeni međunarodni izazovi: Globalna i regionalna perspektiva. Belgrade: Faculty of Political Sciences University of Belgrade, 2008. С. 183–208.
24. Kandelj P. Ruski interesi na Balkanu: mitovi i realnost // Ruska politika na Balkanu. Beograd: IMPP, 1999. С. 70–78.
25. Primakov J. Svet bez Rusije? Čemu vodi politička kratkovidost // Službeni glasnik i Fakultet bezbednosti. Beograd, 2010. С. 112–115.
26. Troude G. La retour de la Russie sur la scène balkanique // Géostratégiques. 2011. N 31. P. 203–221.

### References

- Bokerija S.A., Dieva A.A. Opyt informacionnoj propagandy v SSSR kak instrument mjagkoj sily // Vestnik RUDN. 2015. Ser. Istorija Rossii. N 5. P. 81–89.
- Deklaracija o strategicheskom partnerstve mezhdu Rossiej i Serbiej. 24 maja 2013 g. // Kremlin.ru: Oficial'nye setevye resursy Prezidenta Rossii [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/1461> (Data obrashhenija: 15.03.2018.)
- Djukic S. Odnosi Srbije sa Rusijom – osvrt na postjugoslo venski (postsovjetski) period // Izaz o vi spoljne politike Srbije: Zbornik radova. Beograd: Fondacija Fridrih Ebert, 2015. P. 31–37. URL: <http://library.fes.de/pdf-files/bueros/belgrad/12483.pdf> (Data obrashhenija: 7.03.2018.)
- Dugin A. Osnovi geopolitike. Zreňanin: Ekopres, 2004. Vol. 1. 400 p.
- Guskova J. Savremena spoljna politika Rusije na Balkanu. Stagnacije i usponi (2011) // Svarog. 2011. N 2. P. 7–17. URL: <http://svarog.nubl.org/wp-content/uploads/2014/12/Jelena-Guskova-SAVREMENA-SPOLJNA-POLITIKA-RUSIJE-NA-BALKANU-Stagnacije-i-usponi.pdf> (Data obrashhenija: 5.03.2018.)

Intervju posla Rossii v Serbii A.V. Konuzina «Rossija podtverdit svoju poziciju po Kosovo», opublikovannoe v gazete «Politika» 16 sentjabrja 2009 g. // Ministerstvo inostrannyh del Rossijskoj Federacii: Official Website [Jelektronnyj resurs]. URL: [http://www.mid.ru/publikacii/-/asset\\_publisher/nTzOQTrrCFd0/content/id/280934](http://www.mid.ru/publikacii/-/asset_publisher/nTzOQTrrCFd0/content/id/280934) (Data obrashhenija: 10.02.2018.)

Janković S. Osnove za oslanjanje na Rusiju u spoljnoj politici Srbije // Savremeni međunarodni izazovi: Globalna i regionalna perspektiva. Belgrade: Faculty of Political Sciences University of Belgrade, 2008. P. 183–208.

Kandelj P. Ruski interesi na Balkanu: Mitovi i realnost // Ruska politika na Balkanu. Beograd: IMPP, 1999. P. 70–78.

Komentarii Posla Rossii v Serbii A.V. Chepurina agentstvu ITAR-TASS, 30 ijunja 2014 goda // Ministerstvo inostrannyh del Rossijskoj Federacii: Official Website [Jelektronnyj resurs]. 2014. June 30 // URL: [http://www.mid.ru/ru/maps/rs/-/asset\\_publisher/GLz7aPgDnSfP/content/id/53580](http://www.mid.ru/ru/maps/rs/-/asset_publisher/GLz7aPgDnSfP/content/id/53580) (Data obrashhenija: 3.03.2018.)

Koncepcija vneshnej politiki Rossijskoj Federacii (utverzhdjena Prezidentom Rossijskoj Federacii V.V. Putiny 12 fevralja 2013 g.) (utrutila silu) // Ministerstvo inostrannyh del Rossijskoj Federacii: Official Website [Jelektronnyj resurs]. URL: [http://www.mid.ru/foreign\\_policy/official\\_documents/-/asset\\_publisher/CptlCk6BZ29/content/id/122186](http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptlCk6BZ29/content/id/122186) (Data obrashhenija: 10.02.2018.)

Koncepcija vneshnej politiki Rossijskoj Federacii (utverzhdjena Prezidentom Rossijskoj Federacii V.V. Putiny 30 nojabrja 2016 g.) // Ministerstvo inostrannyh del Rossijskoj Federacii: Official Website [Jelektronnyj resurs]. URL: [http://www.mid.ru/foreign\\_policy/news/-/asset\\_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248](http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248) (Data obrashhenija: 10.02.2018.)

Koncepcija vneshnej politiki Rossijskoj Federacii (utverzhdjena Prezidentom Rossijskoj Federacii V.V. Putiny 15 ijulja 2008 g. // Prezident Rossii: Official Website [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/785> (Data obrashhenija: 10.02.2018.)

Koncepcija vneshnej politiki Rossijskoj Federacii // Nezavisimaja gazeta. 2000. 11 July. URL: [http://www.ng.ru/world/2000-07-11/1\\_concept.html](http://www.ng.ru/world/2000-07-11/1_concept.html) (Data obrashhenija: 10.02.2018.)

Lobanov M. Otnoshenija Rossii i Serbii: Novoe sodержanie staryh form // Sovremennaja Evropa. 2014. N 2. P. 91–105.

Peich I. Zapadnye Balkany v kontekste teorii regional'nyh kompleksov bezopasnosti // Vestnik RUDN. 2016. Serija: Mezhdunarodnye otnoshenija. N 3. P. 494–504.

Ponomareva E. Balkany kak zona (dez)integracii // Intelros: Zhurnal'nyj klub [Jelektronnyj resurs]. 2013. N 5. URL: <http://www.intelros.ru/readroom/razvitie-i-ekonomika/r5-2013/19956-balkany-kak-zona-dezintegracii.html> (Data obrashhenija: 5.03.2018.)

Ponomareva J. Ruska borba za Srbiju // SRBIN. INFO. 2013. March 19. URL: <http://srbin.info/2013/03/jelena-ponomarjova-ruska-borba-za-srbiju> (Data obrashhenija: 24.03.2018.)

Ponomarjeva J. Rusija i Republika Srpska: veze naroda i vremena // Politeia. 2014. N 8. P. 99–101. URL: <http://doisrpska.nub.rs/index.php/PLTA/article/view/3343/3195>

Primakov J. Svet bez Rusije? Čemu vodi politička kratkovidost // Službeni glasnik i Fakultet bezbednosti. Beograd, 2010. P. 112–115.

Troude G. La retour de la Russie sur la scène balkanique // Géostratégiques. 2011. N 31. P. 203–221.

Vladimir Putin: Rossija vseгда budet vosprinimat' Serbiju kak samogo blizkogo sojuznika // Pravoslavie.ru [Jelektronnyj resurs]. 2014. Oct. 17. URL: <http://www.pravoslavie.ru/74387.html> (Data obrashhenija: 3.03.2018.)

Vstupitel'noe slovo ministra inostrannyh del Rossii S.V. Lavrova v hode peregovorov s Prezidentom Respubliki Serbii T. Nikolicem, Belgrad, 15 maja 2015 goda // Ministerstvo inostrannyh del Rossijskoj Federacii: Official Website [Jelektronnyj resurs]. URL: [http://www.mid.ru/foreign\\_policy/news/-/asset\\_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248](http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248)

mid.ru/press\_service/minister\_speeches/-/asset\_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/1283192 (Data obrashhenija: 10.03.2018.)

Vystuplenie i diskussija na Mjunhenskoj konferencii po voprosam politiki bezopasnosti 10 fevralja 2007 goda, Mjunhen // Prezident Rossii: Official Website [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://special.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034> (Data obrashhenija: 5.03.2018.)

Vystuplenie ministra inostrannyh del Rossii S.V. Lavrova na XV Assamblee Soveta po vneshnej i oboronnoj politike 17 marta 2007 g. // Ministerstvo inostrannyh del Rossijskoj Federacii: Official Website [Jelektronnyj resurs]. URL: [http://www.mid.ru/press\\_service/minister\\_speeches/-/asset\\_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/379332](http://www.mid.ru/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/379332) (Data obrashhenija: 10.02.2018.)

Zeljko B. The Ukrainian crisis and its geopolitical implications for the Balkans // Politeia. 2014. N 8. P. 119–120. URL: <http://doisrpska.nub.rs/index.php/PLTA/article/view/3348/3200> (Data obrashhenija: 3.03.2018.)

Jovanovič M. Balkan nije najvazhniji Rusiji // Politika. 2012. May 28. URL: <http://www.politika.rs/search/searchEngineLanding/a/Balkan-nije-najvazhniji-Rusiji> (Data obrashhenija: 5.03.2018.)

**Л.Б. Вардомский**

**СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВЗАИМНЫХ  
ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ БЕЛАРУСИ, РОССИИ  
И УКРАИНЫ В КОНТЕКСТЕ ИХ ИДЕНТИЧНОСТИ**

***Аннотация.** В статье анализируется динамика взаимных экономических связей Беларуси, России и Украины в 2010–2017 гг. в контексте формирования их государственной идентичности. Расхождение в самоидентификации стран сказалось на их интеграционных приоритетах и характере взаимных связей. Особенно сильно это проявилось в российско-украинских отношениях, поскольку проевропейская идентичность Украины формировалась на национальной основе и противопоставлении себя России. Политический разрыв России и Украины приобрел долгосрочный характер. В этих условиях центральное место в восточнославянском треугольнике заняла Беларусь, которая в соответствии со своей идентичностью готова стать зоной «сборки» запада и востока Европы.*

***Ключевые слова:** Беларусь, Россия, Украина, идентичность, торговые связи.*

Вардомский Леонид Борисович – доктор экономических наук,  
профессор, заведующий центром ФГБУН Института экономики  
Российской академии наук (ИЭ РАН), Москва.  
E-mail: wardom@yandex.ru

**L.B. Vardomsky. The State and Prospects of Mutual Economic Relations  
Between Belarus, Russia and Ukraine in the Context of Their Identity**

***Abstract.** The dynamics of mutual economic ties between Belarus, Russia and Ukraine in 2010–2017 is analyzed in the context of the formation of state identity. The discrepancy in the countries' self-identification affected their integration priorities and the nature of their mutual ties. This was especially evident in Russian-Ukrainian relations, since the pro-European identity of Ukraine was formed on a national basis and opposed to Russia. The political gap between Russia and Ukraine has acquired a long-term character. In this situation, the central place in relations in the East Slavic triangle was occupied by Belarus, which, in accordance with its identity, is ready to become the «assembly» zone of the West and East of Europe.*

***Keywords:** Belarus, Russia, Ukraine, identity, trade relations.*

Vardomsky Leonid Borisovich – Doctor of Economics, Professor,  
Head of the Center, FGBUN Institute of Economics,  
Russian Academy of Sciences. Moscow. E-mail: wardom@yandex.ru

### **Особенности государственной идентичности Беларуси, России и Украины**

Исследованию идентичности государства посвящена обширная литература, в которой выделяются труды А. Вендта, Р. Арона, И. Призела, А. Тофлера, С. Уолта, С. Хантингтона [3, с. 20–24]. В нашей работе понятие «государственная идентичность» используется в двух взаимосвязанных смыслах: как приверженность населения ценностям страны и как набор характеристик, через которые страна отождествляется с некими миссиями для внешнего окружения – «бренд государства». В целом же государственная идентичность отражает осознанные возможности развития и степень их реализации. Это институт, оказывающий сильное влияние на масштабы и структуру внешнеэкономических связей.

Одним из первых среди российских ученых на связь идентичности и интеграции России в мировую экономику обратил внимание Д.В. Тренин [9]. Теме взаимосвязи национальной и коллективной идентичности посвящены также исследования А.М. Бусыгиной, В.В. Кочеткова, В.Е. Морозова, Н.Л. Прохоренко, Г.Г. Салихова, И.С. Семененко, В.С. Степина.

Во время формирования идентичности государств происходит выбор социокультурных и внешнеполитических приоритетов, которые в наибольшей степени соответствуют задачам национальной модернизации. В случае постсоветских стран речь идет о выборе между присоединением к европейской интеграции, созданием своего евразийского объединения или проведением многовекторной внешней политики. В этом контексте весьма интересно развитие сотрудничества стран восточнославянского треугольника, становление идентичности которых определяет систему их внутренних и внешних интересов. Через призму этих интересов выстраиваются взаимные отношения и создаются инструменты как их стимулирования, так и реагирования на возникающие политические и экономические разногласия.

На постсоветском пространстве Беларусь, Украина и Россия – наиболее развитые государства, экономики которых были исторически тесно взаимосвязаны. Кроме того, они весьма близки в культурно-цивилизационном плане. После обретения независимости перед ними встали задачи формирования новой государственной идентичности и модернизации национальной экономики. Они их решали и решают по-разному исходя из исторического опыта, имеющихся ресурсов, с учетом тенденций современного развития и происходящих политических и экономических изменений во внешнем окружении, в том числе у рассматриваемых стран-соседей.



Страны славянского треугольника были инициаторами распада СССР, правда руководствуясь разными целями. Украинское и белорусское руководство стремилось к реальной независимости своей страны, а российское, в лице Б. Ельцина, стремилось через суверенитет России прийти к власти, быстро провести рыночные реформы, войти в сообщество развитых демократий и вернуть лидерство на постсоветском пространстве.

Стремление Украины к независимости от России объясняется рядом причин. Одна из них – неверие украинских элит в Россию как государство, ожидание длительного внутрироссийского конфликта и неминуемого распада страны, что было связано с обострением в 1990-е годы межэтнических отношений, внутриэлитных конфликтов и «парадом» региональных суверенитетов.

Вторая причина связана с тем, что распад СССР активизировал формирование украинского национального самосознания, опиравшегося на память о гетманщине и событиях, связанных с ее возникновением, существованием и ликвидацией [4, с. 143]. Учитывая же западноукраинский (галицкий) фактор, руководство новой Украины с самого начала делало упор на формирование украинской идентичности как части европейской цивилизации, а не как части «Русского мира»<sup>1</sup>. Однако галицкое понимание идентичности не разделяло население Восточной Украины. Этот внутриукраинский раскол породил политическую слабость государства, которую усугубляло формирование во второй половине 1990-х годов так называемой двойной институциональной системы, при которой возникали новые социальные институты, но при этом в полном объеме действовали институты, унаследованные от советского времени [2, с. 312–316]. Такая система создавала благоприятные условия для коррупции и сращивания политики и бизнеса, что усугубляло неэффективность управления.

Третья причина обусловлена неприятием украинской элитой политической системы России с ее высокой централизацией власти, что напоминало о царском и советском периодах Украины. В то же время под влиянием экономических успехов Запада она верила в то, что подлинная модернизация страны возможна только на либерально-демократической основе. Националистическими силами Россия рассматривалась политическим противником Украины, не приемлющим ее сближения с Европой, представлялась как реальная угроза ее территориальной целостности и формированию украинской идентичности. Идентичность страны строилась через противопоставление

---

*1. В трактовке понятия «Русский мир» существуют два подхода. Один подход отражает исторически сложившуюся этнокультурную и лингвистическую близость трех восточнославянских народов, другой – исходит из того, что «Русский мир» – это политический лозунг, отражающий постимперские настроения части российской элиты.*

России. Под влиянием широкого информационного внедрения этих взглядов в украинском обществе формировались проевропейские настроения, которые вылились в подписание Соглашения об ассоциации с ЕС, которое начало действовать с 1 ноября 2014 г. Политический переворот в феврале 2014 г. и захват власти представителями радикально-националистических партий круто изменил внутреннюю и внешнюю политику государства, Украина потеряла Крым и погрузилась в гражданскую войну.

Для России же Украина выступала как важная часть «Русского мира». Киев для России является сакральным символом единой Русской земли [8]. Россия была заинтересована в широкой экономической интеграции с Украиной и возвращении через это статуса великой державы. Государственная идентичность России в силу ее многонациональности не может опираться на этническую основу.

К концу 1990-х годов у руководства России возникло понимание того, что в «евроатлантическом клубе избранных» ее трактуют как сторону, проигравшую в «холодной» войне, а не как равного партнера. Идентичность на основе либеральной рыночной экономики и евроатлантических ценностей превращает страну в объект международной политики, порождает громадное социальное неравенство и создает большие риски ее дальнейшего существования.

При Президенте В. Путине начинает формироваться новая идентичность России как одного из центров полицентричного мироустройства, как равного ведущим странам Запада «центра силы», как государства «суверенной демократии». В этом контексте постсоветское пространство рассматривается Россией как зона ее особых интересов, поскольку консолидация евразийского пространства неразрывно связана с укреплением статуса России как великой державы. Нынешняя идентичность страны формируется в рамках системы глобального капитализма, но на основе сохранения суверенитета и права следовать традиционным для постсоветской Евразии ценностям [5, с. 146–148]. Такая политика РФ вызывает резкое неприятие Запада, усматривающего в этом ее «имперские амбиции». По сути дела, речь идет о борьбе Запада и России за постсоветское пространство, в которой сталкиваются исторические интересы России и Запада, стремящегося геополитически и экономически закрепить свою победу в холодной войне.

Идентичность Республики Беларусь строится не на этнической, а на гражданской основе. В Беларуси, в отличие от Украины, не укоренился восточноевропейский этнонационализм, а идеологическими основаниями современного белорусского государства стали индустриальная идентичность, государственная символика, культ победы в Великой Отечественной войне. Главной целью государства стало сохранение унаследованной от СССР экономики. Этим объясняется ее отставание по ходу рыночной трансформации

от России и Украины. Вместе с тем Беларусь, укрепляя свой суверенитет, считает себя частью Русского мира в его этнокультурном понимании и ориентируется на традиционные для русской цивилизации ценности. Белорусское государство привержено евразийской интеграции, рассматривает себя как «точку сборки» Евразии, центр традиционной Европы, но при этом стремится стать коммуникационным мостом между западом и востоком Европы [1].

### **Динамика внешней и взаимной торговли**

Период 2010–2017 гг. был богат на принципиальные изменения в мировой и региональной политике и экономике. В это время произошло обострение противоречий между США и их союзниками, пытающимися сохранить и укрепить свои преимущества в мировом хозяйстве, с одной стороны, и странами, стремящимися к равенству с ними в рамках концепции полицентричного мироустройства, – с другой. Стремление к равенству обусловлено ростом доли ряда крупных развивающихся стран (например, КНР, Индии, Турции, Бразилии) в мировой экономике при сокращении доли стран Запада. Важным фактором обострения противоречий стали усиление социального неравенства между странами мира и внутри стран, непропорциональный рост финансового сектора мировой экономики, в котором ведущую роль играют страны Запада. Нестабильность мировой экономики тесно связана с динамикой мировых цен на углеводороды, колебаниями трансграничного движения капиталов, ростом совокупной задолженности и рисков инвестиционной деятельности. В эти противоречия широко вовлечены страны «славянского треугольника».

Несмотря на различия в моделях и размерах, национальные экономики рассматриваемых стран практически одинаково реагировали на колебания мировой конъюнктуры: на Украине до 2012 г., Беларуси и РФ до 2013 г. происходил восстановительный рост экономики, который сменился замедлением роста, а затем и спадом, который длился около двух с половиной лет. Пик кризиса у всех рассматриваемых стран пришелся на 2015 г. В 2016 г. по отношению к 2013 г. ВВП Украины сократился на 13,2%, у Беларуси – на 6,3 и у РФ – на 3% (данные Статкомитета СНГ, постоянные цены). На Украине спад начался раньше, но и закончился раньше: в 2016 г. ВВП страны увеличился на 2,3%. У РБ и РФ рост экономики возобновился в 2017 г. Следует отметить, что страны славянского треугольника в рассматриваемый период развивались медленнее, чем постсоветское пространство (без стран Балтии) в целом. В результате этого их суммарная доля в общем ВВП стран СНГ и Грузии за 2010–2016 гг. сократилась с 85,1 до 81,5%, в том числе РФ –

с 75,6 до 73,5%, Украины – с 6,7 до 5,3%, Беларуси – с 2,8 до 2,7% (рассчитано по данным Мирового банка).

Спад и общее замедление развития объясняется разными причинами: исчерпанием подъемной силы модели сырьевого развития, попаданием РФ в «ловушку среднего дохода», неразвитостью рыночных институтов и финансовых систем. В любом случае сложившаяся в странах после обретения независимости структура экономики оказалась сильно подвержена возросшей турбулентности мирового хозяйства.

Однотипную реакцию экономики стран на низкую мировую конъюнктуру хорошо иллюстрирует динамика внешнего товарооборота. У РБ внешний товарооборот в 2016 г. составил 55,2% от уровня 2012 г., взятого за 100,0% (92,5 млрд долл.). У РФ сокращение было примерно таким же: 54,8% от объема 2012 г. в 863,2 млрд долл. Объем внешней торговли Украины в 2016 г. составил 49% от уровня 2012 г. (154,5 млрд долл.)<sup>2</sup>.

Падение же взаимной торговли различалось значительно сильнее (табл. 1). Взаимный товарооборот РФ и РБ в 2016 г. составил около 60% от объема 2012 г., т.е. сократился меньше, чем внешний товарооборот каждой из стран в целом. Это можно объяснить действием общего таможенного пространства, использованием во взаимных расчетах национальной валюты, реализацией такого крупного инвестиционного проекта, как Белорусская АЭС.

Таблица 1

### ДИНАМИКА ВНЕШНЕТОРГОВЫХ СВЯЗЕЙ МЕЖДУ РЕСПУБЛИКОЙ БЕЛАРУСЬ, РФ И УКРАИНОЙ

| Товарооборот | Показатели | 2010 | 2011  | 2012  | 2013 | 2014 | 2015 | 2016 |
|--------------|------------|------|-------|-------|------|------|------|------|
| РФ – РБ      | млрд долл. | 28,0 | 39,4  | 43,9  | 39,7 | 37,4 | 27,5 | 26,2 |
|              | индекс     | 63,8 | 89,7  | 100,0 | 90,4 | 85,2 | 64,6 | 59,7 |
| РФ – РУ      | млрд долл. | 35,6 | 48,9  | 45,0  | 38,3 | 22,5 | 12,3 | 8,7  |
|              | индекс     | 79,1 | 108,7 | 100,0 | 85,1 | 50,0 | 27,3 | 19,3 |
| РБ – РУ      | млрд долл. | 4,5  | 6,1   | 7,3   | 5,6  | 5,6  | 3,2  | 3,7  |
|              | индекс     | 61,6 | 83,6  | 100,0 | 76,7 | 76,7 | 43,8 | 50,7 |

Источник: Данные национальной статистики.

Однако интеграционный фактор не смог в полной мере компенсировать потери от ухудшения условий торговли, обусловленные снижением цен на углеводороды и другие экспортные товары с низкой добавленной стоимостью, падением курсов национальных валют, удорожанием внешних заимствований.

2. Рассчитано по данным национальных статистических служб.

Для сравнения: оборот РФ с Польшей за 2013–2016 гг. сократился более чем наполовину: с 27,9 млрд долл. до 13,1 млрд долл., а оборот Беларуси с Польшей за этот же период уменьшился всего на 15%. Это объясняется устойчивостью спроса польского рынка на белорусские товары, стоимостный объем которого в этот период оставался довольно стабильным. Сокращение оборота было обусловлено в основном уменьшением белорусского импорта из Польши в связи с падением белорусского рубля и общим спадом производства и внутреннего спроса. Резкое снижение российско-польского товарооборота объясняется как падением мировых цен на углеводороды, преобладающие в российском экспорте в Польшу, так и с падением импорта польских товаров РФ в связи с обрушением курса рубля и российскими контрсанкциями.

Взаимная торговля Беларуси и Украины в 2016 г. была чуть выше половины от объема 2012 г., т.е. примерно соответствовала падению внешней торговли этих стран за данный период. Причем максимальное падение взаимной торговли пришлось на 2015 г.

Взаимная торговля РФ и Украины сократилась в 3 раза сильнее, чем общий внешний товарооборот каждой из них. Если динамика взаимной торговли Беларуси и Украины определялась в основном макроэкономическим и структурным факторами и происходила в условиях режима свободной торговли, то падение торговли между Россией и Украиной стало результатом сложения макроэкономических, структурных и политических факторов. В частности, с 1 января 2016 г. Россия приостановила режим ЗСТ для Украины в связи с ассоциацией последней с ЕС и ожидаемым в результате этого ростом европейского реэкспорта в РФ.

Это дает основание предположить, что при отсутствии политических противоречий между странами и взаимных санкций динамика их взаимных связей была бы примерно такой же, как у торговли Беларуси и Украины. Исходя из этого предположения, вклад политики в падение российско-украинского товарооборота в период 2013–2016 гг. составил примерно 40%, а 60% падения объясняется экономическими факторами.

*Таблица 2*

**КОЭФФИЦИЕНТ ВНЕШНЕТОРГОВОЙ СВЯЗАННОСТИ  
РБ и РФ, РБ и РУ, РФ и РУ**

| Страны  | 2010 | 2011 | 2012 | 2013 | 2014 | 2015 | 2016 |
|---------|------|------|------|------|------|------|------|
| РБ – РУ | 2,33 | 2,71 | 3,02 | 2,16 | 2,64 | 2,17 | 2,63 |
| РФ – РУ | 2,14 | 2,22 | 1,94 | 1,59 | 1,02 | 0,84 | 0,63 |
| РБ – РФ | 1,77 | 1,89 | 1,96 | 1,72 | 1,75 | 1,93 | 1,97 |

*Источник:* Расчеты автора по данным национальной статистики.

Это предположение подтверждает динамика коэффициента внешнеторговой связанности (КВТС), исчисляемого как отношение стоимостных объемов взаимного товарооборота к суммарному ВВП (в текущих ценах) взаимодействующих стран (табл. 2). Устойчивое сокращение КВТС РФ и Украины, начавшееся в 2012 г., объясняется тем, что внешняя торговля росла медленнее, а падала быстрее, чем сумма ВВП этих стран, выраженная в текущих ценах и по текущему курсу доллара.

Для КВТС РБ и РУ, РБ и РФ в 2010–2016 гг. были характерны колебания без выраженной тенденции. Колебания объясняются, тем, что спад / рост во внешнеторговых связях предвосхищает падение / рост номинального ВВП, на величину которого сильное влияние оказывает курс национальной валюты к доллару.

### **Через новые технологии к устойчивому развитию белорусско-российских связей**

Белорусско-российские экономические связи довольно значительны в абсолютном и относительном выражении: в 2016 г. на РФ пришлось 51,3% внешнего товарооборота РБ, а на Беларусь – 5,5% товарооборота РФ. Для выведения своих товаров на российский рынок Беларусь создала в России разветвленную товаропроводящую сеть в виде магазинов, торговых домов, сборочных производств и соответствующей логистики.

В 2017 г. взаимные торговые связи увеличились на 24%. Их неустойчивость в 2010–2017 гг. объясняется в основном структурными ограничениями, конъюнктурными колебаниями цен на торгуемые товары и периодически возникавшими между странами «торговыми войнами».

Взаимная специализация стран в большой мере опирается на производства и технологии из советского экономического наследия. Многие традиционные товары взаимной торговли по соотношению цена – качество постепенно уступают товарам из третьих стран или производимым в РФ и РБ, но на основе технологий, заимствованных за рубежом. Торговые войны имели как политическую подоплеку – недостаточную, по мнению российской власти, политическую лояльность белорусского руководства, так и стремление крупных российских компаний вести с РБ дела на более выгодной для себя основе. В свою очередь белорусское руководство стремилось наиболее полно использовать свое положение на путях между Россией и Европой, повышая транзитные тарифы. Негативно на оборот взаимной торговли влияли административные барьеры на пути торговли и инвестиций, импортозамещение по соображениям национальной безопасности и защиты национального производителя. Отметим, что в производстве товаров для белорусского рынка в РФ

преобладают крупные компании, а в РБ для российского рынка малые и средние компании.

Не способствуют развитию взаимных торговых связей невысокие объемы взаимных прямых инвестиций. Накопленные в РБ прямые российские инвестиции за 2011–2016 гг. выросли незначительно с 8 до 8,5 млрд долл. Белорусские инвестиции в РФ в 2016 г. заметно выросли с 0,4 млрд до 2,05 млрд долл. [6, с. 24, 44], но в общем объеме инвестиций стран-партнеров это составляет незначительную величину. Рост взаимных инвестиций сдерживает как дефицит «длинных денег», так и большие риски инвестиционных проектов, связанные с различиями в рыночных институтах и общей неопределенности мировой конъюнктуры.

Сильное влияние на макроэкономику Беларуси оказывает состояние российской экономики, которое, в свою очередь, в большой мере зависит от цен на углеводороды. Резкое падение мировых цен на нефть вызвало резкое падение курса рубля, сокращение стоимостных объемов экспорта и импорта, рост инфляции и сокращение внутреннего спроса. В совокупности это вызвало падение белорусского импорта, что, учитывая его объемы, стало важным фактором ухудшения макроэкономических показателей в Беларуси в 2013–2016 гг.

Среди внутренних причин макроэкономической неустойчивости белорусской экономики А. Шурубович называет чрезмерную поддержку государством малоэффективных производств и несоразмерные с возможностями экономики социальные расходы [10, с. 116–117].

Беларусь и Россия сталкиваются с общими проблемами развития: при значительном научном потенциале и в целом довольно высоком уровне образования развитие экономики опирается в основном на заимствованные в третьих странах технологии. Имеющиеся научно-технические достижения не находят должного спроса у национальной экономики. В основном они доходят до стадии промышленных образцов и не выходят на уровень массового производства, поскольку на рынке уже имеются подобные товары от иностранных производителей по более низким ценам. Иными словами, жестким барьером развития государств выступает недостаточная конкурентоспособность национальных технологий и производимых на их основе новых изделий. С проблемой недостаточной конкурентоспособности экономик РБ и РФ связаны финансовые трудности, стагнация доходов населения, недостаточная инвестиционная активность.

В этих условиях страны стоят перед нелегким выбором будущего развития: либо бороться за долю на внутреннем и внешнем рынках в сегменте традиционных отраслей, получая от этого все меньшую прибыль, либо сконцентрировать усилия на инновационных производствах, порождаемых новой

промышленной революцией, но выпуск которых связан с большими коммерческими рисками.

Решение этой дилеммы видится через повышение разными способами инновационной активности предприятий и организаций, что позволит либо снизить издержки в традиционных отраслях, либо выйти на рынок с новыми продуктами. Важной возможностью увязки внедрения новых технологий и на их основе массового выпуска инновационных товаров и услуг с формированием соответствующих рынков становится согласование национальных программ развития с выделением приоритетных производств в рамках евразийской интеграции. Это позволит выстроить единую стратегию их инновационного развития и реализовать трансграничную кооперацию в рамках приоритетных направлений, разделив между собой риски освоения новых высокотехнологичных производств.

Появление новых продуктов и их рынков связаны с практической реализацией евразийских технологических платформ (ЕТП). Совет ЕЭК утвердил 12 первых приоритетных ЕТП, которые объединяют более 400 ведущих научных и промышленных организаций Союза, готовых в 2018 г. реализовать более 130 совместных инновационных кооперационных проектов в наиболее перспективных отраслях [7, с. 145–150].

Совмещение модернизации традиционных производств, повышение их конкурентоспособности и одновременно создание новых производств в русле четвертой промышленной революции позволит широкая цифровизация экономики как на страновом уровне, так и в рамках ЕАЭС. С цифровой экономикой связаны надежды Беларуси и России на преодоление структурных проблем в экономике, ускорение темпов роста и устойчивый рост доходов населения. В целом евразийская интеграция делает первые шаги по созданию соответствующих институтов инновационного развития. Необходимость этих институтов очевидна. Причем лидерами инновационной модернизации на основе национальных разработок в рамках ЕАЭС по объективным условиям являются Беларусь и Россия. Это лидерство будет усилено в результате подписания в РБ декрета «О развитии цифровой экономики», который нацелен на создание в стране благоприятных условий для развития информационно-коммуникационных технологий. В этом контексте весьма актуально сфокусировать экономическое сотрудничество в рамках Союзного государства на поиск прорывных технологий и их внедрение в национальное производство.

### **О пределах деградации взаимных экономических связей РФ и Украины**

Сильное влияние неэкономических факторов на российско-украинские экономические связи в своей основе опирается на стремление Украины



вырваться из «Русского мира», используя стратегический интерес Запада в сдерживании России. Пришедшие в результате «майдана» к власти анти-российски настроенные политические силы интерпретировали эти события как целенаправленную политику России, нежелающей сделать украинский народ богатым и счастливым. В этом контексте свертывание экономических связей стало важным элементом украинской политики «окончательного развода» с Россией. По мнению П. Порошенко, этот «развод» был оформлен безвизовым режимом между ЕС и Украиной, установленным в 2017 г. Тем не менее хотя доля РФ во внешней торговле за 2012–2017 гг. уменьшилась с 29 до 12%, она по-прежнему занимает первое место среди торговых партнеров Украины.

Свертывание торговых связей по «национал-патриотическим» причинам бьет по доходам граждан, предприятий, бюджету, создает угрозу неисполнения кредитных обязательств перед МВФ и другими кредиторами страны, стало весомым фактором падения ВВП в 2013–2015 гг. Декларируемая нынешними властями страны миссия Украины как спасительницы Европы от «российской агрессии» отталкивает иностранные инвестиции, без которых трудно рассчитывать на устойчивый рост украинской экономики.

За 2012–2016 гг. объемы накопленных прямых российских инвестиций РФ в Украину уменьшились с 16,5 млрд долл. до 5,2 млрд долл., а украинских прямых инвестиций в РФ с 0,89 млрд долл. до 0,77 млрд долл. Сокращение связано с сокращением активов через их продажу или свертыванием деятельности в связи с большими коммерческими рисками и падением доходности. К фактическому обесценению активов компаний и банков с российским капиталом привели также падение курса гривны и периодические атаки на них украинских радикалов. Ситуацию отчасти спасает то, что российские владельцы этих активов имеют офшорную регистрацию [6, с. 19, 24].

С особой силой «революция достоинства» сказалась на поездках российских граждан в Украину, которые, по данным украинской статистики, за 2013–2017 гг. сократились почти в 7 раз (с 10,3 млн человек до 1,5 млн человек). Это поток складывался из поездок на курорты Украины, к родственникам, транзитных сообщений в Молдову, Болгарию и другие Балканские страны, туристических, служебных и прочих поездок. Встречный поток украинцев пострадал меньше, сокращение составило 1,6 раза (6,1 млн человек в 2013 г. и 4,4 млн человек в 2017 г.). Поездки граждан Украины в РФ в основном связаны с трудовой деятельностью.

В 2017 г. «национально-патриотическое» давление государства на украинский бизнес несколько ослабло. Об этом свидетельствует рост украино-российской торговли на 29%. Почти 2/3 взаимной торговли – импорт из РФ. Его основу сегодня составляют каменный уголь, нефтепродукты, удобрения, некоторые виды машиностроительной продукции – те товары, которые не

попали под взаимные санкции, но необходимы для ТЭК, металлургии и аграрного сектора Украины.

Представляется, что в ближайшие годы взаимные экономические связи будут неустойчивыми, но такого катастрофического сокращения, как в 2013–2016 гг., уже не произойдет. Важным ограничителем наращивания взаимной торговли в дальнейшем помимо взаимных санкций и импортозамещения становится продолжающаяся деиндустриализация Украины, в том числе и в связи с ее постепенным включением в экономическую систему ЕС. Для ЕС Украина представляет интерес как поставщик растительного и минерального сырья, а также полуфабрикатов, как источник дешевой рабочей силы и как инструмент давления на Россию. Со временем Украина будет обретать новые экономические функции в экономике Евросоюза, но в рамках ее периферийного статуса, например производить отдельные комплектующие для производства автомобилей и бытовой техники.

Центр тяжести в «политике развода» в 2017 г. был перенесен на сокращение возможностей непосредственной коммуникации граждан, поскольку идеи украинского национализма, замешанные на русофобии, не смогли сплотить народ и обеспечить внутреннюю стабильность.

Введение с конца декабря 2017 г. новых правил въезда в Украину на основе биометрических паспортов и с предварительным уведомлением, несомненно, ограничит возможности поездок не только граждан РФ, но и РБ в Украину. Украинской стороной параллельно проводятся меры по ограничению поездок украинских граждан в Россию как чисто пропагандистские, так и путем свертывания более дешевого регулярного пассажирского сообщения.

Для Украины первостепенно важно, чтобы ее геополитическое значение для Запада в плане сдерживания России не уменьшалось. За это западные спонсоры оказывают немалую финансовую помощь Украине, удерживают санкции в отношении России, т.е. выплачивают ей своего рода геополитическую ренту. Следует отметить, что после принятия Украиной в сентябре 2017 г. Закона об образовании, который ограничил право национальных меньшинств на обучение на родном языке, заметно обострились отношения с соседними странами ЕС. В связи с этим небезосновательно предположение, что проевропейская риторика украинских властей, по сути, стала прикрытием для создания моноэтничного украинского государства.

Обязательства Украины перед ЕС, США, НАТО по сдерживанию России вступают в определенное противоречие с требованиями международных финансовых организаций по урезанию социальных расходов, сокращению бюджетного дефицита и исправному исполнению долговых обязательств, что приводит к «сжатию» внутреннего потребления, которое сужает возможности экономического роста, прежде всего для украинской провинции, делает его зависимым от конъюнктуры на рынках основных экспортных товаров страны.

Таким образом, возникает необходимость для Украины искать способы наращивания экспорта в Россию и другие страны СНГ не меняя политического курса. Все это сильно осложняет прогноз взаимных экономических отношений России и Украины на обозримую перспективу. Они будут определяться соотношением радикальных националистических и проевропейских сил, которое выявят выборы 2019 г. Скорее всего, доля РФ во внешней торговле Украины в ближайшие три-четыре года будет колебаться в пределах 10–12% при сокращении социальных контактов, замораживании взаимных инвестиций и постоянных попытках нанести экономический и политический ущерб России.

#### **Отношения Беларуси и Украины: Преобладание прагматизма**

Сегодня при этнокультурной близости Беларусь и Украина – разные по идентичности страны. Снисходительно-пренебрежительное отношение проевропейской Украины к просоветской Беларуси после майдана заметно изменилось. В геополитическом плане для Украины весьма важно минимум обеспечить нейтралитет Беларуси в ее конфликте с Россией. Для Беларуси отношения с Украиной – важный элемент ее суверенитета и налаживания связей с ЕС.

Белорусско-украинские экономические отношения базируются на торговле, поскольку взаимные инвестиции имеют крайне незначительные объемы. Между странами действует режим свободной торговли. Украина и Беларусь в основном продают друг другу товары традиционного экспорта и имеют ограниченную производственную кооперацию. В 2017 г. во внешне-торговом обороте Украины доля их взаимной торговли составляла 4,6%, а во внешнеторговом обороте Беларуси – 7,2%.

Участвуя в Таможенном союзе (ЕАЭС и ЗСТ) в рамках СНГ, Беларусь смогла получить определенные торговые преимущества в результате разлада отношений между Россией и Украиной: она смогла нарастить продовольственный экспорт в РФ, заменив Украину, а в рамках ЗСТ СНГ увеличить экспорт жидкого топлива, производимого из российской нефти, на Украину, частично заменив прямые российские поставки на украинский рынок. Сейчас на Беларусь приходится около половины украинского импорта нефтепродуктов, которые составляют 2/3 белорусского вывоза в Украину. В украинском экспорте в Беларусь преобладают сельскохозяйственное сырье и продовольственные товары. Беларусь в определенной мере компенсирует экономические потери России и Украины, возникшие от резкого сокращения их взаимных торговых связей.

Перспективы наращивания взаимных инвестиций сегодня плохо просматриваются. Разрушение промышленного потенциала Украины расширяет возможности экспорта белорусской продукции. Но он будет сталкиваться с экспортом аналогичной продукции из ЕС, Турции и Китая. При этом вполне возможно усиление роли Беларуси как посредника в торговле между РФ и Украиной.

В целом значение Беларуси как международного партнера сильно выросло как для России, так и для Украины в результате их конфликта. К политическому и торговому значению следует добавить возрастание транзитного значения РБ для перевозок на направлении Китай – СНГ – Европа и на меридиональном направлении: страны Балтийского моря – страны Черного моря. Реализация «цифровых» амбиций РБ еще более повысит ее привлекательность для европейских и евразийских партнеров.

Сохранится ли «треугольник» в будущем? Или он превратится в «угол» с центром в Беларуси? Надеюсь, что сохранится. Но экономические взаимодействия в нем будут ослабевать по российско-украинской и белорусско-украинской сторонам. Под влиянием ассоциации с ЕС продолжится трансформация экономики Украины в интересах европейских и американских компаний. Развитие экономики Беларуси и России будет происходить в рамках ЕАЭС, но с учетом национальных интересов. Важную роль в поддержании «треугольника» могут сыграть ТНК, но для этого нужно найти политическое решение проблемы Донбасса, а также наладить диалог между ЕС и ЕАЭС. В случае его успеха «треугольник» может обрести новую миссию связующего звена для европейской и евразийской интеграций.

### Библиография

1. Дзермант А. Беларусь: Особенности государственной идеологии и национальной идентичности // Центр Льва Гумилёва. 2015. 18 июня. URL: <http://www.gumilev-center.ru/belarus-osobennosti-gosudarstvennoj-ideologii-i-nacionalnoj-identichnosti/> (Дата обращения 30.03.2018.)
2. Головаха Е.И., Панина Н.В. Основные этапы и тенденции трансформации украинского общества: От перестройки до парламентского кризиса 2007 г. // Российская модернизация: Размышления о самобытности. М.: Три квадрата. 2008. С. 312–316.
3. Кочетков В.В. Идентичность в международных отношениях: Теоретические основы и роль в мировой политике // Вестник МГУ. 2010. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика. № 1. С. 20–24.
4. Крылов М., Гриценко А. Идентичности на Украине: Вызовы современности – эхо прошлого? // Мир перемен. М., 2015. № 2.
5. Кузнецов А.В. Судьба англосаксонского глобализма // Мир перемен. 2015. № 3. С. 146–148.
6. Мониторинг взаимных инвестиций в странах СНГ. 2017. СПб.: Центр интеграционных исследований, 2017. 62 с.

7. Сидорский С.С. Инновации как фактор устойчивого развития реального сектора государств – членов ЕАЭС // Стратегия развития экономики Беларуси: Вызовы, инструменты реализации и перспективы: Сб. научных статей. Минск: Институт системных исследований в АПК НАН Беларуси, 2017. Ч. 1. С. 145–150.
8. Толочко П. «Русский мир» и Украина // Ежедневник «2000». 2012. 14 июня. № 23. С. 4. URL: [http://www.2000.ua/v-nomere/forum/puls/russkij-mir-i-ukraina\\_arhiv\\_art.htm](http://www.2000.ua/v-nomere/forum/puls/russkij-mir-i-ukraina_arhiv_art.htm) (Дата обращения: 30.03.2018.)
9. Тренин Д.В. Интеграция и идентичность. Россия как «новый Запад». М.: Европа, 2006. 402 с.
10. Шурубович А.В. Белорусская экономическая модель перед лицом тяжелых испытаний // Россия и современный мир. 2017. № 3. С. 116–132.

## References

- Dzermant A. Belarus': Osobennosti gosudarstvennoj ideologii i nacional'noj identichnosti // Centr L'va Gumileva. 2015. 18 June. URL: <http://www.gumilev-center.ru/belarus-osobennosti-gosudarstvennoj-ideologii-i-nacionalnoj-identichnosti/> (Data obrashhenija: 30.03.2018.)
- Golovaha E.I., Panina N.V. Osnovnye jetapy i tendencii transformacii ukrainskogo obshhestva: Ot perestrojki do parlamentskogo krizisa 2007 g. // Rossijskaja modernizacija: razmyshlenija o samobytnosti / Red. Pain Je.A., Volkogonova O.D. M.: Tri kvadrata. 2008. P. 312–316.
- Kochetkov V.V. Identichnost' v mezhdunarodnyh otnoshenijah: Teoreticheskie osnovy i rol' v mirovoj politike // Vestnik MGU. Mezhdunarodnye otnoshenija i mirovaja politika. 2010. Ser. 25. N 1. P. 20–24.
- Krylov M., Gritsenko A. Identichnosti na Ukraine: Vyzovy sovremennosti – ekho proshlogo? // Mir peremen. Moscow, 2015. N 2.
- Kuznecov A.V. Sud'ba anglosaksonskogo globalizma // Mir peremen. 2015. N 3. P. 146–148.
- Monitoring vzaimnyh investicij v stranah SNG. 2017. Saint-Petersburg: Centr integracionnyh issledovanij, 2017. 62 p.
- Shurubovich A.V. Belorusskaja jekonomicheskaja model' pered licom tjazhelyh ispytanij // Rossija i sovremennij mir. 2017. N 3. P. 116–132.
- Sidorskiy S.S. Innovacii kak faktor ustojchivogo razvitija real'nogo sektora gosudarstv – chlenov EAJeS // Strategija razvitija jekonomiki Belarusi: Vyzovy, instrumenty realizacii i perspektivy: Sb. nauchnyh statej. Minsk: Institut sistemnyh issledovanij v APK NAN Belarusi, 2017. Vol. 1. P. 145–150.
- Tolochko P. «Russkij mir» i Ukraina // Ezhenedel'nik «2000». 2012. 8–14 June. N 23. P. 4. URL: [http://www.2000.ua/v-nomere/forum/puls/russkij-mir-i-ukraina\\_arhiv\\_art.htm](http://www.2000.ua/v-nomere/forum/puls/russkij-mir-i-ukraina_arhiv_art.htm) (Data obrashhenija: 30.03.2018.)
- Trenin D.V. Integracija i identichnost'. Rossija kak «novyj Zapad». M.: Evropa. 2006. 402 p.

**Г.А. Монусова**

**ИНТЕГРАЦИЯ ИММИГРАНТОВ В РОССИИ:  
УРАВНЕНИЕ СО МНОЖЕСТВОМ НЕИЗВЕСТНЫХ\***

***Аннотация.** Статья предлагает критический взгляд на проблемы интеграции мигрантов в России. Понятие «интеграция» анализируется применительно к современным реалиям этого процесса. Автор показывает, что исследователи по-разному определяют понятие «интеграция», вкладывая в него разные смыслы, и такая многозначность затрудняет анализ. При этом основные участники (и мигранты, и принимающая страна) не проявляют должного интереса к «интеграции»: нет ни четко артикулированного отношения власти к тому, нужны ли мигранты нашей стране, ни готовности населения соседствовать с инокультурными мигрантами, ни желания большинства мигрантов оставаться жить в нашей стране и интегрироваться. Таким образом, процесс «интеграции мигрантов» в России напоминает уравнение со множеством неизвестных.*

***Ключевые слова:** миграция, интеграция, инокультурные мигранты, трудовая миграция, временная миграция, социально-экономическое положение мигрантов.*

Монусова Галина Алексеевна – кандидат исторических наук,  
старший научный сотрудник Института мировой экономики  
и международных отношений Российской академии наук  
(ИМЭМО РАН), Москва. Email: g.monusova@gmail.com

**G.A. Monusova. Integration of Immigrants in Russia: An Equation with Many Unknowns**

***Abstract.** This article offers a critical look at the current discussions of migrant integration in Russia. The concept of «integration» is analyzed in relation to today's Russian reality. As the author shows, on the one hand, researchers offer different*

---

\* Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 16-07-00008-ОГН «Интеграция инокультурных мигрантов: перспективы интеркультурализма». Автор признателен М. Денисенко и В. Мукомелю за комментарии, замечания и советы. В данной работе «миграция» и «иммиграция», «мигрант» и «иммигрант» используются как синонимы.

*definitions of the concept of «integration» and give contradicting interpretations. On the other hand, main agents of the process (migrants, the population and the authorities of the receiving countries) show little interest in the «integration». The government cannot decide whether migrants are needed and what policy towards them is optimal. The population is hostile to foreign migrants, while migrants themselves do not intend to live in Russia and to «integrate». Thus, the process of «integration of migrants» in Russia becomes an equation with many unknowns, which has no solution.*

**Keywords:** migration, integration, migrants, migrants workers, temporary migration, labour migration, incultural migrants.

**Monusova Galina Alekseevna** – Candidate of History,  
senior researcher, Institute of World Economy  
and International Relations Russian Academy  
of Sciences (IMEMO RAN). Email: g.monusova@gmail.com

Современный мир характеризуется активизацией миграционных процессов. Население бедных стран стремится к лучшей жизни и упорно ищет «счастья» в богатых странах. Население богатых стран стареет, и работать, особенно на низкоквалифицированных рабочих местах в секторе услуг, становится некому. Такая «смычка» экономических интересов поддерживает миграционные процессы, которые кажутся неостановимыми. В то же время политические элиты стран-реципиентов не могут до конца определиться с миграционной политикой, которая «колеблется между политикой открытых дверей, за которую выступают экономисты, и политикой закрытых дверей, предпочтительной для электората» [6, с. 24]. События последних лет, связанные со всплеском миграции и волной терактов в Европе, поднимают градус напряжения в отношении коренного населения к иммигрантам, особенно к представителям иной культуры. Ситуация осложняется тем, что второе поколение мигрантов (а это уже не сами мигранты, а их дети – нередко полноправные граждане принимающих стран) проявляет себя не всегда так, как можно ожидать от законопослушных европейцев. Поджоги машин в Париже, теракты в Барселоне связаны с молодыми людьми, которые родились и выросли в Европе, посещали местные школы, в совершенстве владеют местными языками и знают традиции своих стран. И тем не менее они оказываются маргиналами. Это лишь подчеркивает сложность интеграции.

Россия также сталкивается с вызовами миграции. Российские экономисты и демографы, социологи и политологи на теоретическом и эмпирическом уровнях пытаются обозначить явные и неявные «плюсы» и «минусы», выгоды и издержки массового притока иностранных гостей. Этой проблеме посвящена значительная литература [1; 2; 3; 5; 9; 12; 19; 20; 26]. Согласно этим исследованиям, при явной экономической необходимости международной миграции в России фиксируются реальные социальные проблемы включения

вновь прибывающих в жизнь общества. Нелегальная миграция, рост недоверия местного населения к приезжим, антимиграционная мифология усиливают напряжение в обществе. Отчасти эти проблемы связывают с самими мигрантами, но существенную роль здесь играет и принимающая сторона. Обе стороны должны желать встраивания вновь прибывших в общество, и обе стороны несут ответственность за этот процесс.

Один из центральных пунктов этого дискурса – тезис о необходимости «интеграции мигрантов». Соответственно ставятся вопросы о создании особых условий и проведении специальных мероприятий для включения вновь приезжающих в социальную жизнь общества, принимаются соответствующие документы и на уровне отдельных стран, и на уровне Евросоюза.

Необходимость интеграции мигрантов в принимающих странах воспринимается как аксиома. Согласно официальной концепции, «важными элементами государственной миграционной политики Российской Федерации являются создание условий для адаптации и интеграции мигрантов, защита их прав и свобод, обеспечение социальной защищенности» [7, ст. 17]. Слово «интеграция» здесь кажется ключевым. При этом ответы на вопросы о том, что такое интеграция, как она измеряется, не столь очевидны. Кого мы можем считать интегрированным, а кого нет? Где граница между «интегрированностью» и «неинтегрированностью»? Интегрированность – это дихотомия или континуум? Всем ли нужна интеграция?

### **Понятие «интеграция мигрантов»: сложности толкования**

Понятие «интеграция мигрантов» кажется интуитивно очевидным: мигранты должны быть каким-то образом встроены в социальную и культурную жизнь принимающей страны. Однако за кажущейся простотой скрывается многослойность этого явления, которое одновременно подразумевает и процесс, и результат этого процесса, и политику в этой области. В итоге исследователи придают одному и тому же термину разные значения, которые лежат в диапазоне от простого здравого смысла до сложных абстрактно-теоретических конструкций.

Прежде всего следует различать процесс, результат и политику интеграции. Процесс в самом общем виде представляет собой встраивание индивида в жизнь общества, результат – итоговое состояние, оценка того, что достигнуто или не достигнуто. Процесс и результат тесно переплетены и не всегда явно разделимы. Политика интеграции предполагает определенные законодательные, административные и экономические меры, обеспечивающие этот процесс.



Суть интеграции все понимают примерно одинаково – это включенность, встроенность, «вживление» мигранта в общество принимающей страны. Однако уже в определениях, формах и способах измерения интеграции единства мнений нет.

Ряд исследователей использует множественность синонимов «интеграции», что вносит путаницу в понимание этого термина. Ассимиляция, аккультурация, абсорбция, аккомодация, адаптация, включенность и т.д. – это далеко не полный перечень возможных заменителей [25; 28; 30]. И все они характеризуют встраивание индивида в общество, «вхождение» мигрантов в социум стран иммиграции, их адаптацию и последующую приживаемость в этом обществе [5, с. 2]. «Социальная интеграция, – пишет В. Леденева, – это процесс, тесно связанный с другими процессами, социализацией, аккультурацией, ассимиляцией, адаптацией, т.е. некий результат этих процессов» [8, с. 41].

В литературе существует и другая точка зрения, согласно которой интеграция выступает как самостоятельное явление, как промежуточная форма между ассимиляцией и мультикультурализмом [12; 16; 23]. В. Мукомель рассматривает интеграцию как альтернативу ассимиляции и сегрегации и определяет ее как «процесс встречного движения культур принимающего социума и культур мигрантов, смешение культурных норм и ценностей, изначально функционировавших сепаратно и, возможно, противоречащих друг другу» [12, с. 5].

В. Малахов, обсуждая проблематику интеграции в западной литературе, обращает особое внимание на использование терминов «интеграция» и «ассимиляция». Он подчеркивает, что в США больше употребляют термин «ассимиляция», хотя полного культурного растворения мигрантов никто не наблюдает, а в Европе, напротив, используют понятие «интеграция», подразумевая под ней как раз ассимиляцию [9, с. 30]. «Хорошо интегрированный мигрант – это тот, кто ассимилировался функционально через язык, мышление и поведение принимающего общества» [30, р. 4].

В литературе понятие интеграции нередко используют и как зонтичное (*umbrella*), объединяющее разные формы встраивания индивида в общество, такие как ассимиляция, мультикультурализм, интеркультурализм и т.п. [20; 25]. Некоторые исследователи переводят понятие «интеграция» в более абстрактную теоретическую область. Так, Е. Варшавер пытается объяснить суть этого понятия, опираясь на теорию интеграции Х. Эссера [24]. «Во-первых, это объединение частей в целое, во-вторых, это включение в целое новых элементов» [1, с. 318–319].

Итак, при всем разнообразии определений интеграции везде речь идет о включении индивидов в новое для них общество, и эта включенность может протекать в разных формах, с разной степенью погружения в социальную

жизнь этого общества. Для кого-то знание языка принимающей стороны может оказаться достаточным для ощущения встроенности, для кого-то необходимо наличие работы, для кого-то – участие в местной социальной жизни. Кому-то нужно ощущать себя полноправным гражданином с правом голоса, а для кого-то важны только временная работа и заработки. Возможно, что именно с этим связаны различия в определениях и взглядах на интеграцию, которую нередко отождествляют и с ассимиляцией, и с адаптацией.

Судя по разнообразию определений, «интеграция» действительно является неким зонтичным понятием для представлений различных форм и степеней встраивания индивида в жизнь общества. Это может протекать в форме простейшей адаптации (приспособление на элементарном функциональном уровне), а может предполагать полное культурное погружение и растворение (ассимиляцию) [5].

Исследователи выделяют несколько осей, по которым идет встраивание вновь прибывших (виды интеграции): культурная (функциональная), социальная, экономическая, структурная, политическая, идентификационная<sup>1</sup>. Соответственно, движение может идти лишь по одной или нескольким из названных осей, что еще больше запутывает понимание интеграции. Например, работа и доходы есть, а знания языка нет, или наоборот. Добавим к этому и разные определения самих осей, что также затрудняет анализ<sup>2</sup>.

Множественность и противоречивость определений процесса интеграции сопровождается неопределенностью измерения результата. Чем интегрированный мигрант отличается от неинтегрированного? Не совсем ясно, интегрированность – это дихотомия или континуум? Как бы мы ни определяли встраивание индивида в общество, нет очевидной меры для измерения степени этого встраивания. Мы не можем четко сказать, кто встроился, а кто нет.

В странах ОЭСР, которые имеют большой опыт работы с мигрантами, в качестве ключевых индикаторов интеграции помимо знания языка принимающей страны выделяют размер заработков, наличие и качество жилья, доступ к здравоохранению и состояние здоровья, доступ к системе образования, включенность в рынок труда и уровень безработицы, дискриминацию, гражданскую вовлеченность и т.п. Позиции мигрантов сравниваются по этим

---

1. Культурная ось предполагает знание языка, понимание и принятие базовых ценностей и норм поведения; социальная – вхождение в систему образования, здравоохранения, социальной защиты; экономическая – доступ к рынку труда, наличие работы; политическая – право голоса; идентификационная ось отражает эмоциональную включенность мигранта в принимающее общество, ощущение близости страны [1; 16; 30].

2. Е. Варшавер выделяет структурную интеграцию, которая включает занятость, доступ к системе образования и социальной защите, а социальную определяет, как взаимоотношения мигрантов и местного населения [1].

индикаторам с позициями коренного населения: чем ближе позиции, тем глубже интеграция [29]. Обратим внимание, что это работает не для всех мигрантов, а только для тех, кто настроен жить в стране. Но и при таком подходе мы также не получаем ответа на вопрос, кого мы считаем интегрированным, а кого нет. Где проходит граница интеграции, если таковая в принципе возможна? Заметим, что высококвалифицированные иностранные специалисты прекрасно адаптируются, не всегда зная местный язык, и при этом получают заработки существенно более высокие, чем местное население.

Помимо объективных критериев результата интеграции существуют и субъективные оценки самих мигрантов, которые могут не совпадать друг с другом. Вполне вероятны ситуации, когда объективные показатели интеграции соблюдены, но иностранец не ощущает себя комфортно в стране. И наоборот. Не совсем понятно, на какие критерии ориентироваться при оценке интегрированности: на субъективные ощущения приезжающих или объективные параметры?

Неопределенность и нечеткость критериев встроенности в общество накладывается на разнообразие видов миграции. Понятие «иммигрант» не имеет универсального определения, что еще больше запутывает понятие интеграции [28, р. 61–62]. В странах ОЭСР к международным мигрантам относят индивидов, которые родились в одной стране, а проживают больше года в другой [28, р. 62]. Это очень широкое определение, сюда попадают как те, кто имеет гражданство, так и те, кто не имеет, те, кто приезжает на заработки, и те, кто воссоединяется с семьей и т.д.

Особо следует выделить трудовую миграцию. Согласно международным определениям, это – «перемещения индивидов из одной страны в другую или внутри одной страны с целью получения занятости» [28, р. 58]. Российский термин имеет нюансы. Трудовая миграция здесь отождествляется с временной и определяется как «временная миграция с целью трудоустройства и выполнения работ (оказания услуг)» [7, ст. 5].

Трудовые мигранты различаются по целям приезда. К примеру, что касается российского варианта, то часть приезжающих настроена осесть в России и, соответственно, действует в этом направлении (знает или учит язык, находит друзей, работу, общается с местным населением и т.п.). При этом многие приезжают только ради заработков, на конкретный фронт работ, и эти люди не связывают свою жизнь с новой страной и не намерены встраиваться в социальную жизнь общества.

Подстройка происходит индивидуально в каждом конкретном случае и отчасти самоорганизовано в зависимости от уровня образования, от профессии, от возраста, от населенного пункта, откуда прибыл индивид, от цели приезда. Как замечает В. Малахов, «абсолютно неинтегрированных мигрантов не существует... С момента, когда индивид попадает на территорию той

или иной страны, он уже в некотором отношении интегрирован – в экономическую цепочку, в круг родственников и знакомых, в “этническую сеть” или землячество, в систему социальной поддержки со стороны государства... и т.п.» [9, с. 38]. Здесь, однако, возникает вопрос, куда интегрируются вновь прибывшие? В социальную жизнь принимающей страны или в этническую сеть и жизнь диаспоры? Исследователи отмечают неоднозначную роль диаспоры в процессе встраивания мигрантов в принимающее общество. Нередко вновь прибывшие получают все, что нужно в диаспоре, и у них нет потребности в другом общении. В этом случае пребывание в диаспоре может стать барьером для интеграции. В то же время диаспора может способствовать поиску возможностей влиться в окружающую жизнь, смягчая процесс адаптации к новой жизни [2, с. 290–296].

Но если это так, какие целенаправленные меры нужны со стороны принимающей страны? В чем должна заключаться такая политика, если мы не можем однозначно определить суть интеграции и измерить ее результат? Исследователи высказывают предположение, что «особенно охотно к понятию “интеграция” прибегают правые популисты, пытающиеся сделать тему мигрантов и их “нежелание интегрироваться” главной в повестке дня» [9, с. 38]. Необходимость интеграции нередко отождествляют с антимиграционной политикой, «за разговорами об интеграции угадывается плохо скрытое желание закрыть двери перед теми, кто не похож на “своих”, “местных”, а призывы интегрировать мигрантов очень политизированы и носят популистский характер» [18, с. 308]. Возможно, такой подход выглядит провокативным и является реакцией на тезис об абсолютной необходимости интеграции, но задуматься он заставляет.

Конечно, важно помочь иностранным мигрантам адаптироваться к местной среде. Опыт европейских стран свидетельствует о полезности создания консультативных центров, помощи принимающей страны в изучении языка, предоставлении работы и т.п. [2, с. 280–290]. Но запрос должен исходить от нуждающегося в этой помощи.

Процесс вхождения в общественную жизнь должен проходить при активном желании и участии самого мигранта. Далеко не все мигранты хотят остаться в стране-реципиенте навсегда. Если индивид приехал за заработком, ему нужна одна политика «интеграции», а если жить – совсем другая. Исследователи обращают внимание на то, что интеграция нередко представляет собой «непреднамеренный результат действий самих мигрантов» [9]. Многие, приезжая на время в новую страну, не ставят перед собой таких задач. Это означает, что управлять интеграцией достаточно сложно, если вообще возможно. Получается, что разнообразие мигрантов требует разнообразия политик, что не делает проблему проще. Встраивание в социальную жизнь общества вновь прибывших является деликатным и тонким вопросом,

и излишняя активность насильственной «интеграции» может создать дополнительные проблемы, или получить результат, обратный тому, которого хотели достичь [9, с. 50]. Речь здесь не идет о том, что для получения гражданства той или иной страны необходимо выполнение определенных требований и соблюдения условий.

Согласно документам Европарламента (концепции Еврокомиссии), интеграция – это двусторонний процесс, и гражданское общество играет ключевую роль в адаптации мигрантов<sup>3</sup>. С одной стороны, отношение местного населения, отсутствие дискриминации в доступе к образованию, к рабочим местам<sup>4</sup> являются необходимым условием для встраивания мигрантов в общество. Не только мигранты должны адаптироваться к местным правилам, культуре и т.п., но и местное общество к мигрантам. С другой стороны, ожидается, что мигранты будут уважать основные законы, нормы и ценности принимающего общества и не ухудшать жизнь местного населения. Это воспринимается обществом как обязательное условие.

Понятие «интеграция» многомерно и многолико и на данный момент не имеет общепринятого строгого научного инструментария. Соответственно дискурс об интеграции является отчасти искусственно выстроенным, напоминая «игру» в слова. В этих условиях к выработке политики интеграции нужно подходить очень осторожно, понимая все возможные последствия вмешательства извне в тонкую хрупкую ткань взаимоотношений внешних мигрантов, особенно инокультурных, и местного населения.

Абстрагируясь от некоторой неопределенности понятия «интеграция», можно выделить два необходимых условия для встраивания вновь прибывающих в страну: желание мигранта найти свое место в обществе, прикладывая к этому усилия и принимая правила и нормы новой жизни, и готовность принимающего общества принять новых членов, не разделяя их на своих и чужих. Посмотрим, как эти условия реализуются в России.

### **Мигранты в России: Кто приезжает и зачем?**

Последние годы характеризуются быстрым ростом в России международного миграционного движения. С 2005 по 2016 г. число вновь прибывших выросло более чем в 3 раза [21].

---

3. *Civil society plays a crucial role in helping migrants gain access to education, training and employment, and in challenging discrimination in the education sector, labour market and society as a whole [32, 4.10].*

4. *The EESC recognizes that integration is strongly dependent on labour market integration... [32].*

Основной поток желающих попасть в Россию сегодня, как и десять лет назад, связан со странами СНГ. Согласно данным Росстата, в 2016 г. 90% всех прибывших в Россию составляли выходцы из стран СНГ (в 2005 г. эта цифра составляла 92%) [21]. Среди стран-доноров на первом месте стоит Украина (31%), далее следуют по убывающей Казахстан (12), Узбекистан (11), Таджикистан (9), Армения (8), Молдавия (6), Киргизия (5), Азербайджан (4%) [там же].

Вновь прибывающие иностранные «гости» имеют разные цели: кто-то намерен постоянно жить и работать в России, а кто-то настроен на временное пребывание ради заработков.

Центр этнополитических и региональных исследований (ЦЭПРИ) провел для НИУ ВШЭ социологические опросы мигрантов в России в 2011 г. (выборка 8,5 тыс. человек) и в 2017 г. (выборка 8,7 тыс. человек) с целью анализа их социально-экономического положения, занятости, мотивации приезда и т.д. [13]. Согласно опросу 2011 г., примерно 40% респондентов находились в России более года, т.е. являлись долгосрочными (постоянными) мигрантами, 38% были циркулярными мигрантами (в том числе 12% – сезонные мигранты, находившиеся менее шести месяцев) и 21% опрошенных впервые приехали в страну на заработки [12].

Цель приезда и планы, связанные с Россией, варьируются в зависимости от страны исхода. Если среди прибывших из Армении, Грузии, Украины, Казахстана в 2017 г. более 60% опрошенных планируют связать свою дальнейшую жизнь с Россией на постоянной основе, то среди представителей Узбекистана и Киргизии так думают только 20–24%. Большинство же мигрантов из республик Средней Азии приезжают с установкой на заработки и временное проживание [15]. Эти настроения подтверждают статистические данные о реальном поведении. Две трети миграционного прироста в 2015 г. составили украинцы и выходцы из Казахстана (62 и 15% соответственно), в то время как доля представителей Узбекистана сократилась, заметно снизилась и доля в миграционном приросте приезжающих из Таджикистана, Киргизии и Азербайджана. Однако, согласно данным Росстата, в 2016 г. ситуация несколько изменилась: доля иностранцев из Таджикистана и Узбекистана, оставшихся в России, возросла, но доминирование украинцев и выходцев из Казахстана в структуре миграционного прироста сохраняется [21].

Итак, на постоянное жительство в России в большей мере нацелены мигранты, прибывающие с Украины и из Казахстана, значительная часть которых (80% и более), согласно данным 2017 г., даже дома разговаривает на русском языке. Представители Узбекистана и Таджикистана на этот факт указывали существенно реже: только 12–13% опрошенных предпочитали русский язык для общения в семье [15]. Инокультурные мигранты из Центральной Азии, которые плохо владеют русским языком, приезжают

в Россию в большинстве своем на заработки с временным проживанием, и у них нет установки на укоренение в России.

### **Социально-экономическое положение мигрантов**

Постоянно проживающие и временные трудовые мигранты по-разному встраиваются в социально-экономическую жизнь принимающей страны. Общепринятых измерителей интеграции мигрантов нет. В странах ОЭСР сравнивают позиции постоянно проживающих мигрантов (тех, кто родился в другой стране и живет в данной стране больше года) с позициями местного населения<sup>5</sup>. Используя данные Европейского социального обследования (ESS)<sup>6</sup>, мы можем посмотреть на относительные позиции постоянно проживающих мигрантов в России и в ряде европейских стран<sup>7</sup>.

Данные ESS позволяют оценить социально-экономическое положение мигрантов по ряду параметров. В какой мере они чаще сталкиваются с безработицей, неквалифицированным трудом, временной занятостью?

Таблица 1 демонстрирует сравнительные характеристики занятости мигрантов относительно коренного населения в России, Франции, Германии и Швеции. При этом надо иметь в виду, что в России в группу выделенных таким образом мигрантов попадают и русскоязычные граждане бывших советских республик, полностью переехавшие в Россию и имеющие российское гражданство.

Во всех выбранных странах прослеживается одинаковая ситуация: среди тех, кто родился в другой стране, выше уровень безработицы, доли неквалифицированного труда и временной занятости. Согласно таблице 1, в России положение таких мигрантов отличается от положения «коренного» населения в меньшей степени, чем в других европейских странах, имеющих больший опыт интеграции и более последовательно проводивших соответствующую политику.

Свидетельства худшего социально-экономического положения мигрантов относительно местных жителей предоставляет и Евростат. Согласно статистическим данным, во всех странах Евросоюза мигранты извне имеют

---

5. По данным обследования ЕСС, среди тех, кто родился в другой стране, есть те, кто имеет гражданство принимающей страны, и те, кто не имеет.

6. European Social Survey (ESS) [www.europeansocialsurvey.org](http://www.europeansocialsurvey.org). Для увеличения выборки мигрантов в единый файл были объединены пять волн обследования (2008, 2010, 2012, 2014, 2016). По России объединенная выборка составила 9448 человек, из них 571 мигрант.

7. Для сравнения взяты Франция, Германия и Швеция, так как Франция и Германия имеют большой опыт интеграции мигрантов, а население Швеции отличается наибольшей толерантностью по отношению к мигрантам.

более низкий доход и худшие условия проживания, чем коренное население, что увеличивает риски для вновь прибывших оказаться за чертой бедности [31, с. 21, 60]. Исследователи отмечают, что мигранты зачастую заняты на неквалифицированной работе, требующей существенно более низкого образования, чем они имеют [31, р. 105–107].

Таблица 1

**ХАРАКТЕРИСТИКИ ЗАНЯТОСТИ МИГРАНТОВ  
И КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ, %**

|                                                                                         | Россия | Франция | Германия | Швеция |
|-----------------------------------------------------------------------------------------|--------|---------|----------|--------|
| <i>Доля безработных среди тех, кто родился в другой стране</i>                          | 5,8    | 9,8     | 7,5      | 6,1    |
| <i>родился в данной стране</i>                                                          | 4,2    | 5,8     | 3,9      | 3,2    |
| <i>Доля безработных с третичным образованием среди тех, кто родился в другой стране</i> | 4,6    | 9,8     | 4,1      | 4,9    |
| <i>родился в данной стране</i>                                                          | 3,5    | 4,8     | 2,1      | 2,3    |
| <i>Доля тех, кто имеет опыт безработицы среди тех, кто родился в другой стране</i>      | 26     | 46      | 38       | 37     |
| <i>родился в данной стране</i>                                                          | 23     | 36      | 28       | 24     |
| <i>Доля занятых неквалифицированным трудом среди тех, кто родился в другой стране</i>   | 10     | 17      | 10       | 13     |
| <i>родился в данной стране</i>                                                          | 6      | 9       | 5        | 5      |
| <i>Доля занятых на временных контрактах среди тех, кто родился в другой стране</i>      | 12     | 17      | 16       | 16     |
| <i>родился в данной стране</i>                                                          | 10     | 13      | 13       | 14     |

Источник: Рассчитано по ESS 2008–2016 гг.

Похожую ситуацию мы наблюдаем и в нашей стране вокруг прибывающих на временные заработки. Согласно социологическим опросам 2011 и 2017 гг., мигранты по сравнению с местными жителями работают большее количество часов, в худших условиях труда, имея при этом более низкие заработки [3; 13].

Особенность России заключается в том, что здесь фиксируется значительная доля временных трудовых мигрантов. По статистическим данным, примерно 40% (в среднем 4 млн человек в год) мигрантов приезжают в страну с целью «работать по найму», эту цель указывают при пересечении границы в миграционной карте [19, с. 41]. Заметим, что право на работу оформляют далеко не все прибывающие: в 2016 г. примерно две трети въехавших иностранных работников получили законное право на работу [там же]. Социологические опросы подтверждают тот факт, что значительная часть мигрантов



не имеет законных оснований для трудовой деятельности в России. Особенно ярко это проявляется среди занятых в сфере услуг у физических лиц, где каждый второй работает без разрешительных документов [13, с. 73], без регистрации, в полной зависимости от работодателей – хозяев жилья.

С одной стороны, здесь присутствует правовая незащищенность труда иностранных работников, но с другой – мигрантам зачастую материально выгодно работать нелегально, так как оформление разрешительных документов требует денежных средств и времени, а оставаться в России они не планируют [13].

Данные социологических опросов свидетельствуют, что каждый третий мигрант (32,2%) занят неквалифицированным трудом, причем многие из них имеют неполное высшее и высшее образование. Образование и квалификация приезжих оказываются по большей части не востребованными, а трудовая мобильность носит нисходящий характер [13, с. 73–77].

Добавим, что зачастую приезжие работники живут в крайне неудобных условиях, по десять человек в комнате, ночуют по месту работы в офисах, больницах, школах и т.п. [12; 26].

Наряду с явно дискриминационными причинами здесь присутствует и добровольное согласие иностранных работников на подобный характер, и условия труда из-за заработков, которые для них приоритетны по отношению к текущим жизненным неудобствам [13]. Учитывая, что хорошее жилье и восьмичасовой рабочий день представляют собой вычет из их потенциальных доходов, они «заинтересованы» в такого рода лишениях. Большинство из них не хотят жить в России постоянно, и соответственно они не ищут путей интеграции в общество.

Таким образом, можно выделить две группы мигрантов. Одна группа включает инокультурных иностранных работников, которые нацелены на зарабатывание денег и временное проживание в России и не настроены встраиваться в социальную жизнь общества. Другая группа, в большинстве своем владеющая русским языком и сходным культурным кодом (хотя здесь присутствуют представители всех стран СНГ), имеет намерения получить российское гражданство, остаться в стране и прикладывает к этому усилия. Заметим, что первая группа доминирует, и процесс интеграции для нее неактуален. При этом большая часть желающих укорениться в нашей стране не нуждается в особой культурной адаптации. Соответственно, вопросы интеграции касаются очень небольшого числа инокультурных мигрантов, которые хотят получить гражданство и жить в России на постоянной основе. Именно они могут теоретически нуждаться в помощи и поддержке общества и государства.

### Отношение местного населения и государства к мигрантам

Документы Еврокомиссии подчеркивают необходимость и важность отношения к мигрантам принимающей страны и создания условий для их интеграции [32]. Отношение принимающей страны важно для всех иностранных работников, независимо от того, хотят они остаться в стране или приехали только на заработки.

Данные Европейского социального обследования позволяют измерить настроения местного населения относительно приезда в их страну иностранных мигрантов.

Таблица 2

### ОТНОШЕНИЕ МЕСТНОГО НАСЕЛЕНИЯ К ПРИЕЗЖИМ

*Доля респондентов, ответивших на вопрос:  
«Можно ли позволить жить в стране...»*

|          | Любям той же этнической группы,<br>% |                |               |        | Любям другой этнической группы,<br>% |                |               |        |
|----------|--------------------------------------|----------------|---------------|--------|--------------------------------------|----------------|---------------|--------|
|          | многим                               | неко-<br>торым | едини-<br>цам | никому | многим                               | неко-<br>торым | едини-<br>цам | никому |
| Россия   | 23                                   | 33             | 30            | 14     | 8                                    | 25             | 38            | 23     |
| Франция  | 21                                   | 56             | 15            | 6      | 14                                   | 49             | 24            | 10     |
| Германия | 44                                   | 47             | 8             | 1      | 23                                   | 49             | 23            | 3      |
| Швеция   | 39                                   | 52             | 6             | 0,4    | 37                                   | 51             | 9             | 0,8    |

Источник: ESS 2016 г.

Таблица 2 показывает, как население России воспринимает приезд иностранных гостей в сравнении с гражданами Франции, Германии, Швеции. Причем анализируется отношение коренных жителей к мигрантам как той же этнической группы, так и к представителям другого этноса.

Можно сделать несколько наблюдений. Прежде всего, Россия в меньшей степени, чем Франция, Германия и Швеция, настроена в принципе на прием мигрантов любой национальности. К примеру, 44% (30 и 14%) опрошенных россиян считают, что за редким исключением не следует позволять людям той же культуры переезжать жить в их страну, тогда как в Германии такую позицию занимает менее 10% населения, а в Швеции чуть больше 6%. Категорически закрыть границы для представителей другого этноса хотели бы 23% россиян, допустить единичные случаи готовы 38% респондентов из России. Во Франции такого мнения придерживаются порядка 10 и 24%, в Германии 3 и 23%, а в Швеции около 1 и 9% соответственно.

Заметим, что во всех выделенных странах население более лояльно настроено в отношении лиц той же расы и национальности, что и большинство в их стране, и в меньшей степени готовы жить рядом с представителями этнических меньшинств.

Разница в толерантности к пришельцам из других стран в России по сравнению с развитыми европейскими странами, имеющими опыт приема мигрантов, достаточно заметна.

Россияне очень негативно настроены по отношению к «чужим», что в реальности не способствует «приживаемости» иностранных гостей. К примеру, очень опасный лозунг «Россия для русских!», по опросам социологов, устойчиво поддерживается большинством респондентов с начала 2000 г.: если в 1998 г. этот лозунг в той или иной мере поддерживали 43% респондентов, в 2000 г. – 49%, то в последующие годы его поддержка не опускалась ниже 52% [14, с. 190]. И это притом, что Россия является многонациональной и многоконфессиональной страной.

Антимигрантский дискурс питается различными мифами, среди которых завышенные оценки масштабов миграции, обвинения в конкуренции на рынке труда с местными жителями, распространении заразных болезней, росте преступности и т.п. Добавим сюда нелегальную миграцию, торговлю наркотиками и людьми, терроризм. При этом в этих оценках не делают различий между внутренними и внешними мигрантами [2].

Нередко антимигрантские настроения усиливаются под воздействием СМИ, которые акцентируют внимание на негативных сторонах миграции. Исследования особо подчеркивают роль СМИ в формировании образа мигранта как «чужака с недобрыми намерениями, представляющего угрозу». Мигрантов очень часто изображают, как «чужих», «нежелательных гостей», «правонарушителей» и т.п., что не способствует их позитивному восприятию [2, с. 280–290; 22].

Ксенофобия россиян как на бытовом уровне, так и в СМИ во многом формируется государством. Средства массовой информации реагируют на противоречивые сигналы, посылаемые властью, обостряя или смягчая антимигрантскую риторику. Исследователи справедливо предполагают, что «отношение граждан во многом формируется самой властью. А ее отношение к мигрантам чаще привязано к сегодняшней или завтрашней ситуации на рынке труда, которая может диктовать больший или меньший спрос на гастарбайтеров или другие категории экономических мигрантов» [17].

С одной стороны, правительство заявляет, что Россия в ближайшие годы будет терять ежегодно 800 тыс. граждан трудоспособного возраста, а «привлечение иностранных работников по приоритетным профессионально-квалификационным группам в соответствии с потребностями российской экономики является необходимостью для ее дальнейшего поступательного

развития» [7, ст. 7]. С другой стороны, на фоне этой информации принимается решение о сокращении квот для мигрантов на временное проживание. Полицейско-бюрократическая машина за период с 2013 по 2016 г. выслала из России «400 тыс. человек, а 1,6 млн надолго запрещен въезд в страну» [4].

Негативные оценки миграционной ситуации звучат с самых высоких трибун. Акценты на то, что «преступность среди граждан, которые прибывают из ближнего зарубежья, год от года растет, постоянно растет... Органам МВД нужно держать этот вопрос под постоянным контролем» [10], свидетельствуют о настороженном отношении власти к мигрантам, невзирая на то что данные о росте преступности зачастую преувеличены [2, с. 272].

Антимигрантские, ксенофобские настроения демонстрируют и политики, указывая на то, что «разросшееся невиданными темпами за какие-то полтора десятилетия сообщество мигрантов, плохо адаптированных к традиционному укладу жизни, часто живущих далеко за пределами элементарных социальных стандартов и являющихся питательной средой для криминала, – непосредственный путь к крупным конфликтам в обществе» [11]. Появились мнения, что если число мигрантов будет слишком большим (более 10%), то это может разрушить конституционные основы государства, нарушить общественную стабильность и безопасность [2].

Постоянные полицейские проверки, сокращение квот на временное проживание слабо ассоциируются с понятием русского гостеприимства.

«У нас нет четко артикулированного отношения к миграции, имеются только не очень внятные и постоянно меняющиеся тактические соображения» [17].

Создается впечатление, что власть не может определиться, чем являются мигранты для нашей страны: благом или угрозой. Ксенофобские настроения населения, неартикулированная позиция власти не способствуют желанию иностранных работников остаться жить в России.

### **Есть ли в России проблема интеграции мигрантов?**

Никто не сомневается в том, что вновь прибывающие в страну иностранные работники должны находить свое место в новом обществе, встраиваться в социальную жизнь. Все понимают, что это легко на словах, а в реальности возникают проблемы. Именно поэтому так популярны обсуждения вопроса интеграции мигрантов. В то же время в научных дискуссиях нет четкого единого понимания, что такое интеграция, нет критериев интегрированности, а соответственно трудно определить и политику интеграции. Более того, ряд исследователей, опираясь на примеры других стран, призывают к осторожности в интеграционном подходе, так как политика интеграции может иметь непредвидимые и непредсказуемые последствия. Акцент на необходимости

политики интеграции инокультурных мигрантов нередко усиливает этническую разобщенность, подчеркивая культурную разнородность.

В России эта проблема усугубляется тем, что, с одной стороны, нет четко выраженного артикулированного отношения власти к тому, нужны ли мигранты нашей стране, при этом есть четко обозначенные ксенофобские настроения местного населения. С другой стороны, значительная часть мигрантов приезжает исключительно ради заработков (доминируют трудовые временные мигранты) и не имеет намерений здесь остаться и интегрироваться, а те, кто потенциально готов встраиваться в российскую действительность, имеют сходный культурный код с россиянами и органично становятся частью страны. Анализируя процессы интеграции и вырабатывая миграционную политику необходимо учитывать интересы обеих групп.

Все документы на европейском и российском уровнях подчеркивают важность доброжелательности принимающей стороны, создания необходимых условий для интегрирования вновь прибывших. Реально эти условия могут создаваться, если власти на всех уровнях (федеральном, региональном, местном) осознают необходимость миграционного притока и, соответственно, настроены принять иностранных гостей и помочь обустроиться тем, кто в этом нуждается.

Для России крайне важно определиться с тем, нужны ли ей мигранты. Это ключевой вопрос. Учитывая, что, согласно прогнозам, к 2030 г. численность трудоспособного населения в возрасте до 40 лет сократится на четверть (25%) [27, р. 7], а роботизация вряд ли нас поглотит в ближайшее время, скорее всего, экономика будет остро нуждаться в дополнительных рабочих руках. Если это понимание придет, средства массовой информации уловят сигналы и изменят тональность, что почувствует и население. Изменение отношения общества к иностранным гостям необходимо не только мигрантам, но также и самому обществу, так как ксенофобия может рождать озлобленность и насилие, которые разрушают жизнь и местного населения. Осознание необходимости притока мигрантов, поставив задачу привлечь желающих жить в России, будет способствовать толерантности. Пока же в нашей стране наметилась тенденция снижения миграционного потока.

Что касается непосредственно интеграции иностранных граждан, то межстрановые исследования показывают, что независимо от интеграционной политики их социально-экономические позиции относительно коренного населения во всех странах являются примерно одинаковыми. Видимо, интеграционные процессы идут везде по своим законам и связаны в первую очередь с желанием вновь прибывших найти свое место в новой стране, с качеством их человеческого капитала, с готовностью принять нормы и обычаи новых соседей и конечно же с отношением принимающей страны.

### Библиография

1. Варшавер Е., Рочева А. Интеграция мигрантов: Что это и какую роль в ее осуществлении может играть государство // Журнал исследований социальной политики. 2014. Т. 14 (3). С. 315–330.
2. Вишневский А.Г., Денисенко М.Б., Мкртчян Н.В., Мукомель В.И., Тюрюканова Е.В. Миграционная стратегия для России и политика толерантности // Толерантность как фактор противодействия ксенофобии: Управления рисками ксенофобии в обществе риска. М.: Издательство Федерального института развития образования, 2011. С. 255–298.
3. Денисенко М., Чернина Е. Трудовая миграция и заработки мигрантов в России // Вопросы экономики. 2017. № 3. С. 40–57.
4. Желенин А. Мигранты вновь востребованы в России // ИА «Росбалт». 2017. 26 сентября. URL: <http://www.rosbalt.ru/blogs/2017/09/26/1648884.html> (Дата обращения: 12.12.2017.)
5. Ионцев В., Ивахнюк И. Модели интеграции мигрантов в современной России. Научно-исследовательский отчет 2013/12. Florence: European University Institute; Robert Schuman Centre for Advanced Studies, 2013. 18 p.
6. Коллиер П. Исход. Как миграция изменяет наш мир. М.: Ин-т экономической политики им. Е.Т. Гайдара, 2016. 384 с.
7. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года // Консультант Плюс: Официальный сайт [Электронный ресурс]. 2012. 13 июля. URL: [www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_131046](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_131046) (Дата обращения: 23.12.2017.)
8. Леденёва В. Модели социальной адаптации и интеграции трудовых мигрантов. М.: Спутник +, 2014. 144 с.
9. Малахов В. Интеграция мигрантов: Концепции и практики. М.: Мысль, 2015. 267 с.
10. Медведев Д.А. Вступительное слово на расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел 6 февраля 2009 г. // Президент России: Официальный сайт [Электронный ресурс] URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/3075> (Дата обращения: 12.01.2018.)
11. Милов В. Либерал-национализм против фашизма // Газета.ру. 2010. 20 декабря. URL: <https://www.gazeta.ru/column/milov/3470929.shtml> (Дата обращения: 10.12.2017.)
12. Мукомель В. Политика интеграции мигрантов в России: Вызовы, потенциал, риски. Рабочая тетрадь. М.: Спецкнига, 2013. 34 с.
13. Мукомель В. Мигранты на российском рынке труда: Занятость, мобильность, интенсивность и оплата труда // Статистика и экономика. 2017. № 6. С. 69–79.
14. Общественное мнение – 2016 // Ежегодник. М.: Левада-Центр, 2017. 272 с.
15. Петрова Н. Мигрант с натуры. Кто теперь едет работать в Россию // Коммерсантъ.ру. 2017. 12 августа. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3380376> (Дата обращения: 10.04.2018.)
16. Семенов И. Интеграция инокультурных сообществ в развитых странах // Polit.ru. 2009. 14 июля. URL: <http://polit.ru/article/2009/07/14/semenenko/> (Дата обращения: 5.12.2017.)
17. Фаляхов Р. Маткапитал не спасет: Почему России нужны мигранты // Газета.ру. 2018. 9 января. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2018/01/05/11594870.shtml> (Дата обращения: 09.01.2018.)
18. Филиппова Е. Дискурс об интеграции – консервативный анахронизм эпохи транснационализма // Транснациональные миграции и современные государства в условиях экономической турбулентности. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016. С. 305–321.
19. Флоринская Ю., Мкртчян Н. Миграция в России: Старые тренды, новые проблемы // Мониторинг экономической ситуации в России. Тенденции и вызовы социально-

экономического развития. 2016. № 19 (37). URL: <http://iep.ru/files/RePEc/gai/monreo/monreo-2016-37-786.pdf> (Дата обращения: 12.01.2018.)

20. Цапенко И. Интеркультурная парадигма интеграции мигрантов // Вестник Российской академии наук. 2017. № 10. С. 915–926.

21. Численность и миграция населения Российской Федерации, 2005–2016 гг. // Федеральная служба государственной статистики: Официальный сайт [Электронный ресурс] URL: [http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat\\_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc\\_1140096034906](http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140096034906) (Дата обращения: 12.01.2018.)

22. Beutin B., Canoy M., Horvath A., Hubert A., Lerais F., Sochacki M. Reassessing the Link between Public Perception and Migration Policy // European Journal of Migration and Law. 2007. N 4. P. 389–418.

23. Boswell Ch. European Migration Policies in Flux. Changing Patterns of Inclusion and Exclusion. London: The Royal Institute of International Affairs, 2003. 169 p.

24. Esser H. Does the 'New' Immigration Require a 'New' Theory of Intergenerational Integration? // International Migration Review. 2004. V. 38 (3). P. 1126–1159.

25. Favell A. Integration nations: The nation-state and research on immigrants in Western Europe, the multicultural challenge // Comparative Social Research. 2003. Vol. 22. P. 13–42.

26. Demintseva E. Labour migrants in post-Soviet Moscow: Patterns of settlement // Journal of Ethnic and Migration Studies, 2017. 24 February. URL: <http://dx.doi.org/10.1080/1369183X.2017.1294053> (Дата обращения: 05.12.2017.)

27. Gimpelson V., Kapeliushnikov R. Age and Education in the Russian Labour Market Equation // IZA DP. 2017. N 11126. 35 p.

28. Glossary on Migration // International Migration Law. 2011. N 25.

29. Indicators of Immigrant Integration 2015 // OECD: Official Website [Электронный ресурс] URL: <http://www.oecd.org/social/indicators-of-immigrant-integration-2015-settling-in-9789264234024-en.htm> (Дата обращения: 09.01.2018.)

30. Hamberger A. Immigrant Integration: Acculturation and Social Integration // Journal of Identity and Migration Studies. 2009. Vol. 3. N 2:2–21.

31. Migrants in Europe. A statistical portrait of the first and second generation // Eurostat. European Union. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2011. URL: <http://ec.europa.eu/eurostat/documents/3217494/5727749/KS-31-10-539-EN.PDF> (Дата обращения: 05.12.2017.)

32. Opinion of the European Economic and Social Committee on the 'Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions: A European Agenda on Migration' (COM (2015) 240 final). Brussels: European Commission 2015. URL: <http://ec.europa.eu/transparency/regdoc/rep/1/2015/EN/1-2015-240-EN-F1-1.PDF> (Дата обращения: 05.12.2017.)

## References

Beutin B., Canoy M., Horvath A., Hubert A., Lerais F., Sochacki M. Reassessing the Link between Public Perception and Migration Policy // European Journal of Migration and Law. 2007. N 4. P. 389–418.

Boswell Ch. European Migration Policies in Flux. Changing Patterns of Inclusion and Exclusion. London: The Royal Institute of International Affairs, 2003. 169 p.

Capenko I. Interkul'turnaja paradigma integracii migrantov // Vestnik rossijskoj akademii nauk. 2017. N 10. P. 915–926.

Chislennost' i migracija naselenija Rossijskoj Federacii, 2005–2016 gg. // Federal'naja sluzhba gosudarstvennoj statistiki: Oficial'nyj sajt [Elektronnyj resurs] URL: <http://www.gks.ru/wps/wcm/>

connect/rosstat\_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc\_1140096034906 (Data obrashhenija: 12.01.2018.)

Demintseva E. Labour migrants in post-Soviet Moscow: Patterns of settlement // *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 2017. 24 February. URL: <http://dx.doi.org/10.1080/1369183X.2017.1294053> (Data obrashhenija: 05.12.2017.)

Denisenko M., Chernina E. Trudovaja migracija i zarabotki migrantov v Rossii // *Voprosy jekonomiki*. 2017. N 3. P. 40–57.

Esser H. Does the 'New' Immigration Require a 'New' Theory of Intergenerational Integration? // *International Migration Review*. 2004. V. 38 (3). P. 1126–1159.

Faljahov R. Matkapital ne spaset: Pochemu Rossii nuzhny migranty // *Gazeta.ru*. 2018. Jan. 9. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2018/01/05/11594870.shtml> (Data obrashhenija: 09.01.2018.)

Favell A. Integration nations: The nation-state and research on immigrants in Western Europe, the multicultural challenge // *Comparative Social Research*. 2003. Vol. 22. P. 13–42.

Filippova E. Diskurs ob integracii – konservativnyj anahronizm jepohi transnacionalizma // *Transnacional'nye migracii i sovremennye gosudarstva v uslovijah jekonomicheskoy turbulentnosti*. Moscow: Izdatel'skij dom «Delo» RANHiGS, 2016. C. 305–321.

Florinskaja Ju., Mkrtchan N. Migracija v Rossii: Starye trendy, novye problemy // *Monitoring jekonomicheskoy situacii v Rossii. Tendencii i vyzovy social'no-jekonomicheskogo razvitija*. 2016. N 19 (37). URL: <http://iep.ru/files/RePEc/gai/monreo/monreo-2016-37-786.pdf> (Data obrashhenija: 12.01.2018.)

Gimpelson V., Kapeliushnikov R. Age and Education in the Russian Labour Market Equation // *IZA DP*. 2017. N 11126. 35 p.

Glossary on Migration // *International Migration Law*. 2011. N 25.

Hamberger A. Immigrant Integration: Acculturation and Social Integration // *Journal of Identity and Migration Studies*. 2009. Vol. 3. N 2:2–21.

Indicators of Immigrant Integration 2015 // OECD: Official Website [Elektronnyj resurs] URL: <http://www.oecd.org/social/indicators-of-immigrant-integration-2015-settling-in-9789264234024-en.htm> (Data obrashhenija: 09.01.2018.)

Ioncev V., Ivahnjuk I. Modeli integracii migrantov v sovremennoj Rossii. Nauchno-issledovatel'skij otchet 2013/12. Florence: European University Institute; Robert Schuman Centre for Advanced Studies, 2013. 18 p.

Kollier P. Ishod. Kak migracija izmenjaet nash mir. Moscow: In-t jekonomicheskoy politiki im. E.T. Gajdara, 2016. 384 p.

Koncepcija gosudarstvennoj migracionnoj politiki Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda // *Konsul'tant Pljus: Oficial'nyj sajt [Elektronnyj resurs]*. 2012. July 13. URL: [www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_131046](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_131046) (Data obrashhenija: 23.12.2017.)

Ledenjova V. Modeli social'noj adaptacii i integracii trudovyh migrantov. M.: Sputnik +, 2014. 144 p.

Malahov V. Integracija migrantov: Koncepcii i praktiki. Moscow: Mysl', 2015. 267 p.

Medvedev D.A. Vstupitel'noe slovo na rasshirennom zasedanii kollegii Ministerstva vnutrennih del 6 fevralja 2009 g. // *Prezident Rossii: Oficial'nyj sajt [Elektronnyj resurs]*. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/3075> (Data obrashhenija: 12.01.2018.)

Migrants in Europe. A statistical portrait of the first and second generation // Eurostat. European Union. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2011. URL: <http://ec.europa.eu/eurostat/documents/3217494/5727749/KS-31-10-539-EN.PDF> (Data obrashhenija: 05.12.2017.)

Milov V. Liberal-nacionalizm protiv fashizma // *Gazeta.ru*. 2010. Dec 20. URL: <https://www.gazeta.ru/column/milov/3470929.shtml> (Data obrashhenija: 10.12.2017.)



Mukomel' V. Migranty na rossijskom rynke truda: Zanjatost', mobil'nost', intensivnost' i oplata truda // Statistika i jekonomika. 2017. N 6. P. 69–79.

Mukomel' V. Politika integracii migrantov v Rossii: Vyzovy, potencial, riski. Rabochaja tetrad'. Moscow: Speckniga, 2013. 34 p.

Obshhestvennoe mnenie – 2016 // Ezhegodnik. Moscow: Levada-Centr, 2017. 272 p.

Opinion of the European Economic and Social Committee on the 'Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. Brussels: European Commission, 2015. URL: <http://ec.europa.eu/transparency/regdoc/rep/1/2015/EN/1-2015-240-EN-F1-1.PDF> (Data obrashhenija: 05.12.2017.)

Petrova N. Migrant s natury. Kto teper' edet rabotat' v Rossiju // Kommersant.ru. 2017. Aug. 12. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3380376> (Data obrashhenija: 10.04.2018.)

Semenenko I. Integracija inokul'turnyh soobshhestv v razvityh stranah // Polit.ru. 2009. July 14. URL: <http://polit.ru/article/2009/07/14/semenenko/> (Data obrashhenija: 5.12.2017.)

Varshaver E., Rocheva A. Integracija migrantov: Chto jeto i kakuju rol' v ee osushhestvlenii mozhet igrat' gosudarstvo // Zhurnal issledovanij social'noj politiki. 2014. Vol. 14 (3). P. 315–330.

Vishnevskij A.G., Denisenko M.B., Mkrtchan N.V., Mukomel' V.I., Tjurjukanova E.V. Migracionnaja strategija dlja Rossii i politika tolerantnosti // Tolerantnost' kak faktor protivodejstvija ksenofobii: Upravlenija riskami ksenofobii v obshhestve riska. Moscow: Izdatel'stvo Federal'nogo instituta razvitiya obrazovanija, 2011. P. 255–298.

Zhelenin A. Migranty vnov' vostrebovany v Rossii // IA «Rosbalt». 2017. 26 sept. URL: <http://www.rosbalt.ru/blogs/2017/09/26/1648884.html> (Data obrashhenija: 12.12.2017.)

**Б.А. Сереков**

**КИТАЙСКИЙ ПРОЕКТ «ОДИН ПОЯС – ОДИН ПУТЬ»:  
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕАЛИЗАЦИИ**

***Аннотация.** В статье анализируется система отношений между Европейским союзом, Евразийским экономическим союзом и Китаем в свете реализации китайского проекта «Один пояс – один путь». Описаны перспективы его реализации, связанные с ним сложности и риски для Западной Европы и России.*

***Ключевые слова:** Европейский союз, Евразийский экономический союз, стратегия «Один пояс – один путь», экономические отношения, Китай, Западная Европа, Россия, ЕАЭС.*

Сереков Бауыржан Алиакбарович – аспирант  
Российской академии народного хозяйства  
и государственной службы при Президенте РФ, Москва.  
Email: bas. 01@inbox.ru

**B.A. Serekov. Chinese One Belt, One Way Strategy: Problems and Perspectives of Implementation**

***Abstract.** The article addresses the current relationships between the European Union, Eurasian Economic Union and the Chinese One belt, One way strategy. Showing the dynamics of the Chinese initiative towards Europe, the author underlines the asymmetry between the sides of the «triangle» and describes prospects and risks inherent in the synergy of the three projects.*

***Keywords:** The European Union, the Eurasian Economic Union, the One belt, One way strategy, economic relations, China, Western Europe, Russia, EAEC.*

Serekov Baurzhan Aliakbarovich – postgraduate student  
of the Russian Presidential Academy  
of National Economy and Public Administration,  
Moscow. Email: bas. 01@inbox.ru

Сегодня на пространстве Большой Евразии, к которой относят и Западную Европу, сформировались в различной степени зрелости три интеграционных мегапроекта – к Европейскому союзу и Евразийскому экономическому союзу добавился «Один пояс – один путь», энергично продвигаемый Китаем<sup>1</sup>. В связи с этим специалисты обсуждают множество вопросов: возможно ли сопряжение этих трех проектов; если возможно, то какие сложности и препятствия могут возникнуть на этом пути; каковы перспективы «треугольника», исторически беспрецедентного по своим масштабам и, возможно, экономическому и геополитическому значению в будущем?

Анализ всего этого круга вопросов сегодня представляет собой сложнейшую научную задачу. ЕС – самый большой в мире экономический блок, ЕАЭС охватывает самую большую в мире территорию, а «Один пояс – один путь» – наибольшую долю населения мира, свыше 60% мирового населения (вместе с Китаем и теми государствами, которые уже официально заявили о своем намерении участвовать в проекте). В географическом плане объединения пересекаются друг с другом, и это образует ситуацию, которая в прошлом всегда порождала межгосударственное и межблоковое соперничество, конфликты и войны. Могут ли сегодня мотивы и цели сторон совпасть?

В долгосрочном плане ответа на этот вопрос, естественно, нет. Для перспективы более или менее близкой можно с осторожностью говорить, что сближение трех интеграционных объединений, которое так или иначе уже началось, скорее всего, будет продолжаться. Процесс, однако, не лишен противоречий и серьезных факторов неопределенности.

Вся конструкция «треугольника» асимметрична. ЕС обладает широко разветвленной институциональной структурой, ЕАЭС также достаточно далеко продвинулся на пути институционализации механизмов и направлений регионального сотрудничества, институционализация китайского проекта на сегодняшний день практически отсутствует. ЕС – самый большой общий рынок мира с совокупным ВВП порядка 15 трлн евро, Китай – вторая экономика мира; показатели экономики России и ее партнеров по Евразийскому союзу много скромнее – здесь совокупный ВВП пяти государств-участников в 2016 г. находился на отметке ниже 4,5 трлн долл. ЕС даже при всех своих противоречиях последних лет представляет собой внутренне довольно солидарное объединение 27 государств, вопрос о внутреннем единстве ЕАЭС, особенно при перспективе вступления в Союз новых членов, пока достаточно

---

1. Напомним читателю, что в данном случае понятие «пояс» относится к китайской инициативе «Экономический пояс Шёлкового пути», а «путь» – к другой инициативе КНР, получившей название «Морского шёлкового пути XXI века». Обе инициативы были заявлены в 2013 г. и вместе несут в себе идею возрождения торговых маршрутов исторического Шёлкового пути.

проблематичен, «Один пояс – один путь» предполагает взаимодействие от 60 до 100 государств, которые выступать с единых позиций, естественно, не могут. Наконец, в «треугольнике» за последнее время явно обозначилось слабое звено – кризисная ситуация в отношениях между Россией и ЕС, тогда как уровень экономических отношений в парах ЕС – Китай и ЕАЭС – Китай постоянно повышается.

Очевидно, что перспективы становления новых глобальных магистралей следует рассматривать пошагово и по отдельным «строительным участкам», отделяя факты и процессы, уже имеющие место, от предположений.

Прежде всего не подлежит сомнению то, что китайское руководство не только не откажется от идеи строительства новых транспортных коридоров, но и будет наращивать усилия в этом направлении. Мотивы Пекина в этом случае многообразны. С падением темпов экономического роста страна крайне нуждается в выходе на новые рынки. Как одна из ведущих торговых держав мира Поднебесная в принципе заинтересована в сокращении транспортных издержек экспорта и импорта, и именно такую перспективу обещают новые транспортные пути в Азии и Европе. В китайской экономике накопились избыточные производственные мощности, особенно в тяжелом машиностроении, производстве потребительских товаров, цемента, стали и других металлов. Новые рынки сбыта и, главное, строительство новых железнодорожных путей могли бы снять эту проблему избыточности. Пекин ожидает, что национальные компании будут осуществлять планирование, исполнение и последующее обеспечение соответствующих проектов вдоль нового Шёлкового пути, именно на таких условиях и кредитуя своих зарубежных партнеров. Растут энергетические потребности страны и, следовательно, ее заинтересованность в импорте энергоносителей из стран Центральной Азии и России (по газопроводам), а также из Юго-Восточной Азии (через глубоководные порты). Банковский сектор Китая стремится найти новые объекты для инвестиций, а инфраструктурные проекты в этом смысле обещают в перспективе более высокие доходы, чем дают вложения в малоодоходные ценные бумаги США. Финансируя зарубежные проекты, где кредиты предоставляются в юанях, Китай укрепляет статус юаня как мировой резервной валюты. В действиях Пекина просматривается и такой мотив, как стремление развивать свои относительно отсталые регионы на западе страны. Наконец, расширяя сотрудничество со странами Центральной Азии, КНР, наряду с другими своими целями, стремится создать для себя более стабильную международную среду с тем, чтобы смягчить остроту проблем, связанных с уйгурским меньшинством. За проектом «Один пояс – один путь», таким образом, стоит сложная комбинация экономических, геоэкономических и геополитических интересов КНР.

Для осуществления данной стратегии Пекин мобилизует огромные ресурсы. Председатель КНР Си Цзиньпин, выступая на Международном экономическом форуме «Один пояс – один путь» (май 2017 г.), отметил, что на поддержку инфраструктурных проектов в более чем 60 странах Пекин в среднесрочной перспективе предполагает направить свыше 1 трлн долл. Эксперты, пытаясь определить общую стоимость проекта (в более или менее отдаленной перспективе), указывают на цифры в диапазоне от 4 до 8 трлн долл. [10]. В аналитических СМИ при этом отмечается, что «с концепцией Нового Шёлкового пути связано огромное количество цифр. Никто точно не знает, какова сумма уже подписанных соглашений в рамках наземного и морского торговых путей, но называется сумма в 300 млрд долл. Большинство этих проектов будет развиваться в следующем десятилетии. Рейтинговое агентство *Fitch* оценивает вложения в запланированные или уже осуществляемые проекты в 900 млрд долл. Распространено мнение, что на развитие концепции к 2022 г. будет потрачено 5 трлн долл. Специалисты Азиатского банка развития считают, что к 2030 г. в инфраструктурные проекты будут вложены невероятные 26 трлн долл.» [4].

Итак, какими бы темпами ни развивались отдельные проекты в рамках «Один пояс – один путь», очевидно, что Пекин будет упорно продвигать свою региональную и глобальную интеграционную стратегию, и это так или иначе отразится на отношениях Китая с другими интеграционными блоками. Как это может отразиться на его отношениях с объединенной Европой?

#### **ЕС и Китай на пути к «зрелому» партнерству**

Отправной точкой анализа сегодняшних отношений между ЕС и Китаем, на наш взгляд, должен быть тот факт, что между сторонами уже давно развивается «всеобъемлющее стратегическое партнерство», официально декларированное в 2003 г. и с тех пор постоянно расширяющее все новые и новые области сотрудничества. В 2013 г. в рамках этого партнерства была принята «Стратегическая повестка сотрудничества между ЕС и Китаем до 2020 г. (EU – China 2020 Strategic Agenda for Cooperation), наметившая задачи в четырех широких областях, обозначенных как «мир», «процветание», «устойчивое развитие» и «человеческие контакты». Несколько государств ЕС в 2015 г. вошли в состав участников Азиатского банка инфраструктурных инвестиций, сегодня обслуживающего проекты в рамках «Один пояс – один путь», а Китай в 2016 г. вошел в число акционеров Европейского банка реконструкции и развития. В том же году была подписана дорожная карта по сотрудничеству в энергетическом секторе, имеющая в виду развитие проектов по низкоуглеродной энергетике, ядерной и возобновляемой энергии.

В июне 2017 г., после того как США объявили о своем выходе из Парижского соглашения по климату, ЕС и Китай в порядке дальнейшей институционализации механизмов своего сотрудничества наметили ряд совместных мер по борьбе с глобальным потеплением.

Ядром отношений сторон является, конечно, торговля. Сегодня ЕС для Китая – первый по значимости торговый партнер, а Китай для ЕС – второй после США. С 2006 по 2016 г. экспорт стран ЕС в Китай утроился и достиг цифры 170 млрд долл. в год, а импорт из Китая достиг еще более высокого уровня – 345 млрд долл. в год [7]. Развитый рынок объединенной Европы с ее полумиллиардным населением, возможно, главный целевой ориентир глобальной торговой стратегии Пекина. Не случайно сухопутный и морской компоненты Нового Шёлкового пути сходятся именно в Западной Европе. Со своей стороны экономики ЕС, особенно после кризиса 2008–2009 гг., крайне заинтересованы в китайских инвестициях, ежегодный уровень которых сегодня превышает 35 млрд евро. Как подчеркивается в прессе, «в последнее время ЕС и его государства-члены все в большей степени замыкаются внутри Союза. В этой ситуации ЕС отчаянно нуждается в поддержке Китая и в сотрудничестве с ним, особенно в вопросах торговли и инвестиций» [13].

Все более важное место во взаимоотношениях сторон занимают вопросы научного, технологического и инновационного сотрудничества. Весной 2017 г. приоритеты в этом направлении были официально сформулированы в Соглашении о научном и технологическом сотрудничестве между ЕС и Китаем, где стороны обозначили такие «флагманские» темы для совместных разработок, как продовольствие, сельское хозяйство, окружающая среда и устойчивая урбанизация, наземный транспорт, авиация и биотехнологии [9]. Как в ЕС, так и в Китае инновациям сегодня придается исключительно важное значение. В ЕС обширная стратегия «Европа-2020» предполагает движение к так называемому Инновационному союзу, в связи с чем особое внимание уделяется вопросам изменения климата, рационального использования энергии и ресурсов, здравоохранения и демографии. В КНР очередной пятилетний план (2016–2020) выдвинул задачу интеграции страны в мировые инновационные сети как одну из ключевых стратегий радикальной перестройки китайской экономики. В 2015 г. здесь был принят первый в истории страны десятилетний план действий «Сделано в Китае – 2025», нацеленный на радикальную модернизацию обрабатывающей промышленности, продвижение национальных брендов, внедрение «зеленого производства», ускоренное развитие морского и железнодорожного транспорта и др. Продолжается бурное развитие китайского сектора информационных и компьютерных технологий – от мобильной телефонии и программирования до электронной торговли и всевозможных компьютерных и мобильных «приложений». Эксперты считают, что при своем огромном внутреннем рынке, быстро воспринима-

ющем нововведения, Китай во всех этих областях может уже в ближайшее время выйти на лидирующие позиции в мире, что подстегивает и интерес европейских производителей к расширению технологического сотрудничества.

В кругах ЕС «всеобъемлющее стратегическое партнерство» с КНР в настоящее время определяется как приближающееся к стадии «зрелости». Проявление этой «зрелости» стороны усматривают и в бурном развитии сферы «человеческих контактов» (people-to-people exchanges) – широкой области, охватывающей контакты по линии образования, культуры, здравоохранения и туризма. В центре отношений такого рода находится образование. Сегодня между сторонами действует свыше 80 соглашений по сотрудничеству в образовательной области, и в Европе на сегодняшний день учатся порядка 300 тыс. китайских студентов, составляющих без малого четверть всего иностранного студенческого корпуса. В Китае обучаются 45 тыс. студентов из стран ЕС, часть из них получает китайские государственные стипендии. Сверх того, Пекин учредил в Европе 160 так называемых институтов Конфуция и почти 300 классов Конфуция [8] – культурно-образовательных центров по изучению китайского языка и культуры, сегодня образующих сеть в масштабах всего мира. Значение и масштабы взаимных туристических обменов выросли настолько, что 2018 год официально объявлен «Годом туризма между ЕС и Китаем».

Во многом взаимоотношения сторон сегодня и в самом деле представляют собой модель «зрелого» стратегического партнерства. Однако при этом в Европе, как неоднократно отмечали аналитики, объявление инициатив проекта «Один пояс – один путь» первоначально вызвало реакцию более чем «прохладную». Сотрудничая в одних областях, стороны в других сферах остаются конкурентами, и Китай в ряде европейских стран воспринимается как «вызов» и «угроза». Камнем преткновения остается проблема «китайского демпинга» – действительного или мнимого. Разногласия сторон в итоге упираются в принципиальные различия между европейской и китайской моделями экономики: в Европе, как и в иных регионах, экономику Китая не воспринимают как чисто рыночную в силу той роли, которую в КНР играют государственный сектор экономики и государственное регулирование. Наиболее болезненный для Европы вопрос – импорт китайской стали, сегодня занимающий четверть европейского сталелитейного рынка. Европейским металлургическим компаниям все труднее конкурировать с дешевой китайской сталью даже при тех антидемпинговых пошлинах, которыми ЕС пытается отгораживаться от нее. Особенно опасаются китайского демпинга и, как результат, потери рабочих мест в Южной и Восточной Европе. Со своей стороны Китай применяет антидемпинговые меры против европейских компаний. При таких противоречиях нерешенным остается вопрос о предоставлении Китаю статуса рыночной экономики в рамках ВТО, что становится серьезным

тормозом для китайской торговой политики и в Пекине воспринимается крайне болезненно.

При всех этих противоречиях европейские элиты в последние два года демонстрируют устойчивый интерес к различным составляющим программы «Один пояс – один путь». Аналитики связывают это, прежде всего, с той типовой ситуацией, в которой оказались переговоры между США и ЕС по Трансатлантическому торговому и инвестиционному партнерству (ТТИП). В любом случае и независимо от хода дальнейших переговоров между Вашингтоном и Брюсселем по этому вопросу китайская программа в Европе уже сегодня воспринимается как экономически гораздо более притягательная перспектива, чем ТТИП. В отличие от американской инициативы, имеющей в виду исключительно отношения между США и ЕС и рынок емкостью 820 млн человек, «Один пояс – один путь» в перспективе может охватить свыше 65 стран и совокупный рынок почти в 4,5 млрд человек. Наконец, в Европе сегодня идет поиск стратегических путей дальнейшего развития, и этот поиск, как и китайская инициатива, ориентирован на широкомасштабные инфраструктурные проекты. В 2015 г. по так называемому Плану Юнкера здесь был создан Европейский фонд стратегических инвестиций, который, среди прочего, нацелен на широкое развитие новых транспортных магистралей как в Европе, так и за ее пределами. Аналитики уже обсуждают перспективу единой «платформы», на которой была бы возможна конвергенция «Плана Юнкера» с китайским проектом [6].

### **ЕАЭС – Китай:**

#### **Проблемы и перспективы сопряжения**

Проблема реализации программы «Один пояс – один путь» применительно к Евразийскому региону очевидным образом распадается на две проблемы: во-первых, «прямых» отношений Пекина и Москвы, связанных или не связанных с последними китайскими инициативами, во-вторых, взаимоотношений КНР собственно с ЕАЭС и, шире, с государствами Центральной Азии, где два государства – Туркменистан и Узбекистан – не входят в сегодняшний Евразийский союз, но принимают то или иное участие в сотрудничестве региона с Китаем. В результате образовалась очень сложная «мозаика отношений», где за позитивной официальной риторикой всех действующих в этом случае акторов скрывается, как показывает анализ, чрезвычайно широкий и сложный комплекс интересов, устремлений и противоречий, которые в итоге и будут определять собой ход и перспективы Нового Шёлкового пути.

Кремль же еще при подготовке саммита АТЭС во Владивостоке в 2012 г. провозгласил своей стратегической задачей на XXI в. «поворот на Восток»



с особой установкой на то, чтобы «поймать китайский ветер в паруса российской экономики». Китай сегодня воспринимается как наиболее перспективный экономический партнер России, в чем аналитики усматривают скорее новый долгосрочный проект Москвы, чем нечто, продиктованное соображениями ближайшей экономической выгоды. Однако при этом провозглашение инициатив Нового Шёлкового пути первоначально было встречено в Москве, как неизменно подчеркивалось в прессе, «без особого энтузиазма» и было воспринято как вторжение в российскую сферу влияния. Кремль, очевидно, испытывал серьезные опасения по поводу того, что с расширением присутствия Китая в Евразийском регионе «Центральная Азия уйдет». Основания для этих опасений достаточно серьезны уже по той причине, что для элит региона «быстрые инвестиции» Китая чаще всего оказываются более привлекательными, чем любые «медленные» (и, как правило, недостаточно финансируемые) проекты региональной интеграции в рамках ЕАЭС или за его пределами.

Тем не менее объявленный «поворот на Восток» должен был перейти в практическую плоскость, особенно в ситуации резкого охлаждения отношений России с Западом. В 2015 г. Москва и Пекин подписали обширный Меморандум о сотрудничестве, создав при этом Рабочую группу по отбору, оценке и реализации приоритетных проектов. В специальном соглашении стороны наметили перспективы сотрудничества «в целях практической реализации намерений о сопряжении инициатив Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шёлкового пути» и создания в будущем единого экономического пространства и зоны свободной торговли между ЕАЭС и Китаем. Новый импульс был дан строительству магистрального газопровода «Сила Сибири», имеющего для Китая огромное значение. В 2016 г. Китай, Монголия и Россия подписали ряд важных соглашений по созданию общего экономического коридора, которые эксперты оценили как настоящий прорыв по линии сопряжения имеющихся планов и инициатив. Серьезным шагом в этом направлении сегодня является участие Пекина в строительстве и техническом обеспечении первой в России высокоскоростной железнодорожной магистрали Москва – Казань с перспективой продления ее до Пекина.

При общей заинтересованности в развитии торгово-экономических отношений с Китаем России было бы крайне выгодно увеличение грузовых нагрузок на свои Транссибирскую и Байкало-Амурскую магистрали как основные транспортные коридоры для развития Сибири и Дальнего Востока. Однако сейчас транспорт грузов из Китая и других стран Восточной Азии лишь в малой степени осуществляется через эти магистрали, а основной их поток вообще оставляет Россию в стороне. Сопряжение Транссиба и БАМа с будущими маршрутами Нового Шёлкового пути могло бы, следовательно, приобрести громадное экономическое значение. Транзит китайских грузов по Транссибирской магистрали в последние годы растет ускоренными темпами,

но по своему техническому и логистическому состоянию Транссиб сегодня не в состоянии принять на себя всю транзитную нагрузку со стороны Китая, и это вызывает в РФ серьезные опасения, что Пекин со временем будет более всего полагаться на другие – более «южные» и более современные – сухопутные маршруты своего грузового транспорта.

В стратегическом отношении решение этой и других проблем общеевразийской интеграции лежит, очевидно, на пути форсированного углубления экономического потенциала ЕАЭС и всей Центральной Азии. Со своей стороны Пекин, судя не только по официальным заявлениям, но и уже реализуемым проектам, готов к широкомасштабному сотрудничеству с евразийскими структурами. Символично, что в 2013 г. Си Цзиньпин выступил с идеей Экономического пояса Шёлкового пути именно в научном центре современного Евразийства – в Назарбаев Университете, после чего китайское руководство подписало соглашение о стратегическом партнерстве со всеми пятью центральноазиатскими республиками. Проблема в этом случае заключается в другом – насколько ЕАЭС готов к углубленному международному сотрудничеству по линии Нового Шёлкового пути. Здесь обнаруживаются свои проявления асимметрии в потенциалах и отношениях действующих акторов.

Как отмечалось выше, программа «Один пояс – один путь» не имеет какой-либо организационной структуры в том смысле, как сегодня понимается международная организация. Его критики даже говорят, что это не единый и целостный «проект», а сумма конкретных проектов, предложений и инициатив – своего рода «бренд» внешней политики Китая. Пока не вполне ясно, как эта стратегия Пекина может быть сопряжена с деятельностью ЕАЭС – организации с четко определенной правовой структурой и достаточно жесткими нормами взаимодействия между государствами-членами. Скорее всего, в этом плане получают развитие разнонаправленные тенденции, конечный эффект которых сегодня непредсказуем.

С одной стороны, и это уже прослеживается на практике, Пекин, вероятно, в ближайшее время будет выстраивать свои отношения с регионом на основе двусторонних отношений с входящими в него государствами, в результате чего целостность и внутренняя солидарность Евразийского союза могут оказаться под серьезной угрозой. Уже сегодня в столицах ЕАЭС, особенно сильно в Беларуси и Казахстане, отмечается немалое разочарование относительно деятельности объединения. Россия же, «находясь под санкциями» и в ситуации падения мировых цен на нефть, имеет все меньше и меньше возможностей в плане проведения активной экономической политики в регионе. Китай же, напротив, год от года наращивает объемы своих инвестиций и кредитов в Центральную Азию. Так, Казахстан в 2016 г. получил свыше 600 млн долл. инвестиций – в 7 раз больше, чем в 2015 г., при этом общий объем накопленных китайских инвестиций в республике превысил 42 млрд долл.,

а кредитов – 50 млрд долл. [3]. В Кыргызстане объем китайских инвестиций в 2016 г. вырос более чем в 15 раз по сравнению с 2015 г. [2]. Для Таджикистана КНР сегодня является главным источником прямых иностранных инвестиций, тогда как Россия со значительным отставанием отошла на второе место.

С другой стороны, есть все основания полагать, что в долгосрочном плане Китаю было бы выгоднее решать проблемы Шёлкового пути именно с ЕАЭС как единым целым, а не с отдельными государствами Центральной Азии. В Таможенном союзе Евразийского сообщества к настоящему времени существенно упрощены таможенные процедуры, сняты внутренние таможенные границы и выработаны единые правила таможенного регулирования. Для третьих стран, в этом случае для Китая, все это означает ситуацию одного таможенного барьера вместо нескольких границ, существовавших прежде. В перспективе здесь могла образоваться огромная евразийская зона свободной торговли, где Центральная Азия (точнее, территория ЕАЭС) стала бы главным звеном. Китаю это позволило бы, например, производить продукцию в одной республике ЕАЭС и свободно продавать ее в другой – вплоть до России и Беларуси.

Реализации такого сценария сегодня мешает несколько обстоятельств, прежде всего несовпадение, а зачастую и прямой конфликт интересов центральноазиатских государств. В транспортной области, например, Кыргызстан ждет от Китая содействия в строительстве автомагистрали Север – Юг Киргизии, Узбекистан стремится достраивать вместе с Пекином железную дорогу по маршруту Китай – Узбекистан – Кыргызстан, а Таджикистан опять-таки именно на Китай возлагает основные надежды на развитие своей инфраструктуры. Все это усугубляется внутрирегиональной конкурентностью в сфере контроля над трансграничными водными ресурсами (между Узбекистаном, Кыргызстаном и Таджикистаном) и борьбой за региональное лидерство (между Казахстаном и Узбекистаном).

Таким образом, в настоящее время нет весомых оснований говорить о том, что китайская стратегия Нового Шёлкового пути находится в прямой конкуренции с целями и деятельностью Евразийского сообщества. Конечно, для России в складывающейся ситуации есть определенные геополитические и геоэкономические риски, порождаемые активной экономической экспансией Пекина, но отказ Москвы от интеграционных установок и программ, на наш взгляд, чреват еще более серьезными рисками. Наблюдатели уже высказывают опасения, что строящиеся магистрали Нового Шёлкового пути пойдут в обход России, как это уже можно предполагать после недавнего введения в строй железнодорожной линии Баку – Тбилиси – Карс [5]. Пока наиболее перспективным считается маршрут, идущий в Западную Европу через Казахстан, Россию, Белоруссию и Польшу, где три из четырех стран являются

членами ЕАЭС. Если развитие событий пойдет по этому позитивному сценарию, откроется и перспектива урегулирования отношений между РФ (вместе со всем Евразийским союзом) и Западной Европой. В треугольнике отношений ЕС – ЕАЭС – и программы «Один пояс – один путь» это на сегодняшний день наиболее проблемная сторона.

### **ЕС – ЕАЭС: Очертания Большой Евразии**

В 2015 г. президент Европейской комиссии Ж.К. Юнкер в письме к В.В. Путину отметил желательность установления более тесных торговых отношений между ЕС и Евразийским союзом, «которые, к сожалению, не развивались в последние годы» [12]. В действительности у ЕС изначально не было и нет никакой политики по отношению к ЕАЭС. Евразийский союз в Западной Европе воспринимается скорее как геополитический («восстановление СССР»), чем экономический проект и, следовательно, оценивается преимущественно сквозь призму отношений с Москвой, а не с ЕАЭС в целом или составляющими его государствами. При этом, как отмечают эксперты, для Европейского союза характерна своеобразная «психология исключительности». «Согласно ЕС, все европейские страны, включая Россию и другие государства постсоветского пространства, должны ориентироваться на ЕС и развивать свои отношения с ним полностью на его правовой, нормативной и политической базе... По существу, этой позиции придерживаются все европейские политики, партии и движения мейнстрима, вследствие чего России и другим членам ЕАЭС предлагается исключительно евроцентричная модель сотрудничества, модель участия в евроцентричной подсистеме международных отношений» [11].

Со стороны ЕАЭС формируется иная позиция. На Санкт-Петербургском международном экономическом форуме в 2016 г. Н.А. Назарбаев выступил с инициативой объединения ЕС и ЕАЭС и достижения своего рода «интеграции интеграций», которая серьезно приближала бы Россию и государства – члены Евразийского союза к Западной Европе. Сегодня эта идея всесторонне прорабатывается. В 2016 г. Центр интеграционных исследований Евразийского банка развития – один из наиболее авторитетных на постсоветском пространстве аналитических институтов – выпустил на данную тему специальный доклад, в котором предметно рассмотрены возможные сроки и области сотрудничества двух объединений [1, с. 29]. Среди них – развитие транспортной инфраструктуры, всего того круга вопросов, которые связаны с проблематикой проекта «Один пояс – один путь». Всего выделено 20 областей, охватывающих, наряду с транспортной проблематикой, торговлю товарами, нетарифные барьеры в торговле, энергетику, защиту интеллектуальной

собственности, миграцию, человеческие контакты и др. Авторы доклада полагают, что для полной реализации выявленных задач двум объединениям потребуется пять-семь лет. «Пока что вся проблематика, связанная с трехсторонними отношениями между ЕС, ЕАЭС и Китаем (возможно, с участием и других азиатских стран), – пишут авторы доклада, – порождает больше вопросов, чем ответов, не в последнюю очередь из-за того, что включение в уравнение китайского фактора меняет экономическое соотношение сил в Евразии» [1, с. 30]. В каком направлении будет развиваться это соотношение сил на данный момент действительно неясно, но есть довольно весомые основания думать, что при позитивных сценариях интеграционного движения в Евразии именно Евразийский союз может стать ядром новой системы экономических отношений в сегодняшнем многополярном мире.

### Библиография

1. Европейский союз и Евразийский экономический союз: Долгосрочный диалог и перспективы соглашения. СПб.: ЦИИ ЕАБР, 2016. 40 с.
2. Китай в 15 раз увеличил объем инвестиций в Кыргызстан // Фергана: Информационное агентство. 2016. 9 июня. URL: <https://www.fergananews.com/news/24880> (Дата обращения: 6.10.2017.)
3. Китай инвестировал в экономику Казахстана 42,8 млрд долл. за 25 лет. 8 июня 2017 г. // Акчабар. Финансовый портал [Электронный ресурс]. URL: <https://www.akchabar.kg/news/kitaj-investiroval-v-ekonomiku-kazahstana-428-mlrd-za-25-let/> (Дата обращения: 6.10.2017.)
4. Китайский Шёлковый путь принимает мировые масштабы // INOSMI. 2017. 16 мая. URL: <https://www.inosmi.info/kitayskiy-shyolkovyy-put-prinimaet-mirovye-masshtaby.html> (Дата обращения: 6.10.2017.)
5. «Шёлковый путь» в обход России // Euronews. 2017. 30 октября. URL: <http://ru.euronews.com/2017/10/30/silk-road-but-not-in-russia> (Дата обращения: 12.10.2017.)
6. Dragan P. China, the EU and One Belt, One Road Strategy. July 31, 2015 // The Jamestown [Электронный ресурс]. URL: <https://jamestown.org/program/china-the-eu-and-one-belt-one-road-strategy/> (Дата обращения: 20.10.2017.)
7. EU – China Economic Relations. 2017. June 1 // Eurostat [Электронный ресурс]. URL: <http://ec.europa.eu/eurostat/web/products-eurostat-news/-/EDN-20170601-1> (Дата обращения: 12.10.2017.)
8. EU – China Economic Relations to 2025. Building a Common Future. A Joint Report by Bruegel, Chatham House, China Center for International Economic Exchanges and the Chinese University of Hong Kong. London: Chatham House, 2017. 67 p. URL: [http://bruegel.org/wp-content/uploads/2017/09/CHNJ5627\\_China\\_EU\\_Report\\_170913\\_WEB.pdf](http://bruegel.org/wp-content/uploads/2017/09/CHNJ5627_China_EU_Report_170913_WEB.pdf) (Дата обращения: 7.11.2017.)
9. EU – China Summit: new flagship initiatives in research and innovation. Brussels, 2 June 2017 // European Commission [Электронный ресурс]. URL: <http://ec.europa.eu/research/index.cfm?pg=newsalert&year=2017&na=na-020617> (Дата обращения: 24.10.2017.)
10. Financing China's One Belt, One Road: US\$8 Trillion in Capital Requirements. April 3, 2017 // Silk Road Briefing [Электронный ресурс]. URL: <https://www.silkroadbriefing.com/news/2017/04/03/financing-chinas-one-belt-one-road-us8-trillion-in-capital-requirements/> (Дата обращения: 14.11.2017.)
11. Getting the EU and EAEU on a path to economic cooperation // Eurasian Studies: Analytical media. 2017. 20 May. URL: <http://greater-europe.org/archives/2915> (Дата обращения: 9.10.2017.)

12. Gotev G. Juncker opens the door to EU – Eurasian Union rapprochement // Euractiv. 2015. Nov. 20. URL: <https://www.euractiv.com/section/economy-jobs/news/juncker-opens-the-door-to-eu-eurasian-union-rapprochement/> (Дата обращения: 9.10.2017.)

13. Lai Suetyi. Understanding Europe's Interest in China's Belt and Road Initiative. 10 May 2017 // Carnegie Moscow center: Official Website [Электронный ресурс]. URL: <http://carnegie.ru/2017/05/10/understanding-europe-s-interest-in-china-s-belt-and-road-initiative-pub-69920> (Дата обращения: 19.10.2017.)

### References

Dragan P. China, the EU and One Belt, One Road Strategy. July 31, 2015 // The Jamestown [Электронный ресурс]. URL: <https://jamestown.org/program/china-the-eu-and-one-belt-one-road-strategy/> (Дата обращения: 20.10.2017.)

EU – China Summit: New flagship initiatives in research and innovation. Brussels, 2 June 2017 // European Commission [Электронный ресурс]. URL: <http://ec.europa.eu/research/index.cfm?pg=newsalert&year=2017&na=na-020617> (Дата обращения: 24.10.2017.)

EU – China Economic Relations to 2025. Building a Common Future. A Joint Report by Bruegel, Chatham House, China Center for International Economic Exchanges and the Chinese University of Hong Kong. London: Chatham House, 2017. 67 p. URL: [http://bruegel.org/wp-content/uploads/2017/09/CHHJ5627\\_China\\_EU\\_Report\\_170913\\_WEB.pdf](http://bruegel.org/wp-content/uploads/2017/09/CHHJ5627_China_EU_Report_170913_WEB.pdf) (Дата обращения: 7.11.2017.)

EU – China Economic Relations. 2017. June 1 // Eurostat [Электронный ресурс]. URL: <http://ec.europa.eu/eurostat/web/products-eurostat-news/-/EDN-20170601-1> (Дата обращения: 12.10.2017.)

Европейский союз и Евразийский экономический союз: Долгосрочный диалог и перспективы соглашения. Санкт-Петербург: ЦИ EABR, 2016. 40 p.

Financing China's One Belt, One Road: US\$8 Trillion in Capital Requirements. April 3, 2017 // Silk Road Briefing [Электронный ресурс]. URL: <https://www.silkroadbriefing.com/news/2017/04/03/financing-chinas-one-belt-one-road-us8-trillion-in-capital-requirements/> (Дата обращения: 14.11.2017.)

Getting the EU and EAEU on a path to economic cooperation // Eurasian Studies: Analytical media. 2017. 20 May. URL: <http://greater-europe.org/archives/2915> (Дата обращения: 9.10.2017.)

Gotev G. Juncker opens the door to EU – Eurasian Union rapprochement // Euractiv. 2015. Nov. 20. URL: <https://www.euractiv.com/section/economy-jobs/news/juncker-opens-the-door-to-eu-eurasian-union-rapprochement/> (Дата обращения: 9.10.2017.)

Китай инвестировал в экономику Казахстана \$42,8 млрд за 25 лет. 8 июня 2017 г. // Akchabar. Finansovyy portal [Электронный ресурс]. URL: <https://www.akchabar.kg/news/kitaj-investiroval-v-ekonomiku-kazahstana-428-mlrd-za-25-let/> (Дата обращения: 6.10.2017.)

Китай в 15 раз увеличил об'ем инвестиций в Кыргызстан // Fergana: Informacionnoe agentstvo. 2016. June 9. URL: <https://www.fergananews.com/news/24880> (Дата обращения: 6.10.2017.)

Китайский Шёлковый путь принимает мировые масштабы // INOSMI. 2017. May 16. URL: <https://www.inosmi.info/kitayskiy-shyolkovyy-put-prinimaet-mirovye-masshtaby.html> (Дата обращения: 6.10.2017.)

Lai Suetyi. Understanding Europe's Interest in China's Belt and Road Initiative. 10 May 2017 // Carnegie Moscow center: Official Website [Электронный ресурс]. URL: <http://carnegie.ru/2017/05/10/understanding-europe-s-interest-in-china-s-belt-and-road-initiative-pub-69920> (Дата обращения: 19.10.2017.)

«Шёлковый путь» в обход России // Euronews. 2017. Oct. 30. URL: <http://ru.euronews.com/2017/10/30/silk-road-but-not-in-russia> (Дата обращения: 12.10.2017.)

## **ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА**

DOI: 10.31249/rsm/2018.03.10

**П. Чони**

### **СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ КРИТИКА ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ: М. ГОРЬКИЙ И «НОВАЯ ЖИЗНЬ»**

***Аннотация.** Автор исследует статьи Максима Горького в газете «Новая жизнь» и анализирует его отношение к Октябрьской революции. Делается вывод о том, что позиция писателя по данному вопросу не входит в противоречие с подробностями его биографии, а напротив, является последовательным развитием его политической мысли.*

***Ключевые слова:** М. Горький, «Новая Жизнь», Октябрьская революция, Н. Суханов, Сталин, Ленин, «Несвоевременные мысли».*

Паола Чони – кандидат исторических наук,  
директор Итальянского института культуры, Санкт-Петербург.  
E-mail: paolacioni@gmail.com

### **P. Cioni. The Social-Democratic Criticism of the October Revolution: M. Gorky and «Novaya Zhizn»**

***Abstract.** The article explores Maxim Gorky's attitude to the October Revolution in his articles in the «Novaya Zhizn» newspaper, and reviews articles by other editors. Such analysis irrefutably proves that the writer's position on this issue does not contradict the details of his biography, but, on the contrary, is a consistent development of his political thought.*

***Keywords:** M. Gorky, «New Life», October Revolution, N. Sukhanov, Stalin, Lenin, «Untimely Thoughts».*

Paola Cioni – Ph.D. in Russian history,  
director of the Italian Institute of Culture (Saint Petersburg).  
E-mail: paolacioni@gmail.com

«Несвоевременные мысли», представляющие собой цикл статей, объединенных общим, несомненно, ницшеанским<sup>1</sup> заглавием, были опубликованы Максимом Горьким в социал-демократической ежедневной газете «Новая жизнь», выходившей в драматический период истории России с весны 1917 до лета 1918 г., когда издание было закрыто по указу Ленина. Основанная и возглавленная самим писателем газета после упразднения Временным правительством царского комитета, отвечавшего за цензуру (постановление от 9 марта 1917 г.<sup>2</sup>), издавалась с 18 апреля (1 мая) 1917 г. с целью представить все демократические силы страны «влево от кадет и вправо от социалистических партий»<sup>3</sup>. Это была наиболее репрезентативная в отношении социалистических тенденций ежедневная газета с высочайшим тиражом. Н. Суханов, один из самых активных редакторов, в своих воспоминаниях рассказывает: *«Ее читали все. Главное же – ее читали рабочие массы. За небольшими исключениями, за скоро проходящими периодами тираж “Новой жизни” был максимальный из всех петербургских газет, не исключая ни самых старых, заслуженных и привычных, ни партийных, рассчитанных на широкое обязательное потребление. Российская общественность хорошо слышала голос “Новой жизни”. И многие десятки, а иногда и сотни тысяч ежедневных читателей, распределенных по разным партиям, <...> испытывали на себе ее влияние»* [19, с. 21].

С момента выхода первого номера до захвата власти большевиками «Новая жизнь» обращала беспощадную критику против Временного правительства, ратуя за выход России из войны и заключение мира без аннексий и контрибуций. Члены редакции полемизировали с кадетской «Речью», нападали на Временное правительство из-за «корниловщины», протестовали, добиваясь освобождения большевиков, арестованных после июльского восстания [15, с. 343]. Когда по соображениям цензуры были закрыты «Правда» и «Рабочий путь», «Новая жизнь» предоставила свои страницы большевикам<sup>4</sup>.

---

1. Речь идет о работе Ницше «Unzeitgemässe Betrachtungen», переведенной на русский язык как «Несвоевременные мысли».

2. За ним последовало постановление «О печати» от 27 апреля 1917 г., которым устанавливались правила для открытия новых газет и отменялась царская цензура. Закон о печати Временного правительства в отношении цензуры был самым либеральным за всю историю России до наших дней, при этом за несколько месяцев существования его положения, по сути, не соблюдались.

3. Писатель говорит о проекте открытия собственной ежедневной газеты «радикально-демократического направления» уже в письме от 14 января 1917 г. к Короленко [6, с. 102].

4. Среди сотрудников было много представителей большевиков. А. Луначарский, первый советский министр образования, после июльских событий вел свою рубрику в «Новой жизни».



Постоянные обвинения и критика вызвали соответствующую реакцию Временного правительства, которое 1 (14) сентября 1917 г. приостановило выход издания на неделю. За несколько дней до Октябрьской революции редакция газеты неожиданно поменяла направление. 18 (31) октября Горький, предупрежденный о решении большевиков организовать вооруженное восстание, чтобы остановить его, выступает со страниц газеты с глубоко критической статьей «Нельзя молчать».

*Все настойчивее распространяются слухи о том, что 20-го октября предстоит «выступление большевиков» – иными словами: могут быть повторены отвратительные сцены 3–5 июля. Значит – снова грузовые автомобили, тесно набитые людьми с винтовками и револьверами в дрожащих от страха руках, и эти винтовки будут стрелять в стекла магазинов, в людей <...> Одним словом – повторится та кровавая, бессмысленная бойня, которая подорвала во всей стране моральное значение революции <...> Центральный Комитет большевиков обязан опровергнуть слухи о выступлении 20-го, он должен сделать это, если он действительно является сильным и свободно действующим политическим органом, способным управлять массами, а не безвольной игрушкой настроений одичавшей толпы, не орудием в руках бесстыднейших авантюристов [1, с. 1].*

Суровая критика Горького ставит под угрозу планы большевистского руководства, и на следующий день Троцкому на заседании Петроградского совета приходится опровергнуть слухи, распространившиеся после выхода статьи в «Новой жизни» [16, с. 345].

Убежденные в том, что революция для такой отсталой страны, как Россия, является преждевременной, члены редакции совершенно неожиданно обрушиваются на новое большевистское правительство, виновное, по их мнению, в приостановке процесса демократизации России. Революция для людей, собравшихся вокруг Горького, должна была стать заключительным актом длительного процесса, который мог быть завершен только после создания условий, необходимых для полного преобразования социально-политической и культурной панорамы страны. В условиях отсталости России, по мнению автора предисловия к итальянскому изданию книги «Несвоевременные мысли» Дж. Пачини, «они считали необходимым сотрудничество Советов с Временным правительством для того, чтобы продолжать движение по пути, открытому Февральской революцией, чтобы подготовить и организовать союз рабочих и крестьян, способствуя становлению их политического сознания ввиду трансформации российского общества» [22, с. 9].

После Октябрьской революции «Новая жизнь», продолжая называться «социал-демократической газетой», парадоксальным образом становится оппозиционной. Критика нового правительства Советов выглядит суровой и, можно сказать, необычной, особенно если учитывать политическую позицию сотрудников редакции, которым в последующие годы придется заплатить за эти восемь месяцев свободы мысли и печати ценой собственной жизни «в подвалах ГПУ и на архипелаге ГУЛАГ», замечает Суварине [21, с. 9]. Однако эта судьба минует Горького, который на страницах «Новой жизни» стал главным обвинителем большевиков. Об отношении Горького к режиму и о причинах того, что Горький мог свободно говорить о своем критическом настрое в месяцы, следовавшие за Октябрьской революцией, пишет Ж. Нива: «Именно Горький и один только Горький, неприкасаемый апостол социализма, борец против царизма, окруженный любовью миллионов, мог сказать в лицо новым господам, Ленину и Троцкому, то, что сказал. А говорил он, что русская интеллигенция не для того в течение столетия жертвовала собой, чтобы увидеть возрожденной цензуру» [23, с. 123].

Со страниц «Новой жизни» он говорил, однако, и многое другое. Это был не дневник и не хроника первого года революции, скорее, история прощания с иллюзиями, все возрастающего разочарования в революции, столь желанной, столь неожиданной и столь непохожей на то, какой она являлась самому, казалось бы, строгому научному предвидению. Ж. Нива справедливо указывает на огромную популярность писателя как на тот фактор, который гарантировал ему относительную политическую независимость. Дело не только в уважении, которым пользовался Горький как писатель и как деятель культуры, и которое могло обеспечить ему, в отличие от товарищей по редакции, личную безопасность. Главное в другом – столь резкая критика большевистского режима, публиковавшаяся в Петрограде в 1917–1918 гг. регулярно и в издании отнюдь не подпольном, вообще была бы невозможна, если не иметь в виду возрастающее значение средств массовой информации и новую роль, которую начинает играть в этом контексте личность человека с мировой известностью.

Человек, которым «гордится страна», необходим для обеспечения престижа государственного строя в глазах мирового общественного мнения. Когда это временно недостижимо, как в случае с Горьким, нужно не усугублять конфликт, чтобы не упустить возможность в будущем вернуть под свое знамя раскаявшегося отступника. В этом смысле политическая биография Горького и его непростые отношения с большевистскими лидерами представляют собой парадигму новой роли интеллектуалов в современную эпоху и, в частности, при современных тоталитарных режимах.

Политическая и публицистическая деятельность Горького в период издания «Несвоевременных мыслей» характеризуется глобальным неприятием

большевистского руководства революцией. В статьях писателя можно легко разглядеть антибольшевистскую позицию, понять его видение нового режима, причины, пусть временного, но все же отдаления от партии, неотделимой частью которой он себя считал, являясь в течение многих лет одним из основных ее финансовых поручителей. Именно это делает критику Горького особенно значимой.

Ограничение политической демократии в месяцы, последовавшие за Октябрем, – одна из главных причин негодования писателя и его коллег. Не случайно буквально через несколько дней после захвата власти большевиками Н. Суханов опубликовал в «Новой жизни» статью «Диктатура гражданина Ленина» [2, с. 1], а Горький через несколько недель напишет своей бывшей жене Екатерине Пешковой: «Мы здесь [в Петербурге] живем в плену большевиков. Житьишко невеселое и весьма раздражает, но – что же делать? Делать – нечего. Претерпели самодержавие Романова, авось и Ульянова [Ленина] претерпим» [14, с. 163].

Свертывание демократического развития России представлялось для Горького опасным по нескольким причинам: во-первых, со всей очевидностью развеивались вековые ожидания интеллигенции; во-вторых, не могло возникнуть предпосылок для интеллектуального и культурного роста масс, что было особенно чувствительным для Горького. Презрение к демократии не может означать презрения к народу: *«Я знаю, – сумасшедшим догматикам безразлично будущее народа, они смотрят на него как на материал для социальных опытов; я знаю, что для них недоступны те мысли и чувства, которые терзают душу всякого искреннего демократа»* [3, с. 1].

Конечно, послереволюционная демократия, которая подразумевала создание нового человека и высвобождение прежде невыраженного потенциала народа, была для Горького неким идеалом, окрашенным, скорее, в утопические тона, нежели основанным на рациональной политической стратегии. В конце концов нельзя списывать со счетов, что для интеллектуала проза реальности, наступающая после поэтической мечты, неизбежно запускает механизм разочарования. Однако было бы ошибочно сводить антибольшевистскую полемику писателя к некому романтическому компоненту, ставя Горького в один ряд с другими русскими интеллектуалами, разочаровавшимися в Октябрьской революции. Если правда то, что революция не могла привести к утопии, то правда и то, что путь, выбранный Лениным, был не единственно возможным, даже если утвердился именно он. Сразу после захвата власти большевиками Рыков, Ногин, Милютин и другие народные комиссары подали в отставку, требуя коалиции с другими социалистическими партиями. Каменев и Зиновьев, напротив, полагали, что неизбежно создание чисто большевистского правительства, основанного на методах политического террора. Горький, по словам Пачини [22, с. 13], мечтал о таком государственном

устройстве, которое поддерживали бы все демократические и социалистические течения.

*Все условия действительности повелительно диктуют необходимость объединения демократии, для всякого разумного человека ясно, что только единство демократии позволит спасти революцию от полной гибели, поможет ей одолеть внутреннего врага и бороться с внешним. Но Советская власть этого не понимает, будучи занята исключительно делом собственного спасения от гибели, неизбежной для нее [9, с. 1].*

Но очень скоро, когда пришло понимание стратегии Ленина, такой вариант покажется невозможным. 20 ноября Горький напишет, что Троцкий и сам Ленин «уже отравились гнилым ядом власти, о чем свидетельствует их позорное отношение к свободе слова, личности и ко всей сумме тех прав, за торжество которых боролась демократия» [2, с. 1]. В той же статье антидемократические репрессии большевиков сравниваются с ошибками Министерства внутренних дел Николая II:

*На этом пути Ленин и соратники его считают возможным совершать все преступления, вроде бойни под Петербургом, разгрома Москвы, уничтожения свободы слова, бессмысленных арестов – все мерзости, которые делали Плеве и Столыпин [там же].*

Горький предостерегает рабочий класс от безумного и кровавого эксперимента по социальной инженерии, который, на его взгляд, Ленин проводит на «шкуре» пролетария. Его долг интеллектуала заставляет открыто говорить о всякой несправедливости, какой бы политической партией она ни была допущена. По его мнению, «право критики налагает обязанность беспощадно критиковать не только действия врагов, но и недостатки друзей» [8, с. 1] и, естественно, обличать совершенную жестокость.

*Расстреляны шестеро юных студентов<sup>5</sup>, ни в чем не повинных, – это подлое дело не вызывает волнений совести в разрушенном обществе культурных людей [10, с. 1].*

Ленин и Троцкий, по мысли Горького, отдали Россию в руки некультурной, бессознательной и дезорганизованной массы. Отталкиваясь от таких

---

5. Здесь Горький говорит об убийстве шестерых юношей, обвиненных в заговоре против правительства.

размышлений, писатель доходит даже до призыва рабочих к восстанию против большевиков:

*<...> Политически грамотный пролетариат должен вдумчиво проверить свое отношение к правительству народных комиссаров, должен очень осторожно отнестись к их социальному творчеству <...>*

*Мое же мнение таково: народные комиссары разрушают и губят рабочий класс России, они страшно и нелепо осложняют рабочее движение <...> И пока я могу, я буду твердить русскому пролетарию: – Тебя ведут на гибель, тобою пользуются как материалом для бесчеловечного опыта, в глазах твоих вождей ты все еще не человек [4, с. 1].*

Идея о жестоком социальном эксперименте, начатом Лениным и означающем поражение пролетариата, настойчиво повторяется во всех статьях писателя, опубликованных в месяцы, последовавшие за революцией:

*Измученный и разоренный войною народ уже заплатил за этот опыт тысячами жизней и принужден будет заплатить десятками тысяч <...> Эта неизбежная трагедия не смущает Ленина, раба догмы, и его приспешников – его рабов. Жизнь, во всей ее сложности, не ведома Ленину, он не знает народной массы, не жил с ней, но он – по книжкам – узнал, чем можно поднять эту массу на дыбы, чем – всего легче – разъярить ее инстинкты [там же].*

В этих рассуждениях постоянно присутствует мысль, что правительство Ленина должно прийти к взрыву всех анархических элементов революции. Писатель искренне переживает за пролитую кровь и убийства, за тяжелое наследие насилия и угнетения, которые Горький считал характерными для царского режима. Кроме того, у него появляется убеждение, что все это ни к чему не приведет и провал ленинской стратегии очевиден. Среди множества причин этого неминуемого провала и вековой крестьянский вопрос, и безумная вера в осуществление пролетарской революции в стране, где 80% населения – крестьяне. Относительно роли крестьянства в революции негативизм Горького имеет двойственную природу: с одной стороны, идеологически и политически крестьяне стояли в оппозиции к интересам и образу мыслей рабочих; с другой – негативное отношение к русскому крестьянину у Горького носит антропологический характер.

*Из этого материала – из деревенского темного и дряблого народа, – фантазеры и книжники хотят создать новое, социалистическое государство, – новое не только по формам, но и по существу, по духу [7, с. 1].*

Среди наиболее ярко выраженных характеристик этого «темного и дряблого народа» можно назвать «свирепый собственнический индивидуализм, который неизбежно должен будет объявить жестокую войну социалистическим стремлениям рабочего класса» [7, с. 1]. Различие между бедными и богатыми крестьянами не имеет принципиального значения для Горького.

*Я никогда не восхищался русской деревней и не могу восхищаться «деревенской беднотой», органически враждебной психике, идеям и целям городского пролетариата* [12, с. 1].

Приговор русским крестьянам связан не только со спецификой их класса, который, по мнению писателя, никогда не сможет понять интересов рабочего класса, в крестьянине сконцентрированы худшие стороны русского народа. Горький считал, что с крестьянством связан страх перед настоящим и навязчивая неуверенность в будущем. Кроме того, крестьяне несут историческую ответственность за прошлое, и это касается не только российской истории. «Парижскую коммуну зарезали крестьяне» [8, с. 1].

Кажется, что через несколько месяцев после революции русским рабочим остерегаться нужно было в основном крестьян. Для Горького реакционность и желание реставрации прежнего режима среди крестьянского класса имели автономный и самоопределяющий характер. В России 1917 г. неизбежно должна была повториться катастрофа Парижа 1871 г. Неточность пророчества не так важна в этом случае. Скорее, нужно подчеркнуть, что необходимость этапа утверждения буржуазии, который бы позволил, с одной стороны, консолидировать демократические учреждения, а с другой – частично пролетаризировать огромное крестьянское население, осознавалась Горьким с полной ясностью. Понятно, что в этом пункте он полностью расходился с Лениным, считавшим возможным в особой ситуации, сложившейся в России в 1917 г., перешагнуть этап становления буржуазии, о котором говорил Маркс. Чувства и интеллектуальные пристрастия писателя не заслоняют собой политический анализ и желание следовать своему гражданскому долгу, именно это дает страницам «Несвоевременных мыслей» неподвластную времени притягательную убедительность.

Статьи, написанные Горьким, представляют собой живое документальное свидетельство, необыкновенно полезное для воссоздания событий, последовавших непосредственно за революцией, но, кроме того, в них отражено беспокойство многих интеллектуалов после Октября. Естественно, писатель пользовался привилегированным положением, которое позволяло ему выражать свои мысли с открытостью, невероятной для других в тот период. В своей откровенности он был чрезвычайно последователен.

*На улицу выползет неорганизованная толпа, плохо понимающая, чего она хочет, и, прикрываясь ею, авантюристы, воры, профессиональные убийцы начнут «творить историю русской революции» [1, с. 1].*

За эти слова Горький получит персональное предупреждение от Сталина. Сталин сравнит его с перепуганными неврастениками, которые «дезертируют из рядов революции в черную рать Бурцевых – Сувориных» [17, с. 385], и предупредит, что революция превратит в ничто вершины и славу тех, кого она ничему не сможет научить.

Сложно утверждать, что Горький мог испугаться сталинских угроз, еще менее убедительным выглядит его объединение с черносотенцами. Писатель продолжал свою яростную критику и даже назвал большевиков «сектантами и фанатиками», «как для полоумного протопопа Аввакума, для них догмат выше человека» [5, с. 1].

С другой стороны, также несправедливо будет утверждать, что история Русской революции представляет собой хронику разбойничьих засад и уличного воровства. И, конечно, мы не должны искать в «Несвоевременных мыслях» размеренного политического рассуждения, учитывая сложившийся климат горячей полемики, о которой они свидетельствуют. Несмотря на эти ограничения, выводы, сделанные Горьким, поражают сегодня своей пророческой силой. Среди них можно назвать предчувствие того, что зарождающееся ленинское государство в противовес всем принципам интернационализма обретет свою «реальную политику» (*real-politik*), не слишком отличающуюся от прежнего самодержавного правления царя. В этом смысле значимо то, что пишет Горький о провале Учредительного Собрания:

*5-го января 1918-го года безоружная петербургская демократия – рабочие, служащие – мирно манифестировала в честь Учредительного Собрания. Лучшие русские люди почти сто лет жили идеей Учредительного Собрания, – политического органа, который дал бы всей демократии русской возможность свободно выразить свою волю. В борьбе за эту идею погибли в тюрьмах, в ссылке и каторге, на виселицах и под пулями солдат тысячи интеллигентов, десятки тысяч рабочих и крестьян. На жертвенник этой священной идеи пролиты реки крови – и вот «народные комиссары» приказали расстрелять демократию, которая манифестировала в честь этой идеи. Напомню, что многие из «народных комиссаров» сами же, на протяжении всей политической деятельности своей, внушали рабочим массам необходимость борьбы за созыв Учредительного Собрания. «Правда» лжет, когда пишет, что мани-*

*фестация 5 января была организована буржуями, банкирами и т.д. [6, с. 1]<sup>6</sup>.*

Даже из кратко представленных политических настроений Горького в решающие революционные годы становится понятно, что только влияние Сталина могло помочь ему вновь занять официальное место важнейшего социалистического и пролетарского писателя. Так или иначе, дни «Новой жизни» были сочтены. В конце февраля 1918 г. издание газеты было остановлено из-за статьи Н. Суханова, называвшего мир, заключенный в Брест-Литовске, капитуляцией. В первом номере после возобновления печати, редакторы жаловались:

*Мы молчали 8 дней. Наше слово было слишком неприятно тем, кто совершает много ошибок и хочет их скрыть... Но ошибки остаются ошибками, даже когда о них не говорят. Нас обвиняют в оппозиции к советской власти. Да, пока существует «Новая жизнь», в России, к несчастью для нее, еще не было такого правительства, к которому мы не относились бы резко отрицательно. Нас закрывали Керенский с Пальчинским, когда Троцкий сидел в Петропавловке, а Ленин был в бегах. Нас закрыли Ленин с Троцким, когда Пальчинский сидит в Петропавловке, а Керенский – в бегах. Мы не обещаем быть всегда в оппозиции, мы не надеемся всегда быть предметом ненависти со стороны власть имущих. Ибо мы верим, что наступят лучшие дни и будет в России, наконец, создана такая власть, которая выведет страну на светлый путь к социализму и свободе [11, с. 1].*

Приказ о закрытии был отозван благодаря вмешательству Горького, но снова возобновлен в июне 1918 г. еще примерно на неделю.

Первое распоряжение цензуры против «Новой жизни», постоянные нападки «Правды» в отношении писателя<sup>7</sup> и все более тяжелая ситуация в стране, вероятно, заставляют Горького осознать, что всякое сопротивление в надежде изменить курс нового правительства Советов уже бесполезно.

---

6. Дата 9 января, указанная в заглавии статьи, относится к 1905 г., когда царские войска расстреляли толпу, вышедшую на мирную демонстрацию. В своей статье писатель проводит параллель между двумя событиями, чтобы подчеркнуть, что большевики действуют исходя из той же логики, что и царское правительство. Горький в своей статье пишет: «5 января 1918 расстреливали рабочих Петрограда, безоружных. Расстреливали без предупреждения о том, что будут стрелять, расстреливали из засад, [...] трусливо, как настоящие убийцы».

7. В частности, его обвиняли в том, что он говорил о рабочем классе языком врагов.



С конца марта 1918 г. он медленно отдаляется от излишне критических настроений других редакторов «Новой жизни», хотя и продолжает возглавлять издание. Так, в письме бывшей жене Екатерине Пешковой он замечает: «Собираюсь работать с большевиками на автономных началах. Надоела мне бессильная, академическая оппозиция» (письмо без даты, относится к концу марта 1918 г.) [14, с. 185]. Через несколько лет он объяснит это Р. Роллану так: «В начале 1918 г. я понял, что никакая другая власть в России невозможна, и что Ленин был единственным человеком, способным остановить неуправляемый процесс анархии и саморазрушения среди крестьян и солдат. Это не значит, что я полностью согласен с Лениным. Несколько лет подряд я резко критикую его за то, что его борьба против русского анархизма <...> приняла характер борьбы с культурой. Я объяснял ему, что, уничтожая русскую интеллигенцию, он лишает русский народ национального самосознания» [13, с. 132].

16 июля 1918 г. издание «Новой жизни» было окончательно остановлено по воле Ленина. При этом Горький в конце 1918 г. не отказался от публикации сборника статей, вышедших в газете под заглавием «Несвоевременные мысли. Заметки о революции и культуре»<sup>8</sup>. «Новая жизнь» и опубликованный Горьким сборник были помещены в советский спецхран, и только в 1990 г., за несколько месяцев до падения СССР, «Несвоевременные мысли» вышли в России, в издательстве «Советский писатель».

### Библиография

1. Горький М. Несвоевременные мысли // Новая жизнь. 1917. 18 (31) октября. № 156. С. 1.
2. Горький М. Несвоевременные мысли // Новая жизнь. 1917. 7 (20) ноября. № 174. С. 1.
3. Горький М. Несвоевременные мысли // Новая жизнь. 1917. 8 (21) ноября. № 75. С. 1.
4. Горький М. Несвоевременные мысли // Новая жизнь. 1917. 10 (23) декабря. № 198. С. 1.
5. Горький М. Несвоевременные мысли // Новая жизнь. 1917. 23 декабря (5 января 1918). № 209.
6. Горький М. Несвоевременные мысли // Новая жизнь. 1918, 9 января (22 января). № 6. С. 1.
7. Горький М. Несвоевременные мысли // Новая жизнь. 1918. 21 февраля (8 марта). № 47. С. 1.
8. Горький М. Несвоевременные мысли // Новая жизнь. 1918. 22 февраля (8 марта). № 48. С. 1.
9. Горький М. Несвоевременные мысли // Новая жизнь. 1918. 16 (3) марта. № 43. С. 1.
10. Горький М. Несвоевременные мысли // Новая жизнь. 1918. 17 (4 марта). № 44. С. 1.

---

8. Книга вышла в 1918 г. в петроградском издательстве «Культура и свобода», еще одно издание на русском языке вышло в том же году в Берлине под заголовком «Революция и культура. Статьи за 1917».

11. Горький М. Несвоевременные мысли // Новая жизнь. 1918. 2 (15 марта). № 32. С. 1.
12. Горький М. Несвоевременные мысли // Новая жизнь. 1918. 9 апреля (27 марта). № 72. С. 1.
13. Архив А.М. Горького // М. Горький и Р. Роллан. Переписка (1916–1936). М.: Наследие, 1996. Т. 15. 544 с.
14. Горький М. Полное собрание сочинений. Письма. В 24 т. М.: Наука, 2010. Т. XII. 735 с.
15. Коростелев С.Г. Газета «Новая жизнь» (1917–1918) и цензурные условия в России после Февральской и Октябрьской революций // Революция 1917 года в России как серия заговоров. М.: Алгоритм, 2017. С. 339–350.
16. Медведев Р. Они окружали Сталина. М.: Время, 2012. 480 с.
17. Сталин И.В. Соч. М.: Гос. изд. политической литературы, 1954. Т. III. 708 с.
18. Суханов Н. Диктатура гражданина Ленина // Новая жизнь. 1917. 17 ноября. № 174. С. 1.
19. Суханов Н.Н. Записки о революции. М.: Издательство Гржебина, 1921. Т. III. 165 с.
20. Cioni P. Un ateismo religioso dalla scuola di Capri allo stalinismo. Roma: Carocci, 2012. 159 p.
21. Gor'kij M. I pensieri intempestivi '17-'18 / Trad. P. Repetto. Introduzione B. Souvarin. Milano: Jaka Book, 1978. 315 p.
22. Gor'kij M. Considerazioni inattuali / Trad. e introduzione G. Pacini. Milano: Feltrinelli, 1980. 120 p.
23. Nivat G. Vers la fin du mythe russe. Essais sur la culture russe de Gogol à nos jours. Lausanne: L'Age d'homme, 1982. 485 p.

### References

- Arhiv A.M. Gor'kogo // M. Gor'kij i R. Rollan. Perepiska (1916–1936). Moscow: Nasledie, 1996. Vol. 15. 544 p.
- Cioni P. Un ateismo religioso dalla scuola di Capri allo stalinismo. Roma: Carocci, 2012. 159 p.
- Gor'kij M. Nesvoevremennye Mysli // Novaja Zhizn'. 1918. 9 January (22 January). N 6. P. 1.
- Gor'kij M. Nesvoevremennye Mysli // Novaja Zhizn'. 1918. 21 February (8 marta). N 47. P. 1.
- Gor'kij M. Nesvoevremennye Mysli // Novaja Zhizn'. 1918. 22 February (8 marta). N 48. P. 1.
- Gor'kij M. I pensieri intempestivi '17-'18 / Trad. P. Repetto. Introduzione B. Souvarin Milano: Jaka Book, 1978. 315 p.
- Gor'kij M. Nesvoevremennye Mysli // Novaja Zhizn'. 1917. 10 (23) December. N 198. P. 1.
- Gor'kij M. Nesvoevremennye Mysli // Novaja Zhizn'. 1917. 18 (31) October. N 156. P. 1.
- Gor'kij M. Nesvoevremennye Mysli // Novaja Zhizn'. 1917. 23 December (5 January 1918). N 209. P. 1.
- Gor'kij M. Nesvoevremennye Mysli // Novaja Zhizn'. 1917. 7 (20) November. N 174. P. 1.
- Gor'kij M. Nesvoevremennye Mysli // Novaja Zhizn'. 1917. 8 (21) November. N 75. P. 1.
- Gor'kij M. Nesvoevremennye Mysli // Novaja Zhizn'. 1918. 16 (3) March. N 43. P. 1.
- Gor'kij M. Nesvoevremennye Mysli // Novaja Zhizn'. 1918. 2 (15 March). N 32. P. 1.
- Gor'kij M. Nesvoevremennye Mysli // Novaja Zhizn'. 1918. 9 April (27 March). N 72. P. 1.
- Gor'kij M. Nesvoevremennye Mysli // Novaja Zhizn'. 1918. 17 (4 March). N 44. P. 1.
- Gor'kij M. Polnoe sobranie sochinenij. Pis'ma. V 24 vol. Moscow: Nauka, 2010. Vol. XII. 735 p.
- Gor'kij M. Considerazioni inattuali / Trad. e introduzione G. Pacini. Milano: Feltrinelli, 1980. 120 p.

Korostelev C.G. Gazeta «Novaja zhizn'» (1917–1918) i cenzurnye uslovija v Rossii posle Fevral'skoj i Oktjabr'skoj revoljucij // Revoljucija 1917 goda v Rossii kak serija zagovorov. Moscow: Algoritm, 2017. P. 339–350.

Medvedev P. Oni okružhali Stalina. Moscow: Vremja, 2012. 480 p.

Nivat G. Vers la fin du mythe russe. Essais sur la culture russe de Gogol à nos jours. Lausanne: L'Age d'homme, 1982. 485 p.

Stalin I.V. Soch. Moscow: Gos. izd. politicheskoy literatury, 1954. Vol. III. 708 p.

Suhanov N. Diktatura grazhdanina Lenina // Novaya zhizn. 1917. 17 November. N 174. P. 1.

Suhanov N.N. Zapiski o revoljucii. Moscow: Izdatel'stvo Grzhebina, 1921. Vol. III. 165 p.

**Г.Н. Воронцова**

**«НАМИ УБИТ ИЗВЕСТНЫЙ АТАМАН ГРИГОРЬЕВ»:  
К ИСТОРИИ ГИБЕЛИ ОДНОГО ИЗ РУКОВОДИТЕЛЕЙ  
ПОВСТАНЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ НА УКРАИНЕ  
В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ\***

*Аннотация.* Основное внимание в статье уделено анализу различных версий гибели одного из руководителей повстанческого движения на Украине Николая (Никифора) Александровича Григорьева. В научный оборот вводится один из документов архива писателя А.Н. Толстого: «Акт» о расстреле Григорьева махновцами в июле 1919 г., рассматриваются вопросы, связанные с его подлинностью и происхождением.

*Ключевые слова:* Гражданская война, Н.А. Григорьев, Н.И. Махно, А.Н. Толстой, архив писателя.

Воронцова Галина Николаевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН (ИМЛИ РАН), Москва.  
E-mail: Vorontsova.96@mail.ru

**G.N. Vorontsova. «We Killed the Famous Ataman Grigoriev»: On the History of Death of One of the Leaders of the Insurgent Movement in Ukraine During the Civil War**

*Abstract.* The article analyzes various versions of the death of one of the leaders of the insurgent movement in Ukraine, Nikolay (Nikifor) Aleksandrovich Grigoriev. Introduced for scientific use is a document from the archives of the writer A.N. Tolstoy «Act» containing details of execution of Grigoriev by the makhnovets in July, 1919, addressed are the questions about its authenticity and origin.

*Keywords:* Civil war, N.A. Grigoriev, N.I. Makhno, A.N. Tolstoy, archive of the writer.

---

\* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ). Проект № 17-84-01005 а (ц).

Vorontsova Galina Nikolaevna – Candidate of Philology,  
Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature  
of the Russian Academy of Sciences (IMLI RAN), Moscow.  
E-mail: Voroncova.96@mail.ru

Спустя 100 лет после начала Гражданской войны в России не все ее страницы до конца прочитаны. К числу малоизученных относится история различных повстанческих движений, сыгравших немаловажную роль в развитии событий 1918–1922 гг. Прояснение целого ряда вопросов, с ними связанных, требует дополнительных усилий исследователей и привлечения нового, ранее неизвестного документального материала. В данной статье мы бы хотели еще раз обратиться к обстоятельствам гибели одного из руководителей украинских повстанцев Николая (Никифора) Александровича Григорьева, расстрелянного махновцами в июле 1919 г.

Н.А. Григорьев (1878 или 1885–1919), офицер царской армии, участник Русско-японской и Первой мировой войн, принадлежал к наиболее колоритным личностям периода Гражданской войны. Один из современных исследователей пишет о нем: «Атаман Григорьев мечтал о славе “победителя империалистов Антанты”, о роли вождя украинского народа. Он был готов на любое преступление ради славы. На две майские недели 1919 г. Григорьеву удалось превратиться в одну из главных фигур украинской политики, с потенциальными возможностями стать “головным атаманом” – кровавым диктатором всей Украины. Но у атамана не оказалось ни политического чутья, ни образованности, ни умения искать союзников, зато самолюбия и коварства было в достатке» [7, с. 87].

Событийная канва жизни и деятельности Григорьева после 1917 г. укладывается в короткий ряд типичных для времени метаморфоз. Полковник Украинской народной армии, сформированной Центральной радой, он в начале 1919 г., после недолгой службы у Симона Петлюры, открыто перешел на сторону советской власти. В Красной армии возглавлял сначала 1-ю Заднепровскую бригаду в составе 1-й Заднепровской украинской дивизии (3-й Заднепровской бригадой в то же время командовал также примкнувший к советской власти Н.И. Махно), затем 6-ю украинскую дивизию Украинской советской армии. К числу его громких побед относится взятие Одессы весной 1919 г., за что в числе первых он был награжден орденом Красного знамени.

Красным командиром Григорьев пробыл недолго, уже в мае того же 1919 г. выступив против советской власти на Украине. Опираясь на крестьянство Елизаветградщины, недовольное продразверсткой, он поднял мятеж в тылу Красной армии под лозунгами «Власть Советам народа Украины без коммунистов!», «Украина для украинцев!», «Свободная торговля хлебом!», которые оказались на редкость созвучными лозунгам полыхавшему в то же время на Верхнем Дону Вёшенского восстания. Так называемая «григорьев-

щина» распространилась на большой территории Херсонской и Екатеринославской губерний. Были захвачены города Черкассы, Умань, Кременчуг, Екатеринослав, Елизаветград, Херсон, Николаев и др. Тем не менее в июне армия восставших была разгромлена выставленными против нее значительными силами Красной армии.

Именно тогда Григорьев и предпринял попытку объединиться с Нестором Махно, также порвавшим, после недолгого сотрудничества, с советской властью и объявленным приказом председателя Реввоенсовета Л.Д. Троцкого от 6 июня 1919 г. вне закона. Однако между двумя вождями украинского повстанческого движения существовали непримиримые противоречия и явный дух соперничества, что нашло отражение в выпущенном махновцами еще в мае 1919 г. воззвания «Кто такой Григорьев?»: «Григорьев старый царский офицер. В первые дни украинской революции он сражался за Петлюру против советского строя, затем перебежал на сторону советской власти и против революции вообще. Что говорит Григорьев <...> он говорит, что Украиной управляют люди, распявшие Христа <...> Братья! Разве вы не слышите в этих словах мрачного призыва к еврейскому погрому?» [1, с. 112–113].

О политике Махно в отношении Григорьева и причинах убийства атамана писал один из первых историков махновщины П.А. Аршинов: «Григорьев был несомненно контрреволюционер и авантюрист, но район и масса, им руководимые, были революционны. Их-то и решил Махно включить в общее число революционных сил. Сделать это можно было, лишь насильственно удалив Григорьева и его штаб. Махно с присущей ему резкостью и прямоотой решил публично разоблачить и убить Григорьева <...> Чтобы найти к нему свободный доступ, Махно вступил с ним и его отрядами в связь, якобы для объединения всех партизанских сил» [1, с. 132–133].

Однако другой махновец, И. Теппер (Гордеев), со ссылкой на легендарного Л. Задова описывал ситуацию с убийством Григорьева в ином ключе: «Сам убийца, знаменитый махновский палач Левка Задов, вдохновитель контрразведки, рассказывал мне этот эпизод, и из его рассказа вскрывалась истинная подоплека этого убийства. “Он мешал, и батенько приказал его снять”. Это звучало чем-то таким будничным, повседневным, что я пожалел о том колоссальном количестве бумаги, на которой мы (в особенности молодежь) фиксировали это убийство как высочайший акт революции Махно» [8, с. 40].

До настоящего времени существует несколько версий убийства Григорьева махновцами; разночтения касаются главным образом того, кто сделал смертельный выстрел в мятежного атамана. П.А. Аршинов называет непосредственными исполнителями приговора С.Н. Каретникова (Каретника) и самого Махно: «27-го июля 1919 г. в селе Сентове, близ Александрии, Херсонской

губернии, по инициативе Махно был созван съезд повстанцев Екатеринославщины, Херсонщины и Таврии <...> Съехалась масса крестьян и повстанцев, отряды Григорьева и части Махно <...> Докладчиками были записаны Григорьев, Махно и ряд других сторонников того или другого движения. Первым выступил Григорьев. Он призвал крестьян и повстанцев отдать все силы на изгнание большевиков из страны, не пренебрегая в этом деле никакими союзниками <...> Заявление это оказалось роковым для Григорьева. Выступавшие немедленно после него махновец Чубенко и Махно указали на то, что борьба с большевиками может быть революционной только в том случае, если она ведется во имя социальной революции. Союз с злейшими врагами народа – с генералами – будет преступной авантюрой и контрреволюцией. Затем Махно публично, перед всем съездом, потребовал Григорьева к немедленному ответу за чудовищный погром, совершенный им в мае <яче> 1919 г. в г. Елисаветграде, и за ряд других антисемитских действий <...> Последний увидел, что дело принимает для него страшный конец. Он схватился за оружие. Но было уже поздно. Семен Каретник – ближайший помощник Махно – несколькими выстрелами из “кольта” сбил его с ног, а подбежавший Махно с возгласом “Смерть атаману!” тут же дострелил его» [1, с. 133–134].

О расстреле Григорьева и расправе над григорьевцами известно также из показаний Алексея Васильевича Чубенко, данных после его ареста в ГПУ, и его же ныне опубликованного «Дневника». Занимавший различные посты в махновской армии (командир отряда, начальник штаба, председатель различных комиссий, адъютант Махно и начальник армейской подрывной команды), Чубенко в 1921 г. окончательно перешел на сторону советской власти. В своем «Дневнике» он подробно описал сельский сход в Сентове в июле 1919 г. и свою роль в «разоблачении» Григорьева. Именно он выступил перед жителями села с речью об измене Григорьева («Я стал им объяснять, что “хотя мы с Григорьевым временно в контакте, но все-таки я вам скажу, что Григорьев – контрреволюционер и что Григорьев царский слуга-офицер, и у него до сих пор в глазах блестят его золотые погоны”» [6, с. 763]), что послужило началом расправы над ним.

О дальнейшем Чубенко писал: «Я, как только зашел в помещение сельского совета, то зашел за стол и вынул из кармана револьвер “библей” и поставил его на боевой взвод. Это я <с>делал так, чтобы Григорьев не заметил, и <так>, стоя за столом, держал в руке револьвер.

Когда зашли все остальные, то Григорьев стал около стола <на>против меня, а Махно – рядом с ним с правой стороны; Каретников – сзади Махно; с левой стороны Григорьева стал<и> Чалый, Троян и Липеченко, Колесник и Григорьева телохранитель. Григорьев был вооружен двумя револьверами

системы “парабеллум”: один у него был в кобуре около пояса, а другой привязан ремешком к поясу и заткнут за голенище.

Как только все вошли в помещение, то Григорьев, обращаясь ко мне, стал говорить: “Ну, сударь, дайте объяснение: на основании чего Вы говорили это крестьянам?”

Я стал ему по порядку рассказывать основание того, что я говорил <...>

Григорьев стал это отрицать. Я ему сказал: “Так Вы еще отрицаете, что Вы – не союзник Деникина? А кто же посылает делегацию к Деникину, и к кому приехали те два офицера, которых Махно расстрелял?”

Как только я это сказал, то Григорьев схватился за револьвер, но я, будучи наготове, выстрелил в упор в Григорьева и попал ему выше левой брови. В этот момент Григорьев крикнул: “Ой, Батько, Батько!”, а Махно крикнул: “Бей атамана!”

Григорьев стал бежать из помещения, а я за ним и все время стрелял ему в спину. Он выскочил на двор и упал. Я тогда его добил. А телохранитель Григорьева выхватил маузер и хотел Махно убить, но Колесник стоял около него и схватил его за маузер и попал пальцем под курок, так что он не мог выстрелить. Махно в это время забежал сзади и начал стрелять в телохранителя: пять раз выстрелил, и пули п<р>ошли навывлет и <даже> ранил своего телохранителя Колесника так, что они оба упали одновременно <...>

Когда была закончена ликвидация григорьевщины, то Махно <...> тут же сделал распоряжение о том, чтобы во что бы то ни стало занять одну из железнодорожных станций для того, чтобы можно было сообщить по телефону о том, что нами убит атаман Григорьев и что григорьевщина ликвидирована. Сообщалось телеграммой: “*Всем. Всем. Всем. Копия: Москва, Кремль. Нами убит известный атаман Григорьев. Подпись: Махно. Начальник оперативной части: Чучко*”» [6, с. 763–764].

Отличную от двух предыдущих версию гибели Григорьева приводит начальник штаба махновской армии В.Ф. Белаш. В его воспоминаниях она дается в пересказе другого участника повстанческого движения, адъютанта Махно Гавриила Трояна. О событиях в канцелярии Сентовского сельсовета тот рассказывал: «Григорьев раздраженно сказал Чубенко: “Ну, сударь, дайте объяснение, на основании чего вы говорили это крестьянам”. Чубенко ответил, что он, Григорьев, поощряет буржуазию: когда брал сено и фураж у кулаков, то платил за это деньги, а когда брал у бедняков, то попросту грабил <...> Напомнил Григорьеву, как он расстрелял двоих махновцев за то, что они нарыли ведро картофеля, как собственноручно избил нескольких махновцев, допускал еврейские погромы, что, как союзник Деникина, не захотел наступать к прорвавшемуся к Плетенному Ташлыку генерала Шкуро. Григорьев стал все это отрицать. Тогда Чубенко заявил: “Так вы еще отрицаете,



что вы не союзник Деникина? А кто же посылал делегацию к Деникину и к кому приезжали те два офицера, которых Махно расстрелял?”

Григорьев, наклонив над столом голову, схватился за маузер, но не успел его выхватить, как Чубенко с “библея” выстрелил в него в упор. Григорьев зарычал и бросился к выходу. Стоявший в стороне Махно крикнул вдогонку: “Бей атамана!”

Чубенко, Каретников, Лепетченко, я и Чалый выбежали следом на улицу, стреляя в бегущего впереди Григорьева. Он споткнулся и упал, выхватывая свои маузеры. Подбежавший махновец Качан выстрелил в него в упор» [2].

На вопрос «...а кто же убил Григорьева?» Троян отвечал: «Трудно определить, чья пуля его свалила там, на улице» [там же].

Так кто же убил атамана Григорьева? Сам Нестор Махно, как об этом пишет Аршинов, или один из его сподвижников? Или прав Гавриил Троян, считавший, что уже тогда трудно было ответить на вопрос, чья из пуль, выпущенных в Григорьева, оказалась смертельной? Отметим лишь, что и Чубенко, и Троян (в пересказе Белаша) настаивают на том, что сам Махно в сторону Григорьева даже не стрелял.

В советской историографии с конца 1910-х годов утвердилась версия, основанная на том, что Махно лично застрелил Григорьева. Уже 5 августа 1919 г. в газете «Известия ВЦИК» под рубрикой «В стане контрреволюции» сообщалось: «Киев, 2 августа. 27 июля в селе Сентово, в Херсонской губернии во время личного свидания Махно выстрелом из револьвера убил атамана Григорьева». В 1920–1930-х годах эти сведения неоднократно были воспроизведены в различных работах о Гражданской войне. Так, Е.А. Щаденко в очерке «Григорьевщина» писал: «Монархист Григорьев, потерпев крушение в своем выступлении против пролетарских советов, ищет защиты, поддержки и координации действий у анархиста Махно. Махно приглашает его на совещание, и он, нисколько не сомневаясь в искренней дружбе Махно, едет к нему <...> но теперь Махно надо было замести следы совместных намерений и действий, и он стал их замечать. Не первый раз они собирались, не первый раз они совещались, спорили, ругались, но на этот раз, в момент инсценированного спора, батько Махно застрелил атамана Григорьева» [3, с. 94–95; см. также: 10, с. 254].

Той же версии придерживался и А.Н. Толстой, автор трилогии «Хождение по мукам». В ее заключительной части, романе «Хмурое утро», характеризуя состояние тылов армии Деникина и завершая сюжет о махновском движении, автор произведения писал: «Махно, после того как ухитрился лично застрелить своего главного соперника – атамана Григорьева, открыто объявил вольный анархический строй по всей Екатеринославщине, собрал тысяч пятьдесят бандитов и грозитя отобрать у Деникина Ростов, и Таганрог, и Крым, и Екатеринослав, и Одессу...» [9, с. 304].

Отношение Толстого к этому эпизоду из истории Гражданской войны окрашено личной нотой. В то время как Григорьев весной 1919 г. брал Одессу, находившийся там писатель отправлялся в свое четырехгодичное эмигрантское странствие в числе тех, кто в панике бежал от приближавшихся к городу частей Красной армии, сформированных из вчерашних повстанцев. Впоследствии он, видимо, не забыл, что был изгнан из страны войсками под руководством Григорьева, сохранив интерес к личности и деяниям этого человека. Не сделав его героем трилогии (хотя, судя по планам, намеревался), Толстой посвятил ему очерк «Атаман Григорьев» (1929).

В конце 1920–1930-х годов широкому кругу историков еще не были известны показания и воспоминания Алексея Чубенко, воспоминания Виктора Белаша были опубликованы лишь в отрывках [5]; истории об убийстве атамана в этих отрывках не было. И все-таки у Толстого был повод усомниться в господствующей версии убийства атамана Григорьева. В архиве писателя в ОР ИМЛИ хранится документ, содержание которого совпадает со сведениями, сообщенными Алексеем Чубенко. Приведем его полностью, сохраняя оригинальные орфографию и синтаксис:

### АКТ

Херсонской губернии Александрийского уезда село Сентово 1919 года июля 28<sup>го</sup> дня мы нижеподписавшиеся Командующий украинскими партизанскими войсками Батько Махно, Н-к штаба Григорий Махно, заместитель и член реввоенсовета Алексей Чубенко Член ревсовета Шпота Фома Н-к кавалерийских частей Щусь Федор, Командир 3<sup>го</sup> пехотполка Каретников Семен, Н-к штаба 3<sup>го</sup> пехполка Гавриленко, Н-к пулеметных частей Фома Кожин, Н-к штаба кавчастей Чалый, Член ревсовета Василевский Чайковский, Член ревсовета Троян адъютант Батька Махно Лютый, Член ревсовета Чучко Иван Член ревсовета Пузанов секретарь ревсовета Лащенко. Составили настоящий акт в том, что согласно постановления чрезвычайной пятерки Батько Махно Чубенко Каретников Семен Чалый и Щусь, которая постановила убить Атамана Григорьева и ликвидировать все вооруженные силы григорьевцев 28/VII-1919 года в селе Сентово на сельском сходе в присутствии всего сельского схода был убит Атаман Григорьев и его телохранитель и тяжело был ранен командир махновских частей Колесник того же 28/VII-19 были разоружены все Григорьевские части. Вопреки постановления чрезвычайной пятерки Атаман Григорьев был убит Чубенком а не Каретником как это было постановлено пятеркой. Телохранителя Атамана Григорьева убил Батько Махно и Колесника ранил тоже Батько Махно. Руководство по разоружению частей провели Щусь Кожин и Григорий Махно.

28/VII-1919 г.

Подписали

Б. Махно Г. Махно А. Чубенко Шпота Щусь Каретник Гавриленко Кожин Чалый Василевский Троян И. Лютый Чучко Пузанов

Секретарь ревсовета Лашенко [4, л. 30].

Документ выполнен на сложенном вчетверо относительно ветхом листе бумаги с водяными знаками, истерт по местам сгибов. Подписи сделаны разными чернилами. Хранится «Акт» вместе с датированной 1919 г. фотографией, на которой запечатлены сам Махно и его ближайшие соратники: И.Е. Лютый, А.М. Ольховик, П. Пузанов, И.М. Новиков, П.Ф. Белочуб, В.В. Куриленко, Ф.У. Щусь, Я.В. Озеров и А.В. Чубенко [4, л. 31].

О том как документ попал к Толстому, ничего не известно. Можем лишь предположить, что он был передан ему из редакции «Истории Гражданской войны», созданной по инициативе А.М. Горького в 1931 г. для издания одноименных сборников; известно, что эта редакция оказывала писателю помощь в работе над трилогией «Хождение по мукам» и романом «Хлеб». Не исключено, что Толстой получил документ от кого-то из участников боевых действий 1918–1922 гг. при личной встрече.

При знакомстве с «Актом» обращает на себя внимание дата убийства атамана Григорьева, 28 июля 1919 г., тогда как в большинстве источников событие датируется 27 июля<sup>1</sup>. В трех случаях из четырех цифра «8» переправлена с какой-то другой. Кроме того, на «Акте» отсутствует печать.

Тщательный детальный анализ документа, осуществленный украинским исследователем махновского движения Ю.П. Кравцом, показал: во-первых, должности перечисленных в нем махновцев не всегда соответствуют реальным; во-вторых, известные по другим документам подписи Григория Махно, Чубенко, Шпоты, Щуся, Каретникова, Василевского, Чучко, Пузанова

---

1. Дата «28 июля» фигурирует лишь в одной из версий, приведенной В.А. Савченко: «По другим данным на крестьянском сходе в Сентово <27 июля> атаман не был убит. Напротив, на сходе крестьяне поддержали Григорьева, и он “будучи в хорошем настроении” пожертвовал им 20 тысяч рублей на ремонт местного клуба. А вот на следующий день состоялись сборы штаба и командиров повстанцев, на которые явился Григорьев со своими телохранителями. Когда на сборах зазвучали обвинения в адрес Григорьева со двора слышались крики. Это во дворе дрались махновец и григорьевец. Махно выбежал во двор и рукояткой револьвера ударил григорьевца. Вернувшись в комнату, он бросил в лицо Григорьеву: “Вас всех нужно пострелять!”. После этого инцидента Махно возобновил заседание вопросом: “Писал ли Григорьев в своих универсалах: “Бей жидов, спасай Россию?””. Когда Григорьев стал возмущаться и говорить, что это недоказуемо, Махно выхватил револьвер и выстрелил в Григорьева. Раненный в плечо атаман выбежал во двор, упал на одно колено и начал отстреливаться. Но в это время к нему подскочил махновский всадник и ударил шашкой по голове» [7, с. 128].

и Лашенко не являются подлинными. Подпись самого Нестора Махно внешне соответствует подлинной, но и она содержит ряд моментов, которые могут указывать на ее подложность<sup>2</sup>.

Таким образом, мы можем говорить о подложности всего документа в целом, что, правда, не снимает вопроса о его происхождении. Тем более что зафиксированная в нем версия убийства Григорьева определенным образом ставится с общепринятой на тот момент интерпретацией событий.

Были ли у Алексея Толстого веские основания не доверять попавшему к нему документу и пренебречь изложенными в нем фактами? Или он не решился отойти от общепринятой версии убийства Григорьева? На эти вопросы ответа пока нет. Возможно, однако, что писатель просто посчитал необходимым завершить сюжет, связанный с маховским движением, сильным аккордом. А потому и уходит Нестор Махно со страниц трилогии непосредственным убийцей Григорьева. По-видимому, это соответствовало представлениям Толстого об умном, хитром, но и необузданном в своих порывах человеке, ставшем литературным героем.

### Библиография

1. Аршинов П.А. История маховского движения (1918–1921 гг.). Берлин: Изд. «Группы Русских Анархистов в Германии», 1923. 258 с.
2. Белаш А.В., Белаш В.Ф. Дороги Нестора Махно. Историческое повествование. [Б. м.]: Проза, 1993. [Электронный ресурс]. Режим доступа: [http://www.e-reading.by/bookreader.php/133657/Dorogi\\_Nestora\\_Mahno.pdf](http://www.e-reading.by/bookreader.php/133657/Dorogi_Nestora_Mahno.pdf) (Дата обращения: 17.03.2018.)
3. Гражданская война 1918–1921: Т. 1–3 / Под общ. ред. А.С. Бубнова, С.С. Каменева, Р.П. Эйдемана. М.: Военный вестник, 1928. Т. 1. Боевая жизнь Красной армии. 373 с.
4. Материалы к третьей книге трилогии А.Н. Толстого «Хождение по мукам» роману «Хмурое утро» // ОР ИМЛИ. Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 121. 40 л.
5. Маховщина (отрывки из воспоминаний В. Белаша) // Летопись революции. 1928. № 3. С. 191–234.
6. Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. 1918–1921. Документы и материалы. М.: РОССПЭН, 2006. 1000 с.
7. Савченко В.А. Авантюристы Гражданской войны: Историческое расследование. Харьков: Фолио; М.: ООО «Издательство АСТ», 2000. 368 с.
8. Теппер (Гордеев) И. Махно. От единого анархизма к стопам румынского короля. [Киев]: Молодой рабочий, 1924. 121 с.
9. Толстой А.Н. Хмурое утро // Толстой А.Н. Собрание сочинений: Т. 1–10. М.: Художественная литература, 1984. Т. 6. 408 с.
10. Троцкий Л.Д. Как вооружалась революция (на военной работе). Т. 2. Кн. 1. М.: Высший военный редакционный совет, 1924. 476 с.

---

2. Сообщено Ю.П. Кравцом автору статьи.

## References

- Arshinov P.A. Istorija mahnovskogo dvizhenija (1918–1921 gg.). Berlin: Izd. «Gruppy Russkikh Anarhistov v Germanii», 1923. 258 p.
- Belash A.V., Belash V.F. Dorogi Nestora Mahno. Istoricheskoe povestvovanie. [B.m.]: Proza, 1993. [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: [http://www.e-reading.by/bookreader.php/133657/Dorogi\\_Nestora\\_Mahno.pdf](http://www.e-reading.by/bookreader.php/133657/Dorogi_Nestora_Mahno.pdf) (Data obrashhenija: 17.03.2018.)
- Grazhdanskaja vojna 1918–1921: Vol. 1–3 / Pod obshh. red. A.S. Bubnova, S.S. Kameneva, R.P. Jejdemana. Moscow: Voennyj vestnik, 1928. Vol. 1. Boevaja zhizn' Krasnoj armii. 373 p.
- Mahnovshina (otryvki iz vospominanij V. Belasha) // Letopis' revoljucii. 1928. N 3. P. 191–234.
- Materialy k tret'ej knige trilogii A.N. Tolstogo «Hozhdenie po mukam» romanu «Hmuroe utro» // OR IMLI. F. 43. Op. 1. Ed. hr. 121. 40 l.
- Nestor Mahno. Krest'janskoe dvizhenie na Ukraine. 1918–1921. Dokumenty i materialy. Moscow: ROSSPJeN, 2006. 1000 p.
- Savchenko V.A. Avantjurdy grazhdanskoj vojny: Istoricheskoe rassledovanie. Har'kov: Folio; Moscow: OOO «Izdatel'stvo AST», 2000. 368 p.
- Tepper (Gordeev) I. Mahno. Ot edinogo anarhizma k stopam rumynskogo korolja. [Kiev]: Molodoj rabochij, 1924. 121 p.
- Tolstoj A.N. Hmuroe utro // Tolstoj A.N. Sobranie sochinenij: Vol. 1–10. Moscow: Hudozhestvennaja literatura, 1984. Vol. 6. 408 p.
- Trockij L.D. Kak vooruzhalas' revoljucija (na voennoj rabote). Vol. 2. Kn. 1. Moscow: Vysshij voennyj redakcionnyj sovet, 1924. 476 p.

**А.А. Гончаренко**

**ФИЛЬМ БРАТЬЕВ ВАСИЛЬЕВЫХ «ЧАПАЕВ»  
КАК ПРОИЗВЕДЕНИЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА:  
ПО МАТЕРИАЛАМ ОБСУЖДЕНИЯ 29 НОЯБРЯ 1934 г.\***

*Аннотация.* В статье речь идет об обсуждении 29 ноября 1934 г. в Доме советского писателя фильма братьев Васильевых «Чапаев». Автор вводит в оборот неизвестные ранее документы, анализирует выступления участников событий, кинематографистов и литераторов. Делается вывод о том, что подавляющее большинство участников обсуждения сошлись во мнении о «необязательности» следования историческим фактам в кинематографе, главным критерием оценки фильма стала его «партийность». Причину этого единодушия автор усматривает в соответствующей позиции И.В. Сталина.

*Ключевые слова:* «Чапаев», братья Васильевы, Д.А. Фурманов, кинематограф, И.В. Сталин.

Гончаренко Александр Александрович – аспирант  
Всероссийского государственного института кинематографии  
имени С.А. Герасимова, Москва. E-mail: aleksgo@yandex.ru

**A.A. Goncharenko. The Film by the Vasilievs Brothers «Chapayev» as the Socialist Realism Work: According to the Materials of the Discussion on November 29, 1934**

*Abstract.* The article looks at the discussion of the film «Chapayev» by the Vasilyevs brothers in the House of the Soviet writers in November, 1934. The author introduces a number of archival documents and analyzes the statements of the participants of the events as well as filmmakers and writers. It is argued that the vast majority of participants agreed that for the film-makers «it's not necessary» to follow historic facts, the main criteria for judging a film being its correspondence to «the party spirit». What explains this unanimity is the position advocated by Stalin.

---

\* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ). Проект № 17-84-01005 а (ц).

**Keywords:** «Chapaev», Vasilyev brothers, D.A. Furmanov, cinema, I.V. Stalin.

Goncharenko Alexandr Aleksandrovich – postgraduate student  
of the State University of Cinematography named  
after S. Gerasimov, Moscow. E-mail: aleksgo@yandex.ru

29 ноября 1934 г. в Доме советского писателя состоялось обсуждение только что вышедшего на экраны страны фильма «Чапаев», снятого по одноименному роману Д.А. Фурманова. Материалы этого обсуждения, выявленные в фонде Всероссийской организации композиторов и драматургов (Всероскомдрам), хранятся в Отделе рукописей ИМЛИ РАН [9]. Они позволяют судить о том, как этот фильм воспринимался и участниками событий, и кинодеятелями, и литераторами.

На обсуждении выступали соратники Чапаева (Г.К. Васканов, И.С. Кутяков, А.И. Петраковский, М.А. Попова), свидетели и участники Гражданской войны (Демьян Бедный, Р.П. Эйдеман), представители литературного сообщества (В.М. Киршон и А.А. Сурков). А.Н. Фурманова, вдова автора романа, выступала как очевидцем описываемых в произведении событий, так и летописцем истории создания и книги, и фильма. М.С. Шагинян совмещала личные зрительские впечатления с идеологическими размышлениями. Было дано слово и создателям фильма – режиссерам Васильевым и актрисе В.С. Мясниковой.

Собравшиеся хвалили Васильевых за кропотливое изучение фактического материала [10, л. 23–35], очевидцы вычисляли степень сходства артиста Б.А. Бабочкина и самого В.И. Чапаева [9, л. 23], спорили об ландшафтных особенностях воспроизведенной местности [9, л. 77].

Главный вопрос, который был вынесен на обсуждение, – вопрос о соотношении связанных с Чапаевым исторических реалий, эстетического значения и «идеологии» фильма. Документальная достоверность не имела для обсуждавших решающего значения. М.А. Попова, пулеметчица Чапаевской дивизии, прототип Анки, неуверенно говорила: «Может быть, здесь немного обобщено, но все здесь очень хорошо показано, а об исторической стороне можно будет говорить отдельно, если это будет нужно» [9, л. 49]. Голос И.С. Кутякова, командира Чапаевской дивизии, звучал увереннее: «Говорить сейчас про исторические воспоминания, как все это было, мне кажется, было бы очень скучно и ненужно» [9, л. 26].

Политическая ценность фильма представлялась преобладающей над эстетикой или документальностью и Эйдеману: «Бр. Васильевы <...> показали не только бойцов Гражданской войны, но изумительно показали на этом человеческом материале организующую роль партии. Вот почему прав тов. Васильев <...> что этому фильму массы аплодируют не потому, что он

хорош, а потому что они демонстрируют свое глубокое доверие той партии, которая воспитала и создала таких героев, как Чапаев» [9, л. 37].

Г.Д. Васильев, один из режиссеров фильма, в своем кратком выступлении опирался на общественное мнение, которое позволило ему уйти от эстетических оценок к актуальным – политическим: «Эту восторженность в обсуждении фильма “Чапаев” <...> (мы сюда приехали с завода “Каучук”, где были прекрасные выступления товарищей, и во время обсуждения картины женщины плакали), и все то, что имелось по линии печати, все это мы относим не к картине “Чапаев”, вернее, не к ее художественным качествам. Мы поняли, что картина на каком-то этапе переросла свои художественные качества, своих авторов и стала политическим фактором огромного значения. <...> этот огромный успех нашего фильма и является вотумом доверия людей нашей страны к нашей партии, к партии Ленина и Сталина, под руководством которой выковались кадры в ту эпоху, о которой говорит наша картина, и под руководством которой мы идем к нашему завтра» [9, л. 13].

Г.Д. Васильев и Эйдеман видели причины оглушительного успеха фильма в «правильном» освещении роли партии в становлении Красной армии. Партия, «под руководством которой выковались кадры в ту эпоху», и партия, «под руководством которой мы идем к нашему завтра», преодолев исторические реалии, предстала вождем российской истории равно могущественной и всеведущей и в 1919-м, и в 1934 гг. Имея в виду эту мировоззренческую установку, Васильев допустил в выступлении ставшее в 1934 г. анахронизмом выражение «партия Ленина и Сталина» [1, с. 287–288].

Партийность картины усматривалась в синтезе жизненной конкретности и коллективной обобщенности изображенных героев. Комиссар Чапаевской дивизии А.И. Петраковский говорил об удаче Бабочкина в создании типажа красного командира: «...в фильме замечательно то, что ты видишь в Чапаеве коллективное лицо многих наших командиров. Чапаев – это тот командир, с отдельными жизненными проявлениями, с которыми мне приходилось сталкиваться и на южном, и на западном фронте. <...> ...артист Бабочкин и авторы этого фильма как бы создали это коллективное лицо нашего командира» [9, л. 14].

Актриса Мясникова сосредоточилась на приемах создания женского характера: «Мы не думали о Марусе Поповой, когда начинали картину. А может быть и думали, потому что мы брали вообще женщин, которых было много. <...> Актер, который невольно даст в результате своей работы живого настоящего человека, которого люди расценивают, как действительно настоящего, – актеру очень приятно» [9, л. 57].

С.Д. Васильев, второй режиссер фильма, выдвигал принцип типического, который ценился им выше фактографии: «...нас не интересовала фотография событий. И отсюда вопрос – почему о нашей картине говорят, что Чапаев был



действительно таким. А мы зачастую Чапаеву придавали черты, о которых мы не знали, были ли они у него или нет. Мы старались сделать типический образ. И мы, пользуясь, огромным материалом, который представляла действительность Гражданской войны, совершенно не стесняли себя рамками одной биографии Чапаева» [9, л. 76–77].

Литераторы вторили участникам событий и кинематографистам, внося, однако, в обсуждение особую – литературоведческую – составляющую. Так, В.М. Киршон утверждал: «...для нас, писателей-драматургов, сценаристов, собравшихся здесь, есть прекраснейший пример учебы, и это не покажется товарищам странным, учебы у классического наследства. В этом фильме, как в очень немногих наших произведениях, есть какая-то совершенно замечательная простота, которая роднит этот фильм с произведениями классиков. Если хотите, когда я смотрел “Чапаева”, мне все время хотелось сравнивать это произведение с Пушкиным, именно с пушкинскими вещами хотелось мне сравнивать эту эпопею. Это действительно художественная простота, замечательная четкость, скупость и вместе с тем поэтичность каждого образа» [9, л. 9].

Обсуждение «Чапаева» предоставляло Киршону материал и для литературно-критической борьбы: «...картина “Чапаев” <...> противостоит всему формалистскому крылу нашей кинематографии. Если хотите брать и сопоставлять, то сопоставляйте “Ивана” Довженко, сопоставляйте “Арсенал” и “Чапаева”. Здесь вы увидите линию социалистического реализма над линиями формалистских уклонов нашей кинематографии, над линией тех людей, которые в ущерб показу подлинных героев и настоящих реалистических образов занялись романтическим порханием в ущерб политическому и партийному содержанию фильм» [9, л. 7].

Киршону вторил А.А. Сурков: «...у нас завелись такие люди, которые думают, что мы вступили в некоторый хореографический, фокстротный период развития искусства. Некоторые люди говорят: веселиться нужно, массы хотят веселого. <...> ...когда многоуважаемая <...> “Комс. Правда” и тов. Шумяцкий в связи с тем, что “Литературная газета” связала появление фильма “Чапаев” с фильмом “Веселые ребята”, затеяли довольно широкую полемику, имеет или не имеет право на существование это произведение, то мне думается, что они глубоко неправы. <...> ...несмотря на талантливую режиссера Александрова и талантливую запись на пленку, эта вещь является как раз тем противоположенным полюсом развития нашего кино, против которого прямо и непосредственно направлено острие всех художественных образов Чапаева (апл.)» [9, л. 54–56].

Для Суркова ценность фильма «Чапаев» состояла в том, что он «дает богатейший материал для установления того, как достигается главная черта социалистического реализма. <...> Как в образе одного человека, индивиду-

альном, даже субъективном, очень контурно очерченном, вы все время ощущаете большой коллектив людей» [9, л. 54].

М.С. Шагинян была откровенна с собравшимися: она утверждала, что – поскольку «плохо слышит» – «звуковые фильмы» до нее не доходят. Но фильм «Чапаев» стал исключением: «Когда я стала смотреть, я вдруг почувствовала, что этот звуковой “Чапаев” сразу непреодолимо начинает входить на меня, как немой, начинает входить со своей чисто-кинематографической классикой и жестикуляцией» [9, л. 42–43].

Шагинян объяснила этот феномен так: «...сердце фильма открылось мне во взаимоотношениях двух основных большевиков фильма. Эти большевики потрясающе меня воспитывают в течение этих двух часов так, как они воспитывали на протяжении нескольких лет самого Чапаева, и это есть настоящая основная потрясающая тема “Чапаева” <...>. Эта тема пятого тома “Ильича”. Это, если помните, собрание того, что он писал в 1905 г., когда оформлялся тип большевизма среди социал-демократии. Это первые страницы брошюры Ильича “Что делать”, где он говорит о стихийности и сознательности, где он говорит, что нельзя противопоставлять стихийность сознательности <...>. Эта ленинская тема и есть то, что сделало фильм сюжетным и что помогло фильму дойти даже без текста» [9, л. 43–44].

Диссонансом в обсуждении звучало выступление вдовы Фурманова, А.Н. Фурмановой, вспоминавшей о конкретных обстоятельствах написания легшего в основу фильма романа: «...вдруг Чапаев видит, как Фурманов записывает, это его взорвало, он вспылел, хотел вырвать книжку и говорит: “Ты строчишь донесение Михаилу Васильевичу [Фрунзе]. Не будет этого”. И только после долгих уговоров Фурманова, когда Фурманов показал Чапаеву то, что он записывал, Чапаев понял, что он записывает свои непосредственные впечатления. После этого разговора Чапаев сам стал писать роман. К сожалению, этот роман до нас не дошел. Очевидно, эти материалы погибли во время налета на штаб. Но Чапаев писал роман» [9, л. 28].

Однако никто из собравшихся не стал поддерживать тему реальных взаимоотношений Чапаева с начальниками и подчиненными.

\* \* \*

Собственно, исход обсуждения был предreshен: к концу ноября И.В. Сталин посмотрел фильм 11 раз [5], а в премьерные дни генсек лично контролировал прессу фильма, критикуя неверные интерпретации [6].

За 22 дня, прошедших между премьерой и обсуждением, фильм уже стал эталоном соцреализма в кино как для критиков [2, с. 224–225; 3, с. 213; 7, с. 234; 8, с. 212.], так и для кинематографистов: по чапаевскому образцом картины о герое позже были сняты «Котовский» (реж. А.М. Файнциммер,

1942 г.), «Александр Пархоменко» (реж. Л.Д. Луков, 1942 г.), а «Щорс» А.П. Довженко (1939) и вовсе заказывался Сталиным как украинский «Чапаев» [4, с. 216–219].

Именно на мнение Сталина и ориентировались выступавшие – и не скрывали этого. Характерную рефлексию обнаруживает речь Кутякова: «...на этом фильме братьев Васильевых создаются сотни тысяч, может быть, миллионы других “Чапаевых”. Вот, по-моему, основная важность этого фильма. (Аплодисменты.) А что это так, товарищи, мне кажется, даже можно судить по тому, что все вожди, а в вождях мы не сомневаемся, в их уме, недаром столько шумихи подняли вокруг “Чапаева”. Быть может, даже больше челюскинской» [9, л. 25].

### Библиография

1. Вайскопф М.Я. Писатель Сталин. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 384 с.
2. Гринберг И. «Великий гражданин» // Звезда. 1938. № 5. С. 218–227.
3. Гринберг И. Поэзия жизни // Звезда. 1938. № 7. С. 208–214.
4. Громов Е.С. Сталин: Искусство и власть. М.: Эксмо, 2003. 544 с.
5. Запись беседы И.В. Сталина, А.А. Жданова, Л.М. Кагановича с Б. Шумяцким об освещении на страницах печати проблем производства кинофильмов, участия в нем Союза советских писателей во время кинопросмотра 20 ноября 1934 г. // Россия. XX век: Электронный альманах. URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/56169> (Дата обращения: 7.07.2017.)
6. Запись беседы И.В. Сталина, С.М. Кирова, В.М. Молотова, М.И. Калинина, А.А. Жданова с Б. Шумяцким о фильмах А. Довженко «Аэроград», «Иван», рецензиях на фильм «Чапаев» во время кинопросмотра 10–11 ноября 1934 г. // Россия. XX век: Электронный альманах. URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/56167> (Дата обращения: 7.07.2017.)
7. Коварский Н. Волочаевские дни // Литературный современник. 1938. № 2. С. 234–247.
8. Лежнев А. Простота и величавость // Октябрь. 1936. № 5. С. 204–212.
9. Обсуждение фильма «Чапаев» 29.11.1934 // Отдел рукописей ИМЛИ РАН. Ф. 52. Оп. 1. Д. 220. 78 л.

### References

- Grinberg I. «Velikij grazhdanin» // Zvezda. 1938. N 5. P. 218–227.  
Grinberg I. Pojezija zhizni // Zvezda. 1938. N 7. P. 208–214.  
Gromov E.S. Stalin: Iskustvo i vlast'. Moscow: Jeksmo, 2003. 544 p.  
Kovarskij N. Volochaevskie dni // Literaturnyj sovremennik. 1938. N 2. P. 234–247.  
Lezhnev A. Prostota i velichavost' // Oktjabr'. 1936. N 5. P. 204–212.  
Obsuzhdenie fil'ma «Chapaev» 29.11.1934 // Otdel rukopisej IMLI RAN. F. 52. Op. 1. D. 220. 78 l.
- Vajskopf M.Ja. Pisatel' Stalin. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2001. 384 p.  
Zapis' besedy I.V. Stalina, A.A. Zhdanova, L.M. Kaganovicha s B. Shumjackim ob osveshhenii na stranichah pechati problem proizvodstva kinofil'mov, uchastija v nem Sojuza sovetskih pisatelej vo vremja kinoprosmotra 20 nojabrja 1934 g. // Rossija. XX vek: Eelektronnyj al'manah. URL:

## ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

---

<http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/56169> (Data obrashhenija: 7.07.2017.)

Zapis' besedy I.V. Stalina, S.M. Kirova, V.M. Molotova, M.I. Kalinina, A.A. Zhdanova s B. Shumjackim o fil'mah A. Dovzhenko «Ajerograd», «Ivan», recenzijah na fil'm «Chapaev» vo vremja kinoprosmotra 10–11 nojabrja 1934 g. // Rossiya. XX vek: Eelektronnyj al'manah. URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/56167> (Data obrashhenija: 7.07.2017.)

**М.Р. Деметрадзе**

**МОДЕРНИЗАЦИЯ ТАЙВАНЯ  
В ПРАВЛЕНИЕ ПРЕЗИДЕНТА ЧАН КАЙШИ:  
ОПЫТ ДЛЯ ПОСТСОВЕТСКИХ ГОСУДАРСТВ**

***Аннотация.** Работа посвящена выявлению особенностей технократическо-авторитарной формы правления первого президента Тайваня Чан Кайши, специфике закладывания основ государственности и модернизационной политики. В работе особое внимание уделено дихотомии «традиционное – современное», стержнем которой стала конфуцианская система ценностей и практика конфуцианской школы книжников. Автор приходит к выводу о том, что в процессе модернизации Тайваня данная дихотомия выполнила роль стержня государственности, при этом сама модернизация стала ее надстройкой.*

***Ключевые слова:** Тайвань, Чан Кайши, модернизация, конфуцианство, конфуцианский капитализм.*

Деметрадзе Марине Резоевна – доктор политических наук,  
профессор Российского государственного гуманитарного  
университета (РГГУ), Москва. E-mail: demetradze1959@mail.ru

**M.R. Demetradze. Modernization of the Taiwan During the Reign of  
President Chiang Kai-Shek: Lesson for the Post-Soviet States**

***Abstract.** The article analyzes the features of the technocratic-authoritarian form of government of the first president of Taiwan, Chiang Kai-shek, the specific traits of the state and modernization policy during his rule. Special attention is paid to the dichotomy «traditional – modern,» the core of which was the Confucian system of values and practice of the Confucian school of scribes. In the process of modernization of Taiwan, this dichotomy fulfilled the role of stem state.*

***Keywords:** Taiwan, Chiang Kai-Shek, modernization, Confucianism, Confucian capitalism.*

Demetradze Marina Rezoevna – doctor of political sciences,  
professor of Russian State University for the Humanities (RSUH),  
Moscow. E-mail: demetradze1959@mail.ru

### **Модернизация и ее значение для постсоветских государств**

Задача формирования государства современного типа, как правило, недооценивается на постсоветском пространстве. Отсюда экстравагантные для XXI в. и плохо поддающиеся прогнозированию политические процессы. Например, в России явно прослеживается тенденция к возрождению прошлого в настоящем: граждане из чувства патриотизма должны обратиться к апробированным методам защиты геополитических интересов страны, якобы окруженной «врагами и завистниками». В Казахстане с помощью экономистов из Южной Кореи надеются воссоздать южнокорейское «экономическое чудо». В Беларуси создан гибрид авторитаризма и псевдосоциализма, отличающийся образцово низким уровнем коррупции и неконкурентоспособной экономикой, зависимой от транзита энергоносителей и экспорта собственной продукции исключительно на рынок постсоветского пространства. В Грузии общество ориентировано на модернизацию, западные ценности и построение современного государства, но слепо копирует «готовые» решения. Образцово функционирующие политические, правовые, социальные институты Запада здесь не приживаются, что вызывает разочарование граждан. Ухудшается их материальное положение, усугубляются внутривнутриполитические проблемы, характерные для переходного периода. Все это в целом говорит о необходимости научной разработки и внедрения стратегии развития и институционализации переходного периода.

В XXI в. модернизации необходима теоретическая платформа с четким выделением этапов переходного периода и задач каждого этапа [см., напр.: 3, с. 122]. Однако разработка социокультурной модели модернизации – сложная задача, ей предшествует изучение моделей модернизации различных стран мира: необходимо понять, как модернизация проходила в традиционных обществах, какая форма модернизации лежит в основе тех или иных развитых государств и что можно перенять на постсоветском пространстве.

В настоящей работе эта проблематика раскрывается на примере Тайваня. Интерес к этой стране вызван прежде всего внушительной скоростью преобразований (что особенно важно для постсоветских обществ) и трансформации Тайваня в экономически мощную региональную державу. Социокультурный анализ процессов развития Тайваня дает основания считать, что модернизацию в этой стране отличает инновационно-догоняющая стратегия. Отметим, что модернизационная проблематика недостаточно изучена в отечественной науке, и постараемся восполнить этот пробел.

### Три этапа создания теории модернизации

Создание теории модернизации в 50-х годах прошлого века не было спонтанным явлением, возникшим на академической почве. Политические элиты на Западе после Второй мировой войны поняли, что создание современного миропорядка, регулирование внутrigосударственных и межгосударственных процессов, в том числе обеспечение контроля над традиционными обществами, невозможно без опоры на выводы современной науки и без экспертного сопровождения со стороны ученых. За разработку теории модернизации взялись социологи, антропологи и специалисты других сфер социально значимой науки. На сегодняшний день в истории становления теории модернизации различают три основных этапа.

*Первый этап* пришелся на 50–60-е годы прошлого столетия, когда американские социологи во главе с Т. Парсонсом с помощью структурного функционализма соединили классические теории социологии с культурной антропологией. Эти разработки получили название *классических теорий модернизации*. Были разработаны шкалы индикаторов стадий модернизации (Д. Лернер [15, с. 200], С. Блек [11, с. 207], В. Запф и П. Флора [20, с. 161–211]), дихотомия «современное – традиционное», концепция трансформации социальной структуры и психологических особенностей современной личности (А. Инкелес, Д. Смит [13, с. 437]).

Не все выводы теоретиков того периода были безупречны. Так, по мнению У. Ростоу, автора работы «Стадии экономического роста», внедрение новшеств в традиционных обществах можно было осуществить и насильственными методами, в том числе путем военного вторжения или принудительного развития экономических и культурных связей с развитыми государствами [16, с. 324]. На практике такая политика не оправдала себя, поскольку традиционные общества восприняли ее как попытку новой колонизации со стороны бывших метрополий.

В 70-х годах XX в. в результате критики классических теорий модернизации и их пересмотра закладывается следующий – *второй этап* модернизационных исследований. Впрочем, категорию «модернизация» в них чаще замещает «развитие». Создаются *теории зависимостей, мир-систем, множественных современностей*.

В *теориях зависимостей* выделяются разные направления, в том числе *историческая социология модернизации* (R. Bendix [10, с. 314]) и *сравнительно-исторические аспекты политических процессов* (S. Rokkan [17, с. 506]). *Теории мир-систем* выделили ядро, периферию и полупериферию модернизационных преобразований; модернизация капиталистической экономики подверглась критике со стороны *неомарксистов* (I. Wallerstein [19, с. 506]).

Исследования процессов, происходивших в 80-х годах в странах Восточной и Юго-Восточной Азии (КНР, Тайвань, Малайзия, Сингапур, Индонезия, Южная Корея), дали основания для следующего вывода: сочетание авторитарной формы правления с модернизацией создает ее особую *восточно-азиатскую* модель (Evans and Stephans [12, с. 561–587]); участие этих стран в мировых экономических процессах формирует несколько центров модернизации (отсюда идея *множества современностей*).

*Третьим этапом* создания модернизационных исследований принято считать 80-е годы прошлого века. К данному периоду относятся *теории постмодернизма и постмодернизации*, разработанные в основном А. Туре-ном [18, с. 187] и Д. Беллом [9, с. 301].

Постмодернисты предложили модель нового постиндустриального общества, соответствующую стандартам информационной эры. Здесь ведущая роль отводится науке, образованию, информационным технологиям, социальным аспектам экономической политики. На смену *бюрократической* форме управления приходит *меритократическая* и *технократическая* («вся власть специалистам»).

На рубеже веков наблюдается кризис теорий модернизации. Исследования распались на несколько направлений. По инерции продолжается воспроизводство цивилизационного, глобализационного подходов, сохраняют актуальность термины «современность», «дивергенция», «конвергенция». В этот период созданы модели международной модернизации (национальная модернизация, всемирная модернизация и международное модернизационное взаимодействие). Однако и сегодня ни одна из созданных моделей не может претендовать на универсальность или консенсус экспертного сообщества. Как ни удивительно, дискуссионным остается и определение категории «модернизация».

Модернизации конкретно Тайваня, а также стратегии управления страной, разработанным первым президентом Чан Кайши, посвящено относительно мало (в сравнении с КНР) работ отечественных исследователей. Среди них можно назвать работы П.М. Иванова [4, с. 216], А.В. Островского [7, с. 42–56], А.Г. Ларина [5, с. 200], Л.М. Гудошниковой [2, с. 147]. Среди авторитетных зарубежных исследователей можно упомянуть Джонсона Чалмерса и Меган Грин (США) [14, с. 412], Ван Цзюна, Ширли В.Ю. Го, Ли Година и У Юйшаня (Тайвань) [6]. Эти и другие авторы анализируют главным образом политико-экономические процессы в Тайване и технологическую сторону модернизации в этой стране. Однако во всех этих разработках (как и в восточноазиатской модели модернизации Стефанса и Эванса) не предложены методы исследования модернизационных процессов, а сама модернизация не рассматривается как социокультурный феномен, т.е. в расширенном контексте; что же до стратегии Чан Кайши, авторы отмечают лишь авторитарность



его правления. Классифицировать модернизацию Тайваня, определить векторы стратегии его развития на основе существующих работ не представляется возможным. Все это говорит о целесообразности новых идей и подходов к изучению модернизации в Тайване.

**Политическая обстановка  
в период разделения Китая  
и создания Китайской Республики – Тайвань**

В 1949 г. по завершении Второй мировой войны и антиколониальной борьбы с Японией Китайское государство разделилось на две части. Возникли коммунистическая Китайская Народная Республика и капиталистическая Китайская Республика – Тайвань. Между ними изначально сложились конфликтные отношения: обе китайские республики стремились к восстановлению территориальной целостности страны под своей эгидой, кроме того между ними пылал идеологический конфликт, разжигаемый в том числе союзниками.

Основным стратегическим партнером и союзником Тайваня стали США, которые рассматривали остров как главный плацдарм противостояния коммунизму в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Между Тайванем и США был установлен военный и финансово-экономический союз. Иная ситуация была в КНР. Советский Союз оказывал Китаю огромную помощь в создании государства, армии. Красноречивым свидетельством особых отношений стала передача всей советской разведывательной агентуры (до 1953 г.).

В 1958 г. произошел первый вооруженный конфликт. Войска КНР бомбардировали остров Цзиньмэнь и Моцзу. Ситуацию нейтрализовали США, которые выступили гарантом мира и в 60-е годы, когда КНР стала ядерной державой. А в 1966 г. США сдерживали уже президента Чан Кайши, когда Тайвань вынашивал план вторжения в КНР, используя политическую нестабильность в материковом Китае, недовольство населения и провал экономической политики Мао. Острые периоды напряженности были и впоследствии, однако к началу XXI в. военно-политическую конкуренцию сменила экономическая. Со стороны КНР даже поступило отвергнутое Тайванем предложение объединить страны на основе принципа «одна страна – две системы».

Есть все основания полагать, что именно всесторонняя поддержка со стороны сильнейшего государства мира позволила президенту Чан Кайши осуществить реформы авторитарными методами. Однако никакая внешняя поддержка не привела бы к подлинному чуду тайваньской модернизации, если бы не эффективная политика правительства, которому за весьма короткий период удалось модернизировать аграрную страну. Сегодня экономика

Тайвань представляет собой образец наукоемкого производства и современной сферы услуг.

В истории модернизации Тайваня выделяют три этапа: *I-й – переход от аграрной фазы к индустриальной (50–70-е годы – период правления президента Чан Кайши); II-й – индустриальный (70–80-е годы – начало демократических перемен при президенте Цзян Цзинго, сыне Чан Кайши); III-й – постиндустриальный (с начала нынешнего столетия – переход от авторитаризма к многопартийной политической системе).*

Чтобы проследить динамику условий трансформации аграрного государства в современное, каждый из этих этапов следует рассматривать по отдельности. В настоящей работе мы анализируем фундамент «тайваньского чуда» – реализацию стратегии первого президента страны Чан Кайши – стратегии на модернизацию государства, установление технократии в сочетании с авторитаризмом.

### **Стратегическое значение дихотомии «традиционное – современное» в основании государства Тайвань**

Пришедший к власти на Тайване 20 августа 1948 г. после гражданской войны в Китае Чан Кайши начал формировать новое государство почти на пустом месте. В наследство республике остались устаревшая инфраструктура, созданная японцами в период колонизации Китая, отсталые промышленность и сельское хозяйство, дефицит валютных ресурсов, массовая миграция на остров граждан КНР и дефицит продовольствия, ограниченные природные ресурсы, практически нулевой экспорт.

Итак, фундамент модернизации Чан Кайши закладывает в условиях, без преувеличения, тотального кризиса. Процессы перехода от аграрного уклада жизни к индустриальному проходили в условиях авторитаризма, так как вся власть была сосредоточена в руках Чан Кайши. Президент одновременно был и председателем Гоминьдана, единственной политической партии в стране, где в 1949 г. для «противостояния коммунистическому мятежу» было введено чрезвычайное положение (отменено только в 1987 г.).

Но как осуществить модернизацию в стране с отсталой экономикой, без соответствующих ресурсов и при отсутствии движущих сил западной модернизации – научного интеллектуального капитала и среднего класса?

Ответ на этот вопрос президент Чан Кайши нашел в стратегии на соединение позитивных традиций Китая и современных достижений развитых стран Запада и прежде всего США.

В этой отнюдь не простой стратегии фундаментальную роль выполнили две модели дихотомии «традиционное – современное» и соответствующие им механизмы заимствования и перенимания.

Матрицей первой модели была ориентация общества на сохранение национальных положительных традиций при сплочении индивидов вокруг идеи-цели создания современного государства. Для этого нужно было найти ценности, способствующие сохранению китайской специфики, и придать им новое содержание. И поскольку в отличие от Запада здесь не было своей эпохи Просвещения, а следовательно, общество не знало современные социокультурные традиции, то Чан Кайши выдвинул идею воспроизводства (сформулируем в терминах социокультурной методологии) *центральной зоны культуры конфуцианских ценностей, имеющих не мифологизированный, а рационально-конструктивный характер*. Господствовавшее в Китае более двух с половиной тысячелетий как во времена китайских императоров, так и в эпоху монгольских и маньчжурских завоевателей конфуцианство выполняло интегративную и мобилизационную функцию в обществе, что и требовалось на этом этапе истории. Необходимость воспроизводства конфуцианской системы ценностей диктовалась еще и тем, что она формировала национальные традиции и обычаи: прагматизм, справедливость, трудолюбие, самоактуализацию, уважение к власти, ответственность власти перед обществом, честность и т.д. – и все это было совершенно необходимо для создания современного государства. А выдвинутые президентом тезисы – «самоусиление китайской нации», «возрождение китайского общества», «единство народа» и его верности конфуцианским ценностям [1] – придали данным традициям новые импульсы.

Соединение заимствованных в прошлом положительных ценностей, традиций и обычаев с идеей-целью формирования современного государства образовало дихотомию «традиционное – современное», которая стала *содержательным ядром десакрализованного рационализма; именно это ядро стало государствообразующим для современной тайваньской нации*. Тем самым Чан Кайши решал две стратегические задачи. Первая – осуществить преобразования по принципу *модернизироваться, но не вестернизироваться*, т.е. не потерять коды национальной культуры. Вторая – обеспечить поддержку народа патерналистско-авторитарной форме правления. В связи с этим первую модель дихотомии можно считать синтезом конфуцианских ценностей и идеи-цели создания современного государства.

Вместе с тем для создания технологически развитого государства только идеи-цели недостаточно, нужны и механизмы заимствования положительной практики модернизации развитых стран мира.

Но как это сделать в стране, отстающей от Запада на несколько столетий, где нет собственных научных кадров, интеллектуального модернизационного капитала и технической базы?

Президент Чан Кайши и здесь нашел выход из безвыходной ситуации, а именно: внедрил *вторую модель дихотомии «традиционное – современное»* для заимствования относящейся ко II в. до н.э. положительной практики специальной подготовки чиновников, когда только успешно сдавший экзамен выпускник конфуцианской школы книжников мог занять государственную должность. Перед Чан Кайши стояла задача воспроизводства древнего государственного механизма в новых условиях и с учетом модернизационных требований. И поскольку культ знания, профессиональных навыков и компетентности и так был присущ китайскому обществу, то возрождение данной положительной практики автоматически вело к установлению технократии с перениманием модернизационных достижений других стран под контролем государства (в условиях тайваньского авторитаризма – под контролем президента).

Данную модель дихотомии можно назвать *конфуцианской моделью технократии*. Она опирается на два механизма: заимствование практики прошлого (школы книжников) и перенимание модернизационных стандартов других стран.

Впоследствии обе модели дихотомии создали сетевую структуру внутренней политики государства. Первая охватывала общество, а вторая – различные институты и политические процессы, формирующие технократическую форму государственного правления, реализуемого *патерналистско-авторитарными методами*.

И поскольку Чан Кайши создавал не мифологизированное коммунистическое государство, а страну с рыночной экономикой, сохраняющую позитивные и рациональные национальные традиции и обычаи, современную страну на фундаменте конфуцианства, то проводимую им политику правильно признать *политикой конфуцианского капитализма*.

### **Проблема рационального использования внешней помощи и модернизационных стандартов развитых стран мира**

Рациональное использование внешней поддержки президентом Чан Кайши было необходимо для создания стартовой позиции включения тайваньского общества в модернизационные процессы. Как мы уже отмечали, в стране был дефицит собственных научных кадров и модернизационных ресурсов.

Для решения этой проблемы в 1951 г. в США специально создали комитет для разработки *правительственной программы экономической поддержки Тайваня* (позднее, в 1963 г. переименован в Комитет международного экономического сотрудничества и развития). Из США в Тайвань были направлены высокопрофессиональные научные кадры, которые внедряли новшества и делились опытом модернизационного развития.

Вместе с тем успехи Тайваня нельзя связывать исключительно с поддержкой США. Без целенаправленной рациональной внутренней политики и опоры на общество никакая поддержка извне, а тем более зависимость от внешних факторов не даст нужные результаты, и Чан Кайши, безусловно, это прекрасно понимал. Формирование нового государства, накопление модернизационных образцов, интеллектуального капитала требовали создания условий прежде всего для развития самого общества, реализации способностей и талантов самих тайванцев.

Пригласив крупных технических специалистов (ученых и производственников) из-за рубежа, в том числе и китайцев, работающих в ведущих учреждениях США, Японии и стран Запада, и передавая им полномочия по созданию и внедрению новшеств, Чан Кайши запустил процессы модернизации, контроль за ходом которых сосредоточивался в руках профессионалов. Параллельно с этим Чан Кайши открывал новые институты, где преподавали как отечественные, так и зарубежные преподаватели. Он отправлял молодежь за границу для обучения, стажировки и прохождения производственной практики в ведущих институтах и на предприятиях развитых стран мира. Кроме того, Чан Кайши совершал и личные поездки в эти страны для посещения крупных фирм и образовательных учреждений, заключал с ними договора. Тем самым он лично был осведомлен о новых достижениях в сфере производства, науки, образования и техники, что позволяло ему ставить и решать задачи стратегического значения: повышать производственную способность страны, выпускать только конкурентоспособную продукцию. Ставка на заимствование новейших модернизационных достижений, воспитание и подготовку собственных кадров позволила существенно ускорить процессы модернизации и сократить отставание от Запада.

### **Механизмы внедрения технократического правления**

Итак, государственную политику модернизации страны президент Чан Кайши проводил 1) путем внедрения дихотомии «традиционное – современное», в основе которой были культурные коды тайваньского общества, 2) путем введения технократического управления.

Первостепенное значение придавалось развитию науки; ст. 164 Конституции 1947 г. отводит науке и культуре центральное место в жизни общества.

Созданная в 1928 г. в Китае академия Синика была в 1949 г. переведена на Тайвань. Ее руководителем был назначен приглашенный из США китайский ученый Ху Ши. Под его руководством разработан и внедрен план реформ в области науки и образования, направленных на улучшение качества образования, повышение квалификации преподавательского состава, внедрение новых дисциплин и отраслей науки. При этом особое внимание уделялось техническим, а не гуманитарным наукам (в условиях авторитаризма на первом месте стояли отнюдь не права человека, а государственные интересы), что нашло свое прямое выражение в создании наукоемких производств и технологий. Вместе с тем всемерная опора на науку повышала ценность научного подхода ко всем областям жизни общества и государства, и можно без преувеличения сказать, что научный подход стал кредо технократического правления страной. Вот что говорил по этому поводу сам Чан Кайши на X съезде Гоминьдановской партии в 1966 г.: *«Сегодня для достижения успеха в деле революции недостаточно одного энтузиазма, необходимо сделать рывок и догнать прогрессивные страны, из отстающих стать передовыми... необходимо использовать непрерывные исследования и современные знания – научные принципы и методы. Только обладая научными знаниями можно иметь готовый план... совершив революцию в научных знаниях можно достичь полного успеха»* [8, с. 40].

Технократическое правление на первое место выдвигало ученых и наделяло их особыми полномочиями. Ученых подключали к разработке, реализации и контролю над реализацией модернизационных проектов, их назначали на высшие государственные должности в правительстве, руководителями предприятий, научно-исследовательских институтов. Совмещение в лице ученого административных и научных функций было продиктовано тем, что только ученый может компетентно и ответственно применять научные разработки на практике, контролировать результаты этого применения и вносить необходимые коррективы.

На представителей науки были также возложены функции экспертов-советников в сферах технологий, производства, политики, экономики и т.д. По поручению президента ученые вошли в состав Комитета по международному экономическому сотрудничеству, они получили право принятия финансово-экономических решений государственного уровня, в том числе право вести переговоры, заключать договора с иностранными фирмами и учреждениями, экономическими донорами и т.д.

Экономическую политику Тайваня 1950–1960-х годов определяли такие крупные ученые, как Янь Цзягань, Ли Годин, Сунь Юньсюань, Юй Гохуа, Ян Цзицзен и др.

Все они имели западное образование технического и естественно-научного профиля, поддерживали рыночную экономику и до переезда на

Тайвань работали в крупных западных государственных учреждениях. Свои опыт и знания они применили в разработках проектов по восстановлению послевоенной экономики страны, созданию национального рынка и условий экономической стабильности, роста конкурентоспособности товаров и т.д. Названные ученые практически сыграли ту же роль в формировании рыночной экономики Тайваня, что и Адам Смит и Давид Рикардо на Западе.

Заложив основы технократического правления и подчинив реформы науке, первый президент страны дал старт институционализации модернизационного развития Тайваня, осуществляемого по принципу *вся власть специалистам*.

Технократическая политика свела к минимуму коррупцию, взяточничество, протекционизм. Страна уверенно взяла курс на превращение острова в аналог американской «Силиконовой долины» в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

#### **Специфика технократическо-авторитарного правления президента Чан Кайши: Доводы за и против**

Стратегию правления Чан Кайши, безусловно, можно называть феноменальной. Важнейшими достижениями этого высокоодаренного политика следует считать внедрение дихотомии «традиционное – современное», которая выполнила функцию защиты культурных кодов положительных национальных черт китайского общества: они стали и базисом, и мобилизационными импульсами национальной идеи тайваньского общества создать новое государство и провести кардинальные модернизационные перемены. Опора на конфуцианские ценности и воспроизводство практики конфуцианской школы книжников сделали национальную систему ценностей фундаментом модернизации, а саму модернизацию – ее надстройкой. Без такой дальновидной политики тайваньское общество могло раствориться в мировых глобальных процессах, а тайваньская государственность попросту не состояться.

Безусловно, примеры успешного применения дихотомии «традиционное – современное» есть и в других странах, например в Японии. Но в Японии такая стратегия проводилась японскими просветителями, тогда как в Тайване она исходила от лидера страны.

Следующая положительная сторона государственной политики – внедрение технократического правления, которое было необходимо, поскольку модернизационные преобразования без науки и профессиональных кадров не реализуемы.

Первенство науки в государстве способствовало превращению Тайваня в страну, производящую продукцию высоких технологий. Сформировался средний класс – технократы, разрабатывающие и производящие современные технологии, объекты и предметы модернизации.

Технократическая политика Чан Кайши решила следующие задачи: опорой модернизации стали профессионализм, компетентность, власть знающих, институционализация процессов перемен, ускорение темпов развития, выход на стартовую позицию для включения в глобализационные процессы, компетентность управления и ответственность политиков перед обществом за результаты своей деятельности.

Политика Чан Кайши была ориентирована на достижение важнейшей стратегической цели в среднесрочной перспективе – снижение зависимости развития Тайваня от внешних модернизационных факторов и превращение страны в равноправного партнера развитых стран на мировом рынке. Дальнейшие события подтвердили совпадения прогнозов и результатов почти во всех сферах развития тайваньского общества и государства.

Вместе с тем у политики Чан Кайши, как и любой другой политики, были и отрицательные стороны.

- Отсутствие первенства человеческого фактора в государстве; подчинение внутренней политики созданию производственной страны с наукоемкой технологией, что говорит об отклонении модернизации от социокультурного вектора.

- Авторитаризм правления (тезис президента о неготовности народа к демократии и свободе слова), что создает для будущего риски хаоса и дезорганизации.

- Запрет других политических партий, преследование инакомыслящих. При этом, по мнению ряда политологов, преследование инакомыслящих не было массовым и не сопровождалось жестокостью, поэтому Тайвань нельзя причислить к полицейским государствам.

- Подчинение модернизации ускоренному экономическому росту увеличивало дистанцию между богатыми и бедными слоями населения, при этом очевидно, что без накопления финансово-экономического капитала невозможно перейти к решению проблем социального обеспечения.

- Распределение основной части бюджетных доходов прежде всего на оборону, а не на социальные нужды.

- Внимание к точным наукам в ущерб гуманитарным, что ослабляет значение человеческого фактора в государстве.

- Отсутствие социализации, т.е. поэтапного перехода от традиционного общества к современному, к культуре гражданственности. Конфуцианские ценности при всей своей рациональности и конструктивности (они не были мифологизированы и не создавали факторов, препятствующих модернизации) не могут заменить универсальные права и свободы человека.

Выявление специфики правления президента Чан Кайши, положительных и отрицательных сторон его политики позволяет нам выделить некото-



рые признаки, отличающие модернизацию в странах Запада от модернизации в Тайване.

Модернизация на Западе не «спускалась» сверху, как в Тайване, а исходила от среднего класса.

Модернизации стран Запада предшествовала научная революция XVII в., давшая толчок технологической модернизации Великобритании и политической модернизации Франции. Чан Кайши был вынужден заимствовать готовые результаты модернизации, которые создавались веками. В основу своей политики ускоренного наверстывания упущенного он положил принцип *«идем в ногу со временем»*.

Отсюда следует, что модель модернизации Тайваня в целом можно назвать *инновационно-догоняющей*. По нашему мнению, у тайваньского общества, талантливого и целеустремленного, есть все предпосылки для трансформации данной модели модернизации в *инновационно-опережающую*.

\* \* \*

Проведенный анализ позволяет сделать некоторые выводы и предложить рекомендации для постсоветских обществ. Отметим прежде всего, что модернизацию обществ вовсе не обязательно проводить авторитарными методами. Важно обеспечить точное соответствие изменений социокультурному вектору. Особого внимания заслуживает заимствование механизмов дихотомии «традиционное – современное», которые выстраиваются на основе центральной зоны культуры общества. И поскольку каждый социум имеет свои ценности, традиции и обычаи, необходимо определить, какие из них стимулируют модернизацию, а какие препятствуют. Что препятствует модернизации, следует устранить или нейтрализовать, а что стимулирует – усилить. Чрезвычайно актуален перенос на почву постсоветских обществ ведущей и определяющей роли науки во всех аспектах модернизации и перенацеливание институтов на создание модернизированного государства. Здесь, разумеется, мы обращаем внимание только на формулирование главных задач. Их расширение и конкретизация для обществ постсоветского пространства требуют специальной разработки.

Подводя итог анализу правления первого президента Тайваня Чан Кайши, сделаем следующий вывод. Избранная им стратегия создала образцовый феномен модернизации и закладывания основ современного государства, аналогов которого не знает история человечества. Без сомнения, личность Чан Кайши и его подход к модернизации Тайваня, в котором отразился выдающийся талант к руководству государством в исключительно сложных условиях, требуют новых исследований.

### Библиография

1. Воронцов В.Б. Судьба «китайского Бонапарта». М.: Политиздат, 1989. 336 с.
2. Гудошников Л.М., Кокарев К.А. Политическая система Тайваня. М.: Издательства Российской академии наук, 1997. 147 с.
3. Деметрадзе М.Р. Центральная зона традиционных социокультурных ценностей как информационно-коммуникативный феномен. Новые подходы к изучению традиций и традиционализма (на примере России). Классификация традиционных ценностей. М.: ООО «НБ-Медиа», 2012. 122 с.
4. Иванов П.М. Формирование многопартийности на Тайване и Демократическая прогрессивная партия // Современный Тайвань: Сб. статей. Иркутск: Ин-т востоковедения РАН. 1994. 216 с.
5. Ларин А.Г. Два президента, или Путь Тайваня к демократии. М.: Academia, 2000. 192 с.
6. Ли Годин. Цишу гуаньляо юй тайваньдэ сяньдайхуа [Ли Годин. Технократы и модернизация Тайваня.] // Кэсюэ вэньхуа пинлунь [Обозреватель науки и культуры.] 2009. № 5. С. 102. URL: <http://wenku.baidu.com/view/938d1711fc4ffe473368abf0.html> (Дата обращения: 25.10.2017.)
7. Островский А.В. Проблемы модернизации Тайваня: Материалы научной конференции (декабрь 2000). М.: Памятники исторической мысли. 2001. С. 42–56.
8. Цзунтун Цзянгун сысян яньлунь цзунцзи [Собрание мыслей и выступлений президента генералиссимуса Чан Кайши.] Тайбэй, 1984. Т. 40. 248 с.
9. Bell D. The cultural contradictions of capitalism. New York: Basic books, 1976. 301 p.
10. Bendix R. Nation-Bulding and Citizenshif: Studies of Our Changing Social Order. New York: Wiley. 1964. 314 p.
11. Bleck C.E. The dynamics of modernization: A study in comparative history. New York: Harper & Row, 1966. 207 p.
12. Evans P.B. Predatory, Developmental, and Other Apparatuses: A Comparative Political Economy Perspective on the Third World State. Sociological Forum. 1989. N 4. Vol. 4. P. 561–587.
13. Inkeles A., Smith D.H. Becoming modem. Cambridge: Cambridge University Press, 1974. 437 p.
14. Johnson Ch. MITI and the Japanese Miracle: The Growth of Industrial Policy. 1925–1975. Stanford: Stanford University Press, 1982. 412 p.
15. Lerner D. The Passing of Traditional Society Modernizing the Middle East. New York; London: Free Press of Glencoe, 1964. 200 p.
16. Rostow W. The Stages of Economic Growth. A non-Communist Manifesto. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. 324 p.
17. Rokkan S., Eisenstadt S.N. Building states and nations: Models and data resources. Beverly Hills: Sage publications, 1973. Vol. 1. 506 p.
18. Tourine A. La societe post-industrielle. Paris: Editions Denoelle, 1974. 187 p.
19. Wallerstein I. The Modern World-System. New York; London: Academic Press. 1974. Vol. 3. 506 p.
20. Zapf W., Flora P. «Differences in Paths of Development: An Analysis for ten Countries» // Rokkan S., Eisenstadt S.N. Building states and nations: Models and data resources. Beverly Hills: Sage publications, 1973. Vol. 1. P. 161–211.

## References

- Bell D. The cultural contradictions of capitalism. New York: Basic books, 1976. 301 p.
- Bendix R. Nation-Building and Citizenship: Studies of Our Changing Social Order. New York: Wiley. 1964. 314 p.
- Bleck C.E. The dynamics of modernization: A study in comparative history. New York: Harper & Row, 1966. 207 p.
- Czuntun Czjangun sysjan jan'lun' czunczi [Sobranie myslej i vystuplenij prezidenta generalissimusa Chan Kajshi.] Tajbjej, 1984. Vol. 40. 248 p.
- Demetradze M.R. Central'naja zona tradicionnyh sociokul'turnyh cennostej kak informacionno-kommunikativnyj fenomen. Novye podhody k izucheniju tradicij i tradicionalizma (na primere Rossii). Klassifikacija tradicionnyh cennostej. Moscow: OOO «NB-Media», 2012. 122 p.
- Evans P.B. Predatory, Developmental, and Other Apparatuses: A Comparative Political Economy Perspective on the Third World State. Sociological Forum. 1989. N 4. Vol. 4. P. 561–587.
- Gudoshnikov L.M., Kokarev K.A. Politicheskaja sistema Tajvanja. Moscow: Izdatel'stva Rossijskoj Akademii Nauk, 1997. 147 p.
- Inkeles A., Smith D.H. Becoming modern. Cambridge: Cambridge University Press, 1974. 437 p.
- Ivanov P.M. Formirovanie mnogopartijnosti na Tajvane i Demokraticeskaja progressivnaja partija // Sovremennij Tajvan': Sb. statej. Irkutsk: In-t vostokovedenija RAN. 1994. 216 p.
- Johnson Ch. MITI and the Japanese Miracle: The Growth of Industrial Policy. 1925–1975. Stanford: Stanford University Press, 1982. 412 p.
- Larin A.G. Dva prezidenta ili Put' Tajvanja k demokratii. Moscow: Academia, 2000. 192 p.
- Lerner D. The Passing of Traditional Society Modernizing the Middle East. New York; London: Free Press of Glencoe, 1964. 200 p.
- Li Godin. Czishu guan'ljao juj tajvan'dje sjan'dajhua [Li Godin. Tehnokraty i modernizacija Tajvanja.] // Kjesjuje vjen'hua pinlun' [Obozrevatel' nauki i kul'tury.] 2009. N 5. P. 102. URL: <http://wenku.baidu.com/view/938d1711fc4ffe473368abf0.html> (Data obrashhenija: 25.10.2017.)
- Ostrovskij A.V. Problemy modernizacii Tajvanja: Materialy nauchnoj konferencii (dekabr' 2000). Moscow: Pamjatniki istoricheskoi mysli. 2001. P. 42–56.
- Rokkan S., Eisenstadt S.N. Building states and nations: Models and data resources. Beverly Hills: Sage publications, 1973. Vol. 1. 506 p.
- Rostow W. The Stages of Economic Growth. A non-Communist Manifesto. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. 324 p.
- Tourine A. La societe post-industrielle. Paris: Editions Denoelle, 1974. 187 p.
- Voroncov V.B. Sud'ba «kitajskogo Bonaparta». Moscow: Politizdat, 1989. 336 p.
- Wallerstein I. The Modern World-System. New York; London: Academic Press. 1974. Vol. 3. 506 p.
- Zapf W., Flora P. «Differences in Paths of Development: An Analysis for ten Countries» // Rokkan S., Eisenstadt S.N. Building states and nations: Models and data resources. Beverly Hills: Sage publications, 1973. Vol. 1. P. 161–211.

**Д.А. Добрынин**

**«МЕЖДУНАРОДНАЯ АМНИСТИЯ»  
И ЧЕХОСЛОВАЦКОЕ ПРАВОЗАЩИТНОЕ ДВИЖЕНИЕ 1977–1989 гг.**

*Аннотация.* В статье речь идет о правозащитном движении в Чехословакии конца 1970-х – конца 1980-х годов. Описываются судьбы чехословацких диссидентов, рассматриваются формы их деятельности. Анализируется роль правозащитной организации «Международная амнистия» в чехословацком диссидентском движении. Делается вывод о том, что чехословацкие власти рассматривали правозащитную деятельность как нарушение закона, которое могло угрожать социалистическому государству и обществу. А «Международная амнистия», поддерживая диссидентов, косвенно выступала против режима Коммунистической партии Чехословакии.

*Ключевые слова:* права человека, «Международная амнистия», Чехословакия, Хартия 77, «открытое общество», диссиденты.

Добрынин Дмитрий Александрович – аспирант  
исторического факультета Ярославского государственного  
университета им. П.Г. Демидова (ЯрГУ им. П.Г. Демидова).  
E-mail: mego\_krevedko@bk.ru

**D.A. Dobrynin. «Amnesty International» and the Czechoslovak Human Rights Movement 1977–1989**

*Abstract.* The article explores the human rights movement in Czechoslovakia in the late 1970s – 1980s and describes the fate of the Czechoslovak dissidents as well as discusses the forms of their activities. The role of the human rights organization Amnesty international in the Czechoslovak dissident movement is analyzed. It is argued that the Czechoslovak authorities considered human rights activities as a violation of the law, which, in their opinion, could threaten the socialist state and society. Amnesty international, supporting dissidents, indirectly opposed the regime of the Communist party of Czechoslovakia.

*Keywords:* human rights, Amnesty International, Czechoslovakia, Charter 77, open society, dissidents.

Dobrynin Dmitriy Alexandrovich – postgraduate student  
History Faculty, Yaroslavl State University (YSU).  
E-mail: mego\_krevedko@bk.ru

Литература по истории холодной войны обширна и многообразна. Среди специалистов достигнут консенсус по большинству проблем, считавшихся ранее дискуссионными. Вопросы, связанные с идеологическим противоборством, также подробно освещены современными авторами. Нельзя не упомянуть работы А.С. Маныкина, В.О. Печатнова, М.М. Наринского и др. [8; 9; 10]. Тем не менее этот период продолжает привлекать к себе внимание исследователей с точки зрения новых методологических и методических подходов. Особый интерес представляют вопросы, связанные с деятельностью неправительственных организаций и использованием «мягкой силы». В связи с этим представляется актуальным рассмотреть влияние «Международной амнистии» на ситуацию в социалистической Чехословакии. Обращение к этой стране обусловлено тем, что после подписания Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе возникшее в ЧССР правозащитное движение во многом стало направляющим вектором в процессе демократизации общества не только в этой стране, но и на всем «советском пространстве» Центральной и Восточной Европы. Истории возникновения правозащитного манифеста, получившего название Хартия 77, и развития основанного на его идеях правозащитного движения посвящен целый ряд исследований Э.Г. Задорожнюк и других авторов [3; 4; 5; 6].

В статье предпринята попытка на конкретных примерах проиллюстрировать деятельность правозащитников «Международной амнистии», направленную на поддержку подписантов Хартии 77. В основу методологического подхода исследования была положена концепция финской исследовательницы Пии Койвунен по изучению мягкой силы. Согласно предложенной концепции, основное внимание должно уделяться «малым акторам». Их воздействие рассматривается на нескольких уровнях. На микроуровне изучается взаимодействие между людьми (политзаключенными и правозащитниками), на промежуточном уровне – отношения «Международной амнистии» с диссидентскими организациями и властями. Следует отметить, что грань между микроуровнем и промежуточным далеко не всегда очевидна. На макроуровне отслеживается влияние «малых акторов» на ход холодной войны в целом или воздействие международных событий на характер взаимодействия низших уровней [30, р. 11–12].

### **Исторический контекст возникновения Хартии 77 и деятельности «Международной амнистии»**

Период, получивший в исторической литературе название «застой», характеризует нарастание негативных явлений в экономической, социальной и политической сферах жизни социалистических обществ. В 1970–1980 гг. произошли серьезные изменения, связанные с идеологией. Будучи официальной, она постепенно превращалась в набор авторитетных мнений, не подлежащих критике. Характерной ее чертой было неприятие некоторых гражданских и политических прав человека (право на свободу передвижения, слова, собраний, объединений и др.). С одной стороны, начавшаяся политика разрядки и углубление сотрудничества между Западом и Востоком требовали от социалистических лидеров более гибкой позиции в вопросе прав человека, с другой – их соблюдение угрожало режиму. В связи с этим представляется уместным вспомнить события августа 1969 г. в Чехословакии, когда в годовщину «Пражской весны» сторонники А. Дубчека начали кампанию по отправке писем в ООН с требованием возврата к многопартийности и проведения свободных выборов [4, с. 77]. Постепенно в сознании партийных элит формировалось представление о том, что любые реформы угрожают социализму. Поэтому закономерно и появление «доктрины ограниченного суверенитета», или «доктрины Брежнева», которая легитимизировала вмешательство Советского Союза в дела стран соцблока.

Ввод войск стран ОВД в Чехословакию в 1968 г. оказал значительное влияние на оппозиционное движение, представители которого разочаровались в идеалах социализма и искали новую идеологическую платформу. Она была найдена в гуманитарных положениях Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ). С середины 1970-х годов инакомыслящие стали объединяться вокруг идеи прав человека. Этот процесс завершился 6 января 1977 г., когда была опубликована Хартия 77, ставшая манифестом чехословацких правозащитников. В тексте документа констатировалось, что в стране не соблюдаются основные положения Пакта о гражданских и политических правах (1966) [7] и Хельсинкского Заключительного акта (1975) [2]. Право на свободу выражения, по мнению авторов документа, было «чисто иллюзорным», а свобода слова ограничивалась цензурой. Были отмечены многочисленные случаи вмешательства государственных органов в частную жизнь: прослушивание телефонов, вскрытие почтовых отправок, слежка за передвижением, формирование сети соседей-доносчиков. По сведениям авторов, власти страны оказывали давление на церковь; имели место многочисленные нарушения права на свободу совести [28]. Поэтому лица, подписавшие Хартию, объявили о создании свободного неформального открытого общества, основанного на принципе уважения прав человека [6,

с. 396]. Участники движения дистанцировались от политических вопросов, провозгласив в качестве своей основной задачи привлечение внимания к нарушениям прав человека.

Прослеживается преемственность между «Пражской весной» и возникшим правозащитным движением. Опубликование текста Хартии 77 6 января 1977 г. стало символическим актом: 5 января 1968 г. А. Дубчек был избран первым секретарем ЦК КПЧ. Лидерами чехословацкого правозащитного движения стали Ян Паточка, Вацлав Гавел, Иржи Гайек. Последний в 1968 г. занимал пост министра иностранных дел ЧССР. В августе 1968 г. он с трибуны ООН назвал действия войск стран ОВД «оккупацией», благодаря чему стал широко известен на родине. В. Гавел в 1968 г. был уволен из театра за политическую активность. Все это указывает на оппозиционность авторов документа, которая сохранялась и в 1970–1980 гг. Сложно говорить о непредвзятом отношении к режиму со стороны чехословацких правозащитников, страдавших от преследований в период «нормализации» (1968–1989). Да и само представление о первичности прав отдельного человека противоречило марксистско-ленинской трактовке прав человека и в перспективе подразумевало установление принципиально иной модели государственного устройства.

Чехословацкие диссиденты ориентировались на мировое правозащитное движение и рассчитывали на широкое внимание со стороны международных организаций и прессы. На январь 1978 г. была запланирована белградская встреча Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (далее – СБСЕ). Публикация текста Хартии 77 напрямую связана с тем, что правозащитная организация «Международная амнистия» объявила 1977 год Годом узников совести. Это было особенно важно, поскольку реакцией официальных властей на возникновение в стране правозащитного движения стали аресты подписантов. Как следствие, создались благоприятные условия для деятельности правозащитников.

Продвигая западную модель прав человека, для которой было характерно признание первичности индивидуальных прав над коллективными, «Международная амнистия» выступала в качестве инструмента мягкой силы. Ее деятельность таила в себе угрозы для существования социалистических режимов.

Можно сказать, что «Международная амнистия» занималась созданием фундамента будущей постсоциалистической демократии в Чехословакии. Но следует учитывать, что сами по себе действия этой организации не могли привести к крушению режима. В Чехословакии существовало множество нерешенных внутренних проблем, служивших главным источником общественного недовольства. Вместо их разрешения власти начали преследовать неугодных.

### **Реакция властей Чехословакии на Хартию 77 и первые шаги «Международной амнистии» (1977–1980)**

В январе 1977 г. генеральный прокурор ЧССР заявил о том, что в Хартии 77 содержатся призывы к «антиконституционной деятельности, подрывающей социалистический строй» [30, р. 2]. В. Гавел и несколько других активистов вскоре были арестованы. Уже к началу апреля 1977 г. почти каждый третий подписант был уволен с работы или обвинен в преступлениях против республики. Реакция «Международной амнистии» последовала незамедлительно. В марте 1977 г. был опубликован доклад о ситуации с правами человека в Чехословакии. По данным организации, за два месяца Хартию подписал 241 гражданин страны.

Особую обеспокоенность правозащитников вызвал тот факт, что диссиденты не могли апеллировать к международным институтам в области защиты прав человека. На начало 1977 г. ЧССР уже ратифицировала Международный пакт о гражданских и политических правах, Заключительный акт СБСЕ, но зачастую положения этих документов в стране не исполнялись. Чехословакия не присоединилась к Первому факультативному протоколу к Пакту о гражданских и политических правах<sup>1</sup>, поэтому граждане страны не могли обращаться в комитет ООН по правам человека. Все попытки расследовать случаи нарушения прав человека с привлечением международных институтов рассматривались правительством как вмешательство во внутренние дела.

Статьи Конституции ЧССР, касающиеся прав человека, в докладе «Международной амнистии» подвергались критическому анализу. Власти страны игнорировали обозначенные в основном законе страны положения, согласно которым граждане имели право на неприкосновенность жилища, свободу совести, могли свободно выражать свое мнение, участвовать в мирных собраниях, обращаться с петициями. Однако в своей деятельности правительство руководствовалось не конституцией, а набором партийных постановлений и ведомственных инструкций, зачастую противоречащих ей и нарушавших права человека.

В пресс-релизе за сентябрь 1977 г. «Международная амнистия» выразила глубокую обеспокоенность тем, что руководство ЧССР отказало в выдаче визы на въезд в страну британскому юристу Бернарду Симонсу, направленному в качестве наблюдателя на процесс по делу авторов Хартии 77 [15, р. 2].

---

*1. В Первом факультативном протоколе оговаривается механизм контроля над соблюдением положений Международного пакта о гражданских и политических правах. Созданный комитет по правам человека имел право принимать жалобы, касающиеся нарушений прав человека, только от граждан стран, ратифицировавших факультативный протокол [11].*



Несмотря на усилия правозащитников, Вацлав Гавел был приговорен условно к 14 месяцам заключения, при этом до марта 1978 г. он находился в тюрьме. После освобождения в апреле 1978 г. В. Гавел объявил о создании «Комитета защиты несправедливо преследуемых». В течение последующего года многие сторонники этой правозащитной организации были обвинены в попытке свержения существующего строя и арестованы.

Другой подписант Хартии 77 журналист Иржи Лидерер в 1977 г. был осужден на три года содержания под стражей. Суровость приговора объясняется тем, что во время «Пражской весны» И. Лидерер работал в журнале «Корреспондент», редакция которого поддержала реформаторский курс А. Дубчека [16, р. 1]. В этом случае кампания «Международной амнистии» оказалась безрезультатной. Журналист отбыл полный срок наказания, после чего был выслан в ФРГ, где впоследствии работал в правительственной Комиссии по правам человека в Восточной Европе.

«Международная амнистия» несколько раз публиковала сведения об арестах друга В. Гавела чешского поэта и музыканта Ивана Мартина Йируса<sup>2</sup>. Его обвиняли в преступлениях против социализма, поскольку он являлся подписантом Хартии 77 и был связан с запрещенной рок-группой «Пластиковые люди Вселенной» [17, р. 1]. В 1970–1980 гг. его несколько раз арестовывали, но под давлением правозащитников каждый раз досрочно освобождали.

В сентябре 1978 г. «Международная амнистия» опубликовала информацию о священнике евангелической церкви Яне Шимса. По данным полиции, в его квартире часто проводились собрания диссидентов и правозащитников. Они обсуждали Хартию 77, Международный акт о гражданских и политических правах, Заключительный акт СБСЕ и другие документы в области защиты прав человека. Во время обыска в квартире Я. Шимса полицейский попытался силой отобрать у его жены конверт с письмом от одного из лидеров правозащитного движения Чехословакии Яна Паточки, а священник попытался воспрепятствовать этому. За нападение на сотрудника полиции при исполнении служебных обязанностей он был приговорен к восьми месяцам ареста. В этом случае «Международной амнистии» не удалось добиться смягчения наказания.

В сентябре 1978 г. правозащитная организация распространила информацию о деле чешского писателя Иржи Груши. После «Пражской весны» он был исключен из союза писателей и распространял свои произведения через самиздат, в 1977 г. подписал Хартию. Поводом к его аресту стала публикация в Канаде романа «Вопросник», в котором изобличались пороки социализма

---

*2. Именно его арест и процесс по делу группы «Пластиковые люди Вселенной» в сентябре 1976 г. подвиг чехословацких диссидентов на создание текста Хартии 77 [1].*

в Чехословакии. 1 июня 1978 г. Иржи Груша был арестован по обвинению в «разжигании ненависти и подстрекательстве к враждебным действиям». Благодаря своей известности на Западе и публикации «Международной амнистии», в ноябре 1978 г. он был освобожден и вскоре иммигрировал в Канаду [18, р. 1].

С делом И. Груши был связан арест другого чешского диссидента, Павла Рубалы. Будучи инженером по образованию, он создал в своей квартире несколько печатных станков. В подпольной типографии печатались запрещенные книги, в том числе и роман «Вопросник». Подпольное издательство обнаружили во время массовых обысков в Праге накануне визита Л.И. Брежнева летом 1978 г. [32, р. 40]. П. Рубала был обвинен в подстрекательстве к враждебным действиям. В сентябре 1978 г. «Международная амнистия» признала его узником совести, и в ноябре он был освобожден, после чего продолжил заниматься самиздатом.

В декабре 1978 г. «Международная амнистия» объявила заключенными месяца чешского агронома Алеша Махачека и физика-ядерщика Владимира Лаштувку, подписавших Хартию 77, распространявших ее текст и запрещенные в Чехословакии книги. Ученые были осуждены на три с половиной года заключения по обвинению в подготовке мятежа [19, р. 5]. Благодаря публикациям в 1980 г. узники совести были освобождены. В дальнейшем власти Чехословакии всячески препятствовали возобновлению их научной деятельности. В 1980 г. А. Махачека выслали из страны, а В. Лаштувку вплоть до бархатной революции был вынужден работать кочегаром.

Серьезную озабоченность правозащитников вызвало дело рабочего Мирослава Черны. Его обвинили в подстрекательстве к враждебным действиям и приговорили к трем годам лишения свободы. В действительности М. Черны, распространяя листовки, открыто критиковал насильственные методы борьбы, которые власти применяли против подписантов Хартии 77. Тюремное заключение негативно отразилось на здоровье осужденного: на фоне физического и морального истощения участились приступы эпилепсии. Признав его узником совести, «Международная амнистия» объявила о начале кампании за его освобождение [20, р. 3]. Сведения о деле М. Черны в период с 1978 по 1981 г. публиковались 5 раз, однако добиться смягчения наказания не удалось.

Наступление на оппозицию и рост числа дел, в которых усилия правозащитников не приносили ожидаемых результатов, были связаны с кризисом разрядки. В сентябре 1979 г. по стране прошла волна обысков и арестов. В результате 11 католических священников были арестованы за производство и распространение религиозной литературы. Среди них был иезуит Рудольф Шмахель, который во время «Пражской весны» принимал активное участие в студенческих протестах против ввода войск стран Варшавского договора

и был лично знаком с Яном Палахом. Благодаря заметке в новостном письме «Международной амнистии» арестованных освободили на время следствия. В дальнейшем священники были приговорены к различным срокам тюремного заключения (от 20 месяцев до трех лет), поскольку так или иначе были связаны с событиями 1968 г., самиздатом и Хартией 77 [22, р. 4–5].

На рубеже 1970–1980 гг. власти продолжали вести борьбу против «Комитета защиты несправедливо преследуемых». 19 мая 1979 г. десять руководителей организации были вновь арестованы. «Международная амнистия» признала их узниками совести. После нескольких обращений активистов к руководителям ЧССР удалось добиться освобождения четверых задержанных. В октябре 1979 г. оставшиеся в заключении шесть членов «Комитета защиты несправедливо преследуемых» во главе с В. Гавелом были осуждены на срок до пяти лет по обвинению в подрывной деятельности. «Международная амнистия» незамедлительно признала их узниками совести, но попытки обжаловать приговор не увенчались успехом; уже в феврале 1980 г. в новостном письме организации констатировалось, что правительство ЧССР перестало реагировать на просьбы о помиловании подписантов Хартии 77 [23, р. 8]. Только в 1983 г., когда состояние здоровья В. Гавела, приговоренного к четырем с половиной годам тюрьмы, ухудшилось, его поместили под домашний арест.

С арестом руководства «Комитета несправедливо преследуемых» связан приговор по делу шахтера Вацлава Улмафа. Он самостоятельно изучал религиозную литературу и хотел связать свою жизнь со служением церкви. В декабре 1979 г. В. Улмаф направил знакомому британскому священнику письмо, в котором подверг критике приговор Вацлаву Гавелу и его сторонникам. 19 марта 1980 г. во время обыска в доме подозреваемого полиция обнаружила религиозные самиздатовские книги. В ходе следствия выяснилось, что В. Улмаф неоднократно отправлял письма в Министерство труда с требованием улучшить условия труда на шахте, а 25 декабря 1979 г., узнав о вводе советских войск в Афганистан, в присутствии других рабочих открыто осудил агрессивные, по его мнению, действия Советского Союза [24, р. 3]. В мае 1980 г. В. Улмаф был приговорен к трем годам лишения свободы. Для защиты руководителей «Комитета несправедливо преследуемых» и В. Улмафа в суде «Международная амнистия» направила своего наблюдателя австрийского адвоката Генри Гольдмана, который не был допущен в зал заседания. После вынесения приговора юрист остался в Чехословакии и занимался подготовкой апелляций. 20 декабря 1979 г. он был задержан, а затем выслан из страны. Власти Чехословакии объяснили свои действия тем, что иностранный адвокат вмешивался во внутренние дела страны [12, р. 260–264]. Сведения о деле В. Улмафа несколько раз публиковались в новостных письмах «Международной амнистии», но добиться его освобождения так и не удалось.

В своих публикациях правозащитники дважды обращали внимание на дело чешского писателя Яромира Савдры, признанного в августе 1979 г. виновным в распространении нелегальной литературы и приговоренного к двум с половиной годам лишения свободы. Я. Савдра работал в подпольной типографии «Навесной замок». В 1980 г. «Международная амнистия» признала его узником совести, но последовавшая кампания за его освобождение была безуспешной [12, р. 260–264]. После освобождения в 1981 г. писатель присоединился к Хартии 77 и уже в сентябре 1982 г. был вновь арестован по обвинению в подстрекательстве к враждебным действиям. В июле 1983 г. «Международная амнистия» объявила его заключенным месяца, однако и в этот раз добиться досрочного освобождения Я. Савдры не удалось [28, р. 3].

В конце 1970 г. благодаря публикациям «Международной амнистии» удалось добиться освобождения восьми наиболее известных политзаключенных. Тем не менее пять узников совести отбыли полный срок наказания. При этом нельзя сказать, что усилия правозащитников оказались напрасными. В любом случае распространение информации об арестах подписантов Хартии 77 позитивно отражалось на условиях содержания заключенных.

### **Узники совести 1980-х годов**

В январе 1980 г. «Международная амнистия» признала узником совести пражского адвоката Йозефа Даниша, защищавшего в судах борцов за права человека. Формально он был арестован за публичное оскорбление официальных лиц и государственных органов. Благодаря публикациям правозащитников в мае 1980 г. он был отпущен на свободу по случаю очередной годовщины освобождения Чехословакии от нацистов [30, р. 8].

Обеспокоенные мероприятиями по защите подписантов Хартии 77, власти страны попытались дискредитировать правозащитников. 25 июня 1980 г. в еженедельной газете Коммунистической партии Чехословакии «Трибуна» была опубликована статья, посвященная деятельности «Международной амнистии». В заметке утверждалось, что организация «сфокусировала всю свою деятельность на Советском Союзе и социалистических странах» [13, р. 8]. Особо отмечено, что «дискредитируя в глазах населения коммунистические и рабочие партии по заданию западных спецслужб, активисты организации вмешиваются во внутренние дела других государств» [13, р. 285]. 21 октября 1980 г. в редакцию газеты от имени «Международной амнистии» поступило ответное послание, в котором указывалось, что организация работает во многих странах мира по мандату ООН. Правозащитники обратились к главному редактору газеты с просьбой опубликовать опровержение, но реакции со стороны издания не последовало.

В начале 1981 г. «Международная амнистия» объявила узником совести Петра Цыбулку [13, р. 285], направленного на тяжелые работы, несмотря на его проблемы со здоровьем. В знак протеста против тяжелого труда и побоев заключенный объявил голодовку. В марте 1980 г. П. Цыбулку признали виновным в «воспрепятствовании цели содержания под стражей»: срок наказания увеличился на один год. В январе 1981 г. за оскорбление охранников срок был увеличен еще на десять месяцев [13, р. 288]. После очередной публикации «Международной амнистии» осужденный добился рассмотрения своей апелляции, и приговор был отменен 12 марта 1981 г. 16 марта 1981 г. исследовательское бюро организации направило президенту Чехословакии письмо, в котором приветствовало освобождение П. Цыбулки.

В марте 1981 г. в Праге и Братиславе были арестованы 30 сторонников Хартии 77. Во время расследования дела в мае 1981 г. на чехословацко-австрийской границе были задержаны два гражданина Франции, которые пытались провести в ЧССР запрещенные книги и журналы, а также печатный станок и валюту. Это стало поводом для обвинения чехословацких правозащитников в «подрывной деятельности, осуществляемой при поддержке других государств». Состав преступления относился к числу особо тяжких и влек за собой наказание до десяти лет лишения свободы. В мае 1981 г. «Международная амнистия» заявила о признании восьми наиболее известных правозащитников, арестованных по данному делу, узниками совести. В результате бывший министр иностранных дел Чехословакии Иржи Гайек был немедленно освобожден [14, р. 262].

В июне 1981 г. «Международная амнистия» объявила узником месяца 40-летнего инженера Петра Ула. Он участвовал в работе над текстом Хартии 77 и был одним из учредителей «Комитета несправедливо преследуемых». В октябре 1979 г. вновь арестован на пять лет. Правительство Чехословакии продолжало игнорировать публикации правозащитников. В 1984 г. власти Чехословакии начали вновь преследовать П. Ула после его освобождения (частые задержания, обыски).

В документах «Международной амнистии», касающихся Чехословакии, часто встречаются сведения об арестах священнослужителей, не желавших согласовывать свои действия с властями. Например, в апреле 1982 г. организация признала узниками совести Ярослава Дуку и Франтишека Лизну. Первый обвинялся в препятствовании государственному надзору в церкви и был приговорен в декабре 1981 г. к 15 месяцам заключения, второй – к 20 за нанесение ущерба интересам республики за рубежом, так как отправил письмо своей сестре, иммигрировавшей в Великобританию [25, р. 3]. В октябре 1982 г. благодаря деятельности «Международной амнистии» был досрочно освобожден Я. Дука. Ф. Лизна отбывал полный срок, а в конце 1982 г. приговор по его делу был вновь пересмотрен в сторону увеличения. В общей

сложности священник провел в заключении 27 месяцев и вышел на свободу только в июне 1983 г. Это объясняется тем, что в отличие от Я. Дуки Ф. Лизна подписал Хартию 77.

В 1984 г. «Международная амнистия» опубликовала сведения об аресте Иржи Вулфа, что вызвало большой общественный резонанс на Западе. В первый раз он попал в поле зрения правозащитной организации в 1978 г., когда был приговорен к трем годам заключения за распространение текста Хартии 77 [21, р. 2]. Как и во многих других случаях, добиться его досрочного освобождения тогда не удалось. 17 мая 1983 г. И. Вулф передал австрийскому послу в Праге сведения об условиях содержания политических заключенных в ЧССР. Через некоторое время эта информация была опубликована в ряде западных и чешских эмигрантских изданий. Правозащитник был немедленно арестован. 23 декабря 1983 г. приговорен к шести годам лишения свободы за «подрывную деятельность в сговоре с иностранными агентами». В мае 1984 г. «Международная амнистия» объявила о начале кампании в поддержку И. Вулфа, в которой принял участие американский конгрессмен Том Лантос. Однако власти Чехословакии не реагировали на призывы активистов организации [27, р. 2]. И. Вулф вышел на свободу уже во время Бархатной революции [29].

1986 год ознаменовался новыми арестами инакомыслящих в Чехословакии. В апреле был задержан по обвинению в подстрекательстве и распространении запрещенной литературы Герман Хромой. Поводом к этому стало направленное им президенту страны письмо с критикой внутренней и внешней политики социалистических стран. В ходе следствия выяснилось, что Г. Хромой подписал Хартию 77 и часто слушал «Голос Америки». «Международной амнистии» не удалось добиться его освобождения. Диссидент вышел на свободу после отбытия двухлетнего срока в 1988 г. Аналогичное наказание было назначено Ярославу Швестке за цитирование произведений Д. Оруэлла. Спецслужбы обнаружили в его переписке сравнение ситуации в ЧССР с романом «1984». Отягчающим обстоятельством стало то, что адресат этого письма проживал в ФРГ. Я. Швестка был приговорен к трем годам лишения свободы, однако, благодаря публикации «Международной амнистии», срок наказания был уменьшен до одного года.

В 1988 г. «Международной амнистии» удалось добиться досрочного освобождения Петра Пошпишара, которому грозил немалый срок, поскольку у следствия имелись доказательства его связи с Хартией 77 и «Комитетом несправедливо преследуемых». Вдобавок к этому, в его доме была обнаружена переписка со сторонниками польского профсоюза «Солидарность» и картины запрещенных художников. Благодаря вмешательству «Международной амнистии» дело П. Пошпишара даже не попало в суд. Диссидент был отпущен, а его преследование было прекращено.

Упомянутый выше список дел, в которых участвовали активисты «Международной амнистии», безусловно, не исчерпывающий, но уже на его примере можно сделать некоторые выводы о действенном влиянии этой правозащитной организации в ЧССР. Например о том, что в обозначенный период примерно в половине резонансных дел правозащитникам удавалось добиться досрочного освобождения узников совести. При этом следует подчеркнуть, что вокруг Хартии 77 сплотились люди разных возрастов, убеждений и профессий, что не позволяет их свести к единому социальному портрету «чехословацкого узника совести 1977–1989 гг.».

В качестве общего заключения отметим следующее. Возникновение чехословацкого правозащитного движения было одним из следствий «Пражской весны» и одной из форм протеста против ее подавления. Многие участники событий 1968 г. и лица, им симпатизировавшие, подписали Хартию 77. Опубликование текста документа было приурочено к «Году узников совести», объявленному «Международной амнистией». Сопричастность мировому правозащитному движению и идеологический нейтралитет, провозглашенные чехословацкими правозащитниками, предопределили широкую информационную поддержку «открытого общества» со стороны правозащитной организации, что было особенно важно в условиях начавшихся преследований чехословацких борцов за права человека. В период холодной войны и существования «доктрины Брежнева» правительство ЧССР не могло действовать иначе, поскольку для устранения причин возникновения правозащитного движения нужно было пойти на уступки в идеологическом плане, что было чревато серьезными последствиями.

«Открытое общество» стало полноценной структурой гражданского общества, которая постепенно отнимала у Коммунистической партии Чехословакии властные полномочия и моральный авторитет. Мероприятия «Международной амнистии» зачастую не приносили ожидаемых результатов. Во многих случаях правозащитникам не удавалось повлиять на судьбу узников совести. Это было обусловлено несколькими причинами. Во-первых, ситуация в области защиты прав человека начала стремительно ухудшаться после «Пражской весны» 1968 г., хотя в начале 1960-х годов уровень личной свободы в Чехословакии был едва ли не самым высоким среди социалистических стран. По этому показателю страна уступала только Польше. Во-вторых, усиление борьбы с подписантами Хартии 77 и невосприимчивость властей к замечаниям со стороны «Международной амнистии» были связаны с кризисом разрядки второй половины 1970-х годов и обострением международной напряженности в первой половине 1980-х годов.

Между тем нельзя сказать, что усилия «Международной амнистии» были напрасными. Публикации о преследованиях инакомыслящих стали «невидимым щитом», не позволявшим властям страны эффективно противостоять

растущему влиянию диссидентов. Внимание мирового правозащитного движения в тот момент было приковано к нарушениям гражданских и политических прав, составлявших основу западной идеологии и мягкой силы. Следовательно, гуманитарная деятельность организации являлась одним из инструментов, способствовавших реализации интересов западных стран в социалистическом мире. К концу холодной войны в Чехословакии сложилась парадоксальная ситуация: в стране существовало две власти. Коммунистическая партия утрачивала поддержку, но располагала обширной сетью силовых структур, подписанты Хартии 77 пользовались безусловным моральным авторитетом и оказывали огромное влияние на общество.

Многие узники совести, о которых говорилось выше, после Бархатной революции заняли высокие посты в сфере государственного управления. Так, идеолог правозащитного движения В. Гавел до Бархатного развода (1993) был президентом Чехословакии, а после него – Чехии. Бывший министр иностранных дел Чехословакии Иржи Хайек с 1990 по 1992 г. был советником председателя Федерального собрания А. Дубчека. Писатель Иржи Груша с 1990 г. являлся послом Чехословакии в ФРГ, с 1997 г. – министром образования Чехии, а в период с 1998 по 2004 г. был послом в Австрии. Петр Цыбулка в 2000 г. возглавил партию «Правый блок» и неоднократно участвовал в муниципальных и европейских выборах. Петр Ул в 1990–1992 гг. был депутатом Федерального собрания, с 1993 г. возглавлял комиссию по правам человека, с 2004 по 2007 г. – депутатом Европарламента от партии «Зеленых». Таким образом, можно констатировать, что в рамках правозащитного движения при поддержке «Международной амнистии» сформировалась группа политических деятелей, ориентированных на построение демократии по западному образцу.

### Библиография

1. Добрынин Д.А. Иван Мартин Йирус – лидер чехословацкой культурной оппозиции // Герои и антигерои в мировой истории: Сб. статей участников Всероссийской научной конференции 9 июня 2017 г. Ярославль: Филигрань, 2017. С. 279–284.
2. Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Хельсинки, 1975. 59 с. // ОБСЕ: Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://www.osce.org/ru/mc/39505?download=true> (Дата обращения: 11.10.2017.)
3. Задорожнюк Э.Г. Вацлав Гавел – от диссидентства к президентству // Свободная мысль. 2010. № 12 (1619). С. 163–176.
4. Задорожнюк Э.Г. От крушения «Пражской весны» к триумфу Бархатной революции (август 1968 г. – ноябрь 1989 г). М.: Индрик, 2008. 440 с.
5. Задорожнюк Э.Г. Хартия 77 и концепция «параллельного общества» в Чехословакии // Новая и новейшая история. 2008. № 5. С. 84–98.
6. Задорожнюк Э.Г. «Режим нормализации» в Чехословакии и феномен «параллельного общества» // Власть и общество: Непростые взаимоотношения (Страны Центральной и Юго-Восточной Европы в XX веке). М.: Институт славяноведения РАН, 2008. С. 390–421.



7. Международный пакт о гражданских и политических правах. Принят резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 16 декабря 1966 г. // ООН: Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: [http://www.un.org/ru/documents/decl\\_conv/conventions/pactpol.shtml](http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml) (Дата обращения: 11.10.2017.)
8. Наринский М.М., Новиков Г.Н. Вопросы истории холодной войны: Сб. статей. М.: МГИМО, 2001. 113 с.
9. Основы общей теории международных отношений. М.: МГУ, 2009. 592 с.
10. Печатнов В.О. «Стрельба холостыми»: Советская пропаганда на Запад в начале холодной войны (1945–1947) // Сталинское десятилетие холодной войны. Факты и гипотезы. М.: Наука, 1999. С. 108–133.
11. Факультативный протокол к Международному пакту о гражданских и политических правах. Принят резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 16 декабря 1966 г. // ООН: Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: [http://www.un.org/ru/documents/decl\\_conv/conventions/pactpro1.shtml](http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpro1.shtml) (Дата обращения: 11.10.2017.)
12. Amnesty International Report. 1980. London: Amnesty International Publications, 1980. 409 p. // Amnesty International: Official Website [Электронный ресурс]. URL: <https://www.amnesty.org/en/documents/pol10/0003/1980/en/> (Дата обращения: 21.09.2016.)
13. Amnesty International Report. 1981. London: Amnesty International Publications, 1981. 427 p. // Amnesty International: Official Website [Электронный ресурс]. URL: <https://www.amnesty.org/en/documents/pol10/0001/1981/en/> (Дата обращения: 21.09.2016.)
14. Amnesty International Annual Report. 1982. London: Amnesty International Publications, 1982. 367 p. // Amnesty International: Official Website [Электронный ресурс]. URL: <https://www.amnesty.org/en/documents/pol10/0004/1982/en/> (Дата обращения: 21.09.2016.)
15. Amnesty International Newsletter. 1977. Sept. Vol. VII. N 9 // Amnesty International: Official Website [Электронный ресурс]. URL: <https://www.amnesty.org/en/documents/nws21/009/1977/en/> (Дата обращения: 28.09.2017.)
16. Amnesty International Newsletter. 1978. April. Vol. VIII. N 4 // Amnesty International: Official Website [Электронный ресурс]. URL: <https://www.amnesty.org/en/documents/nws21/004/1978/en/> (Дата обращения: 21.09.2016.)
17. Amnesty International Newsletter. 1978. June. Vol. VIII. N 6 // Amnesty International: Official Website [Электронный ресурс]. URL: <https://www.amnesty.org/en/documents/nws21/006/1978/en/> (Дата обращения: 21.09.2016.)
18. Amnesty International Newsletter. 1978. Sept. Vol. VIII. N 9 // Amnesty International: Official Website [Электронный ресурс]. URL: <https://www.amnesty.org/en/documents/nws21/009/1978/en/> (Дата обращения: 21.09.2016.)
19. Amnesty International Newsletter. 1978. Dec. Vol. VIII. N 12 // Amnesty International: Official Website [Электронный ресурс]. URL: <https://www.amnesty.org/en/documents/nws21/012/1978/en/> (Дата обращения: 21.09.2016.)
20. Amnesty International Newsletter. 1979. Feb. Vol. IX. N 2 // Amnesty International: Official Website [Электронный ресурс]. URL: <https://www.amnesty.org/en/documents/nws21/002/1979/en/> (Дата обращения: 21.09.2016.)
21. Amnesty International Newsletter. 1979. Jan. Vol. IX. N 1 // Amnesty International: Official Website [Электронный ресурс]. URL: <https://www.amnesty.org/en/documents/nws21/001/1979/en/> (Дата обращения: 21.09.2016.)
22. Amnesty International Newsletter. 1982. Aug. Vol. XII. N 8 // Amnesty International: Official Website [Электронный ресурс]. URL: <https://www.amnesty.org/en/documents/nws21/008/1982/en/> (Дата обращения: 21.09.2016.)

23. Amnesty International Newsletter. 1980. Dec. Vol. X. N 2 // Amnesty International: Official Website [Электронный ресурс]. URL: <https://www.amnesty.org/en/documents/nws21/012/1980/en/> (Дата обращения: 21.09.2016.)
24. Amnesty International Newsletter. 1981. Feb. Vol. XI. N 2 // Amnesty International: Official Website [Электронный ресурс]. URL: <https://www.amnesty.org/en/documents/nws21/002/1981/en/> (Дата обращения: 21.09.2016.)
25. Amnesty International Newsletter. 1982. April. Vol. XII. N 4 // Amnesty International: Official Website [Электронный ресурс]. URL: <https://www.amnesty.org/en/documents/nws21/004/1982/en/> (Дата обращения: 21.09.2016.)
26. Amnesty International Newsletter. 1983. July. Vol. XIII. N 7 // Amnesty International: Official Website [Электронный ресурс]. URL: <https://www.amnesty.org/en/documents/nws21/007/1983/en/> (Дата обращения: 21.09.2016.)
27. Amnesty International Newsletter. 1984. May. Vol. XIV. N 5 // Amnesty International: Official Website [Электронный ресурс]. URL: <https://www.amnesty.org/en/documents/nws21/005/1984/en/> (Дата обращения: 21.09.2016.)
28. Charter-77 // The Freedom Collection: Official Website [Электронный ресурс]. URL: [http://www.freedomcollection.org/artifacts/files/vaclav\\_charter77small.pdf](http://www.freedomcollection.org/artifacts/files/vaclav_charter77small.pdf) (Дата обращения 20.07.2017.)
29. Czech Dissident Havel Freed, Vows to Speak Out // Los Angeles Times. 1989. May 18. URL: [http://articles.latimes.com/1989-05-18/news/mn-349\\_1\\_vaclav-havel-dissident-czechoslovak-authorities](http://articles.latimes.com/1989-05-18/news/mn-349_1_vaclav-havel-dissident-czechoslovak-authorities) (Дата обращения: 3.10.2017.)
30. Czechoslovakia: Amnesty International Briefing. 1981. 24 p. Amnesty International: Official Website [Электронный ресурс]. URL: <https://www.amnesty.org/en/documents/eur16/009/1981/en/> (Дата обращения: 21.09.2016.)
31. Koivunen P. Performing Peace and Friendship. The Soviet Youth Festival as a Tool of Soviet Cultural Diplomacy. Tampere: University of Tampere, 2013. 372 p.
32. Návštěva genseka // Paměť a Dějiny. 2013. N 1. P. 36–46.

### References

- Amnesty International Annual Report. 1982. London: Amnesty International Publications, 1982. 367 p. // Amnesty International: Official Website [Электронный ресурс]. URL: <https://www.amnesty.org/en/documents/pol10/0004/1982/en/> (Дата обращения: 21.09.2016.)
- Amnesty International Newsletter. 1977. Sept. Vol. VII. N 9 // Amnesty International: Official Website [Электронный ресурс]. URL: <https://www.amnesty.org/en/documents/nws21/009/1977/en/> (Дата обращения: 28.09.2017.)
- Amnesty International Newsletter. 1978. April. Vol. VIII. N 4 // Amnesty International: Official Website [Электронный ресурс]. URL: <https://www.amnesty.org/en/documents/nws21/004/1978/en/> (Дата обращения: 21.09.2016.)
- Amnesty International Newsletter. 1978. Dec. Vol. VIII. N 12 // Amnesty International: Official Website [Электронный ресурс]. URL: <https://www.amnesty.org/en/documents/nws21/012/1978/en/> (Дата обращения: 21.09.2016.)
- Amnesty International Newsletter. 1978. June. Vol. VIII. N 6 // Amnesty International: Official Website [Электронный ресурс]. URL: <https://www.amnesty.org/en/documents/nws21/006/1978/en/> (Дата обращения: 21.09.2016.)
- Amnesty International Newsletter. 1978. Sept. Vol. VIII. N 9 // Amnesty International: Official Website [Электронный ресурс]. URL: <https://www.amnesty.org/en/documents/nws21/009/1978/en/> (Дата обращения: 21.09.2016.)

Amnesty International Newsletter. 1979. Feb. Vol. IX. N 2 // Amnesty International: Official Website [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.amnesty.org/en/documents/nws21/002/1979/en/> (Data obrashhenija: 21.09.2016.)

Amnesty International Newsletter. 1979. Jan. Vol. IX. N 1 // Amnesty International: Official Website [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.amnesty.org/en/documents/nws21/001/1979/en/> (Data obrashhenija: 21.09.2016.)

Amnesty International Newsletter. 1980. Dec. Vol. X. N 2 // Amnesty International: Official Website [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.amnesty.org/en/documents/nws21/012/1980/en/> (Data obrashhenija: 21.09.2016.)

Amnesty International Newsletter. 1981. Feb. Vol. XI. N 2 // Amnesty International: Official Website [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.amnesty.org/en/documents/nws21/002/1981/en/> (Дата обращения: 21.09.2016.)

Amnesty International Newsletter. 1982. April. Vol. XII. N 4 // Amnesty International: Official Website [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.amnesty.org/en/documents/nws21/004/1982/en/> (Data obrashhenija: 21.09.2016.)

Amnesty International Newsletter. 1982. Aug. Vol. XII. N 8 // Amnesty International: Official Website [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.amnesty.org/en/documents/nws21/008/1982/en/> (Data obrashhenija: 21.09.2016.)

Amnesty International Newsletter. 1983. July. Vol. XIII. N 7 // Amnesty International: Official Website [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.amnesty.org/en/documents/nws21/007/1983/en/> (Data obrashhenija: 21.09.2016.)

Amnesty International Newsletter. 1984. May. Vol. XIV. N 5 // Amnesty International: Official Website [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.amnesty.org/en/documents/nws21/005/1984/en/> (Data obrashhenija: 21.09.2016.)

Amnesty International Report. 1980. London: Amnesty International Publications, 1980. 409 p. // Amnesty International: Official Website [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.amnesty.org/en/documents/pol10/0003/1980/en/> (Data obrashhenija: 21.09.2016.)

Amnesty International Report. 1981. London: Amnesty International Publications, 1981. 427 p. // Amnesty International: Official Website [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.amnesty.org/en/documents/pol10/0001/1981/en/> (Data obrashhenija: 21.09.2016.)

Charter-77 // The Freedom Collection: Official Website [Elektronnyj resurs]. URL: [http://www.freedomcollection.org/artifacts/files/vaclav\\_charter77small.pdf](http://www.freedomcollection.org/artifacts/files/vaclav_charter77small.pdf) (Data obrashhenija: 20.07.2017.)

Czech Dissident Havel Freed, Vows to Speak Out // Los Angeles Times. 1989. May 18. URL: [http://articles.latimes.com/1989-05-18/news/mn-349\\_1\\_vaclav-havel-dissident-czechoslovak-authorities](http://articles.latimes.com/1989-05-18/news/mn-349_1_vaclav-havel-dissident-czechoslovak-authorities) (Data obrashhenija: 3.10.2017.)

Czechoslovakia: Amnesty International Briefing. 1981. 24 p. Amnesty International: Official Website [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.amnesty.org/en/documents/eur16/009/1981/en/> (Data obrashhenija: 21.09.2016.)

Dobrynin D.A. Ivan Martin Jirus – lider chehoslovackoj kul'turnoj oppozicii // Geroi i antigeri v mirovoj istorii: Sb. statej uchastnikov Vserossijskoj nauchnoj konferencii 9 ijunja 2017 g. Jaroslavl': Filigran', 2017. P 279–284.

Fakul'tativnyj protokol k Mezhdunarodnomu paktu o grazhdanskih i politicheskikh pravah. Prinjat rezoluciej General'noj Assamblei UN 16 dekabnja 1966 g. // UN: Official Website [Elektronnyj resurs]. URL: [http://www.un.org/ru/documents/decl\\_conv/conventions/pactpro1.shtml](http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpro1.shtml) (Data obrashhenija: 11.10.2017.)

Koivunen P. Performing Peace and Friendship. The Soviet Youth Festival as a Tool of Soviet Cultural Diplomacy. Tampere: University of Tampere, 2013. 372 p.

Mezhdunarodnyj pakt o grazhdanskih i politicheskikh pravah. Prinjat rezoljuciej General'noj Assamblei OON 16 dekabrya 1966 g. // UN: Official Website [Elektronnyj resurs]. URL: [http://www.un.org/ru/documents/decl\\_conv/conventions/pactpol.shtml](http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml) (Data obrashhenija: 11.10.2017.)

Narinskij M.M., Novikov G.N. Voprosy istorii holodnoj vojny: Sb. statej. Moscow: MGIMO, 2001. 113 p.

Návštěva genseka // Pamět' a Dějiny. 2013. N 1. P. 36–46.

Osnovy obshhej teorii mezhdunarodnyh otnoshenij. Moscow: MGU, 2009. 592 p.

Pechatnov V.O. «Strel'ba holostymi»: Sovetskaja propaganda na Zapad v nachale holodnoj vojny (1945–1947) // Stalinskoe desjatiletie holodnoj vojny. Fakty i gipotezy. Moscow: Nauka, 1999. P. 108–133.

Zadorozhnjuk Je.G. «Rezhim normalizacii» v Chechoslovakii i fenomen «parallel'nogo obshhestva» // Vlast' i obshhestvo: neproste vzaimootnoshenija (Strany Central'noj i Jugo-Vostochnoj Evropy v XX veke). Moscow: Institut slavjanovedenija RAN, 2008. S. 390–421.

Zadorozhnjuk Je.G. Hartija 77 i koncepcija «parallel'nogo obshhestva» v Chechoslovakii // Novaja i novejsaja istorija. 2008. N 5. P. 84–98.

Zadorozhnjuk Je.G. Ot krushenija «Prazhskoj vesny» k triumfu Barhatnoj revoljucii (avgust 1968 g. – nojabr' 1989 g). Moscow: Indrik, 2008. 440 p.

Zadorozhnjuk Je.G. Vaclav Gavel – ot dissidentstva k prezidentstvu // Svobodnaja mysl'. 2010. N 12 (1619). P. 163–176.

Zakljuchitel'nyj akt Soveshhanija po bezopasnosti i sotrudnichestvu v Evrope. Hel'sinki, 1975. 59 p. // OSCE: Official Website [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.osce.org/ru/mc/39505?download=true> (Data obrashhenija: 11.10.2017.)

**И.О. Зайцев**

**РОССИЙСКАЯ ИНФОРМАЦИОННАЯ КАМПАНИЯ  
В ПЕРИОД ВООРУЖЕННОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ  
НА ВОСТОКЕ УКРАИНЫ В 2014–2015 гг.**

***Аннотация.** Статья посвящена информационной кампании, проведенной в России в 2014–2015 гг., в период вооруженного противостояния на Юго-Востоке Украины. По итогам исследования делается вывод о крупных масштабах кампании, ее высокой эффективности и заметном влиянии отечественных коммуникаций на повестку дня в западных странах.*

***Ключевые слова:** информационная кампания, активная фаза, информационно-политические технологии, коммуникации.*

Зайцев Игорь Олегович – историк,  
соискатель степени кандидата политических наук,  
МГУ им. Ломоносова, исторический факультет, Москва.  
E-mail: ingvanir@gmail.com

**I.O. Zaytsev. The Russian Information Campaign During the Armed  
Confrontation in the South-East of Ukraine in 2014–2015**

***Abstract.** The article highlights an information campaign conducted in Russia in 2014–2015 during the armed confrontation in the South-East of Ukraine. Shown is the large scale of the campaign, its high efficiency and the noticeable influence of domestic communications on the agenda in Western countries.*

***Keywords:** informational campaign, active phase, information-political technologies, communications.*

Zaytsev Igor Olegovich – historian, graduate student,  
Lomonosov Moscow State University, Moscow.  
E-mail: ingvanir@gmail.com

События на Украине, начавшиеся в конце 2013 г., оказали определяющее влияние на становление современного украинского политического режима,

имели важное значение для внутривнутриполитической жизни в России и эволюции международных отношений. Вспыхнувшие в Киеве протесты сторонников европейской интеграции привели к отстранению от власти президента Януковича, установление нового режима вызвало протесты в Крыму и на Юго-Востоке Украины. В результате Крым вошел в состав России, а на Донбассе начались боевые действия. Россия оказывала поддержку самопровозглашенным республикам ДНР и ЛНР. Ситуация вокруг Украины привела к серьезному напряжению в международных отношениях.

С началом конфликта российская информационная политика во внешних и внутренних коммуникациях претерпела значительные изменения. В стране была проведена крупномасштабная кампания в поддержку позиции России. При исследовании информационных кампаний могут возникать трудности с определением их временных рамок. После завершения кампании свойственные ей сообщения нередко продолжают появляться в информационном поле. Поэтому мы вводим понятия *активная фаза* и *инерционная фаза* информационной кампании. *Активная фаза представляет собой координированное информационное воздействие посредством максимального количества доступных каналов. Инерционная фаза вступает в силу после завершения активной и представляет собой отдельные сообщения по ряду каналов, характерные для активной фазы, но не создающие массивного информационного потока.* Вследствие особенностей развития информационного поля на современном этапе различные СМИ (в том числе независимые) и лидеры мнений вынуждены реагировать на громкие инфоповоды (например, события внутренней и внешней политики), вокруг которых строятся информационные кампании, а после завершения кампаний продолжение свойственных ей сообщений способствует привлечению внимания аудитории, так как поднимаемые темы во время активной фазы вызвали всеобщий ажиотаж.

Новая российская информационная политика оказалась высокоэффективной. Показателем этого является рост одобрения президента, правительства и Госдумы в период проведения активной фазы кампании. Согласно данным социологических опросов, подготовленных «Левада-Центром», рейтинг одобрения В. Путина в феврале 2014 г. составлял 69%, в марте того же года вырос до 80 и до сентября 2015 г. колебался в пределах 80–89%. Рейтинг одобрения правительства России в феврале 2014 г. составлял 47%, в марте вырос до 58, до сентября 2015 г. колебался в пределах 54–66%. Рейтинг одобрения Госдумы в феврале 2014 г. составлял 39%, в марте вырос до 51, до сентября 2015 г. колебался в пределах 48–58% [12].

Об эффективности внешней информационной политики говорит реакция, последовавшая в западных странах на внешние и частично внутренние российские коммуникации времен описываемых событий. Так, бывший президент США Б. Обама, выступая перед выпускниками военной академии Вест-

Пойнт в мае 2014 г., обозначил «российскую пропаганду» в качестве фактора, которому противодействовала консолидация мирового сообщества [24]. Заместитель помощника госсекретаря США по делам Европы и Евразии Б. Зифф заявил в ноябре 2015 г., что Обама запросил увеличение на 26% финансирования поддержки независимых СМИ и гражданского общества в странах, наиболее уязвимых для российского информационного воздействия [23]. В 2015 г. был опубликован доклад западных исследователей М. Вайса и П. Померанцева, посвященный применению российскими акторами информационно-политических технологий [15]. В марте 2016 г. сенаторы Р. Портман и К. Мерфи разработали проект закона о защите США и их союзников от пропагандистского воздействия России, Китая и других стран [9]. Осмыслению применяемых Россией информационно-политических технологий было посвящено большое количество статей в отечественной и зарубежной прессе [7]. Летом 2016 г. западные аналитические организации «Центр анализа европейской политики» (СЕРА) и «Legatum Institute» опубликовали исследование Э. Лукаса и П. Померанцева под названием «Побеждая в информационной войне» [22], посвященное стратегии противодействия России в информационном поле, и т.д. Таким образом, использование российскими властями определенных информационно-политических технологий в ходе украинского кризиса обсуждалось на международном уровне и даже стало причиной появления в западных странах законодательных инициатив. Подобное внимание к отечественным коммуникациям возникло впервые в истории постсоветской России.

Беспорядки в Киеве освещались российскими СМИ на всем их протяжении. Первоначально, в ноябре 2013 г., в качестве главного объяснения происходящих событий использовались экономические интересы [18]. С начала декабря 2013 г., после произошедших столкновений демонстрантов с силами правопорядка, ситуация стала меняться, и акценты стали смещаться в сторону вмешательства западных стран в украинскую ситуацию [20]. Журналисты Первого канала, НТВ, «России 24» и «Комсомольской правды», освещая столкновения, стали транслировать точку зрения, сходную с позицией представителей МИД РФ, возлагающей всю ответственность на протестующих [19].

После начала боевых действий на востоке Украины вооруженный конфликт и украинская ситуация в целом стали главной повесткой дня в отечественных СМИ, в частности в новостных выпусках центральных каналов. Помимо телевидения, использовались крупные газеты, интернет-издания, личные страницы лидеров мнений, многочисленные сообщества в социальных сетях. Активная фаза этой информационной кампании продолжалась с апреля 2014 г. по начало сентября 2015 г., когда в официальных СМИ ее вытеснила тема сирийских беженцев. Инерционная фаза с конца 2017 г. все еще продолжается. На успех кампании оказало влияние вхождение в состав

России Крыма, вызвавшее большое общественное одобрение [8] и способствовавшее росту рейтинга президента и правительства [2; 14].

Одним из ключевых каналов распространения информации служили документальные фильмы, демонстрируемые по центральным каналам. Особенностью такого рода источников является большая аудитория телеканалов и концентрированное содержание в фильмах информационно-политических технологий. Большинство фильмов, вышедших в рассматриваемый период, было посвящено ситуации вокруг Украины. Их совокупность, представленную серией «Профессия – репортер» [3], выходившей на НТВ (начиная с выпуска «Киевский террор» от 12.04.2014, заканчивая выпуском «Дети войны» от 22.03.2015), можно разделить на несколько тематических групп.

В первую входят фильмы о внутривойсковой ситуации на Украине. Первая лента этой группы была посвящена женщинам-активисткам Майдана, пришедшим во власть после революции. В качестве экспертов по их поведению выступали психологи, что было призвано придать научность излагаемым данным. Ряд фильмов рассказывал о переделе собственности, которым занимаются бойцы силовых подразделений и частные армии олигархов. И. Коломойскому был посвящен отдельный фильм, повествующий о его планах взорвать ДнепроГЭС, чтобы навредить людям Донбасса. Выпуск «Заговор против Порошенко» повествовал о наличии в украинской политике «партии войны», которой невыгодно перемирие на Донбассе. Основной идеей следующего фильма о переписывании истории на Украине была враждебность новой украинской власти России. Лента «Актив Крым» рассказывала об украинских олигархах и политиках, имеющих недвижимость в Крыму, благодаря которой они получают прибыль. Последний фильм этой группы был посвящен украинским выборам, акцент делался на масштабных фальсификациях, избии оппозиционных политиков, бойкоте выборов в Новороссии, американском политическом влиянии. В целом фильмы первой группы формировали однозначно негативное восприятие ситуации на Украине, противостояли пропагандистским усилиям новой украинской власти. В этом противостоянии российские акторы считали возможным использовать такие технологии, как «жесткое позиционирование», «акцентирование информации», транслируемые материалы содержали определенную демонизацию противника, что было связано с политическими задачами и явно антироссийскими действиями украинской власти.

Вторую группу составляют фильмы о боевых действиях на Юго-Востоке Украины. Первый фильм этой группы, вышедший в апреле 2014 г., рассказывал о стягивании украинскими властями войск к Донбассу. Помимо отражения реальных событий, угрозы мирным жителям Донбасса авторы фильма сочли необходимым использовать жесткое позиционирование («преступная хунта», «фашисты») и акцентировать идею об американском и олигархическом



влиянии на украинскую ситуацию. Следующие два фильма, вышедшие в мае, в значительной степени демонизировали бойцов украинской «Национальной гвардии» и ВСУ, ведущих боевые действия на востоке страны. Подчеркивались совершаемые ими преступления, уголовное прошлое, проводились аналогии с немецкой оккупацией Украины. К этой же группе можно отнести ленты «Битый гвардеец» и «Батальон “Мажор”». В целом фильмы второй группы формировали крайне негативный образ украинских Вооруженных сил, противопоставляли роскошь олигархов и страдания простого народа, поддерживали ополченцев Донбасса.

Третью группу составили фильмы, касающиеся российской внутривойсковой ситуации. Первым из этой группы стал вышедший в июне фильм «Пятая колонна», посвященный музею ГУЛАГа «Пермь 36», ряду молодежных музыкальных фестивалей, а также действующим в России иностранным НПО и НКО. Проводилась мысль о том, что музей героизирует фашистов и бандеровцев, транслировалась идея о западной кампании по переориентации российской молодежи через «агентов влияния». Фильмы «13 друзей хунты» и «Еще 17 друзей хунты» рассказывали о российских оппозиционерах и артистах, выступивших против позиции и действий России по Украине. Обе ленты внедряли идею о корыстных мотивах поддержки Украины, акцентировали мысль о том, что сторонники украинской власти одобряют ее карательные акции, дискредитировали оппозиционно настроенных деятелей.

В отдельную группу можно выделить фильмы, вышедшие в 2015 г. и заметно отличавшиеся по эмоциональному содержанию от фильмов 2014 г. Фильм «Смерти вопреки!» рассказывал о буднях врачей Донбасса, показывал выезды журналистов вместе с бригадой скорой помощи, в том числе на линию фронта. Фильм «Донбасс. Дорога надежды» сосредоточивал внимание на российском гуманитарном конвое, отправляющемся на Донбасс, раздаче гуманитарной помощи мирным жителям. Последним был фильм о жизни детей Донбасса, содержащий в том числе интервью с мальчиком, вступившим в ополчение. Основным мотивом этих фильмов были страдания мирных жителей в результате вооруженного конфликта. В них не было столь сильных негативных эмоций, направленных против украинских властей и войск, как в выпусках 2014 г. Это было связано, на наш взгляд, с мирными переговорами и подписанием 12 февраля 2015 г. Второго Минского соглашения.

В целом в рассмотренном материале давалось много правдивой информации, однако сама манера ее подачи, контекст, акценты, интенсивность свидетельствуют о массовой пропагандистской кампании. В этой кампании четко проявляются технологии убеждения и использования образов, ориентированные на психологическое воздействие. Украинские политики и Вооруженные силы Украины подвергались дискредитации и дегуманизации как военные и политические противники [1, с. 300]. Систематические упоминания

нения бойцов националистических организаций позволяли сформировать убеждение, что против Донбасса преимущественно воюют идеологически мотивированные националисты. Метод «закрепления установок» выражался в регулярном повторении в фильмах небольшого круга идей, обрисовывавших украинский режим в крайне негативном свете. Метод «синхронизации» проявился в регулярных обозначениях населения Донбасса, как по тем или иным критериям относящегося к России, по существу – русского и пр. Референдом через анализируемые источники проходят обвинения нового украинского режима в фашизме, что свидетельствует о задействовании устойчивых доминант исторического сознания россиян.

Документальные фильмы в период событий на Донбассе выходили также по каналу «Россия 1» в рамках проекта «Специальный корреспондент» [4]. Все выпуски программы с начала боевых действий до весны 2015 г. были посвящены украинской тематике, лишь в 2015 г. в передачах начали появляться другие темы. Фильмы 2014 г. по уровню эмоционального накала, используемым образам были сопоставимы с рассмотренными выше фильмами из цикла «Профессия – репортер». В феврале 2015 г. большой выпуск программы был посвящен мирным переговорам, после чего атмосфера изменилась. Эфиры программы, вышедшие после подписания Второго Минского соглашения (начиная с эфира от 18.02.2015, заканчивая фильмом «Развод» от 24.06.2015), можно сгруппировать следующим образом.

К первой группе относятся фильмы о боестолкновениях и их последствиях. Освещались бои в районе Дебальцева, локальные бои в районе села Широкина, потери украинских сил под Дебальцевым и Иловайском, другие локальные столкновения. Основной темой этих фильмов были страдания мирных жителей, дискредитировались украинские войска. Ко второй группе относятся фильмы, специально посвященные мирным жителям и формировавшие позитивный образ ополченцев.

Отдельно можно рассматривать фильмы, не вписывающиеся в другие группы. Так, фильм о путешествии итальянской журналистки в западные области Украины содержал интервью с местными жителями, не все из которых поддерживали политику киевских властей. Другой фильм повествовал о гонениях на православную церковь Московского Патриархата на Украине, отличался использованием религиозных фреймов («еретик», «бесы»). Лента о батальоне «Азов» рассказывала о продолжении боевых действий, несмотря на перемирие. Фильм «Ожог» был посвящен годовщине трагических событий в Доме профсоюзов в Одессе, трактовавшихся как изначально спланированные местными и киевскими властями. Другие ленты были посвящены сносу советского памятника в Польше и героизации УПА на Украине, российским военным корреспондентам, погибшим на Украине. В фильме о родственниках, живущих в России и Украине, семейные отношения которых испортила

война, акцентировалось внимание на искусственной природе раскола между народами. В целом фильмы рассматриваемой группы затрагивали множество аспектов конфликтной ситуации, формировали ее «объемное» восприятие.

Анализируя материалы канала «Россия 1», распространявшиеся после заключения Второго Минского соглашения, можно говорить о некотором снижении эмоционального накала и уменьшении количества негативных образов, связываемых с украинской стороной конфликта, появлении темы перехода жителей к мирной жизни. Встречавшаяся в некоторых фильмах демонизация носила преимущественно локальный характер и занимала малую часть эфирного времени. При подаче материала о сражении под Дебальцевым подчеркивались крупные потери, понесенные украинской стороной, упоминалось большое количество уничтоженной и захваченной ополченцами бронетехники, что призвано было подчеркнуть значимость одержанной победы.

В период рассматриваемой информационной кампании наблюдалось постоянное и массированное присутствие в российском информационном поле кадров боевых действий и реалий войны, что является беспрецедентным для мирного в масштабах России времени. Изменения в кампании происходили в зависимости от изменений на полях сражений. Кампанию, развернутую вокруг боевых действий, мы определяем как *военную информационную кампанию*. Она направлена на мирное население страны и имеет целью утвердить заданную интерпретацию вооруженного конфликта, в который основная масса реципиентов не вовлечена напрямую. Военная информационная кампания проводится на всем протяжении боевых действий. Информационная политика России времен украинского кризиса была комплексным явлением, включавшим в себя, помимо военной информационной кампании, другие составляющие, однако основной упор был сделан именно на военных сюжетах. Военная информационная кампания была основана преимущественно на контрапунктовой коммуникативной стратегии [6, с. 60]. Стратегия эта основывается на системе оппозиции, противопоставляя противоположные, позитивные и негативные, образы. Так, «плохие» бойцы ВСУ противопоставлялись «хорошим» ополченцам, «нацисты» – «борцам с фашизмом» и т.д., что исключало возможность двоякого отношения к описываемым людям и событиям, но оставляло пространство для различных идеологических обоснований. Последняя особенность позволила охватить самую широкую аудиторию и мобилизовать на поддержку Новороссии активистов политических движений разных идеологических ориентаций.

Активная фаза информационной кампании вокруг украинских событий стала опробованием на практике новой информационной политики, была беспрецедентной для кампании, проведенной в неэлекторальный период в постсоветской России. Выделяется данная кампания по нескольким критериям: длительности, количеству задействованных каналов коммуникации,

количеству произведенной информации, реакции на кампанию в других странах. После 1 сентября 2015 г. украинская тематика перестала быть главной повесткой дня в российских СМИ. Согласно анализу компании «МедиаЛогия», в конце 2015 г. упоминания Украины в негативном контексте в российских СМИ заметно снизились [21]. Однако в рамках инерционной фазы информационной кампании новостные сообщения об Украине продолжают транслироваться как центральными каналами, так и лидерами мнений, украинская тематика остается частой темой для обсуждения в отечественных ток-шоу. Основное внимание сегодня уделяется внутривосточному положению на Украине.

Описываемая кампания оказалась весьма эффективной – общественное мнение внутри России в большинстве своем стало разделять транслируемую точку зрения, и уровень поддержки российских властей среди граждан значительно возрос. Очевидно, две эти цели и были главными для организаторов кампании. Изменения в информационной политике страны в целом, вызвавшие заметную реакцию на Западе, говорят об использовании Россией действенных информационно-политических технологий, к столкновению с которыми западные страны оказались неготовы.

### Библиография

1. Аронсон Э. Общественное животное. Введение в социальную психологию. М.: Аспект Пресс, 1999. 520 с.
2. ВЦИОМ: Рейтинг Путина достиг максимума в 82,3% // Взгляд. 2014. 27 марта. URL: <http://vz.ru/news/2014/3/27/679185.html> (Дата обращения: 22.01.2018.)
3. Выпуски программы «Профессия – репортер» // НТВ, 2014–2015 гг. URL: [http://www.ntv.ru/peredacha/professiya\\_reportyor/issues/720/](http://www.ntv.ru/peredacha/professiya_reportyor/issues/720/) (Дата обращения: 22.01.2018.)
4. Выпуски программы «Специальный корреспондент» // Россия 1, 2014–2018 гг. URL: [https://russia.tv/brand/show/brand\\_id/3957/](https://russia.tv/brand/show/brand_id/3957/) (Дата обращения: 22.01.2018.)
5. Егорова-Гантман Е.В., Плешаков К.В. Политическая реклама. М.: Центр политического консультирования «Никколо М», 1999. 240 с.
6. Кафтанджиев Х. Мифологические архетипы в коммуникации. Харьков: Изд-во «Гуманитарный Центр», 2016. 268 с.
7. Кемаль А. Кибервойна. Как Россия манипулирует миром. М.: Эксмо, 2015. 208 с.
8. Козлов В. В России осталось 5% недовольных присоединением Крыма // РБК. 2016. 17 марта. URL: <http://www.rbc.ru/society/17/03/2016/56ea5e219a7947372b63d7b2> (Дата обращения: 22.01.2018.)
9. Кропман В. В США обсуждается закон о борьбе с пропагандой России и Китая // DW. 2016. 17 марта. URL: <http://www.dw.com/ru/в-сша-обсуждается-закон-о-борьбе-с-пропагандой-россии-и-китая/a-19121520> (Дата обращения: 22.01.2018.)
10. Крысько В. Секреты психологической войны (цели, задачи, методы, формы, опыт). Минск: Харвест, 1999. 448 с.
11. Манойло А.В. Государственная информационная политика в особых условиях. М.: МИФИ, 2003. 388 с.

12. Одобрение органов власти // Левада-Центр [Электронный ресурс]. URL: <http://www.levada.ru/indikatory/odobrenie-organov-vlasti/> (Дата обращения: 22.01.2018.)
13. Ольшанский Д.В., Пеньков В.Ф. Политический консалтинг. СПб.: Питер, 2005. 448 с.
14. Опрос: Рейтинг Путина достиг пика в августе и пошел вниз // BBC. 2014. 27 августа. URL: [http://www.bbc.com/russian/russia/2014/08/140827\\_levada\\_center\\_survey\\_putin](http://www.bbc.com/russian/russia/2014/08/140827_levada_center_survey_putin) (Дата обращения: 22.01.2018.)
15. Померанцев П., Вайс М. Угроза нереальности: Информация, культура и деньги как оружие Кремля. Нью-Йорк: Институт современной России, 2015. 48 с.
16. Почепцов Г.Г. Психологические войны. М.: Рефл-бук; Киев: Ваклер, 2000. 528 с.
17. Соловей В.Д. Абсолютное оружие. Основы психологической войны и медиаманипулирования. М.: Эксмо, 2015. 320 с.
18. Степанов В. Гонят в пропасть. Первая неделя Евромайдана глазами российских СМИ // 2014. 21 ноября. Tjournal. URL: <https://tjournal.ru/p/euromaidan-beginnings> (Дата обращения: 22.01.2018.)
19. Сурганова Е., Бенюмов К. «Так называемые демонстранты». Что говорят о событиях на Украине в российских и западных СМИ // Lenta.Ru. 2014. 21 февраля. URL: <https://lenta.ru/articles/2014/02/21/maidansmi/> (Дата обращения: 22.01.2018.)
20. Сурганова Е. Желто-голубой экран. Как украинское и российское ТВ освещало события в Киеве // Lenta.Ru. 2013. 2 декабря. URL: <https://lenta.ru/articles/2013/12/02/maidan/> (Дата обращения: 22.01.2018.)
21. Сурначева Е. У России появился новый главный враг // РБК. 2015. 29 декабря. URL: <http://www.rbc.ru/politics/29/12/2015/567c271c9a7947e7e0574370> (Дата обращения: 22.01.2018.)
22. Lucas E., Pomeranzev P. Winning the Information War. Techniques and Counter-strategies to Russian Propaganda in Central and Eastern Europe // Center for European Policy Analysis. 2016. August. [Электронный ресурс]. URL: [https://docs.wixstatic.com/ugd/644196\\_fb18ae76bcf246148d0f1c8418497a2f.pdf](https://docs.wixstatic.com/ugd/644196_fb18ae76bcf246148d0f1c8418497a2f.pdf) (Дата обращения: 22.01.2018.)
23. Testimony on Ukraine Before the SFRC Europe Subcommittee // United States Senate Committee on Foreign Relations [Электронный ресурс]. URL: [https://www.foreign.senate.gov/imo/media/doc/110315\\_Ziff\\_Testimony.pdf](https://www.foreign.senate.gov/imo/media/doc/110315_Ziff_Testimony.pdf) (Дата обращения: 22.01.2018.)
24. Transcript of President Obama's Commencement Address at West Point // The New York Times. 2014. May 28. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nytimes.com/2014/05/29/us/politics/transcript-of-president-obamas-commencement-address-at-west-point.html> (Дата обращения: 22.01.2018.)

## References

- Aronson Je. Obshhestvennoe zhivotnoe. Vvedenie v social'nuju psihologiju. Moscow: Aspekt Press, 1999. 520 p.
- Egorova-Gantman E.V., Pleshakov K.V. Politicheskaja reklama. Moscow: Centr politicheskogo konsul'tirovanija «Nikkolo M», 1999. 240 p.
- Kaftandzhiev H. Mifologicheskie arhetipy v kommunikacii. Kharkiv: Izd-vo «Gumanitarnyj Centr», 2016. 268 p.
- Kemal' A. Kibervojna. Kak Rossiya manipuliruet mirom. Moscow: Jeksmo, 2015. 208 p.
- Kozlov V. V Rossii ostalos' 5% nedovol'nyh prisoedineniem Kryma. RBC. 2016. March 17. URL: <http://www.rbc.ru/society/17/03/2016/56ea5e219a7947372b63d7b2> (Data obrashhenija: 22.01.2018.)
- Kropman V. V SShA obsuzhdaetsja zakon o bor'be s propagandoj Rossii i Kitaja. DW. 2016. March 17. URL: <http://www.dw.com/ru/в-сша-обсуждается-закон-о-борьбе-с-пропагандой-россии-и-китая/a-19121520> (Data obrashhenija: 22.01.2018.)

Krys'ko V. Sekrety psihologicheskoy vojny (celi, zadachi, metody, formy, opyt). Minsk: Harvest, 1999. 448 p.

Lucas E., Pomeranzen P. Winning the Information War. Techniques and Counter-strategies to Russian Propaganda in Central and Eastern Europe // Center for European Policy Analysis. 2016. August. URL: [https://docs.wixstatic.com/ugd/644196\\_fb18ae76bcf246148d0f1c8418497a2f.pdf](https://docs.wixstatic.com/ugd/644196_fb18ae76bcf246148d0f1c8418497a2f.pdf) (Data obrashheniya: 22.01.2018.)

Manojlo A.V. Gosudarstvennaya informacionnaya politika v osobykh usloviyakh: Monografiya. Moscow: MIFI, 2003. 388 p.

Odobrenie organov vlasti. «Levada-Centr». URL: <http://www.levada.ru/indikatory/odobrenie-organov-vlasti/> (Data obrashheniya: 22.01.2018.)

Ol'shanskij D.V., Pen'kov V.F. Politicheskij konsalting. St. Petersburg: Piter, 2005. 448 p.

Opros: rejting Putina dostig pika v avguste i poshel vniz. BBC. 2014. August 27. URL: [http://www.bbc.com/russian/russia/2014/08/140827\\_levada\\_center\\_survey\\_putin](http://www.bbc.com/russian/russia/2014/08/140827_levada_center_survey_putin) (Data obrashheniya: 22.01.2018.)

Pochepcov G.G. Psihologicheskie vojny. Moscow: «Refl-buk», Kiev: «Vakler», 2000. 528 p.

Pomerancev P., Vajs M. Ugroza nereal'nosti: informacija, kul'tura i den'gi kak oruzhie Kremlja. NY.: Institut sovremennoj Rossii, 2015. 48 p.

Solovej V.D. Absolutnoe oruzhie. Osnovy psihologicheskoy vojny i mediamanipulirovanija. Moscow: Jeksmo, 2015. 320 p.

Stepanov V. Gonjat v propast' – Pervaja nedelja Evromajdana glazami rossijskikh SMI. Tjournal. 2014. November 21. URL: <https://tjournal.ru/p/euromaidan-beginnings> (Data obrashheniya: 22.01.2018.)

Surganova E., Benjumov K. «Tak nazyvaemye demonstranty». Chto govoryat o sobytijah na Ukraine v rossijskikh i zapadnyh SMI. Lenta.Ru. 2014. February 21. URL: <https://lenta.ru/articles/2014/02/21/maidansmi/> (Data obrashheniya: 22.01.2018.)

Surganova E. Zhelto-goluboj jekran. Kak ukrainskoe i rossijskoe TV osveshhalo sobytija v Kieve. Lenta.ru. 2013. December 2. URL: <https://lenta.ru/articles/2013/12/02/maidan/> (Data obrashheniya: 22.01.2018.)

Surnacheva E. U Rossii pojavilsja novyj glavnyj vrag. RBC. 2015. December 29. URL: <http://www.rbc.ru/politics/29/12/2015/567c271c9a7947e7e0574370> (Data obrashheniya: 22.01.2018.)

Testimony on Ukraine Before the SFRC Europe Subcommittee // United States Senate Committee on Foreign Relations. URL: [https://www.foreign.senate.gov/imo/media/doc/110315\\_Ziff\\_Testimony.pdf](https://www.foreign.senate.gov/imo/media/doc/110315_Ziff_Testimony.pdf) (Data obrashheniya: 22.01.2018.)

Transcript of President Obama's Commencement Address at West Point // The New York Times. 2014. May 28. URL: <http://www.nytimes.com/2014/05/29/us/politics/transcript-of-president-obamas-commencement-address-at-west-point.html> (Data obrashheniya: 22.01.2018.)

VCION: Rejting Putina dostig maksimuma v 82,3%. Vzglyad. 2014. March 27. URL: <http://vz.ru/news/2014/3/27/679185.html> (Data obrashheniya: 22.01.2018.)

Vypuski programmy «Professija – reporter». URL: [http://www.ntv.ru/peredacha/professiya\\_reportyor/issues/720/](http://www.ntv.ru/peredacha/professiya_reportyor/issues/720/) (Data obrashheniya: 22.01.2018.)

Vypuski programmy «Special'nyj korrespondent». URL: [https://russia.tv/brand/show/brand\\_id/3957/](https://russia.tv/brand/show/brand_id/3957/) (Data obrashheniya: 22.01.2018.)

**Р.М. Мамараев**

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ  
ДАГЕСТАНСКОГО ЭЛЕКТОРАТА  
НАКАНУНЕ ВЫБОРОВ ДЕПУТАТОВ В 2016 г.**

***Аннотация.** На основе социологического опроса, проведенного автором летом 2016 г., выявлены электоральные ориентации населения Республики Дагестан, значение уровня и вида выборов для респондентов, уровень абсентеизма, оценка работы депутатов Государственной думы РФ, Народного Собрания Республики, отношение к представителям дагестанских отделений общероссийских политических партий.*

***Ключевые слова:** электоральные предпочтения, электоральное поведение, выборы, избирательный процесс, политическая элита, рейтинг, абсентеизм.*

Мамараев Руслан Магомедсаламович – научный сотрудник  
Отдела социологии Института истории, археологии  
и этнографии Дагестанского научного центра РАН, Махачкала.  
E-mail: ruslan070@inbox.ru

**R.M. Mamaraev. The Political Preferences of the Dagestani Electorate on the Eve of Elections of Deputies of 2016**

***Abstract.** Based on sociological survey carried out by the author in the summer of 2016, the article seeks to assess electoral orientations of the population of the Republic of Dagestan, significance of the level and type of elections for respondents, level of absenteeism and other features of the the current Dagestani electorate.*

***Keywords:** electoral preferences, electoral behavior, elections, electoral process, political elite, rating, absenteeism.*

Mamaraev Ruslan Magomedsalomovich – Researcher,  
Department of Sociology of the Institute of History,  
Archeology and Ethnography of the Dagestan Scientific Center  
of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala.  
E-mail: ruslan070@inbox.ru.

Избирательные кампании партий или отдельных кандидатов оказывают значительное влияние на электоральные ориентации населения и его политическую идентификацию. Этот фактор активно используется для политического управления избирательным процессом. Важная роль здесь принадлежит региональным отделениям политических партий или их представителям. Низкий авторитет или дискредитация региональных отделений партий могут отрицательно повлиять на результаты данной партии на федеральных выборах, сформировав отрицательное отношение к партии в целом [1, с. 17–18]. Идентификации с партией помогает избирателю решить, какой политической силе отдать предпочтение. На этот выбор влияют три аспекта политического процесса: кандидаты, политический курс, связь между партиями и социальными группами. Выбор этот проявляется как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе [2, с. 121].

Летом 2016 г. нами были опрошены 269 респондентов – жителей Дагестана. Использован метод случайного отбора; участниками стали рядовые представители городского и сельского населения различных возрастных групп и социальных слоев. Для выявления связи между политическими партиями, кандидатами и группами населения респондентам был предложен блок вопросов.

На вопрос *«Знаете ли вы, где находится ваш избирательный участок?»* 73,2% опрошенных ответили утвердительно, а 26,8% – отрицательно. Для выяснения интенсивности агитационной работы кандидатов в депутаты органов законодательной власти респондентам был задан вопрос *«В период выборов приходят ли к вам по месту жительства и агитируют прийти на выборы?»*. Здесь преобладает суждение «редко» (46,8%), на второй позиции – «никогда» (27,5) и только 25,7% опрошенных отметили активное ведение агитации кандидатами.

На вопрос *«Получаете ли Вы полную информацию о том, какие предстоят выборы?»* ответы распределились следующим образом: 33,5% опрошенных получают информацию всегда, 44,2 – редко, 22,3% – никогда. На вопрос *«Сталкивались ли вы с агитацией представителей политических партий, знакомили ли вас с политической программой партии?»* ответ «часто» дал каждый десятый опрошенный (10%), каждый четвертый ответил «редко» (24,2), позиции «никогда» придерживаются 28,3%. 37,5% респондентов имеют возможность ознакомиться с политической программой партии и кандидатов только перед выборами. Далее следовал вопрос *«Проводят ли среди вас агитационную работу кандидаты в депутаты в Госдуму РФ и Народное Собрание РД?»*. Результаты получены следующие: 8,5% ответили «часто», 26 – «редко», 32 – «никогда» и 33,5% – «только перед выборами».

Таким образом, почти треть опрошенных не знают местонахождения своего избирательного участка, среди них практически не проводится агита-



ционная работа с призывом прийти на выборы, и потенциальный избиратель практически не имеет информации о том, какие в ближайшее время предстоят выборы. Все это негативно отражается в целом на явке избирателей и на итогах выборов. Сказанное свидетельствует о некачественной работе Избирательной комиссии Республики Дагестан, республиканских органов власти, отделений всероссийских партий.

Очевидно отсутствие активной агитационной работы; она ведется только в период предвыборной кампании, т.е. на краткосрочную перспективу, что прямо отражается на рейтингах партий, уровне доверия к ним и явке избирателей на выборы. Отсутствует постоянная связь между политическими партиями и обществом, которая влияет на партийную идентификацию населения. Потенциальный избиратель делает свой выбор исходя в первую очередь из собственных представлений о профессионализме и личных качествах кандидатов.

\* \* \*

Респондентам предлагалось распределить выборы по их значению для избирателей: *«Выберите наиболее значимые для Вас выборы»*. Ответы показывают доминирующее значение выборов Президента России (50,6%), главы Республики Дагестан (26,4), руководителей сельских образований (14,5), глав муниципальных образований (10,4), депутатов Государственной думы России (7,8), депутатов Народного Собрания Республики Дагестан (НС РД) (5,2), муниципальных депутатов (1,9%). Каждый пятый опрошенный вообще не интересуется выборами (19,7%).

Далее респондентам было предложено выбрать наиболее предпочтительный для них вид выборов. Здесь явно доминирует вариант ответа «беспартийные, независимые кандидаты тоже должны иметь возможность избираться в депутаты» – 70,3%, он предполагает мажоритарную избирательную систему. Вариант «депутатами Народного Собрания РД и муниципальных образований должны быть только члены партий», предполагающий пропорциональную систему, набрал 29,7%. Далее в анкете респондентам было предложено *выбрать вариант голосования за партию по открытым или закрытым партийным спискам*. Среди ответов преобладал вариант голосования за политическую партию по открытым спискам, с формулировкой «голосование за конкретных людей в списке партии, чтобы депутатами автоматически становились те, кто пользуется наибольшей поддержкой у населения» (74,3%). Второй вариант, «голосование за партию, а руководство партии само решит, кто станет депутатом», получил поддержку у 25,7% респондентов.

Результаты ответов на эти вопросы свидетельствуют о последовательности электорального предпочтения респондентов, их стремлении голосовать за

конкретных людей, а не за партию как таковую. По-видимому, респонденты довольны далеко не всеми представителями той или иной политической силы, работающими в органах законодательной власти. Такое предположение подтверждается и аналогичным опросом, проведенным в 2013 г. На вопрос «Считают ли они, что профессионалов и национальных лидеров, представляющих интересы народа, не подпускают к власти» положительно ответили 51,5%, отрицательно – 13,8, затруднились ответить 34,7%.

\* \* \*

В преддверии сентябрьских 2016 г. выборов депутатов федерального и регионального уровней респондентам было предложено *оценить работу депутатов Государственной думы РФ*. Каждый третий опрошенный заявил, что не ощущают их работы (30,9%), 24,9% респондентов оценили работу депутатов как хорошую, но с оговоркой, что у них есть некоторые ошибки и недостатки; 20,8% опрошенных оценили работу депутатов как *очень плохую*, мотивируя это тем, что они не защищают интересы граждан; 18,6 – считают их работу плохой; лишь 6,7% – дали работе депутатов очень высокую оценку. Тот же вопрос был задан респондентам (383 человека) в 2014 г. при изучении протестных настроений в Дагестане. Тогда ответы распределились следующим образом: «их работа совсем не ощущается» – 33,7%, «хорошо, хотя в их работе есть некоторые ошибки и недостатки» – 23,5, «плохо, хотя в их деятельности есть некоторые положительные моменты» – 21,9, «очень плохо, совсем не справляется со своими обязанностями, не отстаивают и не защищают интересы граждан» – 16,4, «очень хорошо, они справляются со своими обязанностями, отстаивают и защищают интересы граждан» – 4,4%.

Таким образом, в 2016 г. по сравнению с 2014 г. несколько снизилось число тех, кто не замечает работу депутатов Госдумы РФ, незначительно вырос показатель хорошей оценки, а также очень хорошей оценки. Число тех, кто «плохо» оценивает работу депутатов, несколько уменьшилось, но зато выросло число тех, кто оценивает эту работу «очень плохо».

Помимо работы депутатов Госдумы респондентам было предложено оценить работу депутатов Народного Собрания РД (респондентам было предложено отметить более одного варианта). Совсем не видят работу депутатов дагестанского парламента 45,0% – самый частый ответ (в 2014 г. – 46,7%). Далее идет очень плохая оценка – 17,8%, с мотивировкой, что депутаты совсем не отстаивают интересы граждан, преследуют только свои корыстные цели (в 2014 г. – 26,1%). На «хорошо» с оговоркой о некоторых ошибках и недостатках оценили работу депутатов 17,5% (в 2014 г. – 6%). Плохой, но с признанием положительных моментов, назвали эту работу 14,5%

(в 2014 г. – 21,1%). 7,4% респондентов признали работу депутатов «очень хорошей».

При сравнении результатов видно, что по всем позициям идет снижение показателей, но вариант «хорошо» демонстрирует явный рост.

Респондентам было также предложено оценить работу *представителей дагестанских отделений всероссийских политических партий*. Не знают и не видят их работу 34,9%, отрицательно оценивают ее 33,1%; положительно оценивают лишь некоторых представителей – 20,4%. На последнем месте положительный вариант ответа – 11,9% респондентов.

\* \* \*

Для выяснения уровня доверия населения к выборам респондентам был задан вопрос «*Верите ли вы в проведение честных выборов и подсчет голосов в Республике Дагестан?*». Больше половины опрошенных дали отрицательный ответ – 66,5% (в 2013 г. – 67,8%), верят лишь 10% (в 2013 г. – 7,5%). 23,4% затруднились ответить (в 2013 г. – 16,3%). Такие результаты говорят об устойчивом неверии населения республики в возможность честных выборов, в легитимность их результатов. Это недоверие получило свое подтверждение в ходе сентябрьских выборов 2016 г. в республике.

Во время этой избирательной кампании свои политические амбиции продемонстрировали духовные лидеры, стремившиеся повлиять на соотношение политических сил в республике и выдвигавшие кандидатов в депутаты как республиканского парламента, так и Государственной думы. Сначала глава Дагестана поддерживал это стремление республиканского духовенства, впоследствии, однако, выступил категорически против участия духовенства в политической жизни.

В связи с этим мы попытались выяснить электоральные предпочтения дагестанских избирателей в отношении исламских партий и движений (см. табл.).

Эти цифры показывают преобладание в массовом сознании дагестанского населения ориентации на поддержку партии, основанной на исламском вероучении. Здесь выделяется молодое поколение «до 20 лет» (каждый второй опрошенный) и «от 20 до 30 лет» (каждый третий опрошенный) с мотивировкой «представители этой партии защищали бы интересы мусульман». Доля таковых в остальных возрастных подгруппах заметно ниже. На второй позиции располагается противоположное суждение «нет, религиозные деятели и так вмешиваются в политическую жизнь республики, посягая на светские основы государства». Доля разделяющих этот взгляд с возрастом увеличивается от каждого четвертого опрошенного «от 20 до 30 лет» до больше чем половины в подгруппе пенсионеров.

Таблица

**РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС  
«ЕСЛИ БЫ В ДАГЕСТАНЕ ПОЯВИЛАСЬ «ИСЛАМСКАЯ ПАРТИЯ»,  
ВЫ БЫ СТАЛИ ЗА НЕЕ ГОЛОСОВАТЬ?» (Варианты ответов даны)**

| Варианты ответов<br>(в % от общего количества<br>опрошенных)                                                                 | Возраст   |                 |                 |                 |                                           |           |       |
|------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|-----------|-----------------|-----------------|-----------------|-------------------------------------------|-----------|-------|
|                                                                                                                              | До 20 лет | От 20 до 30 лет | От 30 до 40 лет | От 40 до 50 лет | От 50 до пред-<br>пенсионного<br>возраста | Пенсионер | Всего |
| Да, так как представители этой партии защищали бы интересы мусульман                                                         | 42,4      | 34,5            | 19,1            | 23,8            | 20,0                                      | 8,3       | 30,1  |
| Да, так как представители партии повысили бы нравственность в дагестанском обществе                                          | 15,3      | 12,1            | 10,6            | 7,1             | 4,0                                       | 8,3       | 11,2  |
| Да, так как эта партия смогла бы сплотить дагестанцев и установить стабильность                                              | 15,3      | 13,8            | 17,0            | 9,5             | 12,0                                      | 8,3       | 13,8  |
| Нет, так как партия под религиозными лозунгами и лозунгами защиты интересов мусульман будет преследовать свои корыстные цели | 15,3      | 13,8            | 25,5            | 14,3            | 20,0                                      | 33,3      | 17,8  |
| Нет, религиозные деятели и так вмешиваются в политическую жизнь республики, посягая на светские основы государства           | 8,2       | 22,4            | 29,8            | 40,5            | 48,0                                      | 58,3      | 26,0  |
| Другое (напишите)                                                                                                            | 8,2       | 6,9             | 4,3             | 7,1             | 0                                         | 0         | 5,9   |

На третьем месте сторонники негативного отношения к исламской партии, считающие, что она «под религиозными лозунгами и лозунгами защиты интересов мусульман будет преследовать свои корыстные цели». Доля таких выше среди пенсионеров (каждый третий опрошенный) и в подгруппе «от 30 до 40 лет» (каждый четвертый опрошенный). Мы видим, что уверенность в укреплении нравственности исламской партией разделяет каждый девятый опрошенный и каждый седьмой опрошенный в возрасте «до 20 лет». Соответственно, можно сделать вывод об относительной популярности «Исламской партии» среди молодого поколения, которое широко вовлечено в религиозные процессы. Это вызывает тревогу, так как молодежь, придя на смену нынешнему поколению, может переориентировать светский образ жизни дагестанского общества на религиозный. Правда, сегодня жители

республики не тяготеют к теократическому государственному устройству, а в религии ищут справедливости и порядка, которых пока не могут обеспечить светские государственные и политические деятели.

Все сказанное приводит к выводу об отсутствии в Дагестане целенаправленной работы с избирателями, о недостаточном учете их мнения, что дискредитирует сам институт региональных и федеральных выборов, порождает абсентеизм и протестное голосование, склоняет потенциальных избирателей в сторону религиозных политических партий.

### **Библиография**

1. Гришин Н.В. Динамика электоральных предпочтений населения Юга России: Сравнительное исследование. М.: Социально-политическая мысль, 2008. 182 с.
2. Мелешкина Е.Ю. Политический процесс: Основные аспекты и способы анализа. М.: Издательский дом «Инфра-М», 2001. 302 с.

### **References**

- Grishin N.V. Dinamika jelektoral'nyh predpochtenij naselenija Juga Rossii: Sravnitel'noe issledovanie. Moscow: Social'no-politicheskaja mysl', 2008. 182 p.
- Meleshkina E.Ju. Politicheskij process: Osnovnye aspekty i sposoby analiza. Moscow: Izdatel'skij dom «Infra-M», 2001. 302 p.

**А.С. Хворостяная**

**ОЛИМПИЙСКИЕ ИГРЫ: СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ВЛИЯНИЕ  
НА АГЕНТОВ ИНДУСТРИИ МОДЫ**

***Аннотация.** Автор статьи исследует стратегические решения и основные маркетинговые тактики, которые используют глобальные лидеры индустрии моды на Олимпийских играх в разных странах, а также рассматривает влияние этого глобального спортивного мероприятия на рынок индустрии моды в России.*

***Ключевые слова:** Олимпийские игры, бренд, индустрия моды, маркетинг, коммуникационная политика, стратегия продвижения, риск-фактор.*

Хворостяная Анна Сергеевна – научный сотрудник  
Института математических исследований сложных систем  
Московского государственного университета  
им. М.В. Ломоносова (ИМИСС МГУ).  
E-mail: Khvorostyanayaas@gmail.com

**A.S. Khvorostyanaya. Olympic Games: The Strategic Impact on Agents in  
the Fashion Industry**

***Abstract.** The article examines principal strategic decisions and identifies the main marketing tactics that are applied in the practice of modern sports events. Also, considered is the impact of the global sporting events on the fashion industry in Russia.*

***Keywords:** Olympic Games, brand, fashion industry, marketing, communication policy, promotion strategy, risk factor.*

Khvorostyanaya Anna Sergeevna – Researcher,  
Lomonosov Moscow State University Complex Systems  
Mathematical Research Center (IMISS MSU).  
E-mail: Khvorostyanayaas@gmail.com

Олимпийские игры – это глобальная мировая арена для лучших спортсменов, а для предпринимателей – место единства и сотрудничества, но также и конкуренции за потребителя. С начала прошлого века, Игры приобрели

мощную рекламную функцию [12]. По этой причине каждые четыре года страны борются за право принимать у себя Олимпиаду, показывать свои национальные достопримечательности тысячам энтузиастов, приехавшим на Игры, а также миллионам зрителей во всем мире, наблюдающим за соревнованиями по телевизору. Вещательные компании, в свою очередь, платят значительные суммы, чтобы купить права на трансляцию Олимпийских игр. Например, национальная американская вещательная компания NBC выплатила сумму в размере 3,5 млрд долл. США для получения права на передачу пяти Олимпийских игр в период 2000–2008 гг. Тем не менее эта сделка считается очень успешной, поскольку NBC уже вернул эти 3,5 млрд долл. и получил еще больше, продавая эфирное время трансляции Игр рекламодателям [7]. Только Олимпийские игры в Афинах (2004) посмотрели 3,9 млрд зрителей, в Пекине (2008) – 4,4 млрд зрителей, в Рио-де-Жанейро (2016) – 3,6 млрд [11]. Согласно прогнозу консалтинговой компании Allied Market Research, на мировом рынке спортивной одежды, который оценен в 149,6 млрд долл. США, ожидается рост на 23% до 184,6 млрд долл. США к началу игр 2020 г. в Токио [18]. При анализе статистических данных выявлена зависимость роста продаж немецкого спортивного гиганта Adidas от маркетинговой активности, связанной с Олимпийскими играми. В 2008 г., в год летних Олимпийских игр в Пекине, капитал бренда вырос на 4,9% (по сравнению с предыдущим годом), а продажи составили 10,8 млрд евро. В следующем году продажи упали на 3,9%. В 2012 г., в год летних Олимпийских игр в Лондоне, общий объем продаж достиг 14,9 млрд евро, а затем в 2013 г. снова упал [6]. Рассмотрим основные элементы коммуникационной политики, которые применяются брендами.

### **Спонсорство**

К традиционным маркетинговым методам можно отнести спонсорскую поддержку [12]. Традиционно Nike поддерживает атлетическую сборную США и бразильские футбольные команды. В 2014 г. компания подписала контракт на продление спонсорства команды США на Олимпийских играх в Токио в 2020 г. По статистическим источникам, эта шестилетняя сделка принесет Олимпийскому комитету США более 15 млн долл. [17]. За пять лет до Олимпийских игр в Лондоне в 2012 г. немецкий гигант спортивной одежды Adidas, который также владеет брендом Reebok, потратил 100 млн ф. ст. (около 139,5 млн долл. США), спонсируя отдельных спортсменов и команды. Он также был официальным спонсором летних игр в Афинах (2004), в Пекине (2008) и Лондоне (2012).

Спонсорство предполагает не только финансовую поддержку, но и предоставление продуктов, услуг, технологий, опыта и персонала для оказания

помощи в организации игр [9, с. 240]. Доход от спонсорства составляет около 32% от общих доходов от олимпийских маркетинговых поступлений [7]. Олимпийские игры обеспечивают несравнимую отдачу для спонсоров, помогая извлечь выгоду из маркетинговой платформы, основанной на корпоративных идеалах и ценностях, и увеличивая возможности презентации и демонстрации, продаж, общественных информационно-пропагандистских программ и спортивных наград [8]. Интересно отметить, что часть компаний в индустрии моды стремится спонсировать отдельных спортсменов, а другие – целые олимпийские команды. Во время Олимпийских игр реклама есть на одежде практически всех спортсменов. Многочисленные компании, такие как Nike, Adidas или Oakley, предоставляют спортсменам новое оборудование и одежду, предназначенные для облегчения движения и повышения производительности, и в то же время они рекламируют свои новые продукты миллионам зрителей. Компании заключают со спортсменами качественно разные сделки – некоторым платят только за появление в определенном снаряжении, а другие просто получают его бесплатно. Как правило, лыжи, сноуборды, коньки и другое оборудование, необходимое для проведения Олимпийских игр, значительно дороже, и единственная возможность для многих спортсменов – рекламировать спортивную экипировку для покрытия расходов на оборудование. Компании получают большую выгоду от таких сделок, так как их одежда или оборудование рекламируется самыми известными спортсменами мира [15; 16, с. 124].

### **Посланник бренда**

Организация коммуникационной политики через личность известного спортсмена требует осторожности, учитывая высокие репутационные риски [5]. Процесс построения репутации для брендов является длительным и дорогостоящим, престиж хрупок, и его легко потерять.

Выбор известной личности для рекламы должен отражать миссию компании, так как именно через эту персону будут транслироваться основные ценности бренда [4, с. 35].

### **Новые продуктовые линейки товаров**

В 2016 г. спортивный гигант Nike использовал Олимпиаду в Рио-де-Жанейро как стратегическую площадку для презентации новых коммерческих продуктов и услуг. Была запущена новая линия обуви с инновационной технологией Flyknit, которая задействует высокопрочные волокна для создания легкого верха с зонами поддержки, эластичности и вентиляции [10]. Научно-исследовательская работа для разработки инновационной технологии велась на протяжении 40 лет, и Олимпиада была выбрана как мировая



площадка для анонсирования положительного научного результата, выраженного в готовом продукте – четырех линейках продукции (кроссовки Flyknit Nike для обычной жизни, бега, тренинга и баскетбола). Также было представлено приложение для мобильных смартфонов по отслеживанию персональной активности «Nike +» с элементами геймификации и искусственного интеллекта – персонализированный чатбот, отслеживающий физическую активность человека, дающий рекомендации по поддержанию спортивной формы и образа жизни исходя из индивидуальных потребностей пользователя. Аналогично Nike, американский бренд RalfLauren встроил в форму олимпийской сборной США в Пхенчхане датчики, вырабатывающие тепло. Спортсмены могут устанавливать температуру (есть три настройки) через свои мобильные телефоны. Тепло может поддерживаться до пяти часов при высокой настройке и 11 часов при низкой настройке при полностью заряженной батарее [13].

В этой инициативе брендов прослеживается тенденция технологизации индустрии моды – появление нового рынка вещей и технологий – Fashion-Tech [3].

Однако следует отметить, что компании изменяют модели своего оборудования, используемого спортсменами, для снижения цены и адаптации к состоянию потребителей.

Олимпиада также привлекает международных производителей спортивных товаров. Впоследствии производители расширяют предложение своих продуктов, что приводит к более конкурентному рынку. Для компаний, производящих одежду и сопутствующее снаряжение, Олимпиада часто становится технологическим вызовом. Существует мнение, что плавательные костюмы спортивного бренда SPEEDO – LZR Racer оказали позитивное влияние на результаты спортивных достижений – 98% медалей на Олимпиаде были выиграны атлетами, носящими костюм LZR, включая известного пловца Майкла Фелпса. Этот плавательный костюм, разработанный совместно с NASA, состоит из чрезвычайно легкой ткани LZR Pulse, которая соединяется с помощью ультразвука. По оценкам NASA, процесс сварки швов ультразвуком помог уменьшить сопротивление на 6% [14].

### **Локальное партнерство**

Процесс выхода компании на новый рынок является весьма рискованным шагом, так как существует огромное количество факторов внешней и внутренней среды, оказывающих влияние на стратегию развития [1, с. 120]. Чтобы минимизировать риски, а также избежать культурного риск-фактора, следует обратиться к помощи и опыту локального партнера, хорошо знающего специфику своего рынка [2, с. 68]. Сотрудничество мировых брендов с мест-

ными обеспечивает синергию в сфере маркетинга, повышает статистику продаж. Например, Adidas в 2016 г. представил специальный футбольный мяч, посвященный Бразилии, т.е. представил продукт для местной целевой аудитории. «Одним из способов, с помощью которых мы будем активизировать этот важный для страны период, будет сотрудничество с местным бразильским талантом для создания продуктов, которые будут резонировать во всем мире», – объясняет Симон Картрайт, старший директор Adidas по командным видам спорта и Олимпиаде [17]. Интересно отметить, что сотрудничество с местными компаниями, такими как The Farm Company, началось заранее, с 2014 г.

### **Локальные инвестиции в инфраструктуру**

Интересен аспект инфраструктурных инвестиций в рамках Олимпийских игр. Бренд Nike заключил пятилетнее партнерство под названием Vem Junto с Рио-де-Жанейро с целью обновления 21 центра отдыха и спорта. Следует отметить, что в дизайне используются цвета и основные элементы визуальной идентификации фирменного стиля бренда Nike. В рамках этой инициативы городская Олимпийская деревня (Encantado Olympic Village) была полностью обновлена, открыта новая танцевальная студия, площадка для пляжного волейбола и игровая площадка, покрытая специальным напольным покрытием из переработанных спортивных ботинок и металлолома Nike Grind, что отражает влияние на бизнес такой стратегической тенденции, как стремление к устойчивому развитию. Все эти тактические шаги способствуют построению долгосрочных клиентских взаимоотношений, вызывают доверие и лояльность к бренду, что подтверждают слова президента Nike Тревор Эдвардса: «На спортивных событиях, таких как Олимпийские игры, Nike представляет свои лучшие инновации, чтобы помочь спортсменам изменить то, что возможно. Мы верим в силу спорта вдохновлять сообщества на более активную деятельность» [17].

Необходимо отметить, что каждый бренд использует элементы коммуникационной политики по-разному, в зависимости от своего целеполагания. Есть также бренды, которые подходят к вопросу продвижения комплексно. Известный конгломерат в индустрии моды Kering, имеющий в своем портфеле активы брендов индустрии моды разных ценовых сегментов, приобрел спортивный бренд Puma в 2007 г. с оценкой более 5 млрд долл. Однако данные о продажах и другие характеристики маркетингового предложения компании свидетельствовали о слабой производительности бренда на тот момент. Был предпринят ряд тактических шагов, пересмотрена продуктовая линейка бренда и маркетинговая политика. Также бренд подписал спонсорский контракт с олимпийской сборной Ямайки, которая в 2012 г. выиграла

12 медалей на Играх в Лондоне. Посланником бренда был выбран ямайский легкоатлет Уэсон Болт, 11-кратный чемпион мира. Учитывая тот факт что Болт находился на вершине списка спортсменов, спонсируемых Puma на Олимпийских играх в Бразилии в 2016 г., его репутация была использована для укрепления статуса бренда, как заслуживающего доверия и высокой производительности. «Бренд будет продвигать свою Forever Faster миссию по предоставлению самых быстрых продуктов самым быстрым спортсменам в мире», – сказал Адам Петрик, глобальный бренд-директор Puma [17]. В качестве примера инфраструктурных инвестиций, был создан аванпост в Рио-Пума-Хаус – базовый брендированный лагерь для серии маркетинговых и PR-мероприятий.

В России с 2012 по 2017 г. экипировкой российской сборной занималась компания Bosco di Ciliegì – одна из лидеров-операторов иностранных брендов на отечественном рынке. Кроме экипировки российской сборной, компания в 2016 г. предоставила одежду для членов Международного олимпийского комитета. В связи с допинговым скандалом в 2017 г. МОК запретил элементы национальной символики в форме российских спортсменов для Олимпийских игр в 2018 г. в Корею. Данные санкции не только нанесли ущерб производителю в части репутационного риска, значительно сократив рекламные возможности бренда, но и производственного – решение МОК вызвало дополнительные издержки, связанные с перешивом всех моделей и дополнительного согласования в МОК новой формы. Интересно отметить, что для разработки моделей одежды спортсменов в разное время привлекались кутюрье Валентин Юдашкин, а также итальянские дизайнеры брендов Ermanno Scervino и Etro.

\* \* \*

Глобальные спортивные мероприятия оказывают влияние на стратегию развития компаний в индустрии моды. Олимпийские игры стимулируют маркетинг здорового образа жизни, а также продажи спортивной одежды, аксессуаров и сопутствующих товаров. Олимпиада помогает выстраивать долгосрочные отношения с клиентами мировых брендов с помощью спонсорских взаимоотношений и продуманных рекламных кампаний, оказывающих влияние на потребительскую лояльность, повышая узнаваемость бренда.

### **Библиография**

1. Квинт В.Л. Стратегическое управление и экономика на глобальном формирующемся рынке. М.: Бизнес Атлас, 2012. 422 с.
2. Хворостяная А.С. Использование методики финансовой стратегии в управлении активами креативной экономики // Экономика и управление. 2017. № 8 (142). С. 67–74.

3. Хворостяная А.С. Fashion Tech: Инновационные технологии, меняющие стратегии развития агентов индустрии моды [презентация] // Высшая школа управления и новаций МГУ [Электронный ресурс]. URL: [http://hsmi.msu.ru/sites/hsmi.msu.ru/files/attachments/hvorostyanayaas\\_innovacii\\_industriya\\_mody.pdf](http://hsmi.msu.ru/sites/hsmi.msu.ru/files/attachments/hvorostyanayaas_innovacii_industriya_mody.pdf) (Дата обращения: 03.04.2017.)
4. Хворостяная А.С., Кузнецова К.В. Теоретические основы стратегирования индустрии моды // Экономика и управление. 2016. № 4 (126). С. 33–38.
5. Aula P. Social media, reputation risk and ambient publicity management // *Strategy and Leadership*. 2010. N 6. Vol. 38. P. 43–49.
6. Financial publications // Adidas [Электронный ресурс]. URL: <https://www.adidas-group.com/en/investors/financial-reports/#/2013/> (Дата обращения: 08.03.2018.)
7. Johnny K.L. Marketing and Promotion of the Olympic Games // *Contemporary Sports Issues, Sports Management, Sports Studies and Sports Psychology*. 2005. Vol. 19. P. 1–10.
8. McAllister M.P. Sponsorship, globalization, and the Summer Olympics // *Undressing the ad: Reading culture in advertising*. New York: Peter Lang, 1997. P. 35–63.
9. Mullin B.J., Hardy S., Sutton W.A. Sport marketing. Champaign: Human Kinetics, 2007. P. 540.
10. Nike Flyknit // Nike [Электронный ресурс]. URL: [https://www.nike.com/us/en\\_us/c/innovation/flyknit](https://www.nike.com/us/en_us/c/innovation/flyknit) (Дата обращения: 08.03.2018.)
11. Number of Olympic Games TV viewers worldwide from 2002 to 2016 (in billions) // Statista [Электронный ресурс]. URL: <https://www.statista.com/statistics/287966/olympic-games-tv-viewership-worldwide/> (Дата обращения: 08.03.2018.)
12. Palmer A. Introduction to marketing: Theory and practice. Oxford: Oxford University Press, 2009. 672 p.
13. Puente M. Exclusive: Ralph Lauren's Olympic opening ceremony uniforms are wearable mini-heaters // *USA Today*. 2018. 22 January. URL: <https://www.usatoday.com/story/life/2018/01/22/exclusive-ralph-laurens-olympic-opening-ceremony-uniforms-wearable-mini-heaters/104518900/> (Дата обращения: 08.03.2018.)
14. Record Breaking Benefits. October 31, 2012 // NASA [Электронный ресурс]. URL: [https://www.nasa.gov/offices/oct/home/tech\\_record\\_breaking.html](https://www.nasa.gov/offices/oct/home/tech_record_breaking.html) (Дата обращения: 08.03.2018.)
15. Rothschild P.C. Social media use in sports and entertainment venues // *International Journal of Event and Festival Management*. 2011. N 2. Vol. 2. P. 139–150.
16. Schnaars S.P. Marketing strategy: Customers and competition. New York: Free Press, 1998. 240 p.
17. Sherman L. Tapping Brazil's Olympic Opportunity // *BOF: The Business of Fashion*. 2016. 4 March. URL: <https://www.businessoffashion.com/articles/global-currents/sports-nike-adidas-under-armour-olympic-opportunity> (Дата обращения: 08.03.2018.)
18. Sports Apparel Market by End User (Men, Women, Kids) and Mode of Sale (Retail stores, Supermarkets, Brand outlets, Discount stores, Online stores) – Global Opportunity Analysis and Industry Forecast, 2014–2020. // *Allied Market Research*. 2015. October. URL: <https://www.allied-marketresearch.com/sports-apparel-market> (Дата обращения: 08.03.2018.)

### References

- Aula P. Social media, reputation risk and ambient publicity management // *Strategy and Leadership*. 2010. N 6. Vol. 38. P. 43–49.
- Financial publications // Adidas [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.adidas-group.com/en/investors/financial-reports/#/2013/> (Data obrashheniya: 08.03.2018.)

Hvorostjanaja A.S. Fashion Tech: Innovacionnye tehnologii, menjajushhie strategii razvitija agentov industrii mody [prezentacija] // Vysshaja shkola upravlenija i novacij MGU [Jelektronnyj resurs]. URL: [http://hsmi.msu.ru/sites/hsmi.msu.ru/files/attachments/hvorostyanayaas\\_innovacii\\_industriya\\_mody.pdf](http://hsmi.msu.ru/sites/hsmi.msu.ru/files/attachments/hvorostyanayaas_innovacii_industriya_mody.pdf) (Data obrashhenija: 03.04.2017.)

Hvorostjanaja A.S. Ispol'zovanie metodiki finansovoj strategii v upravlenii aktivami kreativnoj jekonomiki // Jekonomika i upravlenie. 2017. N 8 (142). P. 67–74.

Hvorostjanaja A.S., Kuznecova K.V. Teoreticheskie osnovy strategirovanija industrii mody // Jekonomika i upravlenie. 2016. N 4 (126). P. 33–38.

Johnny K.L. Marketing and Promotion of the Olympic Games // Contemporary Sports Issues, Sports Management, Sports Studies and Sports Psychology. 2005. Vol. 19. P. 1–10.

Kvint V.L. Strategicheskoe upravlenie i jekonomika na global'nom formirujushhemsja rynke. Moscow: Biznes Atlas, 2012. 422 p.

McAllister M.P. Sponsorship, globalization, and the Summer Olympics // Undressing the ad: Reading culture in advertising. New York: Peter Lang, 1997. P. 35–63.

Mullin B.J., Hardy S., Sutton W.A. Sport marketing. Champaign: Human Kinetics, 2007. P. 540.

Nike Flyknit // Nike [Jelektronnyj resurs]. URL: [https://www.nike.com/us/en\\_us/c/innovation/flyknit](https://www.nike.com/us/en_us/c/innovation/flyknit). (Data obrashhenija: 08.03.2018.)

Number of Olympic Games TV viewers worldwide from 2002 to 2016 (in billions) // Statista [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://www.statista.com/statistics/287966/olympic-games-tv-viewership-worldwide/> (Data obrashhenija: 08.03.2018.)

Palmer A. Introduction to marketing: Theory and practice. Oxford: Oxford University Press, 2009. 672 p.

Puente M. Exclusive: Ralph Lauren's Olympic opening ceremony uniforms are wearable mini-heaters // USA Today. 2018. 22 January. URL: <https://www.usatoday.com/story/life/2018/01/22/exclusive-ralph-laurens-olympic-opening-ceremony-uniforms-wearable-mini-heaters/1045189001/> (Data obrashhenija: 08.03.2018.)

Record Breaking Benefits. October 31, 2012 // NASA [Jelektronnyj resurs]. URL: [https://www.nasa.gov/offices/oct/home/tech\\_record\\_breaking.html](https://www.nasa.gov/offices/oct/home/tech_record_breaking.html) (Data obrashhenija: 08.03.2018.)

Rothschild P.C. Social media use in sports and entertainment venues // International Journal of Event and Festival Management. 2011. N 2. Vol. 2. P. 139–150.

Schnaars S.P. Marketing strategy: Customers and competition. New York: Free Press, 1998. 240 p.

Sherman L. Tapping Brazil's Olympic Opportunity // BOF: The Business of Fashion. 2016. 4 March. URL: <https://www.businessoffashion.com/articles/global-currents/sports-nike-adidas-under-armour-olympic-opportunity> (Data obrashhenija: 08.03.2018.)

Sports Apparel Market by End User (Men, Women, Kids) and Mode of Sale (Retail stores, Supermarkets, Brand outlets, Discount stores, Online stores) – Global Opportunity Analysis and Industry Forecast, 2014–2020.) // Allied Market Research. 2015. October. URL: <https://www.allied-marketresearch.com/sports-apparel-market> (Data obrashhenija: 08.03.2018.)

## **ОБЗОРЫ. РЕФЕРАТЫ**

DOI: 10.31249/rsm/2018.03.18

**И.К. Богомолов**

**ЖИЗНЬ В РЕВОЛЮЦИИ.  
ГОРОДСКИЕ КОММУНЫ  
И СОВЕТСКИЙ СОЦИАЛИЗМ, 1917–1932  
(Реферат)**

**WILLIMOTT A. Living the revolution. Urban communes  
& soviet socialism, 1917–1932.  
Oxford: Oxford University Press, 2017. 203 p.**

*Аннотация.* Реферируемая монография Э. Уиллимота посвящена феномену городских коммун, существовавших в ранний период советской истории (1917–1932). Автором исследованы социокультурные предпосылки появления коммун в советских городах, повседневная жизнь коммунаров, расцвет и закат городских коммун на рубеже 1920–1930-х годов.

*Ключевые слова:* история СССР, советское общество, НЭП, городские коммуны, коммунары.

Богомолов Игорь Константинович – кандидат исторических наук,  
научный сотрудник Института научной информации  
по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН), Москва.  
E-mail: boga\_igor@mail.ru

**I.K. Bogomolov. Living in the Revolution. Urban Communes & Soviet  
Socialism, 1917–1932. (Review)**

*Abstract.* The reviewed monograph by A. Willimott is devoted to the phenomenon of urban communes that existed in the early period of Soviet history (1917–1932). The author explores the socio-cultural preconditions for the appearance of communes in Soviet cities, the everyday life of communards, the flourishing and decline of urban communes at the turn of the 1920–1930 s.

*Keywords:* soviet history, soviet society, NEP, urban communes, communards.

Bogomolov Igor Konstantinovich – Candidate of history,  
Researcher, Institute of Scientific Information for Social Sciences  
of the Russian Academy of Sciences (INION RAN). Moscow.  
E-mail: boga\_igor@mail.ru

Монография Э. Уиллимота посвящена городским коммунам, появившимся в России после Октябрьской революции. Автор при этом ставит более широкие задачи исследования советской политической культуры, понимаемой им как «область идей, убеждений и концепций, которые помогли сформировать революционную повестку дня» [1, с. 1]. В этом смысле городские коммуны стали отличительной чертой и важнейшим непосредственным результатом революции 1917 г. Однако, несмотря на интерес со стороны современников, городские коммуны «в основном оставались на обочине советской истории», а вместе с этим – и на обочине исследовательского интереса. Между тем в первые годы после Октября, когда «производство и потребление социалистической идеологии» в российском обществе только формировалось, представления о «новой жизни» в значительной степени зависели от мнений конкретных людей, которые по-разному смотрели не только на идею коммунистического общества, но и формы ее практической реализации. В 1917 г. перед ними открылись беспрецедентные возможности в реализации своего видения «нового типа государства и общества» [1, с. 2]. Советская Россия в первые годы своего существования стала идеальной средой для революционного творчества «снизу», вследствие чего многие активисты вслед за идеологической картиной мира «начали переосмысливать... свои внутренние привычки и повседневную жизнь» [1, с. 3]. Исследование городских коммун, по мнению автора, позволяет на конкретных, максимально «приземленных» примерах понять «тенденции развития молодого советского государства» [1, с. 5].

Монография состоит из введения, пяти глав и заключения. Сам автор выделяет в своей работе три «уровня». На первом из них городские коммуны рассматриваются как наглядный пример «революционного опыта». Основная цель здесь состояла в том, чтобы «пролить свет на общие и наиболее популярные обязательства», которые сами коммунары в своей повседневной жизни ставили перед собой и своими товарищами во имя достижения идеалов революции. На втором «уровне» эти обязательства и конечные цели автор исследует более подробно, так как далеко не все коммуны и даже члены одной коммуны одинаково интерпретировали новые формы человеческого общежития. Наконец, на третьем «уровне» Уиллимот задается вопросом, какое влияние эти ежедневные опыты и интерпретации оказали на развитие советского государства, на городскую среду, на «советский дискурс» и, шире, революционную повестку дня. Пересечение указанных «уровней» открывает «новую социальную историю, основанную на взаимодействии государства и общества» [1, с. 14]. В конечном счете изучение городских коммун – важнейший шаг к пониманию феномена советского социализма, так как «весь спектр революции можно увидеть сквозь призму активности коммунаров» [1, с. 15].

Структура монографии – проблемно-хронологическая и охватывает весь период «жизни» коммуны – от идейного оформления в XIX в. до «заката» коммун вскоре после начала сталинского «великого поворота». Выбрав эту структуру, автор изначально допускал выход за указанные хронологические рамки. Так, в первой главе Уиллимот обратил пристальное внимание на идейно-политические трактовки понятия «коммуна», на проекты ее осуществления еще задолго до 1917 г. По мнению автора, популярность и «живучесть» идеи коммуны придавали особенности социально-экономического развития России. Ни в экономическом, ни в социальном отношении крестьянская община не была эффективным институтом, но при этом она очень органично вписывалась в первые «специфически русские» социалистические идеалы. Вдохновляясь крестьянскими общинными структурами, все большее число русских интеллектуалов XIX в. с различными политическими убеждениями – «от Герцена до Достоевского» – видели в общине конкретное проявление «братства» и «коллективного единства» русского народа. Широко распространено было мнение о том, что суровый климат и низкая плотность населения поощряют кооперативные формы выживания, которые противопоставлялись «гладиаторским боям западного социального дарвинизма» [1, с. 26]. К началу XX в. концепция «коллективизма» стала неотъемлемой частью российских общественных, интеллектуальных и революционных дискуссий, сыграла важнейшую роль в усилении антизападнических настроений в русском обществе, в культивировании «особого пути» России.

Прототипами советских коммун послужили «кружки» разночинной интеллигенции, появившиеся в 1870-х годах. Другие объединения (прежде всего, артели) появились еще до революции и уже к моменту прихода большевиков к власти представляли собой спаянный коллектив единомышленников. В большинстве же случаев костяк будущих коммун составляла молодежь, с готовностью откликавшаяся на призывы поучаствовать в коренной перестройке окружающего мира. Уиллимот обращает внимание на то, что идеи коллективизма оказали значительное влияние на большевиков и их политические воззрения, однако к крестьянской общине их отношение было куда более «прохладным», чем у народников. Рассматривая пролетариат как наиболее «сознательный» класс, большевики видели в рабочих проводников самых продвинутых идей коллективизма. Вскоре после Октябрьской революции стало очевидно, что готовность максимально внести коллективизм в повседневную жизнь не была только отвлеченным теоретизированием. Именно с перемены «быта» многие большевики видели начало «новой жизни». В «лихорадочной атмосфере» Гражданской войны коллективизм часто рассматривался как система, способная в самом широком смысле «заменить старый социальный порядок» [1, с. 27].



Не имея достаточного опыта и необходимых организаторских способностей, первые коммунары воодушевлялись примерами предшествовавших им «борцов за свободу». Существовала потребность в культивировании «чистых и непорочных» личностей с мифологизированной биографией. В этом смысле неудивительно, считает Уиллимот, что большое влияние на повседневность и идейные основы коммуны оказала дореволюционная художественная литература. Роман Н.Г. Чернышевского «Что делать?» был наиболее характерным и популярным примером. Городские коммуны и коммунары стремились воспроизвести решимость и твердость персонажей книги Чернышевского, прежде всего – Рахметова. Они тоже объединялись в квартирах, встречались за «общим столом», разделяли обязанности, вместе трудились. Особенно распространённым было стремление повторить «простой, утилитарный подход Рахметова к еде» [1, с. 31]. Характерно также, что обратным, отрицательным примером для первых коммунаров был гончаровский Обломов, собирательный образ «ленивой, праздной русской элиты» [там же].

Будучи «основополагающим текстом русского социалистического движения», роман «Что делать?» отражал убеждения большевиков в возможности «переработки» отдельной личности в «коллективное существо» [1, с. 32]. Заимствуя название романа Чернышевского, Ленин утверждал, что рабочий класс никогда не придет к власти без руководства со стороны «преданных революционеров». Как и в случае с «новыми людьми» Чернышевского, ведущая роль небольшого и сознательного авангарда «стала краеугольным камнем большевистской революционной теории» [там же].

Несмотря то что большевики отрицали жизнеспособность особого, «общинного» социализма, влияние деревни на пролетариат после революции было большим и отразилось на городских коммунах. Многие вчерашние крестьяне, приехавшие на заработки в город, попадали под влияние местного комсомола и партийных ячеек, которые «пытались включить крестьянскую жизнь в революцию» [1, с. 41]. Но это не значит, что городские коммуны были продолжением крестьянской жизни. Не все коммунары имели тесные связи с деревней и одобряли крестьянскую культуру, а многие и вовсе боролись с деревенскими привычками и традициями.

Уиллимот обращает особое внимание на семантическое определение, словесное «изобретение» коммуны в первые годы после революции. Сам принцип коллективизма принимал разные формы и, соответственно, носил разные названия. Все чаще термин «коммуна» приравнивался к «пространству или органам, предназначенным для коллективного развития». Кроме того, советское понимание «коммуны» распространялось и на кооперативы, и на организации взаимопомощи, и вообще «подразумевало среду, систему или образ жизни, предназначенные для привития коллективных ценностей» [1, с. 45]. Поэтому как «политический лейбл» коммуна символизировала широкую

приверженность передовых активистов делу всестороннего развития коллективизма.

Первые коммуны появились в различных районах Москвы и Петрограда, основными центрами «сосредоточения» коммун были студенческие сообщества (в первую очередь, «рабфаки»). Небогатая жизнь студентов вкупе с постоянным совместным времяпрепровождением побуждали их объединяться как для решения житейских проблем, так и для проведения наглядных «экспериментов» по строительству «нового общества». В целом культурная миссия станет важным аспектом студенческой жизни в первое десятилетие советской власти. Если базовое понимание коллективизма обеспечило студенческую общину формой и структурой, то развивавшийся в 1920-е годы дискурс «культурной революции» помог обеспечить идеологическое обоснование коммуны как ячейки будущего коммунистического общества. Пытаясь реализовать идеи «культурной революции» в конкретном человеческом общежитии, студенческие коммуны и коммунары «стремились утвердиться в авангарде революционных активистов», а значит – и в авангарде всего советского общества [1, с. 58].

Будучи инициативой «снизу», студенческие коммуны в большинстве случаев не ощущали на себе какого-либо серьезного контроля и учета со стороны государства. Сколько таких коммун было сформировано, сказать достаточно трудно. Система статистического учета нового советского государства находилась в зачаточном состоянии на протяжении большей части 1920-х годов. Разрозненные и не всегда достоверные данные автор почерпнул из архивов советских высших учебных заведений. Они свидетельствуют о том, что к 1923 г. в Петрограде было официально зарегистрировано лишь две студенческие коммуны. Согласно тем же цифрам, если в 1929 г. было зарегистрировано 25 коммун (около 2500 членов), то в 1930 г. – уже 60 (около 7700 членов). Признавая значительный рост в конце 1920-х годов, совпадающий с оживленным интересом к коллективизму и коллективной ассоциации, Уиллимот подчеркивает, что эти данные «отражают скорее добровольный и неформальный характер этих групп» [1, с. 54]. И хотя все большее число обществ на низовом уровне «подпадали под влияние государственных учреждений», студенческие коммуны оставались «слишком обособленными... чтобы функционировать в качестве официальных помощников власти» [1, с. 58].

Схожие причины для объединения были и у коммун в жилых домах (так называемые «жилищно-бытовые коммуны», ЖБК). Как и в случае со студенческими коммунарами ЖБК брали свое начало одновременно в идеологических дискуссиях и житейских потребностях. Строительство «социализма в отдельно взятой квартире» началось еще на рубеже 1917–1918 гг. на фоне хозяйственной разрухи в стране, дефицита товаров и реальной угрозы голода в больших городах. Объединению способствовал и начавшийся в то же время

так называемый «революционный жилищный передел», означавший разделение «буржуйских» жилплощадей для поселения рабочих и крестьян.

Разрушение стен (в буквальном смысле) между квартирами бежавших представителей «эксплуататорских классов» сближало новых обитателей в их нужде и стремлении к «новой жизни». Повседневная взаимопомощь сформировала устойчивые сообщества, многие из которых продолжили существование и после 1921 г., когда «революционный жилищный передел» был официально свернут. Эта «кратковременная пауза в государственной политике» не обязательно означала «революционные компромиссы во всех областях». Во всяком случае с приходом НЭПа городские коммуны и коммунары «стали еще более решительными в своей борьбе со старым образом жизни» [1, с. 84]. Жилое пространство, благодаря оставшимся возможностям его реформирования, и в годы НЭПа «оставалось очень важным местом развития революции» [там же].

Отсутствие каких-либо «легал» по созданию коммуны порождало широкий простор для творчества и разных форм общежития, спонтанность шагов, а нередко – и противоречия во взаимоотношениях с государственными органами и другими коммунами. Как отмечает автор, не все коммуны «следовали одной и той же траектории или разделяли одни и те же цели», некоторые из них оказались «более успешны с точки зрения долголетия и численности», другие же существовали не более года и «не простирались дальше своих четырех стен» [1, с. 59]. Но это разнообразие форм только подчеркивало рост числа коммун и численности ее членов. Советский политический дискурс 1920-х годов был для этого благодатной почвой, так как порождал множество радикальных идей перестройки «быта», сохраняя при этом и простор для их реализации.

Тем не менее определенные общие характеристики сближали коммуны, и касалось это не только идеологии, но и организации повседневности. Многие группы разрабатывали «системы внутреннего регулирования и сосредоточения средств в общих руках» [1, с. 53]. Подобно студенческим коммунаам они создавали «общие котлы» для сбора средств на покупку необходимых продуктов и промтоваров, регулярно проводили собрания для обсуждения проблем и вопросов общежития. Обычным явлением было составление правил коммуны, ведение стенгазет, совместные культпоходы, совместное участие в праздниках и демонстрациях. Попытки «упорядочивания» свободного времени и повышение эффективности труда (так называемая «научная организация труда», НОТ) стали общим веянием в среде коммунаров. Активно внедрялась система «тщательного расчета доходов и разумных расходов», обеспечивавшая равномерное потребление коммунарами завтрака, обеда и ужина. Более того, каждое блюдо планировалось в одно и то же время каждый день.

В целом НОТ «стимулировала большинство обсуждений и экспериментов» в коммунах [1, с. 61]. Для коммунаров это было не только насущной необходимостью, но и средством доказать самим себе, что победа над имущественным, сексуальным, экономическим и политическим неравенством возможна благодаря встраиванию личной жизни каждого человека в строгий ежедневный распорядок. Эта борьба за «новый образ жизни» посредством переустройства быта становилась частью более широкого фронта против «онэпивания» молодежи и прививания ей «буржуазных привычек». Комсомольцы были заинтересованы в этой борьбе, так как «сильнее всего проигрывали от реанимирования рыночных механизмов», что со временем придало поддержке коммун «полуофициальный характер» [1, с. 86].

Однако на первых порах вмешательство государства в жизнь коммунаров чаще всего ограничивалось декларативными заявлениями, общими одобрениями и редко выражалось в практических шагах. Нельзя сказать, считает Уиллимот, что у власти не было намерений каким-то образом повлиять на эти объединения, использовать коллективизм для усиления контроля над обществом. Однако за намерениями поначалу не было конкретного плана и конкретных целей, так как идеалистические устремления коммунаров далеко не всегда вписывались в меняющуюся политическую конъюнктуру и не оставляли большевикам достаточного, с их точки зрения, пространства для идеологических маневров.

Едва уловимую отстраненность государства от темы городских коммун осознавали и сами коммунары. Не всем из них это нравилось, многие видели в этом недоработку партии и особенно комсомола, их инерционность и невосприимчивость к новым методам борьбы за коммунистическое будущее. В то же время значительная часть коммунаров воспринимала эту ситуацию как вполне нормальную, ибо, по их мнению, завоеванная революцией свобода априори лишала государство права каким-либо образом «учить» своих граждан. Представления о «новой жизни» формально вписывались в рамки социализма, но конечные формы коммуны были слишком неустойчивы, слишком разнообразны и к тому же касались того уровня человеческой повседневности, который до поры не был подконтролен партии и государству. Так, на съездах комсомола в 1920 и 1921 гг. делегаты подчеркивали роль коммун в общих дискуссиях о «новом быте». Комсомольские функционеры неоднократно называли городские коммуны площадками, где молодежь могла бы развить свою «революционную идентичность» и спастись от «развращающего влияния семейной и буржуазной жизни» [1, с. 46]. Однако для многих коммунаров это были лишь очередные напоминания о важности их дела для советского общества, но не руководство к действию.

В результате к тому времени, когда советское руководство «стало рассмат-

партии», коммунары уже имели богатый опыт строительства саморегулируемых сообществ [1, с. 48]. Одной из позднейших форм стали «рабочие коммуны», формировавшиеся на фабриках и заводах. Задачи рабочих, студенческих и жилищно-бытовых коммун на первый взгляд совпадали: организация рабочего и свободного времени, взаимопомощь, развитие «чувства коллективизма». Однако рабочие общежития изначально имели несколько важных особенностей: члены коммуны были одновременно рабочими одного предприятия и имели над собой одно руководство в лице различных заводских и фабричных директоров, начальников цехов и т.д. Формально не вмешиваясь в жизнь рабочих-коммунаров, руководство видело большой экономический потенциал от таких объединений. Внимание высшего руководства страны обеспечило этой идее широкую идеологическую поддержку. В результате между 1927 и 1929 гг., на фоне роста «интереса к коллективистским идеалам», число рабочих коммун начало быстро расти. К началу первой Пятилетки, по официальным данным, в рабочие коммуны входили около 100 тыс. человек [1, с. 113].

Однако с широким вовлечением пролетариата и более пристальным вниманием государства сама суть коммуны начала меняться. Уиллимот отмечает, что на рубеже 1920–1930-х годов коммуны начали постепенно терять кадровый «костяк» – тех, кто пришел в коммуну еще в 1917–1918 гг. Это была одна из ключевых причин «рассеивания» городской коммуны в условиях «смещения идеологических акцентов советской индустриализации» [1, с. 133]. В партийной и комсомольской печати в это время усилилась критика жилищно-бытовых коммун, публиковались статьи и карикатуры, обличавшие «ежедневный хаос в студенческой коммуне» [1, с. 138]. Устойчивым в прессе стало представление о «коммунальном хулигане», нарушающем порядок не только в коммуне, но и в общественных пространствах и на производстве.

В то же время, отмечает Уиллимотт, критика коммун по своей форме никогда не была «войной с мечтателями». В партийной и комсомольской среде отношение к коммунам продолжало оставаться двойственным: одни видели в коммунах необходимый источник вдохновения и романтизма, неоценимый опыт моделирования коммунистического общества на низовом уровне. Другим представителям партаппарата коммуна представлялась пережитком, уже не соответствующим «духу времени». Это уравнивание в оценках отражалось и на публикациях в печати, критика которой, как правило, ограничивалась сожалением, что коммуна несовершенна и не всегда может встроиться в новые реалии «великого поворота».

Наиболее типичной была оценка коммун Л. Кагановичем, который рассматривал их не как «развлечение и источник альтернативных приоритетов», а больше как «возможный придаток комсомола и партии» [1, с. 146]. При этом Каганович не видел объективных возможностей для создания искусственных «псевдокоммун» под патронажем какого-либо начальства и вообще

не верил в возможность принудительной «коллективизации быта» в городских условиях. Эта позиция, с одной стороны, освобождала коммуны от партийной опеки, но с другой – лишала возможной административной поддержки. Альтернативой были новые рабочие коммуны на производстве, от членов которой требовались единство, порядок, единоначалие и беспрекословное подчинение [1, с. 170].

Для большинства коммунаров коммуна «никогда не была ни самоцелью, ни островом, ни идиллией, а средством борьбы за революционное дело» [1, с. 174]. В новых условиях многие из них искренне верили, что советский социализм вступил в следующий этап своего развития, и соответствующим образом изменить свою жизнь. Борьба за экономические показатели вышла на первый план, заслонив собой многие бытовые вопросы, волновавшие коммунаров в первые годы советской власти. Приближение коммунизма отныне увязывалось с выполнением и перевыполнением текущих планов, а не с перестройкой быта. Тем не менее опыт общежития в городских коммунах позволил многим рабочим быстрее адаптироваться ко многим сложностям и лишениям эпохи сталинской индустриализации.

### Библиография

Willimott A. Living the revolution. Urban communes & soviet socialism, 1917–1932. Oxford: Oxford University Press, 2017. 203 p.

### References

Willimott A. Living the revolution. Urban communes & soviet socialism, 1917–1932. Oxford: Oxford University Press, 2017. 203 p.

**Ю.В. Чайников**

**ЗА ПУТИНА И ЗА ШАРИАТ.  
ДАГЕСТАНСКИЕ МУСУЛЬМАНЕ О РОССИИ  
И ИСЛАМСКОМ ГОСУДАРСТВЕ  
(Реферат)**

**KALISZEWSKA I. Za Putina i za szarijat.  
Dagestańscy muzułmanie o Rosji i państwie islamskim.  
Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, 2016. 218 s.**

*Аннотация. Данная работа представляет собою реферат книги И. Калишевской, посвященной изучению социальной ситуации в Дагестане, отношения разных слоев населения к религии и к властным структурам.*

*Ключевые слова: Дагестан, ислам, шариат, политическая антропология.*

Чайников Юрий Викторович – ведущий редактор отдела  
Азии и Африки Института научной информации  
по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН), Москва.  
E-mail: tchainikov@yandex.ru

**Yu.V. Tchainikov. For Putin and for Sharia. Dagestan Moslems about  
Russia and the Islamic State. (Summary)**

*Abstract. The paper deals with the social situation in Dagestan, with the population's attitude to religion and authority.*

*Keywords: Dagestan, Islam, sharia, political anthropology.*

Tchainikov Yuri Viktorovich – editor, Department  
of the Asian and African studies, Institute  
of the Scientific Information for Social Sciencies  
of the Russian Academy of Sciencies (INION RAN), Moscow.  
E-mail: tchainikov@yandex.ru

Ивона Калишевская – заместитель директора по международному  
сотрудничеству Института этнологии и культурной антропологии (Варшавский

университет, Польша) – семь лет вела в Дагестане исследовательскую работу, пик которой пришелся на 2008–2013 гг. Приступив к работе как антрополог религии, она по мере вживания в ситуацию перешла к ее изучению с позиций политического антрополога. В композиционном плане книга представляет собой сочетание вставленных отдельными блоками репортерских записей бесед с местными жителями, дневниковых воспоминаний о пребывании в республике и то, что можно назвать научными формулировками. Особое внимание автор посвятила конкретным вопросам своего становления как этнографа. Исповедальная наррация предопределила обильное цитирование в реферате.

«Дагестан – самая нестабильная республика на территории Российской Федерации» [с. 7] – первая фраза книги. Уже на первых страницах найдена причина нестабильности, которая «является проявлением более широкого кризиса Российского государства в регионе всеохватной коррупции и отсутствия доверия к государственным структурам, прибегающим к кровавым, неправовым методам борьбы не только с подпольщиками (термин автора книги. – Ю. Ч.), но и с обычными мусульманами» [там же].

В условиях кризиса государства автор считает малопродуктивным обращаться в анализе к официальным заявлениям политиков или к официальной статистике. «В месте, где множество изменений происходит “вне государства”, вне его институтов и решений, где все больше людей дистанцируется от государственных практик, подход, не учитывающий пространство повседневности, приводит к тому, что мы можем не заметить самую динамичную часть изменений. Сосредоточиваясь на институциональном аспекте, мы также игнорируем пограничные области между тем, что является легальным, и тем, что нелегально, между тем, что сказано, и тем, о чем умолчали, что продемонстрировано и что скрыто» [с. 14].

Махачкала светская, по мнению автора, – обычный российский город, с главной улицей, с рядом госучреждений и зданий общественного значения. До 2006 г. большинство знакомых автора ни разу в жизни не были в мечети. Махачкала религиозная, хоть и находится топографически в том же самом месте, но считается по иной когнитивной карте, с иными точками отсчета, и именно в этом как бы ином измерении автор решила вести свое исследование. Это измерение отмечено не только фиксированными точками (мечети, минареты, медресе, магазины халяльных продуктов), но и полуофициальными подвижными знаками ислама – начертанными на стенах домов лозунгами, призывающими крепить веру, замазанные краской изображения полуодетых женщин на рекламных билбордах, объявления в маршрутках, что женщинам в хиджабах проезд бесплатный и т.д. Автор проводила опрос главным образом среди людей в возрасте 30–50 лет, которые лишь недавно обратились к исламу и в жизни которых религия заняла важное место. Большинство из



них занимались мелким бизнесом: содержали исламские магазины, кофейни, занимались традиционной медициной и сравнительно хорошо устроились в мире дагестанских деловых людей. Опросы велись как в самой Махачкале, так и, главным образом, в Цумадинском районе, расположенном на границе Дагестана с Грузией и Чечней.

«Мой исследовательский опыт и знание получены во время порой неожиданных встреч с государством на блокпостах при въезде и выезде из города, где я вместе со знакомыми и незнакомыми людьми ждала контроля и разрешения продолжить поездку. Этнография разбросанных в пространстве точек не менее ценна, чем классическое исследование какой-то одной избранной деревни или соседской общины» [с. 26]. Главное в таких «распыленных» в пространстве и не составляющих единства во времени находках – некая объединяющая их сущность, некий «местный» элемент. Притом что дагестанских визави автора многое разделяло, было у них и нечто общее – «вера, опыт кризиса государства и желание поделиться со мной своими проблемами и взглядами на будущее республики, что, собственно, и составило главный предмет описания в данной публикации» [с. 27].

Одним из побудительных мотивов исследования стал для автора момент несоответствия той в общем-то благостной картины жизни в Дагестане, которую она наблюдала, с преувеличенной заботой хозяев о том, чтобы она не возвращалась поздно вечером или не передвигалась самостоятельно по республике [там же]. О насилии говорили немного и не прямо. Однако часто оказывалось, что несказанное могло быть не менее важным, чем то, о чем говорилось вслух. «“У нас в Дагестане живут тем, о чем не говорят”, – сказал один мужчина (35 лет), когда захотел обратить в шутку мой, возможно, не самый тактичный вопрос о коррупции» [с. 37]. «Знание о том, чего не следует знать, становится способом выживания и основой общественной реальности» [с. 28]. Страх скорее чувствовался, чем был артикулирован. «В то же время появившиеся у меня страхи хозяева всеми силами пытались погасить (“Война не у нас, у нас тихо, это все СМИ выдумали”, “В конце концов здесь не Чечня”)), – утверждает Калишевская. Тем не менее такие противоречивые установки сделали свое дело: «После нескольких лет, посвященных поездкам в Дагестан, я собрала достаточно свидетельств и выслушала довольно много рассказов, чтобы мое тело инстинктивно реагировало на опасные ситуации» [с. 33]. В последующие годы Калишевская отбросила иллюзии о спокойной жизни в республике. «Как и сами жители Дагестана, я начинала жить в двух мирах: один – безопасный, а второй – мир насилия, что давало не просто разные, но часто разнонаправленные восприятия и реакции» [с. 34]. С автором произошло то, что по-русски называется чувствовать кожей, а в антропологической науке отражено как положение о взгляде на действительность через опыт, воплощенный в теле людей, в их социальной и материальной среде, где

телесные навыки переплетаются с идеями относительно общества. Тело в этой концепции было источником и мотором культурного знания.

В Дагестане автору книги пришлось столкнуться и с неудобными вопросами о допустимости недоговаривать о себе как об иностранце, переодеваться в местные одежды, выдавать себя за кого-то другого при ведении исследования.

Действительно, вспоминает Калишевская, один разговор складывался с ней, когда она выступала в роли иностранки, и несколько другой, когда представлялась «жительницей Дагестана» или «русской». Но если такие подмены могли пройти в мимолетных беседах, то при длительных и более детальных разговорах ей приходилось сообщать собеседнику, что она не мусульманка и что родом из Польши. «Готовность моих собеседников вести со мной долгие и обстоятельные разговоры объяснялась не только традиционным дагестанским гостеприимством, но порой и желанием сагитировать меня к переходу в ислам» [с. 41].

«Переломным моментом в моих исследованиях стали 2009–2010 гг. Проблемы региона все чаще поднимались в публичных дебатах, все более открыто говорилось о коррупции и выражалось недовольство “системой” Российской Федерации. Постепенно меня перестали воспринимать как шпионку, я была просто иностранкой, корреспондентом, человеком, которому можно рассказать “обо всем этом бардаке”, потому что появлялся шанс, что я напишу об этом, что “покажу миру, что здесь творится, с какой несправедливостью приходится иметь дело”. Информацию, к которой я поначалу отнеслась как к доверительной, была опубликована в Интернете, порой даже в местной печати, в частности в газете “Черновик”» [с. 42].

Кто же в дагестанском конфликте жертвы насилия? «Чем глубже я вживалась в ситуацию, тем все более размытой, все более неоднозначной представлялась реальность. Жертвами конфликта становились не только те, кого подозревали в терроризме, но также и простые милиционеры, и другие представители власти... Они гибли как представители государства, их отождествляли с преследованиями и насилием вне зависимости от их реального участия в такого рода акциях» [с. 43–44]. Постепенно к автору пришло понимание, что с помощью заранее заготовленных схем научного понимания ситуации она не может не справиться с заданием. И в этой ситуации нужно действовать сочувственно, прислушиваться, видеть, замечать, делить пространство, жизнь со своими собеседниками и вырабатывать новое знание также и тогда, когда не соглашаешься с собеседниками. «Я не скрывала своего несогласия, слушая о том, что убийство гадалок, проституток или милиционеров – благо для общества, равно как и о том, что единственный способ решения конфликта – ликвидация ваххабитов» [с. 44].

Калишевская пишет, что понять это противостояние можно только в контексте изучения ситуации на Северном Кавказе; описанию этой ситуации она посвящает отдельную главу. «В начале третьего десятилетия существования Российской Федерации Северный Кавказ остается местом, где насилие на постоянной основе вошло в повседневную жизнь, местом, где мы имеем дело со всепожирающей коррупцией, где жители добиваются справедливости “самостоятельно”, нередко с помощью оружия. В результате Северный Кавказ, становится областью, где господствуют другие принципы жизни общества, а российский закон действует лишь формально» [с. 47].

Всё больше жителей Дагестана, вне зависимости от их отношения к шариату, перестают «участвовать в государстве», а если и участвуют, то чисто инструментально. Они дистанцируются от практик государства, осуждают их как достойные морального порицания, как не соответствующие принципам, которыми руководствуются последователи ислама. «Государство» же живет в воспоминаниях о СССР, в таких символах власти, как портреты Путина, памятники Ленина. В определенных контекстах государство оценивается положительно, в других оно воспринимается как источник необоснованного насилия, которое затрагивает многие аспекты повседневной жизни.

Самые яркие проявления кризиса государства – это продолжающийся конфликт между боевиками и силовыми структурами государства, борьба внутри структур государства, криминализация социально-политической жизни, всеохватная коррупция и потеря доверия к представителям власти. «Борьба боевиков – это ответ на кризис государства, коррупцию, социальное неравенство, на невозможность добиться справедливости правовым путем. А потому конфликт не столько причина, сколько проявление или даже последствие более широкого кризиса в регионе» [с. 48]. При этом, по мнению Калишевской, кризис государства в Дагестане может быть на руку силовым структурам, поскольку проведение антитеррористических операций связано с большими деньгами. Однако при этом она справедливо замечает, что ситуация нестабильности на руку преступным группам, занимающимся торговлей наркотиками, отмыванием денег, а также рэкетирам. Рэкет использует мусульманскую риторику, «клиенты» облагаются поборами «на джихад», а не на охрану коммерческих интересов. Именно коммерческие выгоды, которые можно получить при нынешнем положении дел, а не мифическое бедственное положение народа Дагестана, автор видит в качестве причины появления и существования боевиков: «Я рискнула бы заявить, что средний житель Дагестана живет лучше, чем житель российской провинции... и мне кажется, что экономический фактор в качестве причины пополнения молодежью рядов боевиков значительно преувеличен» [с. 51].

Понять это явление, по мнению Калишевской, можно только на фоне анализа истории Дагестана. Начало модернизации региона автор видит

в действиях царской России на Кавказе еще в первой половине XIX в. Эта традиция была прервана распадом Советского Союза. В многонациональном регионе прерывание традиции (в том числе и традиции модернизации) оказалось болезненным для всех.

Бездействие постсоветских государственных структур только усугубляло положение. Конец такому развитию событий положило вооруженное нападение чеченских боевиков на Дагестан в 1999 г., когда многонациональный народ почувствовал единство и дал отпор агрессии. Вскоре Россию возглавил Путин, и местная элита стала консолидироваться хотя бы в смысле лояльности Кремлю и укрепления на этой почве взаимных деловых, клановых и семейных связей.

«Локальные элиты можно окрестить термином “безответственные”: они заиклены на частных интересах и лояльностях, они “не интересуются” остальными гражданами, которые им не нужны ни как рекруты, поскольку нет внешней угрозы, ни как избиратели, потому что выборы уже много лет успешно фальсифицируются, ни как налогоплательщики, ибо прибыли свои элита черпает из дотаций центрального правительства и из более солидных отраслей экономики» [с. 57–58].

Такова оценка общего состояния республики, к которому автор пришла, в частности, благодаря общению с простыми гражданами и с компетентными органами. «Без моих встреч с государством, которые, к счастью, не сопровождались использованием физической силы, трудно было бы мне приблизиться к пониманию опыта многих, вчувствоваться в их страх, возмущение и презрение в отношении представителей власти» [с. 60]. Во время дачи объяснений в органах правопорядка ей приходилось доказывать, что она не шпионка, что не возит деньги для ваххабитов, что не представляет ни госдеп, ни британскую НПО (которая в некоем пропагандистском фильме обвинялась в помощи боевикам).

«Борьбу с терроризмом» автор работы чувствовала на каждом шагу: например, в разговорах, в автомобильных пробках, когда приходилось пережидать какие-то конкретные контртеррористические мероприятия. Однако она ощущала это как нечто далекое, происходящее не с нею: «В 2005–2009 гг. я не встретила никого, кто поддерживал бы борьбу подпольщиков; сильная антиваххабитская риторика привела к тому, что такие люди скрывались сами и скрывали свои взгляды» [с. 63]. Но с 2009 г., замечает автор, характер поведения о конфликте и насилии изменился. Всё больше в сообщениях было критики как боевиков, так и действий государства. Всё чаще можно было встретить сомнения относительно чистоты намерений представителей государства, потому что притчей во языцех стали необоснованные (по мнению простых граждан, проживавших рядом с штурмуемыми силовиками объектами) обстрелы. («Да нет там никаких боевиков, там моя племянница с детьми

живет, и рядом тоже нет – там бабушка старая».) Откуда же появлялись на месте операции трупы убитых боевиков? Автор повторяет один из расхожих вариантов слухов: ими становились те, кто «был замучен до смерти (т.е. захвачен раньше, в ходе мероприятий по поимке террористов. – Ю. Ч.), их тела подбрасывали на место спецоперации, а в руки вкладывали оружие» [с. 65]. «Агенты государства действуют как инструменты необоснованного насилия», «постоянный страх за собственную жизнь и жизнь близких чувствовался не только во время задержаний или арестов. Насилие “записано” в телах и умах людей, для которых страх – неотъемлемый элемент повседневности», – утверждает Калишевская [с. 67, 69].

Она приходит к выводу, что на периферии с большей силой дает о себе знать «магическое» измерение государства. В Дагестане оно реализуется в рассказах о государстве как активном деятельном субъекте и через «фантазии, генерируемые вокруг идеи государства». Эти люди с большой долей критики относятся к действиям местных представителей силовых структур, отвечающих за борьбу с терроризмом, но с благоговением внимают речам президента Путина, видя в нем надежду на лучшее будущее. В Дагестане фантазии, генерируемые вокруг идеи государства, вокруг тех лиц, которые представляют его, черпаются из глубоко укорененных представлений относительно работы государственных механизмов, каковыми они были в Советском Союзе и царской России. Кроме того, сила государственных СМИ создает пространство, в котором насилие со стороны государства приобретает дополнительные «магические» значения, хоть и абстрагированные от повседневности, но тем не менее обладающие большой силой. В них о боевиках говорят практически всегда дегуманизированно, как о людях, не имеющих права ни на оборону, ни на суд, «ликвидация» которых оправдывается [с. 82]. Насилие государства на реально ощутимом повседневном уровне порицается, но на абстрактном, на идеальном уровне насилие, направленное против «настоящих террористов», приветствуется как сулящее порядок и кладущее конец хаосу. Калишевская приводит слова 47-летнего мужчины: «Наша надежда только на Путина. Тут нужна сильная рука» [с. 82–83].

Государству в этой борьбе противостоит не просто «группа недовольных граждан», а те, кто объявил, что за ними стоит вера, религия, правда. Несомненный рост присутствия признаков религии в жизни населения республики (который «вряд ли можно назвать исламизацией, скорее шариатизацией, ритуальным возвращением внешних примет благочестия исламской жизни») может создать впечатление о росте поддержки боевиков среди населения. Однако, по утверждению Калишевской, впечатление это является ложным.

Анализируя причины, по которым такое впечатление может сложиться, исследовательница утверждает: вера и религиозная практика в советское время были отодвинуты в сферу частной жизни. Перестройка расширила

пространство ислама в общественной жизни: с 1985 по 1991 г. количество мечетей увеличилось с 27 до 514, возникли 4 медресе и 42 мактабы, в хадж отправились 1200 человек, возросло значение исламских СМИ [с. 88]. Возникли партии, апеллирующие к исламским ценностям. Однако при всей возрожденческой риторике большинство дагестанцев, по мнению автора, не читали исламских газет и поначалу в мечети приходили из любопытства, а в хадж отправлялись как в очередную туристическую загранпоездку. Чтение Корана на похоронах стало элементом социального принуждения, весьма стесняющим тех, кто не знаком с ритуалами. Быть мусульманином и участвовать в ритуалах стало частью национальной идентичности, инструментом социализации, что, впрочем, вовсе не было связано с религиозностью. Граница между национальным и религиозным самосознанием была подвижной. Динамика национального возрождения отдельных национальностей, похоже, возобладала над публичными проявлениями религиозности.

В СССР административное деление строилось во многом на национальной основе: национальные союзные республики, национальные автономные республики в составе более крупных образований, автономные области и национальные районы. «Дагестан был единственной национальной республикой внутри Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, в основе которой не лежал этнический фактор. Да и само название Дагестан означает просто “страна гор”» [с. 90]. Однако «Горская республика», созданная путем акцентировки общности горцев, «горской идентичности», и которая поначалу включала земли к западу от теперешнего Дагестана, быстро распалась. Трудно сказать, что конкретно привело к этому распаду — то ли, как считает автор, проводимая центром политика «разделяй и властвуй», то ли желание воплотить в жизнь «великий реформаторский проект» и создать империю свободных народов. В конечном счете возникли отдельные народы, определяемые в категориях сплоченных групп, имеющих свой фольклор. «Дагестанские народы (этнические группы) были воспитаны в том же духе с той лишь разницей, что одновременно, параллельно формировалась или укреплялась трансэтническая дагестанская идентичность и чувство связи с республикой» [с. 91].

В 20–30-е годы XX в. осуществлялись программы поддержки развития дагестанских этносов, созданные этнические категории заполнялись реальными людьми. Тем не менее интерес к «развитию национальных идентичностей» в Дагестане был невелик. Были организованы национальные школы, газеты, театры, письменный язык был стандартизирован на основе латинского алфавита, но архивные исследования свидетельствуют о «небольшом значении реформ среди горцев: как крестьяне, так и интеллигенция не были слишком заинтересованы в развитии отдельных национальных культур. В соответствии с официальными данными члены этого сообщества в очень

небольшой степени осознавали себя как члены официально учрежденной национальной группы. Не исключено, что причиной такой ситуации было то, что жители Северного Кавказа имели много общего между собой, и их общее наследие выходило за этнические и лингвистические рамки» [с. 92].

Вызванные к жизни этносы дали о себе знать во время перестройки. Именно они, причем в гораздо большей степени, чем религиозные идеи, первоначально заняли место коммунистической идеологии в Дагестане. Кажется, что этническое разнообразие в Дагестане станет источником нестабильности, однако все произошло совсем наоборот – и в Дагестане удалось избежать конфликтов на этнической почве. Этническое равновесие в этой республике стало основой для уникальной в масштабах бывшего СССР политической системы, опирающейся на пропорциональное участие представителей всех этносов в структурах власти. «Несмотря на очередную после распада СССР “институционализацию” этносов, этнические различия быстро превратились в различия между отдельными джамаатами. Лидеры национальных движений перестали интересоваться судьбами мобилизованных ими групп и оказались, вопреки ожиданиям, не лидерами отдельных этносов, а представителями своих джамаатов, защищая прежде всего их и свои собственные интересы. Политическая элита постепенно стала превращаться в (собственный) джамаат сам по себе, что в дальнейшем лишь окрепло благодаря централизаторским действиям Путина, сводящим местную политику к демонстрации лояльности Кремлю», – утверждает Калишевская [с. 93].

Эти действия сравнительно быстро (быстрее, чем в других областях России) привели к разочарованию и потере интереса к этническим движениям, в том числе и к собственному этносу.

Конец 1990-х и начало нового столетия стали рубежом как во внешней, так и во внутренней российской политике – в частности, в политике по отношению к мусульманскому Кавказу. К концу XX столетия обострился конфликт между Духовным управлением мусульман Дагестана (ДУМД) и суфийскими братствами, с одной стороны, и салафитами – с другой. Эти последние привлекали молодежь и интеллигенцию своей критикой «неистинного», «погребального» ислама, «ислама ритуалов». В свою очередь, ДУМД удалось убедить власти, что реформаторы представляют угрозу не только для «традиционного» ислама, но и для политической системы Дагестана и правящей элиты. Поначалу власти терпимо относились к проявлениям салафизма / ваххабизма, о чем говорит наличие ваххабитского анклава в кадарском джамаате (несколько аулов в Буйнакском районе, в том числе – Карамахи и Чабанмахи), где в 1998 г. местные салафиты узаконили шариат и выгнали представителей официальной власти. И лишь вооруженное нападение чеченских и дагестанских радикалов на Дагестан осенью 1999 г. убедили власти, что салафизм (как вооруженный, так и мирный) представляет

главную угрозу для стабильности республики. Само понятие «религиозное возрождение» приобрело политическую окраску. Тогда же власть заключила негласный договор с ДУМД, по которому обязалась всячески поддерживать последний за его помощь государству в борьбе с салафитами. Результатом такого развития ситуации после 1999 г. стало возникновение в Дагестане вооруженного подполья. Идеи боевиков получили популярность в молодежной среде, идея превращения Дагестана в исламскую республику появилась в публичном дискурсе.

По мнению автора книги, «политика силы, практикуемая Москвой часто с согласия и при поддержке местных элит, не оправдала себя» [с. 98]. «Охота на ведьм, похищения людей и пытки способствовали расширению рядов боевиков или их сторонников, которые часто в ходе протестов против коррумпированной власти поддерживали идеи боевиков. Действия боевиков как правило были направлены не против гражданского населения, а против представителей власти, сотрудников МВД и ФСБ, что в условиях все меньшего доверия к власти и восприятия ее как источника насилия дополнительно расширяли ряды сторонников вооруженной борьбы» [с. 98].

В описании религиозной жизни мусульман бывшего СССР преобладает, считает Калишевская, деление на «традиционалистов» и «ваххабитов» (или аксиологические аналоги этих понятий). Термином «традиционалисты» или «неотрадиционалисты», как правило, определяют членов суфийских братств и тех, кто придерживается традиционных форм религиозности. «Ваххабитами» (или гораздо чаще «салафитами») называют сторонников реформаторского ислама, стремящихся к очищению ислама от разнообразных форм местной традиции. В Дагестане наиболее яркой дихотомией («из-за политических процессов», – продолжает автор статьи) является «суфизм-ваххабизм» [с. 103].

Исходя именно из этой дихотомии, автор приступала к общению со своими собеседниками. Однако чаще всего такой подход не оправдывал себя. В подавляющем большинстве ее собеседниками оказывались те, кого она назвала «просто мусульманами» или «новыми мусульманами», – люди, совсем недавно приобщившиеся не только к духовной, но и к обрядовой стороне религии. В их жизни такой дихотомии не было, но, услышав о ней от иностранной гостьи, они всячески пытались помочь и найти хоть кого-то, кто соответствовал бы в их понимании столь высоким определениям, как суфизм или салафизм / ваххабизм.

Однако Калишевская приходит к выводу, что дихотомия «суфизм-ваххабизм» и связанная с ней риторика властей и ДУМД не осталась без влияния на умы людей. В соответствии с утверждениями ДУМД ваххабиты финансировались из-за рубежа теми силами, которые желали развала России. К 2009 г. создалась интересная обстановка: с одной стороны, большинство из



опрошенных автором заявляли, что всех до одного ваххабитов надо уничтожить, с другой – те же самые люди не поддерживали вооруженные акции, проводимые местными и федеральными силовыми структурами, считая их прикрытием для «отмывания денег», «бизнесом» по выбиванию взяток с местного населения. Каждый раз комментарий их действий содержал сакраментальную фразу, что «силовики пришли не по адресу» [1, с. 109]. Да и само существование ваххабитов ставилось под сомнение: «А они вообще существуют? Их кто-нибудь когда-нибудь видел?», «Придумали себе ваххабитов, чтобы было на кого проблемы спихнуть», считали, что с помощью понятия «ваххабит» пытаются избавиться от политических оппонентов [с. 110].

Силовым методам «простые мусульмане» явно предпочитали мирные, спокойные меры, в частности те, что предлагало ДУМД, как то: введение в дагестанских школах предмета «основы религии», формирование исламской школьной системы, ограничение продажи алкоголя, запрет на азартные игры, борьба с проституцией, легализация многоженства [с. 111]. Постепенно, к концу первого десятилетия XXI в. улицы заполнились женщинами в хиджабах, в мечетях стало больше молящихся, в маршрутках вместо музыки все больше звучали *нашиды* (песни религиозного содержания), а в дни священного месяца Рамадан многие кафе и рестораны в светлое время суток не работали. Вопросы типа «верующий ли ты» или «молишься ли ты» стали частью обычных вопросов при знакомстве, причем, говоря о себе, люди позиционировали себя как не имеющих ничего общего с ваххабитами. «Этот опыт привел меня к тому, что я осторожней стала задавать вопросы и прежде всего все более удачно разрушала в собственной голове дихотомию “суфизм-ваххабизм”» [с. 114]. «Чем лучше я узнавала своих собеседников, чем больше времени проводила с ними, беседуя, чаевничая, слушая проповеди мусульманских проповедников, нашиды и хиты “Фабрики звезд”, тем яснее становилась для меня потребность выйти за рамки оппозиции “суфизм-ваххабизм” для описания их мира и жизни» [там же].

Практически все говорили, что на их обращение к религии в первую очередь повлиял кто-то из близких, кто отличался большей осведомленностью об исламе: «Мои собеседники с большей охотой обращались к печатным материалам и дискам, в которых рассматривались основы веры, чем к филиппикам идеологов ДУМД, направленных против “ваххабизма”» [там же].

«Дискурсивные различия оставались за рамками, как бы “снаружи” мира религиозной практики, ежедневного выбора и идентификации. Они появлялись во время разговоров о политике и государстве, однако были практически вне этого контекста. Тотальная вездесущность вышеотмеченной дихотомии и ее парадоксальное одновременное отсутствие привели к тому, что я решила сконцентрироваться на “мусульманах”, “просто мусульманах”, на тех, кого я назвала “новыми мусульманами”, т.е. на людях, воспитанных

в мусульманской традиции, которые часто сами себя называют мусульманами, но в жизни которых религия не играет важной роли» [с. 120].

Религия чаще всего приходит в жизнь неофита, когда тот ищет лад в себе, утверждает исследовательница. «В России многие ищут лад не в себе, а ищут его для себя. Гарантом такого лада должна быть высшая власть. Если местные институты не обеспечивают порядок, лад, люди ожидают, что его обеспечат вышестоящие политические органы» [с. 122].

Мечта о порядке – постоянный элемент надежды собеседников, но лишь часть из них ждала, по мнению автора, этой милости от государства, остальные считали, что порядок помогут восстановить имамы: «только в исламском государстве будет справедливость», «только шариат спасет Дагестан», «не желаем жить в государстве неверных и лицемеров» [с. 123].

Люди, согласно Калишевой, пытались в религиозных терминах рассказать о своих надеждах, об опыте достижения внутреннего спокойствия и порядка, какой они черпали из обращения к принципам шариата, а также – об опыте хаоса дагестанской повседневности, которую они характеризовали как моральный упадок, социальную дезинтеграцию и насилие.

Автор книги утверждает: из множества точек зрения проступала социальная действительность людей, ищущих путь к религии и пытающихся собственный опыт сильного централизованного государства, каковым был СССР, примирить с хаосом постсоветского 20-летия. Вместо грозных «исламистов», чей голос звучал в социальном пространстве лишь в виде радикальных призывов и от которых автора предостерегали ее знакомые из светской Махачкалы, она увидела людей, которые хотели бы жить в таком государстве, где правит закон, а не коррупция и связи, где люди чувствуют себя в безопасности. Когда-то таким государством для них был СССР. Всеобщая поддержка исламскому праву и «радикальные» лозунги, призывающие к изменениям в духе ислама, – это не столько проявления сопротивления государству, сколько, как бы парадоксально это ни звучало, действия, предпринимаемые в заботе о нем (о государстве). Главным объектом критики является, по мнению исследовательницы, не действия государства, а его «бездействие», а точнее – та практика, которую повсеместно расценивают как проявление слабости, приводящая к коррупции, правовой путанице, экономическому хаосу и обнищанию народа. Рассказы дагестанских мусульман содержат в себе апелляции к идеальному порядку, какой, по мнению некоторых, гарантирует исламское государство.

Практика модернизации и способы действия советского государства привели к тому, что многие в бывшем СССР считали себя «современными» людьми, гражданами мировой державы, в которой многое изменилось за последние годы. Это, согласно автору, было особенно заметно на периферии СССР, в частности на Северном Кавказе и в Средней Азии. Большую роль

в формировании мировоззрения личности играл этос «сообщества, которое стремится к какой-то цели», которое самосовершенствовалось. Большое значение имела также попытка создания нового, лучшего человека, гражданина нового сообщества. Подчеркивались такие ценности, как равноправие полов, ликвидация неграмотности и работа, которая ставила перед человеком высокую цель.

«Советская модернизация в устах многих моих собеседников сравнивалась с периодом, начавшимся после распада СССР, который был назван “капитализмом”. По мнению моих собеседников, этот первоначальный постсоветский капитализм очень был похож на то, что рассказывала о капитализме советская пропаганда, и очень непохож на тот идеальный образ, который сложился в головах советских людей после знакомства с западными фильмами, журналами и музыкой. Надежды на лучшее завтра для большинства не оправдались, западные образцы жизни оказались доступны лишь единицам, большинство же воспринимало свою жизнь практически по всем ее аспектам как деградацию по сравнению с жизнью в СССР», – пишет исследовательница [с. 142].

Она утверждает, что у собеседников ощущалась явная тоска по этосу общества как группы людей, объединенных единой целью. Целью, которая формирует личность, имеет влияние на мораль и знание и побуждает работать над собой. Собеседники верили, что «исламизация» – это очередной после социализма положительный этап, правда, требующий большого напряжения сил, а возможно, и жертв. С большим уважением собеседники говорили о деятельности Рамзана Кадырова в Чечне, особенно в том, что касалось «введения элементов шариата». При этом все, по мнению собеседников, положительные изменения попали в разряд шариатских – от введения правила ношения в общественных местах головных платков у женщин до борьбы с коррупцией. В пользу шариата, по их мнению, свидетельствует также и то, что в Чечне чище, чем в Дагестане, – однако скорее это говорит об эффективности работы коммунальных служб.

Многие из собеседников автора видели в шариате и решение проблем джамаатов, особенно горских. Экономическое развитие страны дало толчок трудовой миграции населения, в отдаленных аулах остались только старики и дети. В таких джамаатах жизнь проходит как бы без участия государства, все работы по благоустройству и по инфраструктуре (дороги, водопровод, газ и т.д.) джамаат проводит на свое усмотрение и на свои средства, которые получает от преуспевших на стороне односельчан. Эти последние приобретали авторитет в джамаате, порой становясь их лидерами. Акцент делается на те элементы шариата, которые приносят пользу сообществу, – борьба с пьянством, с наркоманией пользуется здесь большей поддержкой, чем запрет пышных свадеб или традиционных местных празднований, уходящих корнями

в доисламское прошлое. Поддержание нового порядка, «порядка не сверху», требует не только сознательного отношения населения, но и репрессивных мер (штрафов и т.п.), которые порой вступают в противоречие с действующим российским законодательством, однако установление и поддержание такого порядка следует воспринимать не как протест против государства, а как противодействие постсоветскому хаосу, возникшее из желания не только «подправить» ситуацию в своем джамаате, в своей республике, но главным образом – улучшить собственную жизнь. Притом что внешне происходящие в местном обществе процессы можно назвать исламизацией и узнать в них многое, характерное и для других мировых сообществ, найти аналоги многим другим проектам модернизации, но опыт советского периода придает происходящему в Дагестане совершенно иной характер. Внешне безусловно исламские, эти действия в сущности преследуют далекие от религии, совершенно приземленные практические цели любого нормально функционирующего сообщества и не могут считаться проявлениями религиозного радикализма.

### Библиография

Kaliszewska I. Za Putina i za szarijat. Dagestańscy muzułmanie o Rosji i państwie islamskim. Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, 2016. 218 s.

### References

Kaliszewska I. Za Putina i za szarijat. Dagestańscy muzułmanie o Rosji i państwie islamskim. Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, 2016. 218 s.

---

## **К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ**

### **ТРЕБОВАНИЯ К РУКОПИСЯМ, ПОСТУПАЮЩИМ В ЖУРНАЛ «РОССИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР»**

#### **I**

Ежеквартальный мультидисциплинарный научный журнал «Россия и современный мир» публикует статьи по социально-экономическим, историко-культурным и политическим проблемам России, а также статьи, анализирующие роль и место России в современной системе международных отношений. Сайт журнала расположен в сети Интернет по адресу: [www.rossovmir.ru](http://www.rossovmir.ru)

Журнал не перепечатывает материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях или в сети Интернет. Все права на материалы, опубликованные в журнале, принадлежат редакции и авторам. Перепечатка публикаций журнала в других изданиях возможна лишь с указанием автора, названия журнала, номера и года публикации.

При публикации материала редакция заключает с автором лицензионный договор, согласно которому автор предоставляет редакции неисключительные права на свою статью; это означает, что редакция получает право распространять печатные экземпляры журнала с этой статьей вплоть до полной реализации, размещать на ресурсах журнала в сети Интернет. Автор также имеет право републиковать текст в другом печатном или сетевом издании, включить в книгу, выложить в сети Интернет.

Плата за публикацию не взимается. Гонорары не выплачиваются.

#### **II**

Объем присылаемых рукописей не должен превышать 1 п.л.

В имени файла необходимо указать фамилию и инициалы автора статьи на русском языке, например Иванов П.С. Рукописи принимаются по электронной почте на официальный адрес редакции: [rossovmir@gmail.com](mailto:rossovmir@gmail.com). Кроме того, на сайте журнала предусмотрена специальная форма, заполнив которую, также можно прислать рукопись в редакцию.

Редакция организует экспертизу материалов. Если статья требует доработки, автору посылается письмо с соответствующими рекомендациями по

## К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

---

доработке текста на основании рецензии. В случае отказа в публикации статьи редакция направляет автору мотивированный отказ с использованием материалов рецензии.

Главные требования к публикациям: наличие научной проблематики, соответствующей профилю журнала, новизна, хороший литературный язык. Редакция оставляет за собой право сокращать и редактировать материалы рукописи, не меняя смысла представленной информации. Автор несет ответственность за содержание своей работы, за точность цитат, за корректность цитирования и отсутствие в тексте плагиата. Мнение автора может не совпадать с позицией редакции и членов редколлегии.

### III

В «шапке» рукописи сначала ставятся инициалы и фамилия автора; с новой строки – заголовок. После этого приводится краткая аннотация и ключевые слова, употребляемые в тексте. Далее указываются фамилия, имя и отчество автора полностью, ученая степень, ученое звание, место работы и должность, город, e-mail.

Далее инициалы и фамилия автора, аннотация, ключевые слова (не более 10) и сведения об авторе (авторах) даются в переводе на английский язык.

Цитируемые источники и литература оформляются однотипно. Список цитированных источников и литературы располагается после текста статьи, предваряется словом «Библиография» и располагается в алфавитном порядке под номерами. Сначала указываются русскоязычные издания, а затем иноязычные; нумерация сплошная. Для источников и литературы из электронных изданий указывается URL и дата обращения.

Список источников и литературы должен быть транслитерирован латинскими буквами; на английский язык переводятся только названия городов в библиографическом описании и буква р. – обозначение страницы. Транслитерированный список помещается в списке под названием «References». Этот список также располагается по алфавиту, но без нумерации. Для транслитерации допускается использование специализированных сайтов в сети Интернет, например: <http://translit.net/>

Опубликованные источники и литература описываются следующим образом: фамилия автора, инициалы, название публикации, место публикации, издательство (для изданий книжного типа), год публикации, общее количество страниц (для изданий книжного типа) или те страницы, на которых помещена публикация (для статей в журналах и сборниках). Примеры: 1) Иванов И.И. Проблемы науки. М.: Наука, 2010. 250 с.; 2) Петров П.П. К вопросу о... // Россия и современный мир. М., 2011. № 4. С. 5–25.

В транслитерированном виде описание выглядит так: 1) Ivanov I.I. Problemy nauki. Moscow: Nauka, 2010. 250 p.; 2) Petrov P.P. K voprosu o... // Rossiya i sovremenny mir. Moscow, 2011. N 4. P. 5–25.

Архивные источники описываются так: фамилия автора, инициалы, название рукописи, название архива, в котором хранится рукопись, указание на опись (если есть), номер дела и общее количество страниц в деле (или те страницы, на которых помещен цитируемый документ). Или: название дела, название архива, в котором хранится рукопись, указание на опись (если есть), номер дела и общее количество страниц в деле. Например: 1) Багрицкая Л.Г. Письмо В.П. Катаеву от 7.10.1947 г. // РГАЛИ. Ф. 1399. Оп. 2. Д. 81. Л. 1–4 об.; 2) Жаворонков Б.И. Слово о Московском государственном историко-архивном институте // ГАРФ. Ф. Р8370. Оп. 2. Д. 3. 3 л.; 3) Следственное дело А.Н. Гарри, 1930 г. // ЦА ФСБ. Д. Р-3346. 119 л.

В транслитерированном виде это описание будет выглядеть следующим образом: 1) Bagritskaya L.G. Pismo V.P. Kataevy, 7.10.1947 g. // RGALI. F. 1399. Op. 2. D. 81. P. 1–4 ob.; 2) Javoronkov B.I. Slovo o Moscovskom Gosudarstvennom istorico-arhivnom institute // GARF. F. R8370. Op. 2. D. 3. 3 p.; 3) Ugolovnoe delo A.N. Harry // CA FSB. D. P-3346. 119 p.

Источники и литература в электронном виде описываются по следующему образцу: 1) Всеобщая декларация прав человека. 1948. 10 декабря. URL: [http://www.un.org/ru/documents/decl\\_conv/declarations/declhr.shtml](http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml) (Дата обращения: 25.12.2015.); 2) Vseobshhaya deklaratsiya prav cheloveka. 1948. URL: <http://www.un.org/en/universal-declaration-human-rights/index.html> (Data obrasheniya: 25.12.2015.)

Фамилии зарубежных авторов даются в оригинальном написании.

В тексте статьи ссылки на каждую позицию списка приводятся в скобках, где указывается номер ссылки и через запятую те страницы, к которым отсылается читатель. Например: [5, с. 38]. Отсылки к нескольким позициям приводятся в одних скобках через точку с запятой. Примеры: [1, с. 23–33; 2, с. 15]. Ссылки на тексты, размещенные в сети Интернет, даются без указания страниц. Например: [8].

Данные о получении грантов на соответствующие исследовательские проекты приводятся в сноске на первой странице. Авторские комментарии и примечания возможны как в тексте статьи, так и в подстрочных (постраничных) сносках.

Рукописи принимаются  
в электронном и печатном виде, объемом до 1 п.л.

Отдел маркетинга и распространения  
информационных изданий  
Тел.: +7(925) 517-3691  
E-mail: inion@bk.ru

Россия и современный мир № 3 – 2018 (100)

Дата регистрации 23.06.2009

Номер регистрационного свидетельства ПИ № ФС 77-36650

Верстка Н . М . В л а с о в а

Корректор

О . П . Д о р м и д о н т о в а

Гигиеническое заключение № 77.99.6.953.П.5008.8.99  
от 23.08.1999г.

Подписано к печати 10.09.2018 г.

Формат 70х100/16

Бум. офсетная № 1

Печать офсетная

Усл. печ. л. 21,3 Уч.-изд. л. 16,9

Тираж 870 экз. (1 – 200 экз. – 1-й завод)

Заказ № 82

Институт научной информации по общественным наукам РАН,  
Нахимовский пр-кт, д. 51/21, Москва, В-418, ГСП-7, 117997

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН  
ООО «Амирит»  
410004, Саратовская обл.,  
г. Саратов, ул. Чернышевского, д. 88, литера У